100 ВЕЛИКИХ КРИМИНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Очередная книга серии посвящена самым громким криминальным историям прошлого. Читатель узнает о том, как судил иудейский царь Соломон, как Архимед разгадал обман ювелира, кто такие ассасины и почему их называют наемными убийцами. Автор рассказывает о тайнах Синей Бороды, о трагедии Марии Гамильтон, об ожерелье королевы Франции, неразгаданных преступлениях, совершенных в Лондоне человеком-призраком Джеком Потрошителем, о похищениях произведений искусства, известных сыщиках, политических преступниках и многом другом.

- Михаил Николаевич Кубеев
  -
  -
  - Первый в истории убийца
  - Коварная Далида
  - Царь Соломон и его судейство
  - Месть за любимого
  - Юдифь отсекает голову Олоферну
  - Поджигатель храма Артемиды
  - В поражении виноваты… весталки
  - Архимед раскрывает обман
  - Заговор против Цезаря
  - Избиение младенцев
  - Усекновение головы Иоанна Крестителя
  - Совращение Паулины
  - Казнь после свадьбы
  - Травля христиан
  - Расплата за обман
  - Украденный секрет Китая
  - Убийство Папессы
  - Скандинавские разбойники
  - Ассасины против крестоносцев
  - Оскопление богослова
  - Убийство у алтаря
  - Крестоносцы-грабители
  - Преступник – антипапа
  - Костер для Орлеанской девы
  - Тайна Синей бороды
  - Процессы над ведьмами в Вале
  - С кинжалом на короля

- Чахтицкое чудовище
- Конец венецианской монополии
- Дело о ядах
- Салемские ведьмы
- Казнь на Красной площади
- Трагедия Марии Гамильтон
- Виселица для правителя Сибири
- Король воров Парижа
- Ложная казнь барона
- Основатель финансовой пирамиды
- Повешенный в железной клетке
- Королева карманников
- Уголовник-перевертыш Ванька Каин
- Самозванка из Европы
- Ожерелье для королевы Франции
- Рубин для Наполеона
- Прототип для графа Монте-Кристо
- Злоключение черепа Гайдна
- Венера без рук
- Санта-Клаус нападает и проигрывает
- Фальсификатор историк-любитель
- Библиофил, маньяк, убийца
- Отравление по-французски
- «Дело о зарезанной купчихе»
- Похождения реального Хлестакова
- «Амурное приключение» статского советника
- Кража в императорском семействе
- Конец «Клуба червонных валетов»
- Позолотите ручку Соньке
- Жертвы Лондонского призрака
- Крах Панамской компании
- Семь лет тюрьмы за двойника
- Воскресший утопленник
- Золотая тиара из Одессы
- Создатель фабрики смерти
- Богатая «дочь» сталепромышленника
- Заспиртованная голова
- Фальшивый капитан из Кёпеника
- Операция на улице Пэлл-Мэлл
- Московский Шерлок Холмс
- Путешествие на тот свет
- Возвращение «Моны Лизы»
- Анархисты в роли грабителей
- Нож в картину художника

- Черные мстители Сабана
- Дуло у виска вождя революции
- Серийный многоженец
- Шаболовский душегуб
- Главарь налетчиков Петрограда
- Организаторы «идеального убийства»
- Подкоп под меховой магазин
- Человек, ограбивший президента США
- Дюссельдорфский монстр
- Психопат против президента
- На колесах с револьверами и пулеметами
- Банда «Магический круг»
- Преступница, владелица борделя
- Загадочная смерть в Голливуде
- Продавец Эйфелевой башни
- Бойня в День святого Валентина
- Великий растворитель
- Черная вдова из Лудена
- Стоп королевскому почтовому
- Погребенная заживо
- «Фантомасы» против инкассаторов
- Изобретательный кидала
- Выкуп за гроб с телом Чарли Чаплина
- Операция «Паутина»
- Электрический стул для маньяка
- Сексуальный изувер
- Как арабы немецкий банк взяли
- «Благородный» рецидивист
- Ограбление XXI века

Михаил Николаевич Кубеев
100 великих криминальных историй

© Кубеев М.Н., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2013

* * *

…с врагами можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю. Но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать ко второму.

Никколо Макиавелли

Первый в истории убийца

В Ветхом Завете написано, что у Адама и Евы было два сын: Каин и Авель. Старший Каин, первый рожденный на земле человек, обманул чаяния своих родителей – он неожиданно сделался первым на земле убийцей. С того библейского времени имя Каин стало нарицательным, оно означает злобного, завистливого и коварного человека, ради личной выгоды способного на любую подлость.

Своего младшего брата Авеля Каин убил из зависти. Согласно сказанному в Ветхом Завете, Бог не взглянул на Каина, когда тот принес ему жертвоприношение – свой урожай. Но Бог с любовью обратился к его брату Авелю, когда тот положил перед Ним ягненка. За что Бог так неласково обошелся с Каином? Может быть, он заранее предчувствовал, что старший брат способен на преступление?

По предположениям ученых, это библейское сказание отражает реальные события давнего времени, эпохи первобытного общества, когда богам совершались жертвоприношения. Именно в те давние времена нередко из корыстных побуждений происходили убийства одного родственника другим. Некоторые, особенно тяжкие, надолго оставались в памяти людей. Рассказы о тех событиях передавались из уст в уста, постепенно они превратились в оформленный сказ, приобретший нравственную поучительную подоплеку. Позднее этот сюжет нашел свое отражение в рукописном тексте Библии и сделался одной из религиозных притч. Так с библейских времен имя Каин у христианских народов стало синонимом не только подлого поступка, предательства, но и любого безнравственного деяния. Считается, что русское слово «окаянный», то есть «проклятый», произошло от Каина.

Первоначально отношения братьев были нормальные, но если Авель был кроткого нрава, то Каин – нрава жестокого. Авель был пастухом, а Каин – земледельцем. Однажды они решили принести Богу жертвы. Каин первым принес часть своего урожая на алтарь, но был мрачен. Авель же от чистого сердца возложил ягненка. Бог заметил это и принял дар младшего брата, а на старшего даже не посмотрел. Эта избирательность Бога обозлила Каина. Лицо его стало совсем хмурым. Бог заметил эту перемену в настроении Каина и спросил его, отчего опечалилось лицо его. «Если делаешь добро, то надо смотреть в лицо и улыбаться. Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним».

Каин и Авель. Художник Тициан

Каин ничего не ответил, он еще сильнее огорчился, не знал, на ком выместить свою злобу и недовольство. И предложил брату пойти в поле. Когда они остались одни, Каин набросился на Авеля и убил его. Так на земле появились первый убийца и первая жертва.

Всевидящий Бог узнал о проступке Каина: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

Каин прочувствовал свою вину и боялся, что теперь настанет его черед, его могут убить. Он попросил защиты у Бога. Странно, но Господь решил пожалеть Каина-убийцу. Он сделал ему

знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин, поселился в земле Нод, женился, родил детей, построил город. Казалось бы, он переродился, стал вполне достойным человеком, который не грешит, трудится и растит детей. Но печать страшного греха осталась на всем его роде. Характер Каина перешел на его детей, людей недружелюбных, завистливых и прозванных в древности каинитами. Они почитали отца своего и его деяние как проявление высшей силы. Они полагали, что раз Бог оставил в живых их отца Каина, то тем самым простил его грех.

В дальнейшем каиниты почитали Иуду Искариота, предавшего Христа, спасителем людей. Они были уверены, что человечеству нельзя спастись, не пройдя греховный путь. Именно каиниты, их упрямство, почитание отца, первого убийцы, навлекли на всех людей страшную кару – Всемирный потоп. Так первое свершившееся на земле преступление породило бесконечную цепочку последующих. И в большинстве случаев мотивы для их свершения были почти всегда одинаковые – корысть, зависть, желание устранить человека, чтобы завладеть его богатством.

Если отвлечься от канонического текста Библии, то все фигуры этого сюжета надо понимать как символы, необходимые для обозначения поступков человека: преступник, его жертва и судья, в роли которого выступает Господь. Библию следует понимать в нравоучительном аспекте. Каин греховен изначально, это источник злобы и зависти, он совершает преступление и не может переродиться, стать другим человеком, так как в мире добра и зла именно в нем заложены самые греховные черты человека – злость и зависть.

Коварная Далида

В Библии подробно описаны подвиги судьи и героя Самсона, который жил примерно в X веке до н. э. Его имя в переводе с иврита означает «солнечный». Этот герой боролся против врагов иудеев филистимлян – идолопоклонников, населявших приморскую часть Палестины. Ученые полагают, что такой герой, как Самсон, существовал в действительности и в Библии отражены устные сказания о нем. Он хотел отомстить за рабское унижение своего народа, филистимляне же боялись его и жаждали уничтожить.

Согласно Библии, филистимляне 40 лет владычествовали над иудеями. Самсон, обладавший с детства огромной физической силой, легко расправлялся с любым зверем и богатырем. Еще в молодости однажды он увидел на дороге молодого льва, схватил в свои объятия и задушил. Но тайна его силы заключалась не в его руках, а в волосах – если их обрезать, он стал бы как все смертные. Эту тайну он свято хранил. Самсон был не только силен, но и красив и любил разных женщин.

Однажды пришел он в филистимский город Газу и заночевал у одной блудницы. Прознали жители Газы, что Самсон ночует в их городе, и решили убить его. Они собирались стеречь силача всю ночь у запертых городских ворот. Но Самсон проспал до полуночи, потом оставил спящую блудницу, крадучись вышел из дома и пробрался к городским воротам. Там он разогнал стражников, взвалил на плечи ворота и понес их на вершину горы, что на пути к Хеврону. Караулившие его филистимляне опешили, они побоялись к нему приблизиться. Слишком он был силен. Они знали, как однажды ослиной челюстью он уничтожил десятки филистимлян, пытавшихся поймать его. Но от своей попытки поймать богатыря они не отказались.

Самсон полюбил другую филистимскую женщину, по имени Далида, которая жила в долине Сорек. И вскоре к ней наведались богатые филистимляне. Они сказали ей: «Выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклей (монет) серебра». Далида польстилась на деньги. Очень хотелось ей разбогатеть, чтобы расстаться со своим ремеслом. Стала она выпытывать у Самсона, в чем секрет его силы. Чтобы отвязаться от нее, Самсон сказал, что его надо связать семью сырыми нитями тетивы и тогда он станет таким же, как все обыкновенные люди.

И тотчас богатые филистимляне принесли ей семь сырых нитей тетивы. Когда Самсона уснул, Далида связала его ими.

Один филистимлянин даже остался у нее в спальне, чтобы наблюдать за этим. И Далида воскликнула: «Самсон! Филистимляне идут на тебя». Самсон проснулся и разорвал тетивы, как разрывают нитку из пакли, когда пережжет ее огонь.

Далида стала упрекать Самсона, что он обманул ее, на что Самсон сказал ей, что если связать его новыми веревками, то он сделается бессилен, как все прочие люди. И в следующую ночь Далида связала его, снова крикнула ему, что идут филистимляне. И снова Самсон легко разорвал веревки как нитки. Опять обман. Но Далида не отставала от Самсона, желая выведать его тайну. Она по-прежнему настойчиво спрашивала Самсона, в чем его сила. И он сказал ей, что надо впрясть его волосы в ткань «и прибить ее гвоздем к ткальной колоде».

Самсон и Далила. Художник Ф. Мороне

Далида сделала все, как сказал ей Самсон, но и на этот раз он обманул ее. Мигом пробудился от ее крика и вырвал колоду вместе с тканью. В который раз стала упрекать его Далида, что не любит он ее, трижды обманул ее и не сказал ей, в чем сила его. И так мучила его, так досаждала, что Самсон не выдержал и признался ей. Он сказал ей, что он назорей Божий, бритва не касалась его головы. И если его остричь, то вся его сила отступит, и он сделается слаб, как прочие люди.

Далида поверила, что на этот раз Самсон сказал ей правду. Она позвала богатых филистимлян, сказала им, что знает секрет Самсона, пусть они принесут ей обещанное серебро.

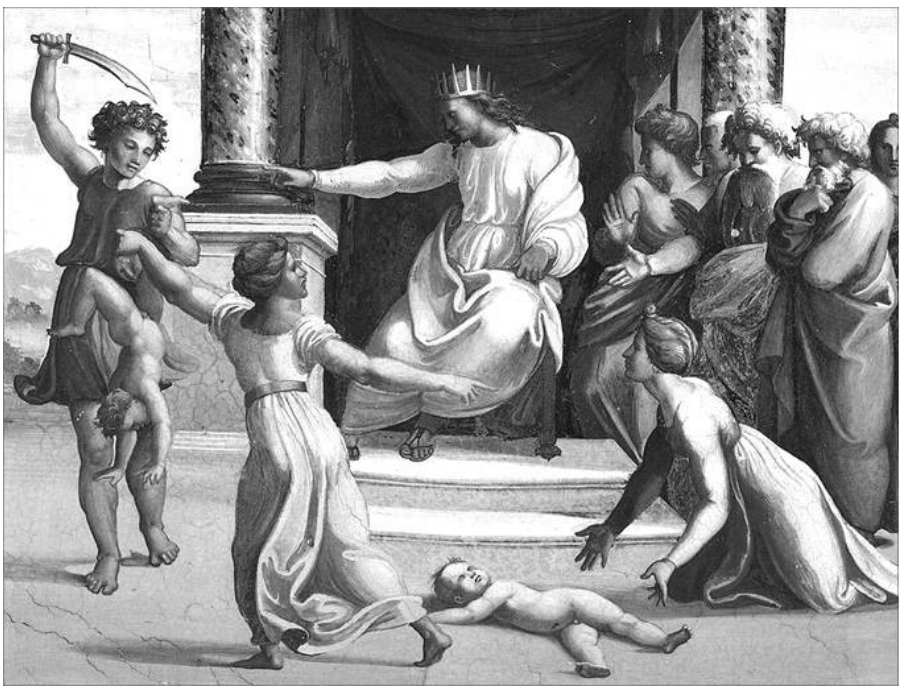
Филистимляне дали ей обещанную плату, она усыпила Самсона на своих коленях и позвала человека, который остриг его. Затем коварная Далида снова воскликнула: «Филистимляне идут на тебя, Самсон!» Он проснулся, но не знал, что силы Господни уже оставили его. Тут филистимляне легко схватили его. Они выкололи ему глаза, привели его в Газу, сковали двумя медными цепями и бросили в дом узников.

Между тем волосы на голове его начали расти. И в один прекрасный день филистимляне собрались, чтобы совершить жертвоприношение своему богу Дагону. Они радовались, что у них в руках находится враг их Самсон, и велели привести его из дома узников, чтобы поиздеваться над ним. И когда народ филистимский увидел Самсона, врага своего, то начал прославлять своего бога, который помог им справиться с Самсоном. Они поставили слепого Самсона между двумя столбами, подпиравшими крышу. А дом этот был полон мужчин и женщин, самых влиятельные людей города. До трех тысяч мужчин и женщин смотрели на забавлявшего их Самсона.

И тогда Самсон воззвал к Господу: «Господи Боже! Вспомни меня и укрепи меня только теперь! Чтобы мне в один раз отомстить филистимлянам за два глаза моих». Услышал Господь его и опять наделил его силой недюжинной. Самсон схватил каждой рукой по столбу, которые служили опорой дому, сдвинул их с места и сказал: «Умри, душа моя, вместе с филистимлянами!» И, поднатужившись, обрушил дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И умерших оказалось гораздо больше тех филистимлян, которых Самсон убил за всю свою жизнь. Так и погиб Самсон, так были наказаны филистимляне, издевавшиеся над ним.

Царь Соломон и его судейство

Третий израильский царь, сын царя Давида и Вирсавии, мудрый Соломон (990–928 до н. э.), имя которого Шалом означало «мир», прославился благими делами. Он объединил Израильское царство, достигшее за годы его правления наивысшего расцвета, построил знаменитый Иерусалимский храм, был выдающимся поэтом, автором «Книги Екклесиаста», «Песни песней Соломона», «Книги Притчей Соломоновых». Во время своего правления он старался быть справедливым судьей по отношению к своим подданным и заложил основы правосудия в своем государстве. Но сам оказался в немалой степени грешен.



Суд Соломона. Художник Рафаэль

О детстве и юности Соломона сохранилось мало сведений. Когда его отец царь Давид почувствовал приближение смерти, он решил возвести на престол не своего старшего сына Адонию от предыдущего брака, а младшего – любимца Соломона. Но Адония, сводный брат Соломона, считал себя единственным правомочным наследником. Неожиданная весть о передаче наследства Соломону вызвала в его душе жгучую ненависть к

брату. Старшему не хотелось оказаться в подчинении у младшего. Адония задумал погубить Соломона, но прежде он решил возвести себя на престол, самого себя объявить израильским царем.

Адония подговорил некоторых священников и военачальников перейти на его сторону, уверяя их, что когда он станет царем, то все они получат от него богатые дары. Он собрал 50 колесниц, подготовил воинов. Адония не боялся уже своего отца. Тот стал стар и дряхл, устранить его не представляло большого труда. Но о приготовлениях Адонии прознала жена Давида, Вирсавия, которая, понятно, больше любила Соломона. Она тотчас все рассказала мужу. Слабевшему Давиду пришлось собрать израильский народ и перед ним провести миропомазание Соломона, провозгласить его царем. Слуги Давида перед дворцом стали дуть в трубы, созывая всех граждан. Вскоре вся площадь заполнилась. Поняв, что хотел царь Давид, люди стали выкрикивать: «Пусть живет царь Соломон, он наш единственный правитель!» Так юный Соломон был провозглашен израильским царем.

Однако потерпевший поражение Адония не успокоился. У него зародился план смещения удачливого соперника. Когда Давид умер, а молодой правитель Соломон, вступивший на престол, еще был молод и неопытен, Адония решил обмануть его. Он попросил у Соломона разрешения на брак со вдовой, одной из бывших жен отца. Соломона насторожила такая странная просьба Адонии. Посоветовавшись с близкими людьми, он пришел к выводу, что это коварный план старшего брата, который с помощью женитьбы обретет права на престол и потребует смещения Соломона. Адония мог провозгласить себя царем, мог начать войну против неугодного ему Соломона…

Разгадав уловку брата, Соломон понял, что Адония всегда будет претендовать на престол, всегда будет собирать вокруг себя людей, чтобы с их помощью свергнуть его, законно провозглашенного наследного царя. Остановить претворение этих планов можно было только одним способом – избавиться от Адонии. И Соломон отдал приказ своим близким людям убить сводного брата… Расправившись с Адонией и всеми людьми, поддержавшими его, Соломон стал править единолично, всячески укрепляя свою власть.

Соломон не был воином. Он не обучался владению оружием, не участвовал в сражениях, не собирал налоги. Но у него хватало ума, чтобы подобрать себе верных людей, которые делали это лучше его. Он назначил их на соответствующие посты и хорошо платил. Тем не менее молодому царю надо было доказывать

народу, что он справедливый и мудрый правитель, который желает своим людям только добра. Соломон совершил несколько жертвоприношений, организовал большое угощение для всех жителей. В то же время ему хотелось покончить с вековой враждой с египтянами. Но как это сделать? Воевать с ними он не хотел. Зачем губить своих и чужих людей, если противоречия можно решить мирным путем. И Соломон совершил мудрый поступок – он взял в качестве первой жены дочь египетского фараона. Такой поступок у израильского народа считался нарушением брачного закона. И все же Соломон пошел на это. Он сделал это во имя мира и процветания своего народа. Женившись, Соломон ввел дочь египетского царя, вечного врага израильского царя, в свой дом и стал родственником египетскому царю. Теперь можно было не опасаться нападения со стороны Египта и управлять своим народом, быть для него единственным и справедливым судьей, который единолично судит и карает своих граждан.

Однажды к Соломону пришли две возбужденные молодые женщины с младенцем и попросили его рассудить их. Они кричали, перебивали друг друга, старалась доказать царю свою правоту. Каждая утверждала, что младенец принадлежит ей, а другая его присвоила. Соломон потребовал, чтобы они успокоились и каждая рассказала свою историю. Как он выяснил, суть спора заключалась в следующем. Обе женщины жили в одном доме, в одной комнате, и у каждой было по младенцу, которые спали вместе с матерями в одной кровати. Но в прошедшую ночь одна из них во сне задавила насмерть своего младенца. Проснувшись рано утром и увидев своего ребенка мертвым, она ужаснулась и… мертвого подложила соседке, а живого взяла себе. Но другая, проснувшись, не поверила, что это она во сне задавила своего ребенка. Они разругались, но, чтобы рассудить свой спор, отправились к Соломону, чтобы он узнал, кто подкинул мертвого ребенка, а живого взял себе.

Задача была непростая. Никто не мог подтвердить правоту одной из них и уличить в подлоге другую. Тогда Соломон приказал слугам принести меч. Он велел разрубить ребенка пополам, чтобы каждая могла взять себе его половину и успокоиться. Одна из женщин, едва услышав приговор царя, стала умолять царя не рубить младенца, а отдать его другой женщине, только пусть он живет. А другая, наоборот, сказала: «Рассеките его пополам, пусть он не достанется ни мне, ни ей». Услышав ее слова, Соломон понял, кто настоящая мать младенца. Он приказал отдать ребенка женщине, которая просила не убивать его, а та, которая согласилась с его смертью, была признана

виновной в подлоге.

Народ, наблюдавший за судилищем, оценил мудрость и справедливость Соломона. Многие поняли, что царь хоть и молод, но имеет Божий дар – мудрость и прозорливость, это значит, что он всегда определит, кто говорит правду, а кто лжет.

С судейской мудростью Соломона связана еще одна легенда (есть несколько ее вариантов) о золотом кольце. Как-то из окна своего дворца царь увидел проходившего по улице человека, одеяние которого было сплошь украшено золотом. Он повелел своим слугам схватить его и привести к себе. Когда тот человек появился перед ним, Соломон спросил, уж не разбойник ли он, откуда у него столько золота и зачем он носит его напоказ. Тот ответил, что он ювелир, а носит много золота с той целью, чтобы люди знали, каких дел он мастер, и приходили к нему, приносили свое золото, из которого он будет делать для них украшения. Царь заметил, что этот ювелир не только богат, но и хитер. Соломон попросил ювелира сделать для него золотое кольцо, но не простое, а мудрое, которое способно веселых сделать грустными, а грустных веселыми. В противном случае он велит казнить человека, который похож на разбойника, выставляет напоказ свое богатство, хвастается им перед людьми, вызывает у них зависть. Ювелир задумался. Он понял, какую непростую задачу поставил перед ним царь. Кольцо он изготовил быстро, но как сделать его мудрым…

Однажды, мучительно размышляя над этим, ювелир встретил знакомого мудреца и рассказал ему о своей печали. Тот велел ювелиру выгравировать на кольце две надписи – одну на внешней стороне, другую на внутренней. Ювелир сделал так, как сказал мудрец, и отнес кольцо Соломону. Тот взял его, повертел, прочитал фразу на его внешней стороне: «Все пройдет», и усмехнулся. Ему вдруг стало грустно, он впервые понял, что его царство не вечно. Разозлившись, он снял с пальца кольцо, хотел его бросить на пол, но заметил на внутренней стороне еще одну надпись: «Пройдет и это». Соломон улыбнулся и успокоился, он понял, что ювелир умный человек, сумевший перехитрить мудрого царя.

Соломон жил долго и счастливо, все считали его самым справедливым царем и лучшим судьей. Но в жизни он немало грешил – имел семьсот жен, триста наложниц, для некоторых построил языческий храм, куда не раз заходил сам. Согласно Библии, Бог сильно прогневался на него за это святотатство и объявил, что после смерти Соломона его царство будет разделено на два: Израильское и Иудейское. Так и случилось – мудрый Соломон сам совершил неправедные проступки, за которые

пострадал целый народ.

Месть за любимого

С именем известной ассирийской царицы Семирамиды, или, точнее, Шаммурамат, жившей примерно в 900-х годах до н. э., связано несколько легенд, в том числе и о висячих садах, к которым Семирамида не имеет никакого отношения. Все видевшие Семирамиду отмечали, что она божественно красива. Девушка покорила сердце основателя Ассирии царя Нина, богатого правителя и успешного полководца. Царь отобрал ее у любимого мужа. Царь делал ей дорогие подарки, удовлетворял любые ее желания, но красавица была холодна с ним.

Согласно преданию, Семирамида родилась якобы от сирийской богини Деркето, или Астарты, нижняя часть туловища которой изображалась в виде рыбьего хвоста. Богиню Деркето якобы соблазнил простой смертный. Это был большой грех, и чтобы его скрыть, она убила своего любовника, а родившуюся от него девочку спрятала в горах. Малютку кормили птицы, в основном голуби, потом ее отыскали пастухи, привели в свое селение и оставили у себя. Со временем девочка превратилась в прекрасную девушку, и когда ее случайно увидел царский советник Оанис, то был поражен ее необыкновенной красотой. Ему понравилось и ее необычное имя Семирамида, оно ласкало слух.

Он выкупил девушку у пастухов и сделал своей женой. Оанис всячески оберегал Семирамиду, никуда не выпускал, боялся, что мужчины, увидев девушку, похитят ее у него. Он требовал, чтобы она покрывала голову платком, скрывая свое прекрасное лицо, носила длинные одежды, чтобы никто не догадался, какая у нее стройная фигура. Несмотря на все эти ограничения, Семирамида полюбила Оаниса и хотела от него детей. Но об удивительной красавице все-таки узнали тайные советники царя Нина и донесли ему. Их слова возбудили в царе желание посмотреть на Семирамиду. Он вызвал Оаниса и приказал ему привести Семирамиду во дворец. Аоанис не смог отказать царю, и произошло то, чего он опасался.

Царь Нин велел девушке снять с головы платок и скинуть длинные черные одежды. Когда он увидел лицо и фигуру Семирамиды, тотчас воспылал к ней любовью. Он приказал оставить девушку у себя, а Оанису убираться вон. Тот от горя тотчас вытащил кинжал и на глазах царя, Семирамиды и всех царедворцев убил себя.

Царь был очень рад такому исходу. Он легко избавился от соперника и приобрел необыкновенную красавицу. Он всячески

старался угодить новой жене, но, как ни старался, не мог завоевать ее сердце. Семирамида оплакивала потерю Ониса и к ласкам царя оставалась холодна. Нин делал ей подарки, окружил исполнительными рабами, музыканты играли для нее, циркачи показывали свое искусство, она оставалась равнодушной ко всему. Царь брал ее с собой в походы, ставил для нее специальную палатку, куда приносили богатые трофеи, – Семирамида лишь улыбалась и едва благодарила.

Семирамида в образе амазонки. Книжная иллюстрация XVIII века

Вскоре она родила мальчика, его назвали Ниний. Семирамида посвятила ребенку всю себя, а к царю еще больше охладела. Царь Нин не знал, что ему делать. Он вызвал советников, и те посоветовали ему исполнить любое желание красавицы, даже самое необычное. Тогда царь позвал к себе царицу и спросил о причине ее плохого настроения. Она молчала. Тогда он предложил ей потребовать у него все, что она пожелает, он все отдаст ей с удовольствием. Царица неожиданно улыбнулась и согласилась. Она попросила, чтобы он… отдал ей трон на несколько дней, чтобы она была полноправной царицей и могла править всем: советниками, городом, государством. Это бы ее развеселило, и она полюбила бы его.

Царь Нин очень удивился такому желанию, но в обещанной просьбе отказать не мог. Он посадил ее на трон и отдал все атрибуты царской власти, в том числе меч. Семирамида, как и хотела, стала управлять государством. В первую очередь под страхом смертной казни она потребовала от слуг неукоснительного исполнения своих приказов. И когда через несколько дней убедилась, что те слушаются ее, приказала схватить Нина и тотчас казнить его. Это было немедленно исполнено. Так она отомстила царю за потерю своего любимого.

В дальнейшем Семирамида не только жила в свое удовольствие, но и многое сделала для города и его жителей. Мужчины ее боялись. Она организовывала военные походы в Египет, Эфиопию и даже Индию, начала строительство величественного города Вавилона, который, по ее замыслу, должен был стать красивее и богаче Ниневии. Все было у царицы Семирамиды, но не хватало любви своего сына. Ниний рос скрытным, злобным и не раз давал понять ей, что ему известна тайна смерти его отца. Проницательная Семирамида уступила ему трон, но и после этого сын не перестал ее ненавидеть.

В дальнейшем Семирамида, по одной легенде, превратилась в голубку и улетела на свою родину, в те места, где ее кормили голуби. По другой, ее убили нанятые сыном заговорщики. Так он отомстил за смерть своего отца. А знаменитые висячие сады, названные именем Семирамиды, появились спустя два века. Их для своей любимой жены Амитис велел построить другой царь, Навуходоносор II.

Юдифь отсекает голову Олоферну

В экспозиции Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге находится известная картина итальянского художника Джорджоне «Юдифь». На полотне изображена девушка с мечом в правой руке. Под ее левой ногой – отрубленная голова мужчины, полководца Олоферна, верно служившего вавилонскому царю Навуходоносору, покорителю израильских земель. Сюжет убийства главы вавилонского войска Юдифью известен с середины II века до н. э. Одни ученые считают его библейской легендой, некоторые, наоборот, эпизодом (ок. 589 до н. э.) патриотической борьбы еврейского народа против вавилонян-завоевателей.

О жизни Юдифи известно очень мало. Она была молодой и красивой вдовой, любила свой родной город Ветилую (Бетулию) и не хотела его покидать. Но пришедшие к его стенам вавилоняне во главе с Олоферном перекрыли реку, лишив жителей питьевой воды и рыбы. Городу грозил голод. Даже старейшины впали в панику, готовы были сдаться на милость победителя и открыть городские ворота. Тогда перед ними выступила Юдифь. Она сказала, что хочет спасти родной город. Пусть все ждут ее возвращения и не предпринимают никаких мер.

Ее план был прост – соблазнить Олоферна и убить его, даже если за это придется поплатиться собственной жизнью. По примеру свободных женщин она решила отправиться в палаточный лагерь расположившихся вокруг Ветилуи вавилонян и познакомиться с Олоферном. Она надеялась, что сумеет очаровать его, соблазнить, а затем… Она была уверена, что неожиданное убийство полководца внесет сумятицу в его войско, солдаты испугаются, снимут осаду и уйдут. Это был наивный план, но женщины использовали его с древнейших времен, и другого у нее не было.

Юдифь нарядилась, украсила себя браслетами, кольцами, посвятила в свой план служанку. Она велела ей наполнить корзинку последними запасами вина, фруктов, и они отправились в стан врагов. Стражники-вавилоняне их остановили, спросили, куда они направляются. Юдифь ответила, что их пригласил к себе великий полководец Олоферн, они несут ему гостинцы. У девушек оружия не было, и их пропустили. Юдифь направилась к самому большому и богатому шатру. У входа их встретил слуга Олоферна и спросил о цели визита. Юдифь ответила. Слуга не поверил и не захотел впускать их к своему хозяину. Но на шум голосов вышел сам Олоферн. Увидев перед собой красивую

женщину и ее служанку, он спросил, кто они и откуда, а узнав, любезно пригласил обеих к себе.

Олоферн усадил Юдифь за стол, позвал слугу, потребовал принести им богатое угощение. Он расспрашивал Юдифь о ее жизни, о городе. Между тем рабы поставили на стол вино, фрукты. Юдифь делала вид, что пьет наравне с Олоферном, на самом деле старалась подлить ему побольше, надеясь, что он быстро захмелеет и уснет.

Шло время. Юдифь держалась из последних сил. Наконец Олоферн устал от продолжительного возлияния, его веки смежались, он засыпал. Юдифь поняла, что настал ее час. Приказным голосом хозяйки она потребовала, чтобы рабы перенесли хозяина на постель, а потом вышли из палатки и не заходили в нее до утра. Вместе с рабами шатер покинул и недовольный слуга, захватив с собой ее служанку.

Юдифь с головой Олоферна. Художник Джорджоне

Юдифь и спящий Олоферн остались одни. Теперь ничто не мешало ей приступить к исполнению главной части плана. Она взяла в руки тяжелый меч полководца, подошла к постели и едва слышно произнесла: «Господи, Боже всякой силы! Призри в час сей на дела рук моих к возвышению Иерусалима, ибо теперь время защитить наследие Твое и исполнить мое намерение, поразить врагов, восставших на нас».

Обеими руками Юдифь подняла меч и со всей силой дважды ударила им по шее. Брызнула кровь. Потом она взяла отрубленную голову за волосы и бросила в корзинку, в ту самую, в которой служанка принесла еду, сверху накрыла платком. Через

некоторое время Юдифь крадучись вышла из шатра. Стражники спали. Прибежавшая служанка сказала, что слуга отпустил ее, но только после того, как она припугнула его своей хозяйкой, которая пожалуется на него Олоферну…

Женщины двинулись обратно, далеко обходя горящие костры. Вскоре они вышли за пределы палаточного городка, им не верилось, что они выполнили задуманное и их главный враг Олоферн мертв. Они быстро двигались в гору по направлению к городу. Когда впереди показались запертые ворота, Юдифь стала кричать, что это идут свои, у них добрые вести, пусть не боятся и побыстрей открывают.

У городских ворот их ждали старейшины. Услышав знакомый голос Юдифи, они осторожно приоткрыли ворота и впустили женщин. Служанка опрокинула на землю корзинку, из нее выкатилась окровавленная голова полководца Олоферна. Юдифь рассказала всем подробности соблазнения и убийства заклятого врага. Старейшины от радости стали плясать вокруг нее.

На другое утро, как повествуется в Библии, среди вавилонян быстро распространился слух о гибели их полководца Олоферна. Эта весть была настолько неожиданной, что перепугала всех до смерти. Оставшись без командира, воины не знали, что делать. Боясь нападения израильского войска, они спешно оставили палаточный городок. Город Ветилуя был спасен, хотя и на время, зато сказание о кровавом деянии Юдифи пережило тысячелетия.

Поджигатель храма Артемиды

Одно из Семи чудес Древнего мира – Храм Артемиды был построен в V веке до н. э. в греческом городе Эфесе на побережье Малой Азии (сегодня это турецкий город Селчук). По верованиям древних греков, богиня Артемида заботилась обо всем, что растет на земле. Она даровала счастье людям в браке, благословляла рождение детей. Греческие женщины и мужчины любили величественный храм с колоннами, где они поклонялись статуе Артемиды, и с удовольствием показывали его приезжим. Но жил в Эфесе человек, который решил уничтожить святыню.

В 560 году до н. э. знаменитый лидийский царь Крёз, владелец несметных богатств, захватил город Эфес. Несмотря на скупость, он не жалел денег на развитие города. При нем Эфес достиг вершин благополучия. Крёз относился к жителям благосклонно, он отдал личные средства на строительство нового храма для богини Артемиды. В Британском музее и поныне находятся колонны главного фасада храма, украшенные рельефами. На них сохранились памятные надписи самого Крёза. Проект храма разработал архитектор Херсифрон из Кносса. При нем были возведены стены храма и установлена колоннада. После смерти зодчего строительство продолжил его сын Метаген, а заканчивали постройку архитекторы Пеоний и Деметрий.

Этот огромный беломраморный храм не имел аналогов ни в одной земле Древнего мира. Своими размерами и отделкой он поражал воображение граждан, статуя Артемиды, сделанная из золота и слоновой кости, вызывала всеобщее восхищение. Длина храма составляла 105 метров, ширина – 51, а высота колонн достигала 18 метров.

Храм Артемиды использовался не только для религиозных церемоний, он стал также местом проведения разных торжественных мероприятий. Жители Эфеса любили свой храм, гордились статуей Артемиды. В праздники весны и урожая они приходили в храм, приносили богине свои дары, устраивали спортивные состязания, танцы, пели песни в ее честь.

Среди жителей был молодой человек по имени Герострат. Сведения о нем до нас донес древнегреческий историк Феопомп. Герострат с детства участвовал в торжественных обрядах, знал все их таинства. Но, в отличие от других, статуя богини не вызывала у него чувства восторга и гордости. Он не умел толком ничего делать – ни строить, ни ваять в камне, ни выступать с речами, зато был честолюбив без меры, жаждал славы. Его раздражали чужие богатства и слава. Не раз в полном одиночестве он

приходил к храм, молча смотрел на Артемиду, пытаясь понять: почему ее так любят, за что приносят дорогие подарки? Тогда у него созрело желание уничтожить статую богини и храм, посвященный ей. Тогда все узнают о нем, и он станет знаменит.

Руины (на переднем плане) сожженного Геростратом храма Артемиды в Эфесе

Темной ночью 21 июля 356 года до н. э. жители Эфеса крепко спали, и Герострат, взяв вязанку хвороста, отправился к храму. Он начал обкладывать хворостом стены храма. Большой огонь, по его замыслу, должен был охватить все сооружение. В его пламени должна была погибнуть богиня плодородия. Если она всемогуща, то выберется из горящего здания. А если не выберется, то она не всемогуща…

Герострат поднес пламя от горевшего светильника к кучке сухой соломы. Она моментально вспыхнула. Огонь перебрался на ветки сухого хвороста. Скоро все горело вокруг. Герострат отошел в сторону. Он любовался делом своих рук: хворост трещал, языки пламени лизали колонны, огонь пожирал деревянные ступени, жертвенные площадки, ворвался внутрь храма. Налетевший ветерок поднял пламя вверх к крыше. Опьяненный разгоравшимся пожаром, отблесками яркого пламени, Герострат начал плясать. Он выкрикивал: «Теперь все узнают про меня, что это я,

Герострат, отважился сжечь храм Артемиды. Мое имя останется в веках»…

Храм сгорел, пожар потушить не смогли. Жрецы и весь народ были в ярости. Кто осмелился посягнуть на самое святое для греков? Кто?! Только варвар! Они потребовали отыскать поджигателя. Герострата быстро нашли, он и не думал прятаться. Ему хотелось, чтобы жители Эфеса собрались на площади перед сгоревшим храмом и выкрикивали его имя. Но все произошло по-другому. Его привели в подземелье и стали допрашивать. Он сознался в содеянном, но палачи продолжали его пытать, чтобы выяснить истинную причину столь ужасного поступка. Герострат, как заведенный, повторял одно и то же: он хотел прославиться, чтобы имя его осталось в веках.

Судьи приговорили его к смерти, а имя велели вычеркнуть из списка жителей города и никогда не упоминать его. На другой день глашатаи бегали по Эфесу и собирали народ. Они выкрикивали, что если кто произнесет имя Герострата, то поплатится жизнью. Этот приказ не был выполнен. Имя Герострата, наоборот, укрепилось в сознании ошеломленных людей. А историк Феопомп сделал в своих трудах специальную запись, тем самым увековечив имя этого человека в истории. Тщеславный Герострат добился своей цели – он прославился в веках. Его имя и преступление, которое он совершил, знает каждый школьник, изучающий историю Древней Греции.

В поражении виноваты… весталки

В Древнем Риме жрецами богини домашнего очага Весты были весталки – непорочные безбрачные девы, которые поддерживали священный огонь в храме и совершали жертвоприношения. Они пользовались большим почетом у горожан, считались неприкосновенными, любой, оскорбивший их, мог быть предан смерти. Иногда полководцы брали их с собой в военные походы в надежде, что они принесут победу. Но если кого уличали в обмане и прелюбодеянии, то таких ожидала мучительная казнь – закапывание живьем в землю. Не всегда расправа с ними была справедливой. Примером тому служит, увы, поражение римлян от Ганнибала при Каннах в 216 году до н. э. во время Второй Пунической войны (218–202 гг. до н. э.).

Помимо поддержания огня, участия в жертвоприношениях весталки участвовали в магических обрядах – предсказаниях, гаданиях, то есть выполняли роль жриц.

Как правило, весталками становились совсем юные девушки из знатных патрицианских семейств. Ими могли быть только красивые, без физических недостатков. Они носили исключительно белые одежды и повязку на голове. Служили весталки до 30 лет, после этого срока они могли уйти из храма и начать семейную жизнь. Но в большинстве случаев весталки оставались при храме – они привыкали к свободе, были обеспечены всем необходимым даже в старости.

В 216 году до н. э. карфагенский полководец Ганнибал с большим войском – пехотой, всадниками и боевыми слонами – выступил из Испании и направился в сторону Италии. Началась Вторая Пуническая война. Ганнибал был давним врагом римлян, он боролся за расширение влияния Карфагена не только в северной части Африки, но и за господство на Средиземном море, за владения в южной части Европы. Эта борьба с переменным успехом длилась годами.

По дошедшим до нас сведениям, Ганнибалу потребовалось около шести месяцев, чтобы достичь северной части Италии. Его войска захватили город Турин, полностью разбили римские отряды под командованием полководца Гая Фламиния, который погиб, и двигались по направлению к Риму. Карфагеняне устали, они были истощены длительными переходами, испытывали трудности с добычей продовольствия. Казалось, при таких благоприятных условиях римляне могли легко одолеть врага. И навстречу Ганнибалу, у которого оставалось примерно 26 тысяч воинов, из Рима и его провинций отправились новые, хорошо

вооруженные отряды, свыше 90 тысяч солдат, под командованием известных полководцев, консулов Терениция Варрона и Павла Эмилия. С собой они решили взять шесть весталок, рассчитывая, что, когда противник будет разбит и позорно побежит, а Ганнибал схвачен, они совершат жертвоприношения богам и отпразднуют победу.

Весталка. Скульптор А. Канова

Но римские консулы не учитывали полководческий дар Ганнибала, который умел предвидеть поведение противника на поле боя. Войска сошлись в Апулии при Каннах. Варрон, ощущая перевес в живой силе, решил пустить пехоту и двигаться напролом. Ганнибал же расположил свои войска полукругом – с обоих флангов у него была приготовлена конница. Едва римляне оказались в центре полукруга, как Ганнибал дал приказ выступить коннице. Римляне попали в окружение. Попытки пробиться к успеху не привели. Карфагеняне рубили их сверху, а затем разгром римлян довершила пехота карфагенян. Римляне потеряли в этом сражении 81 тысячу человек! Потери Ганнибала

оказались значительно скромнее – всего 6 тысяч.

Кто был виноват в исходе боя? Солдаты, командиры или полководец Варрон? Нет, конечно. Но как объяснить поражение и страшные потери в сенате, что будут думать жители Рима? И тогда… вину за поражение в битве с Ганнибалом возложили на… шесть юных красоток. Эти жрицы богини Весты неправильно вели себя, они разгневали богов, которые отвернулись от римлян. Надо срочно возвращаться в Рим и устроить над ними суд.

И такой суд состоялся. После возвращения весталок допрашивали, выясняли их отношения с командирами. Их осмотрели и установили, что они уже давно не девственницы, что обряд целомудрия ими нарушен. Весталки вопреки закону о чистоте прелюбодействовали… Отсюда гнев богов, отсюда разгром многотысячной армии.

Рассматривавший это дело суд вынес суровый приговор: за нарушение целомудренности, за соблазнение военных, за непотребное поведение, которое привело к страшным потерям, – мучительная казнь. На головы молодых красивых девушек сыпались проклятия. Их не стали закапывать по грудь в землю, как это предписывалось обычаем, их пощадили – замуровали навечно в подвальном помещении, оставив еды на несколько дней. Никакие оправдания, стоны, мольбы о прощении не помогли. Весталки должны были понести наказание за поражение при Каннах.

И вот что удивительно, едва римляне расправились с весталками, как новый консул Марцелл, которого отправили на битву с Ганнибалом и который предусмотрительно не взял с собой в поход весталок, одержал первую победу над карфагенянами. В дальнейшем римские войска полностью вытеснили Ганнибала с Апеннинского полуострова – он был вынужден отплыть к африканским берегам. Вина весталок в проигрыше, как посчитали древние римляне, была полностью доказана.

Архимед раскрывает обман

Знаменитый греческий ученый Архимед (287–212 до н. э.) применял свои знания и умения в самых разных сферах жизни. Универсальный мыслитель, он, в зависимости от решаемой задачи, становился математиком, механиком, изобретателем и даже… следователем-криминалистом. Царь Сиракуз Гиерон, который находился с ним в родственных отношениях, часто использовал выдающиеся способности Архимеда. Однажды он попросил ученого определить меру золота в его короне. Слуги подозревали, что мастер, изготовивший ее, часть золота присвоил.

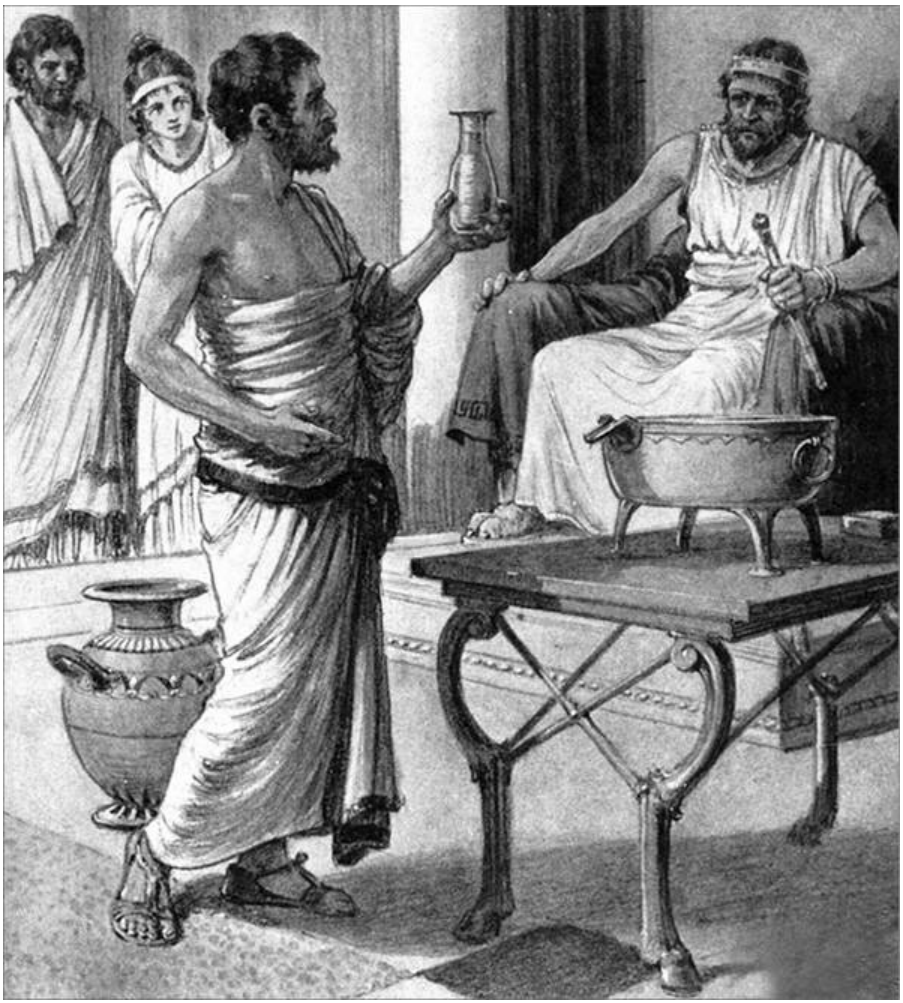
Авторы Древнего мира сообщали об этой истории разное. Обобщив дошедшие до нашего времени сведения, можно представить как это происходило в действительности.

Царю Гиерону хотелось знать истину. Перед ним стояли весы с двумя чашами, которые замерли напротив друг друга. На одной чаше лежала его новая корона, которая должна была быть из чистого золота, на другой покоился точно такой же слиток золота, который был отпущен им на ее изготовление. Весы наглядно демонстрировали – обе меры равны. Данное мастеру золото для короны было использовано полностью. Почему же слуги из мастерской утверждали, что мастер обманул царя. Они видели, что мастер вместо части золота подмешал в корону светлый металл, скорее всего серебро.

Это сообщение сильно разозлило Гиерона. Он понимал, что если мастер, которому он доверял, утаил часть золота, а значит, украл, то также он будет поступать и в будущем, а скорее всего, поступал и в прошлом. Это преступление, и по закону мастер должен быть сурово наказан. Но как доказать его вину? А может, слуги ошиблись и оговорили честного человека? На весах меры золота и короны равны. И блеск короны ничуть не меньше, чем у слитка. Получается, что за клевету должны быть наказаны слуги. Измученный сомнениями, Гиерон послал за Архимедом. Пусть он возьмется за решение этой задачи.

Архимед пользовался большим авторитетом и уважением на греческом острове Сицилия, особенно в родном городе Сиракузы. Его отец Фидий был астрономом при дворце царя Гиерона, и Архимед получил хорошее домашнее образование. Затем он учился в Александрии, посещал знаменитый учебный центр Мусейон, где слушал лекции именитых философов, математиков, литераторов, пользовался Александрийской библиотекой, где знакомился с трудами математика Евклида. Приобретенные

знания помогали ему в решении не только отвлеченных математических задач, но и чисто практических. Так, Архимеду принадлежало открытие, нужное в строительных работах, – он высчитал площадь круга.



Архимед и царь Гиерон. Неизвестный художник

Однажды Архимед поразил Гиерона и всех жителей странной машиной, у которой было множество зубчатых колес, рычагов и тросов разной длины. С помощью этой машины ему одному удалось вытащить на берег корабль, который обычно вытаскивали десятки людей. Ученый утверждал, что чем длиннее рычаг, тем больше сила его воздействия на предмет. Он говорил: «Дайте мне точку опоры и я сдвину Землю!» Конечно, он преувеличивал свои возможности, но ученым был удивительным.

Прибыв во дворец, Архимед, как и Гиерон, долго смотрел на весы с короной и слитком золота. Задача оказалась непростой. Ничего не сказав Гиерону, размышляя, он отправился в баню. День выдался жаркий, надо было освежиться. Архимед опустился в огромную деревянную бадью, наполненною доверху прохладной водой, и невольно заметил, что чем большая часть его тела погружалась в воду, тем больше воды выплескивалось из бадьи. Он несколько раз наполнял до краев бадью и погружался в нее. Он опускал ногу и замерял объем выплеснувшейся воды, затем опускал руку и снова делал замер. Было очевидно, что объем вытолкнутой воды равен объему погруженного тела. А вес? Он зависит от плотности вещества. Два одинаковых по объему предмета, но имеющие разную плотность будут иметь разный вес. В случае с короной и слитком золота ситуация противоположная – вес одинаковый. Значит, нужно сравнить объемы короны и слитка золота. Архимед понял, что нашел решение задачи. На радостях он выскочил из бадьи и, забыв про хитон, голым помчался по улице с криком: «Эврика!» («Нашел!»). Теперь он знал, как сравнить объемы предметов такой разной формы.

Появившись во дворце, Архимед опустил брусок золота, который весил столько же, сколько корона, в заполненный сосуд с водой и замерил количество вылившейся воды. Затем снова наполнил сосуд водой и опустил в него корону. Воды вылилось больше, чем в первый раз. Значит, корона по объему больше слитка. Зная, что золото тяжелее серебра (в чем легко убедиться, взвесив два равных по объему бруска золота и серебра), Архимед сделал вывод, что мастер, изъяв часть золота, добавил в корону такое количество серебра, чтобы вес короны не изменился. Таким образом Архимед сумел доказать, что корона сделана из сплава золота и серебра. Следовательно, царские слуги не обманули своего правителя…

Архимед гордился этим открытием больше, чем полученной от Гиерона наградой. Но на этом его практическая деятельность не закончилась. Правда, на этот раз она была связана с военными действиями. На Сиракузы наступали римляне. Пришлось Архимеду заняться изготовлением разных машин, в том числе метательных. И полетели в сторону римских кораблей огромные камни. В завершение битвы неутомимый Архимед устроил настоящее светопреставление. На стенах гавани он укрепил несколько огромных зеркал, составленных из множества маленьких зеркалец. Эти зеркала поворачивались в разных направлениях. Солнечный свет Архимед фокусировал и направлял на корабли. По преданию, корабли вспыхивали, как факелы.

Римский полководец Марцелл приказал своим воинам доставить изобретателя Архимеда живым любой ценой. Один из воинов заскочил во двор жилого дома и увидел старика, который что-то чертил на песке.

– Не трогай мои чертежи! – крикнул старец.

Воин пронзил его мечом. Марцелл очень сокрушался, когда узнал, как глупо погиб великий изобретатель, математик, мыслитель. И добавим, что Архимед проявил себя еще как криминалист-исследователь.

Заговор против Цезаря

Среди правителей Древнего Рима римский полководец, диктатор Гай Юлий Цезарь (102/100–44 до н. э.) занимает особое место. Он был первым государственным деятелем, который реально стремился обеспечить верховенство Рима в Европе. Он завоевал Галлию (юг нынешней Франции и север Италии), начал вторжение на Британские острова. И он же, провозгласив себя диктатором, начал первым реформировать римское общество. Однако стремление к единовластию привело к конфликту, который закончился заговором его противников. Самые близкие люди готовили ему жестокую расправу.

Цезарь был человеком честолюбивым, расчетливым и, чтобы получить всю полноту власти в Риме, не жалел денег на подкупы. Для возвеличивания своей особы Юлий Цезарь переименовал месяц, в который родился, квинтилий, в свою честь. Так в календаре появился июль.

Его отец умер, когда ему исполнилось 15 лет. Воспитанием и образованием сына занималась его мать, Аврелия Котт. Она пригласила к нему в качестве домашнего наставника известного педагога Марка Антония Гнифона, автора нескольких учебников, в том числе свитков «О латинском языке». Уроки наставника пошли на пользу. Цезарь прочитал сказания древнегреческого эпоса, познакомился с рассказами о победных походах Александра Македонского, освоил многие приемы ораторского искусства, изучал также греческий язык, философию, историю.

В неменьшей степени его интересовало красноречие. Он знал, что Цицерон свою успешную политическую карьеру сделал во многом благодаря красноречию. По его примеру Цезарь стремился овладеть навыками влияния на аудиторию – убеждения в своей правоте. Оратор должен не просто озвучивать свои мысли, учил его Гнифон, а логически их обосновывать и находить нужные доказательства.

Еще в юном возрасте Юлий понял, что добиться высшей власти можно не только воинскими победами, но и умением располагать к себе людей, вручением подарков нужным деятелям. Он знал, что если массы поддержат его, то путь наверх обеспечен. И, став взрослым, он опирался на плебс (народ), обещал гладиаторские бои, театральные празднества, деньги. Когда у него не было денег, он брал их в долг, устраивал обещанные мероприятия, раздавал деньги толпе. И народ его боготворил.

Вскоре у Цезаря появилось место в сенате, на улице его сопровождал ликтор. Но ему не повезло. Захвативший в Риме

власть диктатор Сулла вознамерился его убить. Он был возмущен тем фактом, что Юлий был женат на дочери одного из его врагов. Суллу упросили пощадить юношу. Тот согласился, но потребовал развода. Цезарь проявил характер и отказался выполнить волю диктатора. Его изгнали из сената, отстранили от должности жреца, лишили наследства. Ему пришлось даже бежать из Рима. Мать все же добилась для него прощения, и он отправился на остров Лесбос, где армия в то время вела войну с противником Суллы царем Митридатом. Цезарь активно участвовал в тех боях. За проявленную отвагу получил награду – дубовый венок.

О его твердом характере свидетельствует эпизод, о котором повествует древнегреческий писатель Плутарх. Однажды в Эгейском море Цезаря захватили пираты. Видя перед собой богатого римлянина, они потребовали от него 20 талантов серебра, в те времена достаточно большую сумму. Цезарь рассмеялся своим захватчикам в лицо. «Вы не знаете, кого взяли в плен, – сказал он. – Вы меня оскорбляете. Я стою гораздо больше». И пообещал дать им 50 талантов. Пираты были ошеломлены, радовались безмерно. Только они поторопились. Деньги им собирали 40 дней. Все это время Цезарь над ними издевался, но они терпели. Наконец обещанная сумма была выплачена. Цезаря освободили. Но он снова собрал деньги, нанял корабли, нагнал пиратское судно и всех своих захватчиков велел казнить.

Научившийся ораторскому искусству, Цезарь начал выступать в судах Рима. Послушать молодого темпераментного оратора собирались люди с улицы. Он не выиграл ни одного суда, но его речи записывали, фразы цитировали. Слава о его умении убедительно говорить привлекала к нему многих, число его сторонников увеличивалось. Его язык был прост и понятен, он умел вовремя вставить шутку, замечал ошибки своих оппонентов, делал все, чтобы понравиться. И это ему удавалось. Он продолжал брать деньги в долг и… раздавал их налево и направо. Слава о его щедрости дополняла его славу умного оратора.

На него обратил внимание один из самых богатых людей Рима – Марк Красс. Богач мечтал стал правителем Рима, хотел побед, славы, но ему не хватало публичности. Он купил Цезаря. Молодой оратор должен был восхвалять всячески Красса и его деяния. За это Цезарь получал немалые деньги. К этому времени его избрали эдилом, он занялся хозяйственными делами города. Деньги Красса он тратил на нужды города – ремонтировал дороги, организовывал гладиаторские бои, раздавал бедным людям хлеб. Вскоре его избрали понтификом, который управлял всеми жрецами, а немного спустя в должности правителя он

отправился в Испанию. Место не очень почетное, но доходное. Сам он об этом выразился так: «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме». Наконец-то у него появилось место, где он был полным хозяином, но о своем главном желании – стать первым лицом Рима – не забывал.

У Цезаря было немало соперников, недоброжелателей. Враждовавшие между собой знакомый ему Марк Красс и полководец Гней Помпей тоже думали о захвате власти. Цезарь поступил мудро – он помирил Красса и Помпея и вместе с ними заключил триумвират, чтобы совместно выступить против сената. Но в сенате сидели люди, которые прекрасно понимали, какую опасность грозит им этот триумвират, и каждому предложили «лакомый кусок»: Цезарю стать правителем в Галлии, Крассу – в Сирии, а Помпею – в Африке и Испании.

Цезарь пробыл в Галлии 10 лет, к этому времени триумвират распался. За это время Цезарю удалось расширить владения Рима, он воевал на берегах Рейна, вторгался в пределы Британии, многократно разбогател, но мечту стать принцепсом (первым) в Риме не оставил. Для подкупа нужных лиц он посылал золото, украшения. Захвативший в это время власть в Риме Помпей потребовал возвращения Цезаря, но как частное лицо. Цезарь не подчинился. Он во главе верного ему войска двинулся к Риму. Помпей бежал. Сенат признал Цезаря, сделал его диктатором – сбылась мечта юности. Но его бывший соратник Помпей не собирался сдаваться. Он собрал войско и стал угрожать Риму. Цезарь отправился ему навстречу. Битва между ними состоялась на севере Греции. Помпей потерпел полное поражение и скрылся в Египте. Египтяне коварно убили Помпея, и его голову приподнесли прибывшему в Александрию Цезарю.

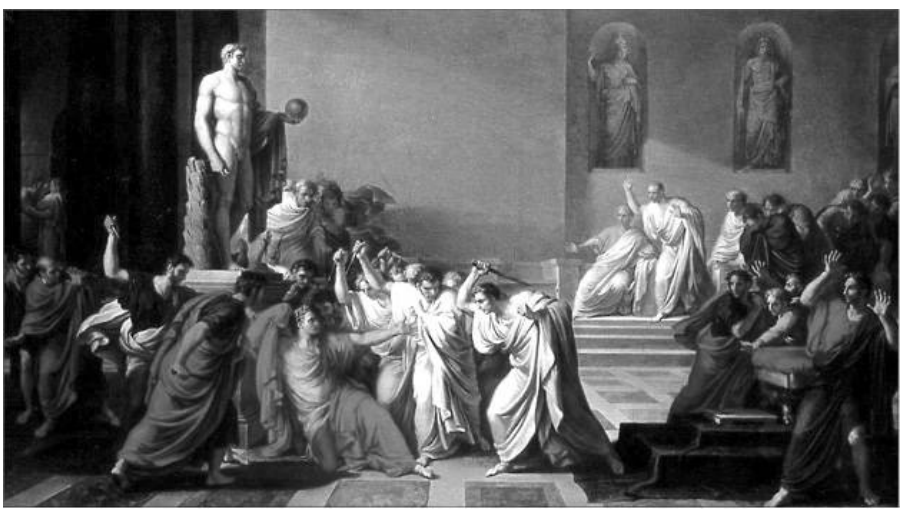
В Риме ждали Цезаря. Ему хотели устроить триумф, а он задержался в Александрии – влюбился в царицу Клеопатру, которая вскоре родила ему сына. Только через год он прибыл в Рим и объявил себя пожизненным диктатором, приобрел титул императора с правом передачи своего наследства детям. Этот фактор глубоко возмутил многих сенаторов в высшем римском обществе, которое уверовало в один постулат: хорош тот государственный строй, в котором воедино слиты аристократия, демократия и монархия. Нарушение этой гармонии есть тирания, одна из худших форм государственности. Убить тирана означало вернуться к основам прежнего республиканского правления. Именно эта идея и объединила заговорщиков. Они напрочь забыли о заслугах Цезаря, о его вкладе в развитие Рима, они думали только о захвате власти, ее новом распределении.

Цезарь между тем провел свои реформы: изменил календарь,

в году стало 365 дней, даровал многие права и привилегии римлянам. Но бывшие друзья и сторонники, которых возмущало его единоличное стремление к власти, уже готовили план его убийства. Слухи о готовящемся заговоре дошли до Цезаря. Но он посчитал их несерьезными и отказался от телохранителей.

15 марта 44 года ему предстояло выступить в сенате. От этого посещения его отговаривала жена, Кальпурния. Близкий к нему гадатель предостерегал о возможном покушении, напомнив о дурных предзнаменованиях в день мартовских ид (15 марта). За день до визита в сенат Цезарь на обеде у знакомого Марка Лепида услышал странный вопрос: какой вид смерти он считает самым наилучшим? Ответил, не задумываясь: «Неожиданный».

Налицо были все признаки, что над ним сгустились смертельные тучи. Он же решил идти в сенат, показать всем, что ничего не боится. Он шел наперекор знакам, символам, предсказаниям, двигался наперекор судьбе. По пути в Сенат ему передали свиток, в котором предупреждали о заговоре. Но Цезарь был слишком занят ответами на вопросы просителей и не успел его прочесть.



Смерть Цезаря. Художник В. Камуччини

В сенате Цезарь занял свое почетное кресло, его все приветствовали. Сенаторы уселись на свои места. Начались разборы дел. Заговорщики ждали, когда посторонние выйдут из зала заседаний. 20 сенаторов желали разом избавиться от диктатора, отобрать у него власть, вернуться к временам республики. У каждого под тогой был спрятан небольшой кинжал, хотя приходить в сенат вооруженным было строго запрещено.

Возглавляли заговор полководец и сторонник Помпея Гай Кассий и философ демократ Юний Брут, очень близкий Цезарю человек.

Заговорщики жаждали смерти диктатора, но и боялись его. Роли были распределены, все ждали сигнала, но, случись малейшая заминка, они бы отказались от замысла, слишком велик был авторитет Цезаря, в случае неудачи пощады им не было бы.

Цезарь собирался произнести речь, приподнялся, когда к его креслу неожиданно подошел Туллий Кимвор, который просил вернуть изгнанного брата. Цезарь отказал. Тогда Туллий схватил его за тогу и стал ее стаскивать. Это был сигнал. К креслу подбежали другие сенаторы. Кто нанес первым удар, сказать трудно. Кинжалы вытащили почти все сенаторы, они торопились нанести удары, ранили друг друга. Цезарь отчаянно отбивался, но силы были неравны. Среди нападавших он заметил близкого ему человека и невольно воскликнул: «И ты, Брут?!»

Каждый из заговорщиков нанес ему удар кинжалом. Так они договорились. Мертвый окровавленный диктатор лежал под статуей своего недруга Помпея. Цезарь достиг того величия, о котором мечтал, но поплатился за это жизнью. По древнему обычаю, его тело сожгли на Марсовом поле. В завещании он раздал все свое богатство друзьям и народу. Имя Цезарь стало нарицательным, от него произошло немецкое «кайзер» и русское «царь».

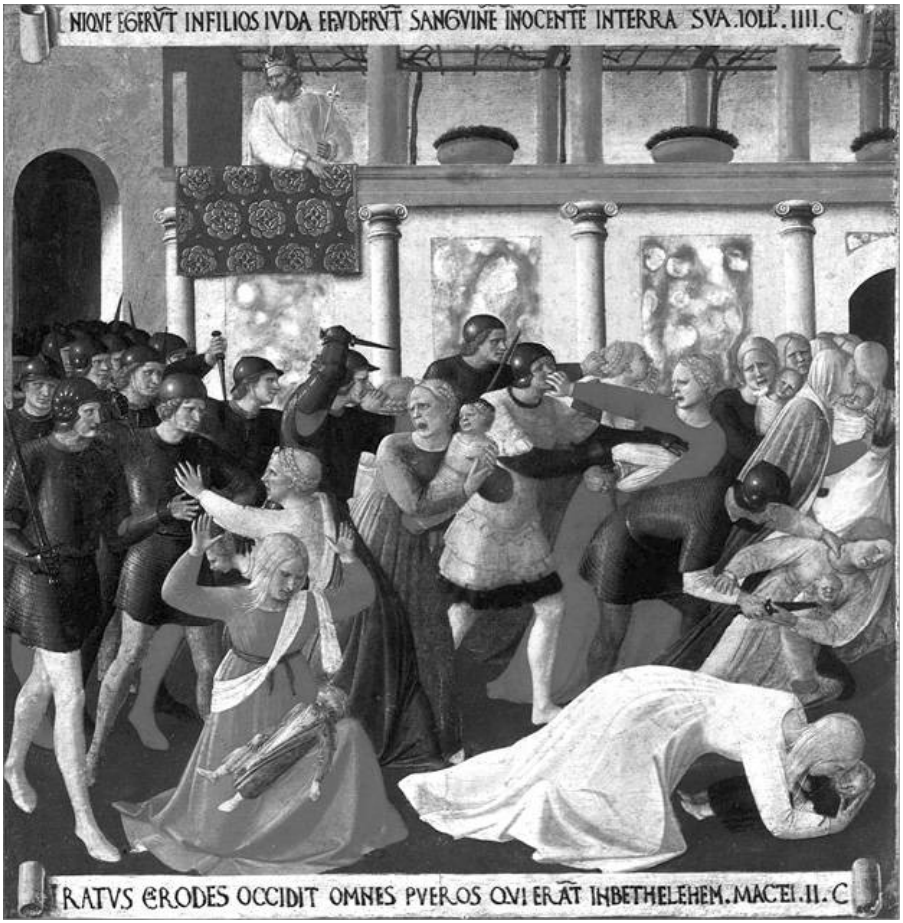
Цезарь был мертв. Но в Риме тотчас начались волнения. Толпы народа бросились искать его убийц. И началась многолетняя гражданская война, в которой погибли многие заговорщики, в том числе Кассий и Брут.

Избиение младенцев

Самая нелестная характеристика иудейскому царю Ироду (ок. 74–4 до н. э.), создателю Второго храма в Иерусалиме, дана в Библии. Известно, что он был идумеем, то есть представителем враждебного иудеям рода. Согласно Библии, идумеи были потомками рода Исава, брата Иакова. Этот Исав продал свое первородство Иакову за чечевичную похлебку. Отсюда нелюбовь к идумеям как к продажным людям. Но самое страшное злодеяние Ирод совершил в 30-й год своего правления, когда от волхвов узнал о рождении в Вифлееме младенца, которого они нарекли царем Иудейским. Опасаясь потерять царский трон, Ирод приказал убить в Вифлееме всех мальчиков в возрасте до двух лет.

По сведениям из Библии, в Вифлееме от ножей стражников погибло около 14 тысяч детей. В сирийских церковных сводах указывается уже другая цифра – 64 тысячи. Есть и большие данные, например 144 тысячи. Но ни одна из этих цифр не может считаться близкой к реальности. В описываемое время в Вифлееме всего проживало едва ли более тысячи человек. Даже если представить, что в год в этом селении рождалось 30 младенцев мужского пола, то с учетом высокой смертности того времени до двухлетнего возраста доживало, как правило, лишь две трети, то есть примерно 20 детей.

Однако есть ряд ученых, которые вообще оспаривают факт убийства в Вифлееме младенцев – Ирод был не настолько глуп, чтобы таким примитивным и жестоким образом избавиться от возможного соперника. Этим злодеянием он подорвал бы свой авторитет как среди жителей Вифлеема, так и Иерусалима. К тому же факт массового «избиения младенцев» почему-то проигнорировал Иосиф Флавий, знаменитый иудейский писатель и военачальник, перешедший на сторону римлян, который внимательно изучал историю иудеев и о наиболее важных событиях сообщил в своей книге «Иудейские древности». В этой книге царю Ироду посвящено немало страниц. Единственным источником, упоминающим о совершении преступления, является Евангелие от Левия Матфея, одного из 12 апостолов, учеников Христа. Однако Матфей был мытарем, то есть сборщиком налогов. Его профессия в глазах евреев была недостойной. Отсюда представление, что и писания его не заслуживают внимания.



Избиение младенцев. Художник Фра Анжелико

Обратимся, однако, к первоисточнику, к Ветхому Завету. Вот как в нем об «избиении младенцев» повествовал Матфей. Когда в Вифлееме родился Иисус, в римской провинции Иудея правил царь Ирод. Однажды к нему с востока в Иерусалим пришли волхвы и задали странный вопрос: где находится только что народившийся царь Иудейский? На восточном небосклоне они якобы видели его звезду и пришли, чтобы поклониться ему. Ирод не только удивился этому вопросу, но и встревожился. Да и в самом городе народ забеспокоился. Ирод не мог допустить, чтобы столь значимые события происходили без его ведома и участия. Он собрал разных мудрецов Иерусалима и спросил у них: что они знают об этом рождении?

Мудрецы отвечали, что об этом событии записано в книгах пророков и там отмечен город Вифлеем. Ирод понял, что волхвы не лгут, и стал их расспрашивать о времени появления звезды.

Потом он разрешил идти волхвам дальше в Вифлеем, но на обратном пути доложить ему о народившемся царе Иудейском, и тогда он якобы сам пойдет в Вифлеем и поклонится ему.

Волхвы ушли в Вифлеем, принесли младенцу свои дары, но возвращаться к Ироду не стали. Во сне им было откровение: якобы иудейский царь задумал недоброе дело, не стоит сообщать ему о местонахождении младенца, это может плохо кончиться для новорожденного. Напрасно их ждал Ирод. Он страшно разгневался, когда понял, что его обманули. А может быть, волхвы не нашли никакого новорожденного царя и постыдились идти в Иерусалим? Ирод успокоился. Но вскоре до него дошли слухи, что двое родителей из Вифлеема, Мария и Иосиф, приходили в Иерусалимский храм и приносили новорожденного. Старец Симеон пророчествовал о новорожденном как о Христе – Спасителе. После богослужения они ушли обратно в Вифлеем.

Ирод понял, что реальная опасность существует. Он тотчас отправил в Вифлеем воинов с приказом: забрать у родителей мальчиков в возрасте до двух лет и предать их смерти. Среди младенцев, по его мнению, должен был находиться также Иисус. Воины отправились в Вифлеем и выполнили страшный приказ своего царя. В городе стоял стон и плач. Убитые младенцы были первыми страдальцами, пролившими невинную кровь за Христа. Ироду доложили о содеянном, и он успокоился.

Однако устроенная Иродом жестокая резня в Вифлееме не спасла его от расплаты за содеянное зло. Не знал царь, что среди убитых Христа уже не было. Вместе с родителями, которых о смертельной опасности предупредил ангел, малолетний Христос отправился в Египет. Злодеяние не осталось безнаказанным. Через четыре года у Ирода началась какая-то непонятная болезнь, его тело распухло и стало гнить. Лекари не могли его спасти. Умер он в страшных мучениях.

Усекновение головы Иоанна Крестителя

Ближайший предшественник Христа, предсказавший его пришествие, Иоанн Креститель (6/2 до н. э. – ок. 30 н. э.), он же Иоанн Предтеча, вел в пустыне аскетический образ жизни и для покаяния иудеев, избавления их от грехов проповедовал крещение в воде. Исследователи библейских времен считают его исторической фигурой. У Иоанна был непростой характер, он смело изобличал разные человеческие пороки, не стеснялся говорить правду в лицо как простому человеку, так и правителю. Далеко не всем это нравилось. На него затаила злобу Иродиада, жена Галилейского царя Ирода Антипы, сына Ирода Великого. Она ждала момента, чтобы расправиться с ним.

Согласно завещанию Ирода Великого, после его смерти римская провинция Иудея была поделена на три части и досталась его сыновьям Архелаю, Филиппу и Ироду Антипе. Но римский император Август не спешил признавать царский титул Антипы, предоставив ему титул тетрарха, или правителя части земли. Ирод был огорчен таким решением, но не роптал. Знал за собой грехи. Как правитель он ничем особенным себя не проявил, к тому же не отличался особым благонравием и при жизни брата Филиппа женился на его жене Иродиаде, которая доводилась Антипе племянницей, то есть вступил в кровосмесительную связь.

Иоанн Креститель не одобрял эту женитьбу. Он прямо говорил Антипе, что этот союз нарушает иудейские законы брака, его связь с Иродиадой преступна и ему надо с ней расстаться. Конечно, Антипа мог бы казнить Иоанна за такие обличительные речи, но он не решался, понимая, что казнь Иоанна вызовет сильный гнев у народа. Он знал, что простые люди почитали Крестителя как пророка и своего духовного наставника. Антипа, как и многие из его окружения, тоже верил, что Иоанн пророк, его проповеди во многом справедливы, к ним надо прислушиваться. Ирод нередко приглашал во дворец Иоанна, внимательно слушал его речи..

Совсем по-другому относилась к Иоанну Иродиада, жена Ирода. Она ненавидела его. Особенно не нравились ей его обличительные высказывания. Иродиада не раз требовала у мужа заточить Иоанна в темницу. Пусть он исчезнет с земли и перестанет мутить народ. Ирод с ней соглашался, ему порой самому было невмоготу слушать критические высказывания Крестителя. Но он боялся расправиться с человеком, чьи речи

помогали ему принимать правильные решения для управления народом. И все же терпение Антипы дошло до предела, и в канун своего дня рождения он велел заточить пророка в темницу.

Усекновение головы Иоанна Предтечи. В.Г. Худяков

Ирод широко отмечал во дворце день рождения. На него были приглашены многие старейшины галилейские. На празднике присутствовали также Иродиада и ее дочь от брака с Иродом Боэта, юная красавица Саломея. Когда веселье было в самом разгаре, Саломея вышла в центр зала и стала танцевать. Юная, легкая, своими стремительными движениями она пленила всех присутствующих. Больше всего обрадовался ее танцу Ирод Антипа. Он всячески выражал свой восторг и во всеуслышание заявил, что танец Саломеи настолько хорош, что он готов сделать ей самый дорогой подарок, какой она может попросить: попросит полцарства, он тотчас его отдаст.

Саломея, которая во всем делилась с матерью, тотчас подбежала к ней. Иродиада поняла, что наступил благоприятный

момент. Она шепнула дочери: «Проси голову Крестителя». Саломея подбежала к отцу и, склонившись перед ним, во всеуслышание заявила: «Хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя».

Эта просьба была настолько неожиданной, что Ирод опешил. Он очень опечалился. Он хотел наказать Крестителя, но лишать его жизни… Нет, не желал он смерти этому безгрешному проповеднику. Но обещание надо было выполнять. Все гости слышали, что он поклялся сделать ей самый дорогой подарок, какой она попросит. Ирод послал оруженосца в темницу, где сидел Иоанн Креститель, с приказом отсечь ему голову и на блюде принести в пиршественный зал. Оруженосец все сделал так, как приказал ему царь. Отсек Иоанну голову, положил на блюдо и принес в зал. Это блюдо с окровавленной головой Крестителя оруженосец отдал Саломее, а та принесла его своей матери…

Узнав о смерти своего учителя, ученики погребли его тело. Они же рассказали о смерти Иоанна Иисусу. Эта весть очень опечалила его. От горя он отправился на лодке в море. Ирод Антипа и его жена Иродиада недолго радовались кончине пророка. Ирод вскоре потерпел поражение в битве. В качестве наказания вместе с женой его сослали в Галлию, где они умерли в бедности и безвестности.

Совращение Паулины

О временах правления римского императора Тиберия (42 до н. э. – 37 н. э.) в истории осталось двоякое впечатление. С одной стороны, этот мрачный, нелюдимый человек предавался разгулу, нарушал многие законы нравственности. С другой – его называли дальновидным политиком, практичным хозяином, справедливым судьей. Одно из дел, которое ему пришлось разбирать лично, еврейский историк и полководец Иосиф Флавий зафиксировал в своей книге «Иудейские древности», оно касалось как раз проблем нравственности.

В те времена в Риме жила замужняя женщина по имени Паулина, которая славилась красотой и богатством. Она поклонялась египетской богине Исиде, идеалу чистоты и женственности. Мужчины на Паулину заглядывались, но она не позволяла себе никаких вольностей. Ее мужа, который также отличался верностью своей красавице жене, звали Сатурнин. Вполне возможно, что он был дальним родственником известного в Риме политического деятеля, трибуна Луция Апулея Сатурнина, убитого во время народных волнений в 100 году до н. э. Но подтверждений этому нет. Так вот в эту Паулину влюбился один молодой богатый всадник Деций Мунд, тоже порядочный человек. Через доверенное лицо он дал знать Паулине, что готов выложить 200 тысяч аттических драхм за одну ночь с ней. Гордая женщина отвергла это предложение, не захотела с ним встречаться.

Безутешный Деций очень страдал. Он не знал, как избавиться от сердечных мук, и, решив кончить жизнь самоубийством, стал морить себя голодом. В этот момент к нему пришла знакомая ему вольноотпущенница по имени Ида, которая занималась сводничеством. Она расспросила о его печали. Деций рассказал, и она вызвалась не только избавить его от горя, но и доставить радость встречи – пообещала свести его с гордой избранницей. За свои услуги она попросила 50 тысяч драхм. Деций воспрянул духом, сразу согласился и отдал ей требуемую сумму.

Сводница стала разузнавать от близких людей о Паулине, ее пристрастиях и отправилась в египетский храм на переговоры со жрецами. Им она предложила сделку – 10 тысяч драхм, если они позволят привести в храм известную им женщину по имени Паулина, с которой мог бы встретиться… сам бог Анубис. Жрецы воспротивились, начали ругаться… Но едва Ида положила перед ними 20 тысяч драхм, как они успокоились и согласились с ее условиями. В дом к Паулине они тотчас направили своего

старейшего, чтобы он втайне ото всех рассказал женщине о воспылавшем к ней любовью… боге Анубисе, который покорен ее красотой и благочестием и желает провести в храме за ужином с ней весь вечер и всю ночь, и пусть она не отвергает его ласки. Доверчивая Паулина поверила, что покоренный ее женской красотой и благочестием египетский бог Анубис приглашает ее на ужин. Она спросила разрешения у своего мужа провести ночь в храме, где ждали пришествия бога Анубиса. Он возражать не стал.

Итак, вечером Паулина приукрасилась и отправилась в храм. Едва она появилась, как жрецы закрыли все двери, зажгли свечи, указали ей место возле накрытого стола и, совершив магический ритуал, пригласили одетого в «божественные наряды бога Анубиса» Деция Мунда, который уже ждал этой встречи. Жрецы исчезли, а парочка осталась в одиночестве. Деций Мунд был невероятно любезен. Он говорил такие обольстительные слова, что Паулина не заметила, как оказалась в его объятиях. Все ночь они провели вместе. Наутро Паулина вернулась домой и рассказала мужу, что бог был восхищен ее красотой и умом, он доставил ей такое удовольствие, которого она никогда не испытывала.

Статуя Анубиса из Ватиканского музея

Вся эта история могла остаться втайне, если бы главный ее участник Деций Мунд чересчур не возгордился своей победой. Ему захотелось польстить своему самолюбию и отомстить гордячке Паулине, которая своим отказом чуть не довела его до смерти, она же отказалась от предложенных им 200 тысяч драхм, но отдалась всего за 50 тысяч. Для покорения ее тела стоило лишь разыграть «божественный спектакль». Деций встретился с Паулиной и признался ей, что это он выступил в роли бога Анубиса, это он ласкал и целовал ее ночью, это ему она отдавалась…

Паулина была в шоке. По описаниям Флавия, от такой обиды, дерзости и насмешки она не знала, куда себя деть, изорвала на

себе одежды, побежала к мужу, нажаловалась ему и потребовала наказать всех, кто участвовал в столь гнусном обольщении, особенно «бога Анубиса». Пусть Сатурнин доложит императору Тиберию и божественный воздаст каждому по заслугам.

Тиберий согласился рассмотреть это «преступное деяние». Он вызвал всех его участников, выслушал каждого. Его вердикт был прост: сводницу, которая организовала столь безнравственное представление, распять, пусть мучается на кресте, рядом с ней пригвоздить также жрецов, польстившихся на деньги, храм разрушить, а изображение богини Исиды бросить в реку Тибр. А как поступить с Децием Мундой? Представителя сословия всадников Тиберий казнить не стал. За что лишать его жизни? Молодой человек влюбился, потерял голову, готов был покончить с собой. Но справедливости ради его тоже надо наказать, и Тиберий изгнал его из города.

На этом закончилось одно из нравственных дел, которое довелось разбирать императору Тиберию, который, как известно, сам большой нравственностью не отличался.

Казнь после свадьбы

Это был единственный случай в истории Древнего Рима, когда при живом муже-императоре его жена-императрица попыталась снова выйти замуж. Прославившаяся необыкновенной распущенностью Валерия Мессалина воспользовалась временным отсутствием в Риме мужа императора Клавдия, решила еще раз выйти замуж за своего любовника. Состоялась роскошная свадьба. Гости признали обоих мужем и женой. Из императорского дворца стали вывозить вещи… Безрассудная выходка стоила Мессалине жизни.

Император Клавдий (10 до н. э. – 54 н. э.) после убийства своего племянника императора Калигулы в 41 году наследовал власть над Римом и получил титул императора. По сведениям современников, это был человеком не от мира сего. Его с детства считали слабоумным, никчемным. Его не увлекали должности в свите императора, он не жаждал войти в сенат, хотя его неоднократно назначали консулом. Его племянник Калигула открыто надсмехался над ним, в присутствии гостей называл недоумком, неудачником. Клавдий не обижался. Он опасался навлечь на себя гнев сумасброда и ни в чем не перечил ему. Все свободное время он проводил в библиотеке, знакомился со свитками, читал записи прославленных историков и философов. Это увлекало его куда больше, чем дворцовые интриги.

На самом деле Клавдий не был таким глупцом, каким его представляли многие писатели прошлого. Ему, в отличие от императоров-тиранов, просто не хватало характера и жесткости. Женщины пользовались его слабохарактерностью, не стеснялись обманывать. Но он был неистов в гневе, мог ударить, хотя по сравнению с Калигулой был совсем безобидным. Став императором, Клавдий отменил многие драконовские законы своего предшественника, снизил налоги, при нем стал развиваться порт в Остии, появился новый акведук, он не хотел, чтобы его величали императором.

Но если в сфере государственной жизни у него все было более или менее в порядке, то семейная жизнь не складывалась. Клаудий был дважды женат и оба раза неудачно. Не без помощи того же Калигулы в 38 году он женился третий раз на молодой красавице Валерии Мессалине. Она родила ему двоих детей: дочь Клавдию Октавию и сына Британика. В начале супруги по-своему любили друг друга. После сытного обеда с вином Валерия доводила мужа до спального ложа, где он сразу засыпал. Он ценил эту заботу. В дневное время Клавдий принимал

просителей, читал бумаги, а его молодая, энергичная и соблазнительная жена заигрывала с мужчинами. Она жаждала познать кого-нибудь поинтересней, чем ее располневший и погрузившийся в делах муж. Имея неограниченную власть и деньги, она решила соблазнять молодых горячих юношей, чтобы удовлетворить свою страсть.

В Древнем Риме откровенные сексуальные желания женщины никого не удивляли. Многие императрицы и до Мессалины предавались безудержному разврату, но ни одна из них не опускалась так низко. По ночам, как писал известный римский поэт-сатирик Ювенал, Мессалина в парике, с краской на лице, закутанная в покрывало, вместе со служанкой отправлялась искать приключения. Рим спал, улицы были пусты. Ее привлекал лупанарий – увеселительный дом. Его название происходило от слова «волчица», так называли проституток, которые призывали клиентов тонким завыванием. Стены лупанария были расписаны откровенными сценами – своего рода инструкциями, как следует вести себя женщине с гостем, который не понимал латинский язык. Мессалина, не опасаясь быть узнанной, оставалась в лупанарии до утра.

Мессалина. Художник П.А. Сведомский

Гость приходил, платил, она отдавалась ему и ждала следующего. Узнай об этом Клавдий, то, несмотря на свою слабохарактерность, в гневе мог лишить ее жизни. Но он был занят государственными делами и не принимал всерьез слухи о порочности его жены. Ночные похождения Мессалины кончились в тот день, когда она познакомилась с неким Гаем Силием, молодым красивым римлянином. Ненасытная императрица воспылала к нему страстью. Она был женат. Мессалина потребовала от него развода. Он развелся. Мессалина буквально дневала и ночевала у него. Она делала ему подарки, давала деньги.

Силий понимал, что попал в роковую ситуацию. Отказаться от Мессалины он не мог, по ее приказу преторианцы могли запросто убить его. Афишировать свою связь с ней он тоже не мог, его прикончили бы стражники Клавдия. Как быть? И тогда ему пришла мысль, бредовая, но, как ему казалась, спасительная. Историк Тацит писал, что Гай стал побуждать Мессалину покончить с притворством, не дожидаясь естественной смерти Клавдия, и вступить в законный брак.

Мессалина со смехом отнеслась к этой идее, но со временем прониклась ею. В самом деле, почему? И она разработала целый план по устранению Клавдия от власти. Едва он на несколько дней покинет Рим, как она с Силием устроит свадьбу, они станут законными мужем и женой, а когда Клавдий вернется, она объявит ему о своем замужестве и отправит его на покой. Фактически она готовила государственный переворот.

Приближенные Клавдия все знали, но докладывать ему не решались, ситуация могла измениться как в одну, так и в другую сторону. Все дожидались, когда Клавдий уедет из Рима. С огромным нетерпением этого дожидалась и Мессалина.

Когда только Клавдий отправился в Остию осмотреть строившийся там порт, Мессалина стала рассылать приглашения на свою свадьбу. Она велела принести из дворца в одну усадьбу разные вещи, украсила пиршественный стол. Пир выдался на славу, гости признали Мессалину женой Гая Силия.

Придворные императора тотчас отправили Клавдию сообщение, что его Мессалина… вышла замуж, и спрашивали: что делать, как поступить с изменницей? Клавдий во время чтения письма сидел за столом, насыщаясь едой и вином, и не произнес ни слова, но приближенный к нему вольноотпущенник Нарцисс, знавший о коварном характере Мессалины, без слов понял, как нужно поступить. Он отправил вооруженных людей в Рим с приказом найти Мессалину и умертвить ее… «по приказу Клавдия».

Мессалина ждала своего молодого муженька, когда ей доложили, что по всему Риму ее разыскивают посланные Клавдием стражники. Она сразу поняла, что допустила страшную ошибку, Клавдий вместо себя послал вооруженных людей. Она бессильна против них. Гай Силий попытался скрыться. Никто не хотел прийти им на помощь. Схваченная стражниками, Мессалина умоляла не трогать ее, говорила, что дождется Клавдия и расскажет ему всю правду. Но у стражников был приказ: не оставлять Мессалину живой ни в коем случае, причем за содеянное преступление – прелюбодеяние – она должна сама лишить себя жизни. Женщина не смогла поднять на себя руку с

кинжалом, и тогда один из воинов одним ударом кинжала прикончил ее.

Клавдию донесли, что его жена казнена, порок наказан. Он равнодушно воспринял это сообщение. В дальнейшем Клавдий еще раз женился, теперь на своей родственнице Агриппине. Эта женщина, жаждавшая сделать своего сына Нерона императором, быстро отправила Клавдия на тот свет, накормив его отравленными грибами.

Травля христиан

Первых христиан римляне не любили, даже можно сказать, боялись. Появившиеся в городе во второй половине I века странные люди-проповедники, они же апостолы, когелеты, пророки, для «коренных» горожан были чужаками. Христиане приходили из римской провинции Иудея. Они одеты были не так, как все, латинского языка не знали, говорили на странном греческом диалекте. Они рассказывали о некоем едином боге Иисусе Христе, или Мессии (по-гречески «Христос» – «помазанник», что означает «священник или царь», по-иудейски – «Мессия»), который основал новую религию. Нелюбовь к первым христианам привела к их масштабному гонению, которое осуществили римские императоры.

Христиане рассказывали римлянам, что прибывший из Вифлеема в Иерусалим человек был необычным. Он проповедовал очищение людей от грехов, говорил о любви к ближнему. Он творил всякие чудеса: исцелял больных, воскрешал умерших. Он был духовным пастырем и называл себя царем Иудейским. Он не брался за оружие, никого не убил, жертвовал собой, показывая людям путь к добру. Но за все эти благие деяния, за чистые речи его передали в руки иудейским первосвященникам, которые боялись его. Они-то и повелели распять его на кресте.

Христос был человеком, но стал святым и вознесся на небо, однако он вернется, говорили поклонники его вероучения, и тогда победит «зверя-императора», сокрушит царство зла и насилия, рабы будут освобождены, а их жестокие властители сгорят в «геенне огненной». Тогда на земле воцарится божий рай, все люди будут свободны, все будут трудиться и радоваться друг другу.

Такие необычные разговоры, происходившие в Риме в I веке, притягивали и страшили одновременно. Они меняли картину привычного мира. Слушатели расходились в недоумении. Можно ли всему этому верить? Но иудеи, обратившиеся в христианство, не отступали. Они были целеустремленными людьми, привлекали к своему вероучению все большее число людей. Римлян настораживало в них одно обстоятельство – пришедшие не имели никакой собственности. Хуже того, они ее отрицали. Они не хотели трудиться, как все. Они желали, как их пастырь Иисус Христос, стать властителями душ простых людей, поводырями их жизни. Язычники-римляне, у которых было распространено многобожие, заподозрили в христианах врагов домашней религии, врагов города, его сложившихся порядков и правил.

О деянии пришедших докладывали городским властям, доносили императору Нерону. Говорили, что люди из Иудеи собираются в пустынных местах по ночам, поют, поклоняются своему единому богу, совершают в его честь странные обряды. Они нарушители спокойствия, враги римского народа. В городе стали распространяться страшные слухи: якобы христиане ловили маленьких детей, совершали над ними свои магические обряды, пускали кровь… Римляне испугались. Пусть император проявит свою волю, выгонит их из города.

Правивший в то время Нерон (с 54 по 68 г.) не прислушивался к этим слухам. Он презирал нищих, в том числе называвших себя христианами, но никаких репрессивных мер не предпринимал. По его мнению, нищие не могли угрожать спокойствию Рима. Неизвестно, как поступил бы Нерон с христианами в дальнейшем, если бы не начавшийся жарким июлем 64 года пожар в Риме. Горели жилые дома, служебные постройки. Пожар продолжался 9 дней. В городе поползли слухи, что поджог совершил сам Нерон. Императору докладывали об этом, нужно было срочно снять с себя всякие подозрения. И Нерон, как писал историк Тацит, во всеуслышание объявил виновниками пожара представителей тайных сект, приверженцев одного из восточных культов, которых называют христианами. Требовалось их прилюдно наказать. Нерон призвал народ участвовать в поиске поджигателей. Многие римляне послушались указа императора, стали ловить христиан по всему городу. По распоряжению Нерона в центре города соорудили деревянный амфитеатр, куда стали приводить пойманных христиан.

Зрительские трибуны амфитеатра были забиты до отказа. В центре арены группа людей: женщины, мужчины, старики, подростки. А потом на арену – выпустили львов, которых три дня не кормили. Но голодные звери не сразу бросились на людей. Ходили вокруг, рычали. С трибун раздавались крики: «Христиане, зовите своего бога на помощь! Пусть придет и прогонит львов, а мы посмотрим!» Зрители смеялись, кидали на арену палки, дразнили зверей. Один из львов оцарапал плечо мужчины, у того появилась кровь. Еще один лев схватил женщину за руку и потянул на себя. Песок арены окрасился кровью. Сгрудившиеся в центре арены люди кричали, метались, искали спасения друг у друга. Начиналась вакханалия. Нерон и публика с интересом наблюдали за кровавым пиршеством зверей и страданиями людей…

Христос не пришел на арену, не совершил чудо. Кровавая расправа над христианами продолжалась не один день. Горожане

приводили к амфитеатру новые группы христиан. Их силой загоняли на арену, куда выпускали новые партии львов… Польский писатель Генрик Сенкевич в своем романе «Камо гредяши», посвященном истории раннего христианства, повествовал: «Клич “Христиан ко львам! ” не смолкал во всех кварталах города. С самого начала никто… не сомневался, что они подлинные виновники бедствия… толпы черни с рассвета ждали, когда откроются ворота, упоенно прислушиваясь к рычанью львов, хриплому реву пантер и вою собак. Зверей уже два дня не кормили, дразнили кровавыми кусками мяса, чтобы разжечь ярость и голод». Но Сенкевич все же сгущал краски, когда описывал происходившие события. Вот как сообщал об этом событии историк Тацит, который ребенком пережил пожар в Риме. «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами».

Христианские мученики. Последняя молитва. Художник Ж.-Л. Жером

Следующий император Траян (98–117), который по праву считается одним из лучших правителей Римской империи, оказался еще большим гонителем христиан, чем Нерон. К нему приводили адептов новой религии. Он выслушивал их. Они говорили, что римские языческие боги неправедные, нужно установить поклонение единому богу, Иисусу Христосу. «Кто он такой? Чем прославился, какими трудами?» – недоумевал

император. Христиане предлагали отказаться от своей мифологии, от Юпитера, Плутона, Марса, Афродиты и других, убрать жрецов и прекратить всякие жертвоприношения, гадания – это варварство. Траяну говорили, что римский философ Тит Лукреций Кар тоже считал, что человек достоин свободы и не должен поклоняться придуманным существам. Он был предтечей христиан?

Траян посчитал новое вероучение пагубным. В 99 году он издал закон, запрещавший под страхом смерти создание тайных религиозных обществ. Никаких христиан в Риме! Теперь каждый язычник имел право анонимно донести на таких людей. Дальше в действие вступала судебная машина, безапелляционно выносившая решения о смертной казни.

Этот жестокий закон вынудил первых христиан искать новые места для проведения своих богослужений, подальше от Рима, под землей. Они за городом стали рыть катакомбы. Но христиан вылавливали, бросали в темницы, где их допрашивали и мучили. В дальнейшем не менее жестоко по отношению к носителям новой веры поступил следующий император Диоклетиан (245–313). Однако остановить распространение христианства он был уже не в силах.

Расплата за обман

Римский император Константин I Великий (272–337), основавший Новый Рим у пролива Босфор, названный позднее Константинополем (ныне Стамбул), мог бы иметь столько любовниц, сколько захотел. Но император, в отличие от своих разгульных предшественников, придерживался строгих нравственных правил. Он был женат только дважды. Вторая его избранница, Фауста, женщина юная, красивая и льстивая, родила ему троих сыновей и трех дочерей. Но своим чрезмерным властолюбием она доставляла ему много неприятностей, требовала украшений и привилегий и в то же время за его спиной строила козни, мечтая о троне. Узнав от своей матери Елены о лицемерии Фаусты, Константин жестоко расправился с обманщицей.

Писатели Древнего мира описывали Константина как высокого, статного и крепкого телом молодого человека. Они отмечали, что он был не только силен, ловок, но и мужествен, не боялся опасностей. Рассказывают, как однажды ненавидевший его римский император Галерий, человек грубый и жестокий, отсиживавшийся в провинции, велел ему зайти в клетку со львом. Он хотел высмеять Константина, представить трусом, потому что видел в нем своего соперника. Однако молодой человек не испугался зверя. Он подошел к клетке, открыл дверцу и вошел в нее. Лев метнулся ему навстречу. Константин схватил его за передние лапы. Зверь рычал, метался, но вырваться из рук Константина не смог.

С юных лет Константин вел воздержанный образ жизни. Во всем проявлял скромность, вежливо общался со старшими, любил юмор, доблестно служил в армии другого римского императора Диоклетиана. Когда ему исполнилось 23 года, он познакомился с дочерью торговца, которую звали Минервина. Девушке было 17 лет. Она отличалась красотой и умом, много рассказывала ему о новой религии, называемой христианством. Минервина привела его в христианский храм, рассказала историю рождения Иисуса Христа, о его чудесах, о предательстве одного из его учеников, о мученичестве распятого Иисуса и его чудесном воскресении.

Константин не понял этого вероучения. Он не стал огорчать Минервину, но ему показались странными обряды, во время которых полагалось есть частицы тела единого Бога и пить Его кровь. Такая религия ему была чужда, ему были понятнее римские боги: Юпитер, Венера, Марс, но он не стал спорить с Минервиной и отправился воевать. Позднее он женился на

Миневрине. От этого брака у него появился сын Крисп (305–326). Но на пути его семейного счастья встала другая женщина.

В Риме Константин, тогда еще трибун первого разряда, встретил юную шестнадцатилетнюю девушку, которую звали Фауста (289–326). Она была одной из младших дочерей бывшего императора Максимиана Геркулия, соправителя Диоклетиана, гонителя христиан. Девушка была необыкновенно хороша собой, огромные глаза излучали энергию и тепло. Несмотря на юный возраст, рассуждала она как взрослая. Константин потерял голову и слушал ее, открыв рот. Фауста поведала ему о своих тайных желаниях стать… императрицей, помочь своему мужу завоевать весь мир, быть ему верной помощницей во всех делах. И любить его, любить… Эти слова разогревали его мужское честолюбие. Константин давно мечтал добраться до вершин власти, ему тоже хотелось испытать себя в роли правителя империи.

В 306 году отец Константина Констанций Хлор, имевший титул цезаря, официально передал власть своему сыну. В тот период разобщения государства, отсутствия твердой власти за императорский титул еще предстояло повоевать. Отец Фаусты, бывший император Максимиан, не растерявший честолюбивых планов, дал согласие на этот брак. Свадьба состоялась 31 марта 307 года. Однако молодой супруг не поладил с тестем. Константин хотел идти на Рим, силой захватить город и провозгласить себя единым полноправным императором, но Максимиан убеждал его в бесперспективности этой затеи, которая может закончиться большим кровопролитием. На самом деле Максимиан замышлял захватить власть для себя, а не для зятя. И они расстались. В дальнейшем Константину пришлось воевать с Максимианом, тот мечтал заманить зятя в ловушку. Не удалось. Опытный полководец Константин разбил войска тестя.

Но его жизнь с юной Фаустой не сложилась. Жена с первых дней совместной жизни проявила ненасытный характер и требовала все новых и новых подарков. Как-то ему донесли, что она якобы попыталась соблазнить его сына Криспа, одного из успешных молодых полководцев, но Крисп устоял, не лег с ней в постель. Устоял, не устоял? Кто знает?

Константин был взбешен. Готовый на скорую расправу, он вызвал жену для разговора. Она сказала, что все наоборот, это Крисп пытался взять ее силой. Она отбивалась от него, звала на помощь, но никто не пришел. Константин не знал, что делать. Он вызвал к себе Криспа и поговорил с ним. Не поверив сыну, он отправил его в темницу. Фауста продолжала убеждать Константина в виновности Криспа. Его судьба была решена. В начале лета 326 года Константин приказал своим стражникам

вывезти сына за город и казнить…

Император Константин. Фрагмент знаменитого колосса

Это тайное и ничем не обоснованное убийство вызвало гнев его матери Елены, для которой Крисп был любимым внуком. Он пришла к Константину и рассказала, что Фауста лживая женщина. Она действительно домогалась Криспа, это многие могут подтвердить, делала ему подарки, но тот ее отверг. Он не хотел ее продажной любви. Тогда она завела себе раба, которого превратила в любовника, и изменяла с ним. Она ненасытная распутница, это ее надо было казнить, а не безвинного Криспа.

Сердце Константина разрывалось от горя, он любил своего сына, но не мог и отказаться от красавицы Фаусты. И все же чувство мести, оскорбленное мужское самолюбие в нем возобладали. По одной из версий, он велел истопить баню и пригласил с собой Фаусту. Там самолично он столкнул ее в бассейн с горячей водой, и она захлебнулась. По другой – он насильно отправил ее в жарко натопленную баню, затем велел

запереть дверь и ждал, когда она задохнется. Есть и третья версия, опровергающая первые две: якобы Константин и Фауста всю жизнь жили в любви и согласии, и Фауста пережила своего мужа. Но никаких фактических подтверждений этому нет.

Украденный секрет Китая

Византийская императрица, супруга императора Юстиниана I Великого (483/483–565), Феодора, бывшая танцовщица и куртизанка, активная участница политической и религиозной жизни Византии, заботилась о своей внешности, любила красивые одежды. Особенно нравились ей одеяния из шелка. В этой материи императрица выглядела неотразимой. К сожалению, ей приходилось долго ждать новых поступлений из Китая. Поэтому Феодора обратилась к мужу с просьбой – выведать секрет изготовления этой волшебной материи. Юстиниан пообещал, но даже за большие деньги китайцы не раскрывали своих секретов. С большим трудом император нашел людей, которые согласились отправиться в Поднебесную, чтобы выведать тайну производства удивительной материи.

Производство шелка в Китае началось, как известно, около трех тысяч лет до нашей эры. Согласно легенде, все произошло случайно. Китайская принцесса Ши Линь-цзы отдыхала летом во дворе императорского дворца под тутовым деревом и пила горячий чай. Неожиданно ей в чашку упал кокон тутового шелкопряда. Когда принцесса его вытащила, то заметила, что он, раскручиваясь, выпускает нить. Ее конец она отдала служанке и приказала тянуть нить за собой. Служанка вышла со двора, миновала ворота, оказалась на улице, нить не обрывалась. Так она прошла полмили, когда наконец нить перестала тянуться. Если есть нить, то можно делать пряжу. Китайцы стали изучать жизнь тутового шелкопряда, а его способность выпускать нить привела к производству удивительно легкой, блестящей и красивой шелковой материи. Этот секрет они свято берегли.

Добыть вожделенный секрет производства красивой шелковой материи вызвались два молодых и крепких воина. Они решили отправиться в далекий Китай под видом странствующих монахов. С собой не взяли никакого оружия, только солидный суковатый посох, который при случае мог превратиться в острый клинок. Им предстояло пройти около семи тысяч нынешних километров. Путь в Китай в то время не был секретом – Шелковый путь был проложен примерно за 100 лет до нашей эры и проходил от берегов Средиземного моря, можно сказать от Константинополя до Ближнего Востока, далее в Персию, через нынешние Афганистан, Туркмению и в китайский город Сиань, где формировались торговые караваны, в том числе шелковые.

В 548 году «монахи» отправились в путь. Какие приключения выпали на их долю, как смогли они добраться до закрытой

страны, неизвестно. Скрывая истинную цель своего путешествия, они вступали в разговор с погонщиками караванов, с китайцами, которые из Китая везли шелк-сырец и другие товары на продажу. Они узнали, что секреты шелка китайские императоры берегут самым строжайшим образом. И если кто-то попадется на воровстве тутового шелкопряда, его прилюдно казнят. Право носить одежду из шелка принадлежало исключительно китайскому императору и членам его семьи. Узнали они также, что шелк – очень крепкая материя, ее используют как холст для картин, для рыбацких сетей, тетивы лука, для лучшего звучания музыкальных инструментов.

Тутовый шелкопряд

«Монахи» двигались из Византии по Великому шелковому пути многие месяцы, встречая караваны из Китая. Караванщики рассказывали им о шелке, о его ценности и особенностях. В свою очередь, благодарные «монахи» раскрывали постовые «секреты», как лучше преодолеть границы, какие предстоит заплатить пошлины, какой путь безопасней, где лучше остановиться и направляли караваны… в Константинополь.

Нам неизвестно, как «монахи» перешли Великую Китайскую стену, но каким-то образом им удалось попасть на тутовую плантацию, где разводили тутовых червей, и разузнать весь процесс производства шелка.

Вернулись «монахи» только в 552 году… Императрица Феодора к тому времени уже умерла. Она скончалась в возрасте 48 лет, летом того самого года, когда «монахи» уже приближались к Китаю. Император Юстиниан был очень огорчен

их долгим отсутствием. Вернувшиеся из далекого путешествия «монахи» подробно рассказали ему о своих дорожных приключениях и высыпали из своих посохов украденный секрет – яйца шелкопряда.

Главная тайна китайского шелководства – это тутовый шелкопряд, или шелковичный червь, который является одомашненным насекомым. Его крупная бабочка с толстым туловищем не умеет летать и ничего не ест. Но после встречи с самцом она откладывает яйца, из которых выводятся гусеницы. Они очень прожорливы, беспрерывно едят листья тутового дерева, обвивают себя шелковой нитью, превращая в кокон. Если кокон поместить в кипящую воду, гусеница погибает, а кокон можно раскрутить в единую нить, длиной до мили. Разведение шелковичных червей – занятие очень кропотливое, требуют тишины, чистоты и много корма.

Отблагодарил ли «монахов» Юстиниан, неизвестно, но во второй половине VI века в Константинополе началось тутовое шелководство, Китай потерял свою монополию.

Убийство Папессы

Около 1250 года во французских «Всеобщих хрониках Метца» появилась история, написанная монахом Жаном де Мейли, или Мейи, о женщине, которую во второй половине IX века избрали папой и нарекли Иоанном VIII. В своих записях монах утверждал, что это была молодая и очень талантливая особа, которая пришла из Англии. Она переоделась в мужские монашеские одеяния, выдала себя за монаха и училась в монастырских школах, где отмечали ее талант оратора. В Риме также обратили внимание на способности пришлого молодого проповедника и предоставили ему сначала пост кардинала, а потом избрали папой. И все было бы хорошо. Но однажды во время процессии в церковь папа… родила ребенка. Это необычное событие настолько шокировало священнослужителей, что они готовы были на месте убить бедную роженицу и ее младенца.

История появления на папском троне женщины, обнародованная монахом Жаном де Мейли, вызвала споры. Одни ей сразу поверили, другие нет. Отцы Римской церкви постарались откреститься от неприятного инцидента, назвали его гнусным наветом. Некоторые кардиналы утверждали, что все это выдумки врагов христианской религии, врагов католицизма, якобы нет никаких доказательств существования такой женщины, тем более на папском престоле. Но тогда почему в Ватиканском музее хранится особое оригинальное мраморное кресло для папы? Оно похоже на стульчак – в центре сделан обширный вырез. Именно это кресло использовалось до XV века с целью выявления пола кандидата на папский престол. Строгим священнослужителям нужно было предъявить наглядные свидетельства его мужского происхождения. Папа с обнаженным задом садился на это кресло, и после прощупывания его причинного места священнослужители громко кричали: «У него есть яички!» И все присутствующие кардиналы отвечали: «Да будет благословен Господь»! И встречали новоявленного Папу ликованием. Отсюда пошло слово «овация», от латинского слова «овум» – «яйцо», и означает «ликование». Очевидно, что процедура осматривания гениталий вновь избранного папы как раз и пошла после того прискорбного случая с папессой.

Древнее предание, на которое ссылался монах Мейли, гласит, что молодая англичанка по имени Джоан, названная позднее Агнессой, она же Иоанна (по другим сведениям, это была немка), примерно в 834 году (по другим источникам, 1099 год) в двадцатилетнем возрасте познакомилась с немцем, мечтавшим

стать монахом и добраться до поста папы римского. Они полюбили друг друга и решили оба стать монахами. Джоан переоделась в мужское платье и вместе с любимым прошла по Германии, Франции, пока не оказалась в Италии. Они посещали разные монастыри, изучали церковные книги, вступали в дискуссии. Но во время этого путешествия немец умер, Джоан осталась одна и решила воплотить его мечту в жизнь и сама стать папой римским.

Оказавшись в одном из римских монастырей, Джоан, будучи в мужском платье, назвалась Джованни Англико. Молодой монах хорошо знал греческий язык, свободно говорил на английском и французском, ему поручали разные переводы, к тому же он выступал с мудрыми проповедями, на которые собиралось много народу. Вскоре образованного «юношу» пригласили к папскому двору, где Джованни познакомился с папой Львом IV и занял у него место нотариуса. Джованни занимался всеми делами папы, включая финансовые, которые вел очень скрупулезно. За искреннюю приверженность святому делу, за обширные знания и умения его избрали кардиналом. Когда в 855 году папа Лев IV почувствовал приближение смерти, то предложил на свой пост кардинала Джованни Англико.

Два года Джованни-Агнесса, официально папа римский Иоанн VIII, возглавлял католический мир. Это правление считалось справедливым, гуманным и мудрым. Народ любил слушать его проповеди. Но в 857 году Агнесса влюбилась в молодого священника и призналась ему в своей тайне. Им удалось скрыть свою связь от чужих глаз. Вскоре папесса забеременела, располнела. Ей пришлось быть очень осторожной. Когда ей стало тяжело ходить, она для всех «заболела». В Риме между тем началась очередная эпидемия чумы, народ обратился к папе с призывом провести крестный ход и в центральном соборе совершить богослужение. Отказать в этой просьбе папа не мог.

Согласно дошедшим до нас сведениям, 20 ноября 857 года папа вышел из своих покоев. Идти ему было трудно, и его поддерживали два кардинала. Процессия направлялась к главному собору, где должно было состояться богослужение. Агнесса едва переставляла ноги и возле Колизея неожиданно споткнулась, чем вызвала начало родов. Она со стоном упала на мостовую, а сразу из-под ее мантии раздался писк. Кардиналы бросились к папе, подняли одежды и увидели… младенца. Для священнослужителей это был шок, подобный удару молнии. Все собравшиеся бросились смотреть, что произошло. Началось столпотворение, раздались крики. Одни требовали тотчас расправиться с обманщицей, тайно пробравшейся на папский

трон, скрыв свой пол, другие просили быть милосердными к родившей женщине и ее ребенку.

Дальнейшие события в разных хрониках описываются по-разному. Некоторые утверждают, что за столь чудовищный грех папессу и ее отпрыска забили камнями до смерти. По другой версии, ее привязали к хвосту лошади и гоняли по улицам Рима, пока она не скончалась. По третьей версии, она умерла во время родов и ее похоронили в церкви Святого Климента, а мальчик вырос, его отдали в монастырь, и он до служился до епископа.

Итальянский писатель Боккаччо называл папессу Иоанной Джибертой и описал ее историю в одной из своих новелл. Некоторые исследователи историй папства утверждают, что папесса была возлюбленной папы Льва IV, а ребенок у нее от молодого священнослужителя, с которым она тайно обвенчалась.

Папесса Иоанна. Книжная иллюстрация

Получить в Ватикане какие-либо сведения о женщине, занимавшей пост папы римского в период с IX по X век, нет никакой возможности. Там эту историю полностью игнорируют, называют выдумкой. Но тогда почему в узкую улочку между Колизеем и собором Святого Климента папы не заходят ни при каких условиях? С X века они упорно ее избегают. Не связано ли это с нечестивой, ее греховным поведением и убийством на этой самой улице? Кстати, возле собора Святого Климента долгое время стояла каменная статуя женщины в тяжелых одеждах, на руках она держала только что родившегося младенца. В народе ее называли «без вины убитая папесса Агнесс».

Скандинавские разбойники

В VIII–XI веках, забросив свой тяжелый труд, они занялись разбоем, пиратством, совершали отчаянные завоевательные набеги, которые приносили легкую добычу.

Жизнь на Севере была трудна. Суровые условия жизни закалили людей, но и вынуждали искать лучшей доли. Распад общинно-родового строя у датчан, шведов и норвежцев привел к тому, что свободные молодые мужчины должны были брать в руки оружие – копье, секиру, меч, – нападать на соседей, захватывать провизию, рыболовные снасти и искать лучшей доли за морем. От 30 до 40 человек садились в низкобортные ладьи, ставили парус, опускали весла и неслись по волнам навстречу удаче.

Когда они неожиданно высаживались на берегу, то с местными жителями сразу начинались ожесточенные стычки. Не всегда викинги выходили из них победителями. Но если и выходили, то не всегда привозили домой богатую добычу. Ближе всех были берега Британии. Первые письменные источники сообщают о высадке викингов на остров Линдисфарн, недалеко от Британии. Произошло это летней ночью 793 года. В звериных шкурах, оглашая все кругом дикими криками, викинги казались страшными неземными пришельцами, несущими разрушение и смерть. Они нападали на прибрежные селения внезапно, рубили всех и вся, не зная пощады и жалости. С собой уносили провизию, ценные вещи, оружие. Тактика нападения была простой – налететь, как вихрь, лучше всего темной ночью, захватить самое ценное и сразу же обратно к лодкам, уходить в море.

Легкая добыча раззадоривала викингов, они с яростью бились, желая добраться до сокровищ. Неудержимый напор в бою все чаще приводил к победам. Язычники, не имевшие человеческого сострадания, уничтожали на своем пути все живое. Вернувшись домой с добычей, они становились героями, другие следовали их примеру. Количество викингов увеличивалось. В 865 году сыновья датского конунга Рагнара Лодброка отправились к берегам Британии с огромным воинством, которое позднее назвали «великой армией язычников». Высадившись на берега Нортумбрии, они казнили местных королей, захватили их владения и поделили между собой. Они не собирались уходить с захваченных земель, считая себя их хозяевами. Они вынудили короля Альфреда Великого заключить с ними перемирие. Правление сыновей датского конунга продолжалось до начала X столетия. Сын Альфреда Великого Эдуард Старший стал теснить

датских завоевателей, и к 924 году территории Восточной Британии были от них освобождены.

Новая волна набегов викингов на Британские острова началась в 980 году. Воодушевленные успехами своих предков, пришельцы из Скандинавских стран грабили британский народ и хотели остаться на захваченных землях навсегда. И в 1013 году датские викинги под руководством Свена Вилобородого завоевали север Англии. Только предпоследнему королю англосаксонской династии Эдуарду Исповеднику удалось прогнать их и вернуть себе престол в 1042 году. Последний датский монарх, который претендовал на английские земли, был Свен Эстридсен. В 1069 году он направил огромный флот до 300 ладей с викингами на борьбу с Вильгельмом I Завоевателем. Ему удалось захватить только город Йорк. Сражаться с армией Вильгельма он не стал, силы были неравны. Эстридсен договорился о выкупе и вместе с флотом вернулся обратно в Данию.

Реконструированное жилище викингов в Исландии

К концу X века нашествия викингов значительно ослабели, хотя однажды они дошли до Парижа. Не зная, как бороться с непредсказуемым грабительским нашествием скандинавов, французский король Карл Простоватый в 911 году отдал им север Франции. Там поселился скандинавский вождь Роллон, местность

получила название Нормандия. Набеги там прекратились, дружины северян растворились в местном населении. Именно от Роллона произошел знаменитый Вильгельм Завоеватель, покоривший Англию в 1066 году. От викингов же пошел род нормандского князя Танкреда Отвиля, который покорил юг Италии. Таким образом, было положено начало Сицилийскому королевству.

Завоевательные грабительские походы викингов стали спадать к первой половине XI века. Численность населения в Скандинавских странах из-за отсутствия мужского населения постоянно уменьшалась, некому было продолжать род, развивать хозяйство. В Европе распространялось христианство, которое проповедовало смирение, любовь к ближнему. Новая вера не одобряла грабительских набегов, осуждала варварство и работорговлю. В городах и селениях Европы стали появляться церкви, оплоты новой веры, укреплялись феодальные отношения, образ жизни стал оседлым. Эпоха викингов закончилась.

Ассасины против крестоносцев

Массовое движение крестоносцев началось в 1096 году с похода на Ближний Восток с целью освободить Святую землю от неверных, от магометан. Эти походы сопровождались грабительскими набегами, опустошением земель христианской Европы. Толпы плохо вооруженных крестьян, бродячих рыцарей с нашитым на плащах красными крестами не знали пощады ни к своим, ни к чужим. Мусульманские правители были в смятении, но неожиданно против предводителей крестоносцев кто-то направил отряды наемных убийц.

Одурманенные гашишем, поэтому их называли хашшашины (отсюда слово «ассасин»), не ведая страха, молодые сильные арабы, умело маскируясь, приближались к вожакам рыцарских отрядов, неожиданно нападали на них, убивали и исчезали. Отряды несли немалые потери. Именно с эпохи Крестовых походов слово «ассасин» стало ассоциироваться в европейских языках с понятием «наемный фанатик-убийца, не ведающий страха».

Крестоносцы не смогли дать им достойный отпор. Короли, бароны, богатые феодалы, рыцари не сразу осознали, откуда им угрожала опасность. Не представляли, что с первых шагов их по мусульманской земле они становились мишенью для ассасинов. Распознать подосланных убийц было невозможно. Предлагая свои услуги в качестве проводника, переводчика, мелкого торговца украшениями или даже поставщика красивых девушек, они входили в доверие к несведущим в чужих землях крестоносцам и нередко заводили отряды в безводные пустыни или горные ущелья. Ночью на стоянках девушки-сообщницы открывали палатки спящих, одурманенных алкоголем рыцарей. Их убивали кинжалами. Иногда отрезали головы и для устрашения выставляли наружу. И бесследно исчезали. Если удавалось схватить на месте преступления молодых арабов, их допрашивали, подвергали изощренным пыткам, результата не добивались. Они никого не выдавали, и путь к гнезду, из которого их направляла чья-то умелая рука, оставался неведом.

Но со временем кое-какие сведения крестоносцы смогли добыть. Они находили записи, их расшифровывали, появились доброжелатели из числа мусульман, принявших христианскую веру. Крестоносцы узнали о существовании некоего великого аскета, называемого Старцем гор, который был религиозным настоятелем ассасинов, их организатором. Это он воспитывал их, организовал секту, которая располагалась в горах Персии, он

провозгласил, что пощады крестоносцам не будет, пусть они уберутся с чужой земли. Даже в христианской Европе они не скроются от возмездия.

Это были не просто угрозы. Вскоре от рук наемных убийц пал один из лучших полководцев крестоносцев, христианский король Иерусалимского королевства Конрад Монферратский, в Европе мусульманскими кинжалами зарезали герцога Баварского, далее пал рыцарь Раймонд Первый, за ними последовали десятки городских правителей и духовных лиц. Казалось, от ассасинов нет спасения. Их никто не видел, они возникали там, где их не ждали. Добраться до гнезда Старца гор никому не удалось.

Конец движению наемных убийц положило монгольское вторжение в страны Ближнего Востока. Потомки Чингисхана в 1256 году разгромили крепости Аламут и Меймундиз в Западной Персии, в которых проходил процесс обучения и физической подготовки ассасинов.

Руины на горе Аламут

Подробную историю зарождения и существования секты хашшашинов, или ассасинов, наемных убийц, рассказал позднее в своих трудах известный венецианский путешественник Марко Поло. По его данным, некий старец Хасан ибн Саббах создал в горах религиозную секту, которая строго придерживалась учения

пророка Мухаммеда. Саббах приглашал к себе молодых людей и делал из них надежных защитников исламской веры своего образца. Он использовал разные приемы. Например, Саббах давал молодым людям покурить гашиш, а также попробовать опийный мак, после чего у них начинали возникать видения. Одурманенных юношей переносили в огороженный фруктовый сад, где звучала чарующая музыка, где столы были уставлены яствами и винами. Там их обслуживали красивейшие девушки. Опьяненные юноши в течение двух-трех дней наслаждались любовью красавиц. Затем их усыпляли снова и переводили в крепость, где их ждала муштра и скромный паек. Там им говорили, что они были в раю. Они смогут снова попасть туда, если будут выполнять волю своего владыки и не пожалеют за него свою жизнь. Молодые люди, жаждавшие снова оказаться в чудесном благословенном месте, где они испытали все прелести жизни, готовы были на все. Так воспитывались ассасины, наемные убийцы, которые с большим рвением изучали методы тайного убийства. По воле Старца гор они направлялись в лагеря крестоносцев. С собой они всегда брали кинжал и мешочек с гашишем.

Оскопление богослова

Знаменитый французский богослов, философ и поэт Пьер Абеляр (1079–1142), выходец из Бретани, с раннего детства изучавший многие науки, в двадцатилетнем возрасте прибыл в Париж, чтобы продолжить свое образование и сделать карьеру священника. Избегавший женщин, видевший в них лишь блудниц, склонявших мужчин к греху, он встретил в Париже чистую девушку по имени Элоиза и сильно увлекся ею. Эта любовная связь подняла его на верх блаженства, но и принесла в дальнейшем физические и моральные страдания.

В своем сочинении «История моих бедствий», подготовленном уже в зрелом возрасте, Абеляр писал о том, что успешно трудился на ниве философии и был всецело охвачен гордостью и сластолюбием «и только божественное милосердие, помимо моей воли, исцелило меня от обеих этих болезней – сначала от сластолюбия, а затем и от гордости». Он, как никто другой до него, в этом труде откровенно обнажил свою душу, рассказал о своих интимных чувствах и переживаниях. «Я гнушался всегда нечистотой блудниц, а от сближения и от короткого знакомства с благородными дамами меня удерживали усердные учебные занятия, и я имел мало знакомых среди мирянок. Моя, так сказать, коварная и изменчивая судьба создала удобнейший случай, чтобы было легче сбросить меня с высоты моего величия в бездну».

Далее он описывает, что в то время в Париже жила некая юная девица по имени Элоиза, 17 лет, племянница одного каноника, которого звали Фульбер. Этот каноник очень заботился о воспитании и образовании Элоизы. И она, очень хорошенькая, отличаясь сообразительностью, достигла заметных успехов в изучении разных предметов. «Так как у женщин очень редко встречается такой дар, то есть ученые познания, – писал Абеляр, – то это еще более возвышало девушку и делало ее известной во всем королевстве».

Абеляр заинтересовался девушкой. Он был молод и красив, считался известным преподавателем, о искусстве его риторики, умении дискутировать говорили далеко за пределами Парижа. Он предложил Фульберу свои услуги в качестве учителя для его племянницы и плату за это попросил невысокую. Скупой Фульбер обрадовался выгодному предложению. Более того, он попросил Пьера относится к девушке строго и при необходимости наказывать ее, так дядя сам «отдал нежную овечку голодному волку».

Между молодыми людьми вспыхнула самая настоящая, земная любовь. «Под предлогом учения мы всецело предавались любви, – писал Абеляр, – и над раскрытыми книгами больше звучали слова о любви, чем об учении; больше было поцелуев, чем мудрых изречений; руки чаще тянулись к груди, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным… Охваченные страстью, мы не упустили ни одной из любовных ласк с добавлением и всего того необычного, что могла придумать любовь».

Но любовь слепа. Абеляр перестал уделять должное внимание своим основным занятиям в школе, к чтению лекций стал относиться небрежно. Ученики заметили перемену в преподавателе и стали жаловаться. Да и дядя не дремал, он оказался не таким уж наивным. По истечении нескольких месяцев любовная связь учителя и его юной ученицы вскрылась. Пьеру Абеляру пришлось спешно покинуть гостеприимный дом. А вскоре его ученица в письме призналась ему, что беременна, и спрашивала его, что ей делать. Абеляр украл свою возлюбленную, тайно выведя из дома дядюшки, и отправил к себе на родину. Там она родила сына, которого назвали Астролябием.

Могила Абеляра и Элоизы на кладбище Пер-Лашез в Париже

Фульбер был в бешенстве. Он не знал, как отомстить коварному учителю за соблазнение невинной племянницы.

Ситуация складывалась очень неприятная. И тогда Абеляр, сознававший свою вину, лично отправился к Фульберу, стал просить у него прощения, обещал жениться на девушке. Дядя якобы согласился, но в душе у него зрел коварный план, он жаждал отлучить «развратника» от церкви.

Между тем успокоенный Абеляр привез Элоизу с сыном в Париж и предложил ей вступить с ним в законный брак. Однако теперь этому воспротивилась Элоиза. Она посчитала, что такой брак не принесет им счастья, он не позволит Абеляру сделать карьеру священника, а обозленный дядя… все равно найдет способ, чтобы отомстить им. Так и случилось.

Дядя постоянно приходил к Элоизе, бранил ее, всячески позорил. Абеляр не смог вынести несправедливых нападок и отвез Элоизу в женский монастырь Аржантейль. Узнав об этом, дядя и его родственники ополчились теперь против самого Абеляра. Они решили, что он сделал ее монахиней против ее воли, и совместно решили отомстить ему.

Однажды ночью, когда Абеляр спокойно почивал в своей постели, в дом ворвались люди. Сколько их было, он не помнил. Они силой разложили его на кровати, вытащили ножи и… оскопили. Громкие крики разбудили жителей. Узнав о происшедшем, все бросились искать негодников, совершивших непотребное бесчинство. Двое из нападавших были вскоре пойманы. Их также оскопили и к тому же ослепили. Абеляр был отомщен, только легче от этого ему не стало. Его естественная любовь к Элоизе, как и ко всем женщинам, закончилась. Он превратился в евнуха. Путь к высоким церковным должностям тоже был закрыт.

После медицинского лечения Абеляр служил монахом в одном монастыре, позднее вернулся к преподавательской деятельности, стал известным философом. Он умер в 1142 году в монастыре Святого Маркела. Его прежняя возлюбленная Элоиза, также ставшая монахиней, перевезла тело покойного в Паркалете, где и похоронила, оставив возле него место для себя. В 1800 году останки обоих были перенесены в парижскую церковь Сен-Жермен-де-Пре, а в 1817 году их предали земле на кладбище Пер-Лашез. Только так влюбленные воссоединились.

Убийство у алтаря

В начале 1171 года Европа была потрясена сообщением, поступившим из добропочтимой Англии, – прямо у алтаря собора в Кентербери был зверски убит известный архиепископ Кентерберийский Томас Беккет (1118–1170). Кому была нужна смерть уважаемого священнослужителя, почитаемого богослова? Распространялись разные слухи. Говорили даже, что его убийцы некие ассасины, темные люди, пришедшие с Востока. Обеспокоенные монархи Франции, Испании, Нидерландов посылали своих послов в Лондон, чтобы выяснить все обстоятельства. Папа римский Александр III грозил убийцам страшными карами.

Небольшой городок Кентербери, расположенный в 85 километрах к юго-востоку от Лондона, в Средние века считался религиозным центром всей Англии – в нем находился древнейший Кентерберийский собор с кафедрой архиепископа. В начале 1171 года в него хлынули паломники из разных уголков Англии и стран Европы. Все хотели увидеть место убиения архиепископа у алтаря, поклониться его могиле, узнать последние новости.

Томас Беккет появился в Кентербери в 1142 году в возрасте 24 лет. Он служил помощником у местного архиепископа Теобальда и подавал большие надежды как священнослужитель. Образованный, спокойный, он соблюдал все обряды, показывал образец ревностного служения Богу. Его отец был сыном рыцаря, приобрел неплохое состояние и стал владельцем недвижимости в Лондоне, а вот мать… Она была якобы с Востока. Ее вывезли после Первого крестового похода рыцарей к Святым местам. Некоторые даже утверждали, что она была мусульманской принцессой, которую украли, крестили и сделали христианкой… Отсюда восточные убийцы ассасины, отсюда кровная месть.

Истинной подоплеки убийства никто не знал. Упорно ходили слухи об убийцах с Востока, ассасинах. Правда вскрылась спустя годы. Этого человека, который пожелал смерти архиепископа, знала вся Англия и вся Европа, он находился на самой вершине власти – король Генрих II Плантагенет (1133–1189), который значительную часть своей жизни провел в военных походах. Это удивительно, но с давних пор король считался лучшим другом архиепископа, они вместе гуляли, пили, и Томас Беккет в должности канцлера всегда стоял на стороне первого властителя.

В юные годы Томас Беккет был рыцарем. Любил турниры, проявил себя отважным бойцом и считался веселым гулякой. Ни о

каком служении церкви он не думал, учился в Парижском и Болонском университетах, изучал право, философию. Но когда он вернулся в Англию, то король предложил ему перспективное местечко помощника у архиепископа Теобальда. Томас поразмышлял и согласился, сделался ревностным христианином. Затем его отправили служить в Рим к папе.

После возвращения домой в 1162 году король рекомендовал его на пост архиепископа Кентерберийского. Генрих рассчитывал, что друг окажет ему помощь в подчинении английских епископов, которые начнут платить в казну хорошие налоги. Но не тут-то было. Томаса Беккета как подменили. Он сделался послушным папе вассалом и стал противником короля. Многие решения Генриха оспаривал или игнорировал. Архиепископ восстанавливал свою паству против сюзерена. Генрих был взбешен. Такого вероломства от лучшего друга он не ожидал. В 1164 году он обвинил архиепископа в растрате казны. Томас счел за лучшее бежать из Англии. Его приютил у себя французский король Людовик VII. Так Томас Беккет оказался в центре европейской политики. Он писал монархам письма, давал политические советы и приобрел такой вес, что Генриху пришлось с ним помириться. Он же предложил Беккету вернуться в Англию.

Мятежного архиепископа встречали тысячи восторженных его почитателей. Лодку, на которой его святейшество причалил к берегу Англии, украсили цветами и на руках несли до Кентербери. Это был триумф Томаса Беккета и очередное поражение Генриха. Восстановившись на прежнем месте архиепископа в Кентербери, Томас в первую очередь уволил всех епископов, которые подчинялись королю. Это его решение было последней каплей, которая переполнила терпение Генриха II. Согласно легенде, находясь далеко от Лондона, в Нормандии, король в сердцах воскликнул: «Когда же избавят меня от этого мятежного попа?» Услышав эту фразу, служившие ему верой и правдой рыцари Реджинальд Фитц-Урс, Хьюг де Моревиль, Уильям де Траси и Ричард ле Бретон восприняли ее как приказ.

Они тотчас отправились в Англию. 29 декабря 1170 года накануне вечерней службы в Кентерберийский собор вошли четыре человека, одетые в черные плащи. Встретив архиепископа, они потребовали от него отправляться с ними на суд к королю. Беккет категорически отказался. Рыцари вернулись за оружием и, настигнув архиепископа у алтаря, мечами нанесли ему несколько ударов, раздробили голову. После этого бежали… Убийство по горячим следам раскрыто не было.

Культ святого Томаса Беккета быстро распространился по

всей Англии и Европе. Масштаб паломничества к его могиле вызвал необходимость строительства Лондонского моста через Темзу. Джеффри Чосер в своих знаменитых «Кентерберийских рассказах» также сообщал о паломничестве к гробнице Беккета. В 1174 году Генрих наконец покаялся. Но признался ли он в совершенном преступлении, неизвестно. Известно другое, король босиком пришел к могиле своего бывшего друга и врага…

Убийство Томаса Беккета. Художник Мастер Франке

В годы правления короля Генриха VIII, известного своей враждебностью к священнослужителям и открытой неприязнью к папе римскому, гробницу Томаса Беккета вскрыли. Все ценности

были изъяты, а сами мощи сожжены.

Крестоносцы-грабители

Призыв папы римского Урбана II в 1095 году в Клермоне организовать поход против неверных, против мусульман, захвативших христианские святыни в Иерусалиме, вызвал мощный духовный подъем в Европе и одновременно спровоцировал жажду личного обогащения. Крестоносцами становились не только короли и благородные рыцари. Все, кто мог держать в руках оружие, загорелись желанием добраться до Земли обетованной, отобрать у мусульман сокровища и тем самым очиститься от грехов. Двигаясь по Европе, это неорганизованное многотысячное войско, конных и пеших, повело себя, увы, не по-христиански. Страдавшие от жажды, холода, голода, болезней крестоносцы принялись грабить своих единоверцев. Из благородных рыцари превратились в буквальном смысле в разбойников, наводивших ужас на местных крестьян.

Крестоносцы в Иерусалиме. Художник Г. Доре

Папа сумел распалить паству. В своей речи он приводил жуткие истории о жестокостях, творимых турками в Святой земле. Он скорбел о невинно убиенных христианах и метал громы и молнии в адрес мусульман, требовал убивать неверных. Толпа

ему внимала и периодически восклицала: «Так хочет Бог!» Папа знал, что в Иерусалиме царило спокойствие, паломников-христиан никто не притеснял, доступ к Гробу Господню был свободен, правда, за проход к нему турки взимали плату. Об этом ему рассказал византийский император Алексей I Комнин, который просил прислать рыцарей для наведения порядка в Византии, но отнюдь не в Иерусалиме, которым в то время владели мусульмане. Такова была подоплека «кровавых» событий на Святой земле.

Папа намеренно сгущал краски. Очень хотелось ему проявить себя истинным защитником Гроба Господня и сделаться объединителем двух церквей – Римско-католической и Греко-православной. Его речь достигла цели – толпа готова была тотчас взяться за оружие и двигаться в Иерусалим. Рыцари, собравшиеся в Клермоне, стали нашивать на свои плащи красные кресты, собирали оружие.

Первый крестовый поход начался весной 1096 года. Примерно 30–50 тысяч бедняков, среди них тысячи плохо вооруженных рыцарей, с женами и детьми, без всякого запаса продовольствия, двинулись в южном направлении. Они шли выполнять божескую миссию, освобождать Святую землю, и были убеждены, что в пути им будут делать щедрые пожертвования. Увы, никто не ждал этих бедняков. Никто не собирался их бесплатно кормить, поить, снабжать одеждой, обувью и оружием. Перед разноголосой и разношерстной толпой городские ворота закрывались, двери крестьянских домов захлопывались. Крестоносцы негодовали и вспомнили призыв папы «Убей неверного!» Новоявленные защитники Гроба Господня принялись громить находящиеся на их пути христианские села и деревни. Особенно доставалось евреям, венграм, болгарам и прочим народам, оказавшимся также в категории неверных. С крестом в руках, с криками «Так хочет Бог!» крестоносцы врывались в дома, убивали мужчин, насиловали женщин, забирали лошадей, продукты питания, одежду, оружие. И жгли дома тех, кто оказывал им сопротивление. Некоторые крестоносцы отставали от войска. Они не хотели двигаться дальше, их прельщала свободная жизнь грабителей.

На Дунае шайки крестоносцев разграбили и опустошили многие венгерские земли, затем принялись за болгарские. Против рыцарей-грабителей выступила объединенная армия венгров, болгар и византийцев. В этой борьбе сотни крестоносцев погибли, но грабежи не прекратились. Пришлось вмешаться венгерскому королю Кальману I. Выступив вместе с армией, он пытался урезонить двигавшихся в Иерусалим воинов. Не помогло. Воевать

открыто с крестоносцами он не рискнул, опасался разгневать папу Урбана II. Тогда он стал захватывать известных рыцарей и делать их своими заложниками. Если грабежи прекращались, он опускал их, не прекращались – забирал в заложники новых.

Первый крестовый поход, к которому позднее присоединились короли и рыцари, тем не менее достиг своей цели – жарким летом 1099 года мусульманский Иерусалим пал. Он оказался в руках осадивших его воинов-крестоносцев. Но, оказавшись внутри города, воины Христовы не пошли к Гробу Господню. Их интересовали дома местных богачей. По привычке они начали грабить мирное население, убивали мусульман и забирали у них все ценное. Они захватывали мечети и выносили из них золотые и серебряные изделия. Крестоносцы дрались между собой за обладание наиболее ценными предметами. Иерусалим снова стал христианским, но ценой убийства тысяч мирных горожан, ценой грабежей…

В 1147 году начался Второй крестовый поход, который бесславно закончился в 1149 году. Его благословил папа римский Евгений III. Прежняя история повторилась – крестоносцы на своем пути грабили местное население, а кто оказывал им сопротивление, убивали. Именно грабежи и насилие привели к тому, что итоги Второго похода, в котором принимали участие французские и немецкие короли, оказались не только полностью провальными, но и гибельными в дальнейшем для христианского Иерусалима.

Одним из главных виновников потери Иерусалима и христианских ценностей оказался честолюбивый французский барон Рено де Шатильон, князь Арнаут (1124–1187). Это был храбрый и романтичный человек, которого мало волновали христианские святыни Иерусалима. Он стремился воплотить свои честолюбивые замыслы. Захватив на территории Сирии мощную замок Крак, Рено превратил его в свой замок, откуда подчиненные ему рыцари в течение многих лет совершали нападение на торговые караваны мусульман, направлявшихся в Европу. В своих тюках и бурдюках арабы перевозили ценнейший товар того времени – пряности, вино, мед, эликсиры для духов и снадобий. Их беззастенчиво грабили, лишая тем самым европейских купцов столь желанного товара. Этому есть объяснение: Рено 16 лет провел в плену у мусульман. Теперь он им мстил. Однажды вместе с подручными рыцарями он напал на караван, в котором находилась сестра Саладина (Салах ад-Дин, 1138–1193), выдающегося полководца, султана Египта и Турции.

Это известие вызвало жесточайший гнев Саладина, который поклялся на Коране наказать насильника и изгнать всех

крестоносцев из Иерусалима. Эта борьба продолжалась не один год. Но несмотря на все трудности, Саладин выполнил клятву. В 1187 году он разбил крестоносцев в битве при Хаттине и захватил Иерусалим. Церкви города снова были обращены в мечети. Тысячи рыцарей попали в плен, большинство из них продали в рабство, часть казнили. Среди них был и барон Шатильон, которому отрубили голову и выставили напоказ. Но, Саладин не стал разрушать город. Он гарантировал неприкосновенность христианских паломников, желавших посетить Иерусалим. Несмотря на предпринятые в дальнейшем новые крестовые походы, Иерусалим остался в руках мусульман.

Преступник – антипапа

Со дня зарождения папства в Италии (первым папой римским считается апостол Петр, который умер в 67 г.) на этом посту находились 263 папы. В основном они добросовестно выполняли свои религиозные обязанности. Но к ним следует прибавить еще 43 человека, которые в разное время занимали Святой престол, но за свои неблаговидные деяния оказались в списке антипап. К числу самых известных среди них относится антипапа Иоанн XXIII (1370–1419), в миру неаполитанец Бальтазар Косса. В свое время он обвинялся в пиратстве, убийствах, содомии, инцесте и других преступлениях. По предположениям, он отравил папу Александра V и занял его место.

Большинство историков склоняются к мысли, что это был незаурядный человек, яркой внешности – высокий, красивый, с прекрасно развитой фигурой, получивший хорошее светское и религиозное образование и обладавший даром убеждать. Пиратом он стал «по семейным обстоятельствам»: его отцу, потомку древнейшего рода римских правителей, принадлежал остров в Неаполитанском заливе, известный как Искья. В одной из бухт острова старший брат Бальтазара Гаспар прятал свою пиратскую флотилию. Вместе с отъявленными головорезами Гаспар надолго уходил на промысел в открытое море. К этому занятию он подключил своего младшего брата, когда тому исполнилось 13 лет.

Бальтазар быстро выучился морскому делу и владению всеми видами колющего и режущего оружия. Но через пару лет ему пришлось оставить пиратство – по настоянию матери он отправился в Болонью учиться. Он поступил на теологический факультет местного университета и быстро стал вожаком студенческой молодежи. Бальтазар легко учился, освоил божественную науку, а в свободное время шумно гулял, участвовал в дуэлях и соблазнял местных красавиц. В общей сложности, как позднее подсчитали монахи-летописцы, только в одной Болонье он совратил не менее 300 девушек, в их числе десятки девственниц и замужних женщин. Многие девушки его очень любили. Но его не любили мужчины, особенно те, жен и сестер которых Бальтазар обесчестил. Они-то и устроили погоню за ним.

Юноша укрылся в доме кардинала ди Санта Кьяру, где в то время пряталась от инквизиции любовница кардинала девица Яндра делла Скала, ее считали чародейкой, колдуньей, еретичкой. Между молодыми людьми вспыхнула любовь.

Инквизиции удалось схватить обоих. Им грозили пытки и костер. На подмогу пришли вооруженные головорезы Гаспара и буквально из рук палачей вырвали обоих. И тогда Бальтазару снова пришлось заняться пиратством. Теперь, когда его корабль приставал к берегу, он со своей подругой и вооруженными дружками в отместку святой инквизиции беззастенчиво грабил церкви, уносил все золотые и серебряные вещи.

И все же Бальтазара поймали. Ему припомнили все грехи, привезли в Рим и заточили в подвал дворца папы Урбана VI, по происхождению неаполитанца. Впереди его ждали допросы, экзекуции и суд. Но… судьба к нему была милостива. Папа Урбан захотел поговорить с преступником, внушить ему основы добродетели. И поразился религиозному многознанию молодого человека, его вере и готовности служить церкви. Так Бальтазар стал помощником у старевшего папы. После его скорой кончины он перешел в услужение следующему папе, Бонифацию IX, также неаполитанцу, который хорошо знал отца Бальтазара. Бонифаций, который нуждался в надежном человеке, назначил Бальтазара казначеем, а в 1402 году сделал его… кардиналом.

Иоанн XXIII. Неизвестный художник

Получив власть, заимев деньги, Бальтазар стал вести себя в Риме, как и в Болонье, принялся совращать девственниц и замужних матрон. Секретарь Ватикана Дитрих фон Ним, свидетель разного распутства, записывал: «Неслыханные, ни с чем

не сравнимые дела творил Косса… в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия». Бальтазар не знал удержу в своих страстях, но папа на все его прегрешения смотрел сквозь пальцы. Учитывая его разбойное прошлое, Бонифаций поручил ему одно деликатное дело – усмирить некоторые непокорные области, в том числе Болонью, Перуджу и Ассизи. Бальтазар, у которого всегда наготове были вооруженные люди Гаспара, смело отправился в поход. Непокорные покорились его мечу и огню.

Во время избрания нового папы Григория XII в 1406 году в папстве царил раскол – во французском Авиньоне действовал еще один папа, Бенедикт XIII, оказавшийся в категории антипап. Римский же папа Григорий невзлюбил Бальтазара, захотел лишить его сана. Не тут-то было. Кардинал Косса, привыкнув к власти и почитанию, не собирался снимать пурпурную мантию, он решил сам стать папой и пригласил в Пизу кардинала Филарга, которому предложил место папы. Так в католическом мире появилось сразу три папы: авиньонский, римский и пизанский, Александр V, также в дальнейшем оказавшийся в категории антипап.

Но пизанский папа правил недолго. Бальтазар торопился разыграть свою карту – после званого ужина в Болонье у Александра страшно разболелся желудок, спасти его не было никакой возможности. После его смерти кардинал Бальтазар Косса собрал конклав и во всеуслышание произнес два слова: «Я – папа». Так на Святом престоле появился Иоанн XXIII. Новый папа не изменил своих привычек, распутствовал, как и прежде, кинжалом и отравой устранял неугодных ему священнослужителей и совершенно забыл о богослужениях. Но ему напомнили.

В 1414 году в Констанце был созван собор, который должен был покончить с правлением трех пап. Иоанн приехал на него и едва не поплатился своей свободой, его схватили и обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах: он пират, разбойник, насильник, грабитель, отравитель, убийца… Его собирались прилюдно сжечь, но Иоанну удалось бежать. А в Констанце продолжали зачитывать список его преступлений: многочисленные совращения юных девушек, отравления, подкупы, грабежи и убийства, убийства… Свыше семидесяти обвинений. Собор в Констанце сместил Бальтазара Коссу с престола папы римского. Ну и что? Вернувшись в Италию, Бальтазар стал служить архиепископом. Он сделался главой коллегии кардиналов и жил припеваючи на деньги флорентийского банкира Косимо Медичи, который с

удовольствием слушал рассказы бывшего папы – пирата, насильника, грабителя, убийцы, отравителя – о приключениях его далекой юности…

Скончался Бальтазар во Флоренции. Его похоронили в соборе и соорудили величественное надгробие. Но католическая церковь в течение почти 550 лет избегала называть пап именем Иоанн. Только в 1958 году кардинал Ронкалли при избрании на папский престол принял имя Иоанн XXIII, признав тем самым Бальтазара Коссу незаконным папой.

Костер для Орлеанской девы

Шестнадцатилетняя деревенская девушка Жанна д'Арк была необыкновенной личностью. Она убедила себя в своем великом предназначении и сумела убедить в этом будущего короля Карла VII и французские войска, которых повела за собой против английских завоевателей. При ее участии воины одержали ряд выдающихся побед. Но когда она попала в плен к англичанам, когда ей понадобилась помощь, от нее отвернулись весь королевский двор и священнослужители, которым она помогала. Судьи святой инквизиции назвали ее еретичкой и постановили сжечь на костре. Жанна так и не поняла, за какие провинности ее решили казнить.

Сегодня эта девушка – выдающаяся героиня Франции, спасительница страны. Ее почтительно называют Орлеанской девственницей, так правильно по-французски. Она была одной из главнокомандующих французскими войсками в Столетней войне, одержала важнейшую победу под Орлеаном. Уже в наше время католическая церковь канонизирована ее и причислила к лику святых. Но 30 мая 1431 года ее объявили злейшим врагом церкви, религии и французского народа. В сером рубище, с бумажным колпаком на обритой голове ее привели на рыночную площадь Руана, возвели на помост, где привязали к столбу. Священник поднял крест, произнес слова прощальной молитвы, палач поджег кучу хвороста. Когда огонь разгорелся, девушка заголосила, обращаясь с призывами к Иисусу Христу…

Жанна родилась в обычной крестьянской семье 6 января 1412 года, никакого образования у нее не было: читать и писать не умела, зато быстро выучила молитвы. Лет в тринадцать ее стали «посещать» голоса разных святых. Они учили ее любви к Богу. В те времена «посещения» и «видения» святых были не в диковинку. У Жанны «голоса» и «видения» с возрастом не проходили. И когда ее братья стали жаловаться на английских солдат, воровавших у них скот, то «голоса» вдохновили их сестру на борьбу против иностранных завоевателей.

В начале XV века Франция переживала не лучшие времена – заканчивалась эпоха Столетней войны, в руках англичан оказался весь север страны, на их сторону перешли многие феодалы. В октябре 1428 года англичане подошли к Орлеану и осадили его. Жанна знала о наступлении англичан и мечтала помочь своей стране. Она договорилась со своим родственником Дюраном Лаксаром о поездке в городок Вокулер, где располагались французские войска. Ей хотелось встретиться с королем. Нашелся

человек, который решил ей помочь в этом. Это был опытный воин Бодрикур. Он написал письмо королю, в котором старался убедить его в необходимости принять Жанну, вдохновенную пророчицу, горевшую страстным желанием снять осаду с Орлеана, провести коронацию короля и освободить всю Францию. Король согласился ее принять. Можно представить себе, в каком безвыходном положении был юный правитель, если он откликнулся на такое предложение. Это была первая победа Жанны. В ее предназначение поверил сам король, а ученые мужи, окружавшие его, не нашли ничего предосудительного в ее «голосах» и «видениях».

Жанна д'Арк на коронации Карла VII. Художник Ж.-О.-Д. Энгр

Хроники свидетельствуют, что весной 1429 года вместе с обозом и несколькими вооруженными отрядами Жанна отправилась на спасение Орлеана. У нее было особое знамя: на белом фоне в окружении ангелов был изображен Иисус. 18 апреля того же года она, как настоящий полководец, посылала английским солдатам письма, в которых требовала передачи ей ключей от всех городов, занятых ими во Франции. В противном случае она, Жанна д'Арк, действуя от имени и по повелению Бога, устроит им такую сечу, которую мир не видел тысячу лет.

Осада Орлеана длилась уже шесть месяцев. Французские войска, получив подкрепление, уверовав в силу молодой предводительницы, а слух о ней моментально распространился среди солдат, пошли на штурм. Жанна вскочила на коня и бросилась в бой. Ее звонкий голос был хорошо слышен. Вскоре ее ранили, стрела воткнулась ей в плечо. Ее присутствие, ее необычное знамя вдохновило французских солдат, они выгнали англичан. Орлеан был свободен.

Ошеломительная весть о появлении святой пророчицы, поднявшей меч мщения, которой сам Бог внушает веру в победу, дошла до короля. Чудо начало свершаться, он сделал правильный выбор. Конечно, особой военной заслуги в разгроме англичан под Орлеаном у Жанны не было. Она не вела войска, она не командовала ими, но она вдохновляла солдат.

Следующее деяние, которое возвеличило Жанну в глазах теперь уже всего народа Франции, стало ее требование провести коронацию Карла VII в Реймсе. Французы прислушивались к голосу новоявленной пророчицы. Доблестные войска, предводимые этой святой, одержали очередную победу над англичанами при Пате. В который раз Жанна своим звонким голосом призывала к бою, подбадривала всех своим знаменем и именем Иисуса. Карл вступил в Реймс 16 июля. И уже на следующий день состоялась его коронация. Карл выразил признательность Жанне щедрыми дарами, а ее родную деревню Домреми освободил от налогов.

После коронации в Реймсе Жанна не знала, что ей предпринять еще. Она уверовала в свое великое предназначение и хотела выгнать англичан со всей территории Франции. На свой страх и риск она решила штурмом взять Париж. Но непродуманная и плохо подготовленная операция сорвалась. Это был серьезный удар по ее престижу, по авторитету непобедимой воительницы. 23 мая 1429 года состоялся последний бой при Компьене, в котором она принимала участие. Там ее заманили в ловушку: оказавшись на подъемном мосту, она не заметила, как

оторвалась от своих. Бургундцы, защитники Компьена, союзники англичан, тотчас подняли мост и схватили девушку. Ее стащили с лошади и взяли в плен.

Позорный процесс над ней не состоялся бы, если бы ее согласился освободить король. Но Карл не посчитал нужным тратить на это деньги. Жанну у бургундцев купили англичане. А дальше начался другой торг: кто должен судить Жанну – церковь или англичане? Судить девятнадцатилетнюю девицу только за то, что она сумела поднять французские войска и победить англичан? Пусть церковь судит ее как посланницу черта, как еретичку.

Так Жанна оказалась в Руане в руках святой инквизиции. Процесс начался с допросов Жанны. Судьи стремились поймать ее на противоречиях, умело запутывали молодую девушку, требовали от нее по каждому пункту обвинения раскаяния. Но Жанна все обвинения отвергала. Она говорила только о своем происхождении, о призывных «голосах». Процесс длился несколько месяцев. К Жанне с учетом ее возраста и популярности пыток не применяли. Да, она носила мужское платье, да, она сражалась против англичан, да, она стриглась коротко. За это казнить? Ни в чем другом она не признавалась.

Суд длился с 26 марта по 24 апреля 1431 года. Терпение судей подошло к концу. На последнем заседанием был зачитан текст обвинения: «Девственница объявлялась виновной в злодеяниях, противных церкви». Она якобы вызывала злых духов, использовала магические приемы. Она безбожница, еретичка, отрицающая церковь, которая передается светской власти – англичанам. Приговор был слишком суров. Жанна не понимала, как ее высокое предназначение, ее миссия освободительницы могла привести ее на эшафот.

День 30 мая 1431 года начался с песнопения, с молитвы, а закончился костром, в котором сгорело тело Жанны д’Арк, Орлеанской девственницы, ставшей не нужной ни королю, ни войскам, ни Франции. О ней вспомнили только через три года. Снова был созван процесс судей, но уже других, патриотически настроенных, на котором ее реабилитировали, назвали национальной героиней. В 1920 году католическая церковь признала наконец свою ошибку и канонизировала Жанну д’Арк.

Тайна Синей бороды

У французского писателя Шарля Перро есть сказка под названием «Синяя Борода». Многие хорошо знают ее зловещий сюжет, видели пугающие картинки художника Гюстава Дорэ. Однако «Синюю Бороду» трудно назвать сказкой, скорее это криминальный репортаж о человеке, который явно страдал манией убийства. Жестокий по природе, он убивал своих жен, трупы прятал в запретной каморке замка. Зачем? Ответа на этот вопрос в сказке нет. Ответ был в реальной жизни. Считается, что прототипом Синей Бороды послужил известный богач, владелец замков Тиффож и Машекуль в Бретани, маршал Франции, барон Жиль де Рэ, увлекавшийся алхимией, чародейством и прославившийся своими злодействами.

У него в детстве было все, что мог пожелать себе ребенок: красивые игрушки, гувернеры-учителя и громадная библиотека. Он осиротел рано, в 11 лет, и его воспитанием занялся дед, прививший внуку интерес к военному делу. Маленький Жиль учился фехтовать, выезжал со взрослыми на соколиную охоту, но больше всего пристрастился к книгам, изучал иностранные языки. Он читал произведения древних греков, римлян, восточных авторов, изучал биографии именитых императоров. И поразился творимыми ими зверствам. Сплошные казни, отравления. Своих жен и наложниц они убивали без счета.

Перед ним предстали самые неприглядные стороны жизни древних правителей. Римский император Тиберий организовывал на острове Капри безумные вакханалии. Старевший властитель Рима заманивал на остров молоденьких девушек и юношей. Они демонстрировали перед ним все превратности любви, обнаженными устраивали хороводы, он купался с ними в ваннах из вина.

Другой император, Каракалла, окружил себя магами, гадалками, звездочетами. Он поклонялся египетской богине Изиде, построил в Риме ее храмы, сам ворожил на внутренностях убитых им животных. Последовавший за ним император Гелиогабал обожал наряды, танцы и праздничные веселья. Смысл его жизни состоял в поисках новых наслаждений. Вместе с друзьями, юношами и девушками предавался немыслимому разврату. В пьяном угаре они приводили во дворец красивых бездомных юношей, убивали их, рассматривали внутренности, тела приносили в жертву богам. Это занятие им так понравилось, что по всей Италии воины-преторианцы разыскивали красивых детей…

Жиль де Рэ. Художник Э.-Ф. Ферон

Сцены превратной жизни кровожадных римских императоров заставили Жиля задуматься о собственной судьбе. Ему захотелось уподобиться великим монархам, предаться такой же вольной и праздной жизни, завести у себя двор-гарем, похожий на римский. Он начал с женитьбы. В 16 лет он украл невесту-кузину и, несмотря на запрет церкви, на браки между родственниками, обручился с ней. Однако вскоре юная жена умерла. Он женился вновь, и вторая умерла, у него появилась третья жена… Сколько было у него жен и что происходило с ними в его замке, осталось невыясненным.

Устав от супружеской жизни, Жиль решил попробовать себя в ратном деле. Он отправился на поля сражений, принял участие в Столетней войне между Францией и Англией, храбро сражался, был безжалостным к врагам. Иногда в обмен на солидный выкуп он даровал пленнику жизнь. Если выкупа не было, пленника вешали тут же, без промедления. Боевые заслуги позволили ему занять пост телохранителя Орлеанской девственицы, Жанны

д'Арк. В 26 лет ему присвоили звание маршала Франции. Вскоре Жанна попала в плен. Верный долгу Жиль со своим отрядом помчался к Руану, чтобы освободить ее. Но опоздал…

Казнь на костре Орлеанской девственницы произвела на Жюля гнетущее впечатление. Он считал себя виновным в ее смерти и в 1433 году удалился в свои поместья в Бретани. Больше в боевых действиях он участия не принимал, только жертвовал средства на прославление любимой воительницы. Оказавшись в своем замке Тиффож, отгороженном от любопытных глаз высокой каменной стеной, он приступил наконец к выполнению своего юношеского замысла. Пригласил к себе в услужение 200 рыцарей, которые стали его охраной и помощниками во всех делах. Они познакомили его с одним некромантом, бывшим монахом по имени Франческо Прелати. Этот итальянец уверял Жиля в том, что якобы умеет вызывать души умерших, и обещал раскрыть те тайны, которые усопшие унесли с собой в могилу. Он может выведать у них места спрятанных сокровищ, узнать тайны заветных знаний. Некроман убедил Жиля де Рэ в своих чародейских силах, продемонстрировав ему несколько фокусов, например вызвал призрака-духа, демона по имени Барон. С этого демона все и началось.

Жиль де Рэ тотчас попросил вызвать ему духов римских императоров Тиберия, Каракаллы, Гелиогабала. Прелати не сумел. Он объяснил это тем обстоятельством, что древние монархи не понимали его языка. Он вызывал одного и того же демона – Барона, вполне осязаемого человека, но несколько странного вида. Этот демон предложил барону де Рэ соорудить на первом этаже замка лабораторию для поисков золота и эликсира молодости и потребовал для этой цели деньги. Жиль де Рэ деньги дал, и работа закипела. В отведенных помещениях появились шкафы, столы, на них устанавливались разные алхимические приборы: реторты, тигли, специальные ножницы, ножи, пилы, щипцы, пинцеты, затем в шкафы укладывались материалы: свинец, олово, ртуть, мышьяк, акульи зубы, кости умерших животных, древние мумии. Какие они проводили опыты, можно только догадываться. В конце концов, дошли и до человеческих жертв. Появились юные мальчики и девочки, у которых брали кровь.

Жившие в окрестностях замков крестьяне не любили нелюдимого маршала и его свиту – наглых рыцарей, которые без спроса могли забрать что угодно. Говорят, они уводили с собой не только беспризорных детей, за гроши покупали у бедняков хорошеньких девочек. Обещали им райскую жизнь и уводили в замок. Оттуда они не возвращались. Поползли слухи один

страшнее другого. По ночам из замка якобы доносились детские крики. Детей там не только растлевали, их резали на части, гадали на внутренностях, сжигали…

В августе 1440 года епископу в Нанте Жану де Малеструа поступила письменная жалоба, в которой крестьяне рассказали о пропавших малолетних мальчиках и девочках, которые, по их предположениям, скрывались в замке барона де Рэ. Вызволить их оттуда никто не может. Епископ в своей проповеди перед верующими рассказал о человеческих пропажах и просил прихожан, которым что-либо известно о случившемся в Бретани, сообщить ему. Молва о пропаже детей и причастности к этому барона де Рэ распространилась по многим округам Франции. Епископу стали сообщать, что барон де Рэ проводит колдовские опыты, вызывает души умерших, вскрывает могилы, ищет сокровища, добывает золото в огромных количествах и помогает ему в этом дьявол по имени Барон…

К расследованию страшных злодеяний подключился глава инквизиционного трибунала Бретани Жан Блуэн. На основе поданных жалоб он составил обвинительный акт, который насчитывал 47 пунктов. Заслуженный маршал Франции барон Жиль де Рэ обвинялся в самых ужасных пороках: он растлевает малолетних девушек, устраивает человеческие жертвоприношения, расчленяет тела подростков, использует их внутренности для гаданий, а останки сжигает, поклоняется дьяволу, которого его помощник монах-некромант вызывал из потустороннего мира. Жиль де Рэ назывался колдуном, человеком, опасным для религии и общества.

Это были серьезные обвинения. Маршала Франции барона Жиля де Рэ потребовали к ответу. В октябре 1440 года он предстал перед Нантским судом. Де Рэ отрицал все пункты обвинения. Он требовал адвоката, грозился встречным иском, обращением к королю. Ничто не помогало. Его главный грех перед церковью заключался в том, что он занялся колдовством, вызывал души усопших, искал в могилах золото, стал еретиком. Под конвоем его отправили в застенок. Начался судебный процесс, вскрывший чудовищные преступления, совершенные де Рэ и его людьми. Их подробное описание заняло сотни страниц судебного отчета. Под пытками де Рэ во всем признался, он был сломлен физически и морально. Сказал, что хотел походить на римских императоров, жаждал отыскать душу человека в младенцах, чтобы овладеть ею, и погубил себя. Он признал, что колдовство и чародейство губительны. Инквизиция постановила: за все совершенные злодеяния, за грехи перед церковью маршала и барона де Рэ казнить – сжечь на костре. Но его не сожгли,

удавили, а сожжение только инсценировали.

Гораздо позднее появились сведения, что дело о колдовстве и чародействе барона де Рэ было подстроено святыми отцами. Одинокому барону, не имевшему родственников, жаждавшему заняться поисками золота, подослали монаха, который разыграл из себя некроманта. Он вызвал духа Барона, вполне живого человека, и вместе они выкачивали из доверчивого барона деньги, которые передавались церковникам. Все колдовские сцены были разыграны с одной целью – опорочить маршала, довести до костра. И они сумели выполнить порученное им дело. После смерти барона все его имущество перешло церкви.

Процессы над ведьмами в Вале

С начала XV века в Центральной Европе началась страшная психическая эпидемия – преследование людей, в основном женщин, обвиняемых в колдовстве, называемая сегодня «Охота на ведьм». У обвиненных в злонамеренном чародействе не было никаких шансов на спасение – суд инквизиции приговаривал их к публичному наказанию и костру. Католическая церковь всеми средствами укрепляла свой авторитет среди верующих, давала бой зарождавшейся Реформации и старалась опорочить просвещение. Для всеобщего устрашения она приняла на себя карательные функции, создала суд инквизиции и «огненные палаты». Один из наиболее типичных процессов того времени о ведовстве произошел в герцогстве Савойя, на территории нынешней Франции и Швейцарии, в 1428–1447 годах.

Точная суть нападок со стороны местных жителей на семейство Рарон неизвестна, но предполагается, что всех ее главных членов обвиняли в порче имущества, неурожае, болезнях скота и прочих напастях. Само семейство разделилось на два или даже три враждующих клана. Дело дошло до угроз физической расправы. Теперь не столь важно, кто выступал против кого. Главное, что в самый острый момент конфликта кто-то произнес слова о том, что виноватых следует искать прежде всего среди пришлых, служанок, которые наверняка связались с нечистыми, призвали их себе на помощь и наводили порчу на людей, скот и урожай. Это была искра, приведшая к большим кострам. Высказывать в то время такие подозрения было равносильно подписанию смертного приговора.

Согласно записям в местных судебных книгах, 7 августа 1428 года представители семи земель Вале пришли к ратуше и потребовали, чтобы власти предприняли самые жесткие меры против расплодившихся кругом ведьм и колдунов, которые представляют угрозу жизни истинно верующим и всей живности. От них сплошной вред, их надо искоренить.

По закону суда инквизиции, созданной еще в 1204 году, свидетельств трех человек было достаточно, чтобы обвинить человека в колдовстве, а здесь целая делегация. В качестве доказательства приводились различные факты и наблюдения, а также фантастические домыслы. Например, родинки на теле подозреваемой служили знаками ее связи с дьяволом, который входил и выходил через них в колдунью. Слишком морщинистое лицо, чрезмерно горбатый нос, другие анатомические особенности человека могли стать признаками его связи с

нечистым. Все показания о подозреваемых скрупулезно записывались, документировались, но никак не проверялись. И уже априори (заранее) служили неопровержимым подтверждением вины подозреваемого. У обвиняемого не было никаких шансов на справедливое судейство. Почему? Потому что по законам инквизиции все имущество обвиняемого после суда над ним переходило во владение церкви.

Подготовка ведьм к казни. Книжная иллюстрация

7 августа было указано на несколько десятков женщин, поведение которых казалось странным, необычным, а их внешность и того хуже. Они были не похожими на всех, а потому наверняка ведьмами. Приведенные к судьям инквизиции женщины представляли, какая ожидает их участь, и поэтому готовы были сознаться во всем, в чем их обвиняли. Если же они отрицали, то еще более усугубляли свою судьбу. В своих заключениях судьи руководствовались не желанием установить истину, а записанными в книгах обвинениями.

Первые жертвы в Вале были обличены не как ведьмы, а как оборотни, или вервольфы, что сути дела не меняло. Эти оборотни могли превращаться в волков, а затем нападать на скот и людей, красть младенцев, пить их кровь, а потом снова превращаться в обычных людей.

Через несколько дней к инквизиции привели еще несколько десятков женщин и даже мужчин. Всех обвиняли в чародействе, колдовстве, нанесении увечий и болезней скоту, которые передавались животным соседних деревень. И этих людей безоговорочно осудили на бичевание и костер.

С 1428 года обвинения в ведовстве посыпались как из рога изобилия. Жизнь в Вале и близлежащих землях буквально замерла. Благонамеренные граждане, особенно женщины, оцепенели от ужаса. Ведь любой мог по личным причинам обвинить соседа в гнусных деяниях, и закрутившаяся судебная машина перемолола бы нового подозреваемого без всякого снисхождения и сожаления. Люди стали покидать обжитые места и уезжать на север, куда еще не добралась эпидемия погони за ведьмами.

В общей сложности в Вале и его окрестностях до 1447 году было обвинено в ведовстве, замучено до смерти и сожжено на кострах несколько тысяч человек. Основным свидетелем тех печальных событий был секретарь суда в Вале Иоханнес Фрюнд, который запротоколировал их. Этот текст изобилует средневековыми представлениями о демонах, злых оборотнях и прочих мифических существах, которые творят свое зло в образе человека, и надо противостоять этому дьявольскому соблазну сообща, молитвами, обращениями к Богу и т. д.

По подсчетам современных историков, с XV по XVIII век в Швейцарии было сожжено «ведьм» больше, чем на территории нынешних Франции и Германии. Последнюю ведьму Европы звали Анна Гёльди. Она жила в Швейцарии, там занималась якобы колдовством, отравлением детей. Ее поймали, привели на допрос. Под пытками она призналась в своих сношениях с дьяволом и желании навредить людям. Ее казнили как ведьму, казнили в уже просвещенной Швейцарии в 1782 году, когда выходили газеты, которые, кстати, объявили награду за ее поимку.

В XIX веке этот преступный, бесчеловечный по сути процесс, как и другие подобные ему, был назван нелепым фарсом невежества, но только в 2007 году сожженная ведьма Гёльди была полностью оправдана. Ее оправдание можно считать оправданием также тех тысяч невинно загубленных женщин и мужчин средневековой Европы.

С кинжалом на короля

Французский король Генрих IV, основатель династии Бурбонов, убежденный протестант, был необычным королем для Европы того времени. Убедившись в бесполезности и губительности Религиозных войн, он первый вывел формулу мирного сосуществования: избежать войны и насилия можно только одним средством – превратить врага в друга. Но в эпоху бескомпромиссных ожесточенных религиозных диспутов, распрей и сражений такая формулировка не понравилась ни католикам, ни протестантам. Все считали себя единственно правыми. В результате у короля Генриха, которого католики называли еретиком, появилось множество врагов, ждавших часа, чтобы устранить миротворца.

Генрих был невысок ростом, смугл и очень энергичен. Он умело фехтовал, любил верховую езду и нравился женщинам. В зрелом возрасте он воплощал в себе терпение и здравомыслие, которых в большинстве случаев не хватало многим монархам Европы. У этого необычного короля была и необычная биография. По материнской линии Генрих приходился внучатым племянником французскому королю Франциску I, имел все права на престол. Но родился он и вырос не при королевском дворце в Париже, а в небольшом городке По на юго-западе Франции, недалеко от Атлантики и Пиренеев.

Когда Генриху исполнилось семь лет, его мать, ревностная протестантка, приобщила сына к своей вере, сделала протестантом, которых во Франции называли гугенотами (происходит либо от швейцарского имени Гюго, или немецкого «айдгеноссе» – «соратник по вере»).

В 1561 году совсем юный Генрих с отцом герцогом Антуаном Бурбоном и матерью прибыл в Париж. Его, наследного принца и будущего короля Наварры, хотели женить на принцессе Маргарите Валуа, дочери Екатерины Медичи, католичке, известной как королева Марго. Состоялось сватовство детей. В 1562 году неожиданно скончался отец Генриха, католик по вере, который в одной из стычек с протестантами был смертельно ранен. Наследного принца Генриха оставили в Париже, он стал гарантом мира между Францией и королевством Наваррским.

В 1572 году, несмотря на его вероисповедание, в Париже было объявлено о женитьбе девятнадцатилетнего Генриха Наваррского и девятнадцатилетней Маргариты. Парижане, в основном католики, были очень недовольны заключенным браком. Это недовольство, подогреваемое усилиями Екатерины

Медичи, вылилось в известную резню, называемую Варфоломеевской ночью, когда католики убивали прибывших на празднество с Генрихом гугенотов. Его пощадили, но заставили принять католическую веру.

В 1576 году Генрих отказался от католицизма, бежал к протестантам и обрел власть над всей юго-западной частью Франции. Но ему хотелось объединить всю страну. Эту мечту ему удалось воплотить в 1584 году, после смерти герцога Алансонского, сына Екатерины Медичи, претендента на престол. Теперь он, Генрих, король Наваррский, стал прямым наследником престола. Против выступали католики. Они выдвинули своего ставленника – Карла Бурбона, которого поддерживал испанский король Филипп II, готовый для его восхождения предоставить свою армию. Правда, в этот момент даже самые ярые католики-французы понимали, что появление на их территории вооруженных испанцев означало оккупацию всей страны и власть испанского короля Филиппа. Ситуация вынуждала Генриха взять в руки оружие и отстаивать свое право на наследование.

Убийство французского короля Генриха IV Франсуа Равальяком. Гравюра XVII в.

Неожиданная кончина французского короля Генриха III в 1589 году, которого кинжалом заколол монах-католик Жак Клеман, открыла прямой путь к трону для Генриха Наваррского. Правда, на этом пути стоял папа римский и его сообщники,

которые прилагали все усилия, чтобы не допустить протестанта и изменника к власти. Генрих понимал, что продолжать религиозную войну означало ослаблять Францию, разорять крестьянство, создавать врагов внутри страны. И на правах законного наследника он выступил с декларацией, в которой пообещал не трогать собственность Римско-католической церкви. Он пообещал протестантам такие же права. Не все были с ним согласны. Париж протестовал…

В 1584 году он короновался, стал законным королем Генрихом IV и победителем вошел в Париж. Он придерживался своего провозглашенного закона миролюбия и не отнимал ни у кого его собственности, никого не преследовал за убеждения. Более того, в 1598 году он выпустил Нантский эдикт, которым давал равные права и католикам, и протестантам. Появление этого документа подводило итог тридцатилетнему периоду Религиозных войн в истории Франции и положило начало столетию относительного мира и спокойствия…

В личной жизни Генрих IV не был счастлив. Он вскоре развелся с Маргаритой и женился на Марии Медичи. У него появились дети, наследники престола. У Генриха были большие планы по переустройству Европы, по избавлению ее от пагубных междоусобных войн, но у него оставались сильные противники: Филипп II, папа римский, недовольные французы-католики, не согласные с тем, что ими правит протестант, по сути – враг папы римского.

14 мая 1610 года в карете с открытыми окнами король ехал во дворец. Его встречали толпы народа. Сопровождавший его вооруженный эскорт не заметил высокого человека, который старался приблизиться к карете. Наконец, когда улицы сузились и впереди дорогу перекрыла телега, карета с королем замедлила ход. В этот момент к ней протиснулся рослый рыжий детина. Он вскочил на подножку, выхватил из-за пояса кинжал и молниеносно нанес королю два удара. Один из них попал в легкое и перерезал аорту. Он оказался смертельным.

Этого человека тотчас схватили. Толпа готова была растерзать его на месте. Под конвоем убийцу отправили в тюрьму, где начались допросы. Врачи пытались спасти Генриха, но не смогли. Убийцей короля был некий Франсуа Равальяк, бывший сельский учитель и ярый католик-фанатик, жаждавший устранить короля-протестанта, по его убеждению, врага всех истинно верующих.

Равальяка пытали, чтобы выяснить сообщников, но он ни в чем не сознался. Судьи подозревали в организации убийства жену Генриха, Марию, с которой у него не сложились отношения. Это

она уговорила мужа не покидать Париж и короновать ее 13 мая в аббатстве Сен-Дени, а на следующий день Генрих пал от руки подосланного убийцы. Но Равальяк ни словом не обмолвился о связи с Марией Медичи. Свою тайну он унес собой в могилу. Его четвертовали на Гревской площади.

Тело короля Генриха IV, забальзамированное на итальянский манер, похоронили в том самом аббатстве Сен-Дени. Пролежал он там в покое только до Великий французской революции. В 1793 году революционные массы вскрыли место королевского захоронения и сбросили останки всех монархов в общую могилу. Один из революционеров отрезал от туловища Генриха голову и выставил напоказ. Потом он ее продал. Голова долгое время переходила от одного владельца к другому. Наконец, в 2010 году, после научного заключения патологоанатомов о несомненной принадлежности головы королю Генриху IV, было принято решение похоронить ее с почестями в прежнем склепе.

Чахтицкое чудовище

В Книге рекордов Гиннесса венгерская графиня Елизавета, или Эржебет Батори из Эчеда, племянница польского короля Стефана Батория, известная также как пани Чахтицкая, отнесена к категории самых печально известных серийных убийц среди женщин. По преданию, однажды она с такой силой ударила свою служанку по лицу, что у той из носа брызнула кровь, которая попала на кожу пани. Чахтицкая заметила, что кожа в этом месте стала нежнее и светлее. После этого случая она приступила к процессу омоложения – стала убивать девственниц, чтобы брать у них кровь.

В историю она вошла как Элизабет Батори, Кровавая графиня, Чахтицкое чудовище, погубившая десятки, если не сотни юных дев. Правда, есть другая версия: якобы это наветы католических священнослужителей, желавших отдать под суд одинокую женщину и прибрать к рукам ее огромные земельные наделы и замки.

Семейство Батори в Венгрии – одно из самых древних и знаменитых. Его основателем был Андрей Ракомаза, живший в XIII веке. Его сын Брикчий получил от короля Владислава IV огромные земельные наделы, в том числе местность Батор (по-венгерски – «храбрый»), от которой и произвел родовую фамилию.

Елизавета Батори была дочерью богатого наместника Дьёрдя Батори и его жены Анны, сестры будущего польского короля Стефана Батория. Детство Елизавета провела в замке Эчед. В 11 лет ее обручили с дворянином, генералом Ференцем Надажди, смотрителем императорских конюшен. Елизавета переселилась на запад Венгрии, в Шарвара, в замок помолвленного. Когда невесте исполнилось 15 лет, состоялась свадьба. В качестве свадебного подарка Ференц преподнес молодой жене Чахтицкий замок в словацких Малых Карпатах.

В 1578 году Ференца назначили командующим всеми венгерскими войсками в войне против турок. Он храбро сражался, был беспощаден к врагам, не жалел даже пленных. За маниакальную жестокость турки прозвали его Черный бэй, Черный витязь. Пока муж отсутствовал, молодая жена занималась огромным хозяйством. Вскоре у супругов появилось пятеро детей.

Считается, что еще при жизни мужа Елизавета собирала кровь девственниц для своего омоложения. Родственники узнали об этом и пытались ее отговорить. В 1604 году Ференц Надажди умер. Елизавета, 44 лет, протестантка по вероисповеданию,

осталась полновластной хозяйкой замков, земель, огромного количества крестьян. Родственники к ней не заезжали. Конечно, молодой вдове хотелось устроить свою судьбу, еще раз выйти замуж. Но как в свои годы быть привлекательной для мужчин? Тогда она вспомнила про кровь молодых девиц.

Чахтицкий замок в словацких Малых Карпатах

Елизавета приказала своим слугам отыскивать в близлежащих селениях молоденьких девушек-девственниц, которые хотели бы служить в ее замке. Она лично осматривала их и решала, кого оставить в замке. Она отбирала красивых, здоровых, дурнушек отправляла обратно. Одновременно в замке в уединенном каменном помещении, откуда не доносилось никаких звуков, соорудили специальную камеру. В ней установили особые аппараты и среди них такие, как «железная дева» – своего рода саркофаг с железными шипами. Процесс кровопускания был жесток. Намеченную жертву приводили в камеру, где с ней проводили какие-то процедуры, затем ставили в «железную деву». Дверца медленно закрывалась, прутья вонзались в тело, протыкали его насквозь. Жертва в муках умирала, а кровь стекала в специальную каменную чашу. Еженедельно Элизавета принимала каменную ванну, наполненную кровью девственниц. Во взрослом человеке содержится примерно 5 литров крови,

можно представить, сколько надо было убить девушек, чтобы наполнить ванну до краев!

Вскоре по деревням поползли слухи об исчезновении молоденьких девушек, которые уходили в замок к графине на службу и обратно не возвращались. Крестьяне забеспокоились. Дело дошло до императора Матвея, который поручил палатину Венгрии (высшая должность после императора) Дьёрдю Турзо начать расследование. 29 декабря 1610 года Турзо вместе с вооруженным отрядом ворвался в замок Батори. Они обыскали замок и нашли пыточную камеру. То, что они там увидели, повергло их в ужас. Они убедились, что распространявшиеся слухи о зверствах в стенах замка – правда, девственниц умерщвляли в железной камере с прутьями, их кровь собиралась в каменной чаше…

Всех домочадцев арестовали. Замок был оцеплен, графиню отвели в одну из комнат без окон и, оставив у дверей стражу, заперли. Суд по этому делу состоялся в январе 1611 года в Битчанском замке – резиденции палатина Турзо. Графиня Батори на нем не присутствовала. Ее заочно обвинили в том, что она погубила 650 девственниц. Ее слуги как участники злодеяний были приговорены к смертной казни. Их сожгли живыми на костре. Графиню не тронули, опасаясь мести со стороны родовитых польских наместников. Она осталась в заточении в своем замке, прислуживали ей монахини. Умерла пани Чахтицкая 21 августа 1614 года. По некоторым сведениям, отравилась…

Существует и другая версия этой кровавой истории. Графиня Батори была главой общины протестантов Западной Венгрии. Якобы настоящих доказательств ее кровавой деятельности в суде представлено не было. И количество 650 девушек – цифра явно завышенная. Палатин Турзо, представитель католиков, не случайно организовал суд в своем замке. Таким образом он добился нужного ему решения. А все страшные истории о злодеяниях пани Чахтицкой появились лишь после ее смерти, которые позднее в своем романе «Кровавая графиня» собрал писатель Йожо Нижнянский.

Конец венецианской монополии

Начиная с XII века Венеция славились своими стеклянными изделиями, называемыми также мурановским стеклом, по красоте им не было равных ни в самой Италии, ни в Европе. Их считали высшими произведениями искусства. Эти стеклянные изделия стоили иногда значительно дороже, чем картины знаменитых мастеров. Поэтому идеи украсть венецианских мастеров, чтобы воспользоваться их мастерством у себя дома, замышлялись на самом верху власти – королями и министрами финансов.

Завозимые из Венеции во Францию зеркала, вазы, кувшины, блюда, наборы стеклянной посуды стоили баснословных денег, иногда целое состояние. Приобрести их могли только очень состоятельные и сановные люди. Считалось также, что покупка венецианского стекла – это хорошее вложение денег. Цены на него с годами только росли. Монархи Европы, особенно жены королей, соревновались в приобретении самых дорогих изделий. Венеция преуспевала, ее дожи-правители богатели, а страны Европы своими покупками поддерживали «иностранное производство» и не могли наладить собственное. Такая ситуация особенно возмутила рачительного министра Франции Жана Батиста Кольбера, который боролся со злоупотреблениями в финансовой сфере страны.

Когда ему доложили, что венецианское зеркало размером 115 Ч 65 сантиметров в серебряной оправе стоит 68 тысяч ливров, а картина Рафаэля такого же формата в три раза дешевле, он был в бешенстве. Кольбер, который экономил каждый ливр и с подозрением относился ко всем тратам, связанным с украшательством, понял, что покупка венецианского стекла в конечном счете приведет к разорению многих богатых семей Франции, а это подрыв экономики страны. Так, собственно, и случалось. Из различных провинций ему не раз сообщали, что в оплату за венецианское стекло отдавали целые деревни с жителями. Еще большее недовольство у министра вызвал факт хвастовства самой королевы Марии Терезии Австрийской, жены Людовика XIV. Своим «зеркальным нарядом» она поразила современников и образовала брешь в годовом бюджете. На придворном балу она появилась в платье, украшенном кусочками венецианских зеркал. Вся ее фигура горела и переливалась. Зеркальное сияние вызвало у придворных дам зависть и желание приобрести себе нечто подобное.

Увы, во Франции зеркала изготовляли мутные, по качеству они не шли ни в какое сравнение с венецианскими. Кольберу

докладывали, что принцип производства зеркала довольно прост – стекло покрывалось оловянной фольгой. И это все. Но проблема заключалась в том, что стекло нужно было особое, толстое, прозрачное, без изъянов, и фольгу требовалось изготовить тончайшую. Эту фольгу наносили на стеклянную полированную поверхность стекла. Добиться чистоты процесса было очень непросто.

Вид на остров Мурано

Производство качественных зеркал венецианские мастера держали в строжайшем секрете. Они жили на острове Мурано, который находится в миле от Венеции. На него их переселили дожи, правители Венецианской республики, чтобы легче было стеречь секрет производства. Добраться до острова, который изрезан каналами, можно было только по воде. Въезд и выезд с острова мастерам был запрещен под страхом тюремного заключения и даже смертной казни. Иностранцев на остров не допускали. Свои секреты изготовления стеклянных изделий, в том числе зеркал, мурановские стеклодувы передавали исключительно своим детям.

Разузнав все подробности, Кольбер со своими приближенными стал разрабатывать план операции по похищению мастеров с острова Мурано. Было решено направить

туда несколько крепких вооруженных людей с деньгами. Эти люди должны были заманить хорошими деньгами нескольких мастеров, а если никто не согласится, то украсть мастеров с острова и тайно перевезти в Париж, где в их распоряжение будет предоставлена целая мануфактура.

При проведении операции не обошлось без лазутчиков и участия французского посла в Венеции. Темной ночью к острову Мурано отправилась широкая шлюпка с вооруженными людьми. Все обошлось без кровопролития. Посланникам Кольбера удалось уговорить двух мурановских мастеров-стеклодувов. Они запросили немалую цену. Люди Кольбера вывезли с острова сначала двух мастеров, затем еще двух, а впоследствии их семьи. К работе венецианские мастера приступили в Париже, на королевской мануфактуре, которая строго охранялась. Там они впервые продемонстрировали свой способ получения высококлассного прозрачного зеркального стекла, которое в красно-раскаленном состоянии прокатывали по медной полированной поверхности. Именно этот способ позволял добиться хрустальной прозрачности стекла, а оловянную фольгу приклеивали при помощи ртути.

Так был раскрыт рецепт производства мурановского стекла, и с 1665 года оно начало производиться во Франции, а затем и во всей Европе. Так кража, организованная на высшем уровне, подорвала монополию Венеции в производстве особого стекла и зеркал.

Дело о ядах

В эпоху правления первого дворянина Франции, величественнейшего европейского монарха «короля-солнце», Людовика XIV (1638–1715), состоялся судебный процесс, который вызвал скандал не только в Париже, но и привлек к себе внимание всей Европы. Обвиняемыми в нем были придворные монарха, представители самых видных родов французской аристократии. Начатое в 1679 оду «Дело о ядах», точнее об отравлениях «неугодных лиц», бросило черную тень на безупречный облик самого «короля-солнце»». В числе обвиняемых были любимые фаворитки его величества. Король подписывал указы об изгнании виновных, о заточении их в тюрьмы без суда и следствия. Палачи на Гревской площади точили топоры.

История с отравлениями в придворной жизни началась давно, еще при короле Генрихе II (1519–1559). Появление в 1533 году при французском дворе итальянки Екатерины Медичи, вышедшей замуж за принца Генриха де Валуа, будущего короля Франции Генриха II, привело ко многим изменениям в пристрастиях придворных. Молодая жена (ей, как и мужу, в год свадьбы было всего 14 лет) оказалась бесплодной. Во дворце заговорили о болезни «принцессы-купчихи» из Флоренции, ей нужны врачи, ей нужно лечение. Эти слухи раздражали Екатерину и ее мужа и вызывали естественные опасения расторжения бесплодного брака.

Из разных мест Италии в Париж стали прибывать именитые лекари, опытные знахари, сведущие чародеи, астрологи. Каждый из них на свой лад старался помочь Екатерине. Ее лечили «чудесными» снадобьями, вроде мочи мула, прикладывания коровьего навоза, обмазывания живота кровью петуха… Ничто не помогало. Принц стал ходить к другим женщинам. Екатерина была в отчаянии.

В 1536 году неожиданно заболел наследник престола восемнадцатилетний Франциск и скоропостижно скончался. Это печальное событие означало, что по степени родства новым королем Франции станет муж Екатерины. Во дворце тотчас распространились злые слухи о том, что в смерти Франциска якобы виновата «приблудная бесплодная итальянка». Это она, «торговка», пожелала смерти Франциску. Это приехавшие к ней лекари давали ему отравленное питье.

Разбираться в этом деле не стали, но на всякий случай арестовали итальянского врача графа Себастьяна Монтекукколи. Его объявили чародеем и виновным в смерти Франциска. Несмотря на все попытки графа доказать свою непричастность к

смерти юноши, его четвертовали на Гревской площади… Но слухи о причастности Екатерины и ее лекарей к смерти наследника не прекратились. К счастью, новая королева неожиданно для всех забеременела. Тотчас по дворцу пошли другие слухи: итальянские лекари – настоящие чудодеи, они смогли вылечить Екатерину от бесплодия. К новой королеве «на прием» потянулись придворные дамы, которые мечтали забеременеть. С того времени итальянские лекари, чародеи, а вместе с ними астрологи-предсказатели, разного рода колдуны стали принадлежностью французского двора.

Их количество после смерти королевы Екатерины в 1589 году только увеличилось. Французский двор охватил настоящий психоз колдовства, предсказаний судьбы. Приезжавшие из Италии новые чародеи утверждали, что они способны не только вылечивать, но кого надо могут тихо отравить. Вместе с психозом гаданий в обществе зародился страх перед отравлениями. А тут еще начались странные и необъяснимые кончины молодых и здоровых людей, в том числе герцогини Орлеанской, затем кузины Людовика XIV Генриетты Английской, якобы даже кардинала Мазарини, министра иностранных дел де Льонна – во дворце это связывали с именами итальянских пришельцев.

«Дело о ядах» появилось после задержания известной француженки, дочери государственного советника, первого судьи Парижа, богатой и хорошенькой маркизы де Бренвилье. Эта маркиза, которой никогда не хватало денег, завела любовника – капитана кавалерии Годена де Сент-Круа, увлекавшегося химией. По его совету маркиза нанималась сиделкой в больницы для бедняков, давала страждущим выпить своего «оздоровительного» напитка, который подливала в вино. Ее пациенты как один умирали. Убедившись в быстродействии своего напитка, маркиза стала подливать его своему больному отцу и очень быстро спровадила его на тот свет. От отца ей достались в наследство поместья, замки, драгоценности. Заодно она решила «вылечить» и своего мужа. Но тот быстро распознал ее намерения и бежал. Она взялась за своих богатеньких братьев, и спровадила их одного за другим в могилу, затем туда же последовали ее сестры, потом она отравила своих детей. Королю донесли об этих подозрительных смертях, он назначил комиссию, которая постановила арестовать маркизу и допросить ее. Маркиза узнала о решении короля и сбежала. Отправилась сначала в Лондон, оттуда в Нидерланды. И все же ее нашли и доставили в Париж.

Процесс по делу об отравлениях маркизы де Бренвилье начался 29 апреля 1676 года. Сначала де Бренвилье все отрицала, пренебрежительно относилась к судьям, намекала, что у нее есть

высокие покровители. Пришлось применить к ней пытки, тогда она заговорила, стала называть имена. Вскрывались подробности одни страшнее других. Ее орудием была смесь мышьяка, купороса и желчи жабы. Король приказал ее срочно казнить. Маркизу отвезли на Гревскую площадь, палач взмахнул топором…

Король успокоился. Черная тень обошла монарха стороной, но не надолго. У Людовика была одна фаворитка, которая ему наскучила. Ее звали мадам де Монтеспан. Высокая, прекрасно сложенная женщина, умная, замужняя. Королю нравилось с ней болтать, но когда она стала блекнуть, отстранил ее, завел другую.

Маркиза де Бренвилье в камере пыток. Неизвестный художник

Мадам Монтеспан, имевшая у придворных непререкаемый авторитет, оказалась изгнанной, персоной нон грата. Бедная женщина не знала, что делать. По совету подруг она отправилась к известной в Париже ворожее, гадалке мадам Катрин Монвуазен, и рассказала ей о своем горе. Гадалка за хорошее вознаграждение согласилась помочь богатой клиенте, обещала ей вернуть красоту и влияние на утерянного любовника. Мадам Монвуазен не просто

ворожила, она устраивала черные мессы – ей за гроши доставляли недоношенных детей, которых она умерщвляла, а кровь сливала в специальные сосуды. Над обнаженным телом мадам Монтеспан и подобных ей страдавших дам мадам Монвуазен произносила заклинания, мазала женщин детской кровью, давала им специальное питье. Потом ворожила, обещая, что любовник обязательно вернется.

Помимо Монтеспан к Монвуазен инкогнито приходили придворные герцогини, баронессы, графини. Все они просили у гадалки яды, приворотные зелья, отпугивающие порошки, корни здоровья для мужчин. Катрин никому не отказывала и жила… как придворная дама. У нее был свой черный священник Гибур, который помогал ей проводить эти операции. Детишек резали вместе, кровь сливали в сосуды, а трупики зарывали в саду. Некоторые из ее клиенток под действием наркотических средств впадали в транс, называли свои настоящие имена, титулы, подписывали договор с дьяволом, который должен был наказать короля…

Все вскрылось, когда неожиданно скончался приближенный к Людовику герцог. При дворе заговорили об отравлении. Жену герцога арестовали, допросили, и она призналась, что отравила своего мужа, назвала имя женщины, у которой купила яд, – Катрин Монвуазен. Очень раздосадованный вторым делом об отравлении, король приказал для его расследования создать специальную комиссию, которую назвали «огненной палатой». Первой ответчицей перед судьями была Катрин Монвуазен – нахальная толстая баба с длинным носом и маленькими глазами. Она боялась пыток и потому не стала запираться, а назвала имена своих клиентов: маркиза д'Алюйе, графиня де Суассон, виконтесса де Полиньяк, маркиз де Сессак, маршал Люксембругский, мадам де Монтеспан… Одним она давала приворотные зелья, другим отравляющие средства. Некоторых из названных гадалкой задержали и отправили в Бастилию. Протоколы с их допросами положили на стол королю. Он прочитал их и понял, что обнародование хоть одного из них нанесет непоправимый ущерб его репутации.

Король приказал своим гвардейцам посетить некоторых из числа обвиняемых и предложить им срочно бежать и молчать. Некоторые так и поступили. Расследование «Дела о ядах» доводить до конца не стали, его закрыли. «Король-солнце» мог вздохнуть спокойно, но он не знал, что один из главных судей, господин де ла Рейни, создал для себя дубликаты всех протоколов допросов. Они-то и стали достоянием общественности Парижа, Франции, Европы, всего мира. Но

только… спустя несколько столетий.

Салемские ведьмы

Недалеко от американского города Бостона в штате Массачусетс находится небольшой городок Салем (Сайлем), который считается одним из старейших в США. Свое название он получил в честь Иерусалима, от слова «шолом» – «мир». Так назвали его первые переселенцы из Европы, протестанты-пресвитериане, которые постаралась внедрить на новой земле порядки религиозного Средневековья. Они боялись еретиков, а занятие колдовством приравнивали к страшному преступлению, которое можно было искупить только жертвенностью на костре или виселицей. Неукоснительное следование жестоким церковным законам, ограничивавшим нормальную жизнь, привело к «гонению на ведьм».

Эта охота на ничего не ведавших женщин началась в 1692 году. Город был объят эпидемией подозрительности и страха. Доносы поступали к судье по самым незначительным поводам. Достаточно было двум горожанам указать на человека и обвинить его в связи с дьяволом, как за подозрительным посылали стражу. Вскоре начались судебные процессы, продолжавшиеся с перерывами почти семь лет и приведшие к тяжелым трагическим последствиям в жизни горожан.

Американский писатель Натаниель Готорн (1804–1864), уроженец Салема, посвятил теме религиозного безумия в родном городе целых два романа. Первый он назвал «Алая буква». Готорн с юности испытывал угрызения совести и чувство вины за своих предков-земляков, которые в своем пуританском рвении преследовали женщин, показавшихся им по каким-то неведомым признакам ведьмами. Горожане требовали от судей жестокого наказания подозрительных особ, обвиняемых в колдовстве, чародействе, близости с сатаной, только на основании наговора. В первом романе писатель впервые приподнял завесы тайн жизни предков-пуритан и рассказал, что такие жуткие реликты прошлого, как инквизиция, в том числе аутодафе с костром, виселицей, пытками и позорный столб, не остались в дремучем прошлом, они были «перевезены» в головах людей из Европы в Новую Англию, где дали ужасающие ростки на девственной земле.

Во втором романе «Дом о семи фронтонах» Готорн был еще более откровенен. Он написал о семейном проклятии и своих ведьмах… Оказывается, его прадед, судья Джон Готорн, был тем самым участником страшных процессов 1692–1697 годов. Его дед выносил обвинительные приговоры ни в чем не виновным

женщинам.

История охоты на ведьм в Салеме началась с того, что в 1692 году две девочки, 9 и 12 лет, Элизабет и Эбигейл заболели, по всей видимости, нервной истерией, называемой в те годы одержимостью. По непонятным причинам они страшно кричали, бились в истерике, их мучили судороги. Но в их криках звучали знакомые имена. Пришедшие для успокоения детей священники местной общины услышали в их криках «откровения» и решили, что девочки кричали от мучительных страданий, потому что дьявол искушал их изнутри. Они выкрикивали имена местных женщин и мужчин. Первых они называли ведьмами, вторых – колдунами. Более того, в их повторных криках священники услышали также доказательства связи названных жителей с дьяволом.

Процесс над салемскими ведьмами. Художник Я. Люйкен

Это страшное «откровение» всем показалось божеским наказанием за грехи и буквально всколыхнуло весь Салем. Люди заговорили о прозрении детей, которые указали им, взрослым, на страшное бедствие, зародившееся в чистом пуританском мире общины. Необходимо было срочно принять самые строгие меры, чтобы оградить себя от бесов и прочей нечисти. Сообща они приняли решение найти указанных людей, заточить их в подвалы тюрьмы, в которых водились крысы, и допросить. Дети своими криками заразили всех истерией и подозрительностью, весь город был парализован психозом «охоты на ведьм». Людей нашли, бросили в подвалы и допросили. Они от всего отказывались, не признавали себя ведьмами и колдунами, не понимали, почему девочки называли их имена. К ним стали применять пытки.

Не выдержав страшных мучений, некоторые признавались в обвинениях, оговаривая себя. Кто не сознавался, оставался в подвалах тюрьмы для дальнейшего расследования. В общей сложности девочки указали на 180 человек. Судьи выслушали показания каждого, но не поверили им. Решение было суровым – 31 человек был осужден за ведьминство (ведовство), 19 из них повесили, трое умерли в тюрьме, остальных наказали. Всех казненных, как прокаженных, вывезли за черту города, чтобы, не дай бог, их души не вышли из могил и не потревожили покой истинно верующих…

Лишь спустя несколько лет, уже в начале XVIII века, судьи города Салема под давлением общественности других городов опомнились, прозрели и вынуждены были признать, что поддались заклинаниям священников, были введены в заблуждение «откровениями» больных девочек. И тем не менее только в XX веке община штата Массачусетс приняла окончательное постановление об отмене обвинений всем осужденным на тех процессах 1692 года. Наконец в 1992 году в Салеме был установлен памятник жертвам «охоты на ведьм» и открыт Музей салемских ведьм. Музей расположен в старинном здании, похожем на средневековую крепость. Он является самым большим в мире музеем ведьм. Слева от входа на возвышении установлен монумент ведьме. Она в развевающихся одеждах обреченно двигается навстречу своей судьбе…

Все тюремные подвалы в Салеме сохранились до сегодняшнего дня. Там стали проводить театрализованные представления, в котором артисты местного театра в одеяниях XVII века в точности воспроизводят сцены суда, допроса и даже пыток… Помимо актеров в подвалах можно увидеть и бледные измученные лица обвиняемых – это восковые фигуры женщин, которых назвали ведьмами и приговорили к казни. Музей

салемских ведьм хорошо известен в США. В год его посещают около 150 тысяч человек. Сам город, с его духом трагической старины, не раз становился объектом для киносъемок многих исторических фильмов.

Казнь на Красной площади

В 1689 году под Москвой, в селе Преображенском, состоялось венчание семнадцатилетнего царя Петра с Евдокией Лопухиной, дочерью боярина Федора Лопухина. Невеста была старше жениха на три года. Этот брак оказался несчастливым – молодые не подходили друг другу. Вскоре Петр увлекся немкой Анной Монс, а жену потребовал заточить в монастырь. В монастырской жизни привлекательная опальная монахиня-царица сошлась с майором Степаном Богдановичем Глебовым. Петру доложили, что любовники якобы готовят переворот, жаждут его сместить. Разъяренный Петр готов был лишить жизни обоих.

Евдокия Лопухина. Парсуна

В 17 лет юный царь Петр, увлеченный потешными баталиями в селе Преображенском, не испытывал ни малейшего желания

жениться, но ослушаться матери Натальи Нарышкиной, которая опасалась, что трон может захватить царевна Софья, не мог. Нарышкина торопилась сделать своего сына настоящим мужчиной, тогда он стал бы полноценным царем и трон по праву наследования принадлежал бы ему одному. В условиях того времени женатый мужчина считался полноправным хозяином в семье, в своем доме, в своем государстве.

По отзывам современников, царица Евдокия, в девичестве ее имя Прасковья, была девушкой спокойной, покладистой, обладала привлекательной внешностью, но она была далека от энергичного и любознательного Петра. Евдокию воспитывали в традициях патриархальной русской семьи: послушание старшим, выполнение по дому хозяйственной работы. Петру же нравилась свободные «заграничные люди». Через год его брак практически распался, и он увлекся немкой Анной Монс, проживавшей с родителями в Немецкой слободе, недалеко от центра Москвы.

Роль несвободного женатого человека тяготила царя, он мечтал избавиться от брачных уз, однако молодая царица уже воспитывала сына Алексея, рожденного ею в 1690 году. Петр страшно раздражался, грозился, и в 1698 году ему удалось наконец спровадить ее в Суздальско-Покровский монастырь – традиционное место ссылки неугодных цариц. Там Евдокию постригли под именем Елены. Теперь царь был полностью свободен и активно занялся государственными делами, в том числе своими личными.

Как говорили, в монастыре Евдокии жилось очень тяжело. В бытность царицы она вкусила многие прелести придворной жизни, привыкла к послушным служанкам. Теперь она оказалась на положении нищенки – ее лишили даже казенного обеспечения. Продукты, одежду и все необходимое ей доставляли родственники. От тоски и бытовых трудностей «царица» чуть не заболела и умоляла своих настоятельниц отпустить ее на волю. Не поставив в известность царя, через полгода ей разрешили скинуть монашеское одеяние и жить при монастыре. Так она превратилась в мирянку. Но смена одежды не означала полноты свободы и личного счастья. Молодой женщине хотелось иметь рядом человека, который утешил бы ее. Бывший при ней духовник Федор Пустынный быстро сообразил, в чем нуждалась его подопечная.

Примерно в 1710 году, когда Евдокии исполнилось 28 лет, духовник порадовал «царицу» и пригласил к ней в гости приехавшего в город Суздаль для набора рекрут майора Степана Глебова, которому в то время тоже было 28 лет. Высокий статный мужчина приглянулся Евдокии. Но эта встреча оказалась для

Степана роковой. Он влюбился в бывшую супругу царя, она ответила ему взаимностью, и оба забыли обо всем на свете. Молодые люди пытались скрыть свою связь, но это им плохо удавалось. Все жившие рядом с монастырем знали, что майор ходит к «царице». Прелюбодейство в те времена считалось большим пороком. Возможно, царь не скоро узнал бы о «преступной» любовной связи своей бывшей жены, если бы не государево дело об измене, в котором главной фигурой был его сын царевич Алексей. Царь дал указание офицерам, расследовавшим связи Алексея с дальними и близкими родственниками, отправиться в Суздаль и узнать, не была ли его бывшая жена также причастна к этому делу.

В Суздаль отправился капитан-поручик Скорняков-Писарев. Он побывал в «келье» бывшей царицы, посмотрел на ее жизнь и удивился. Оказывается, бывшую царицу обслуживали к тому времени многие служанки, в сундуках у нее имелись разные богатые одежды, на столе появлялись изысканные кушанья. Она не только ни в чем не нуждалась, она жила гораздо лучше, чем прежде. Нашлись доброхоты, которые несли отверженной и забытой царице разное добро. А еще донесли ему, что у нее появился красивый любовник, который делал ей подарки. От этого бывшая царица буквально расцвела.

Скорняков-Писарев рассказал царю подробности жизни опальной Евдокии, в том числе интимной, положил на стол письма, в которых «царица» откровенно делилась со своим любовником мнением относительно их будущего, ругала своего мужа. Ошеломленный Петр пришел в такое неистовство, что готов был тотчас отправиться в Суздаль и самолично вершить расправу не только над Евдокией и Глебовым, но и над всеми монастырскими угодниками, которые потакали любовной связи его бывшей жены. Оказывается, наказанная им «царица» вовсе не страдала от одиночества и тяжелой работы. Более того, она не была монахиней, сама превратила себя в мирянку! И никто этому не препятствовал! Последнее особенно разозлило царя, ведь если Евдокия мирянка, то, по церковным законам, его брак не был расторгнут! Значит, его вновь рожденные дети не имели права на престол. И только царевич Алексей, рожденный от Евдокии, изменивший царю и желавший сместить его, был единственным законным наследником.

Расправа готовилась страшная. В Суздаль срочно был направлен вооруженный отряд во главе с капитаном, которому вменялось в обязанность арестовать всех людей, связанных с Евдокией и Глебовым, доставить их в Преображенское и учинить допрос с пристрастием. Все так и было сделано. Главными

преступниками среди привезенных десятков обвиняемых оказались: Степан Глебов, Федор Пустынный, иеромонахи, настоятельницы, монашки. Все, кроме Глебова, как один признались в своем злонамеренном потакании бывшей царице, но оправдывали себя тем, что не могли перечить ее приказаниям. Допрошенный отдельно Глебов, признался только в любовной связи с царицей, но отрицал какие-либо встречи с царевичем Алексеем, отрицал какие-либо замыслы относительно свержения царя. Пытали всех. Глебова особенно. Били кнутом, подвешивали, прикладывали к ранам раскаленное железо. Глебов всячески выгораживал Евдокию, которую, как утверждал, любил всем сердцем и душой.

20 февраля 1718 года в застенке Преображенской пытальни Глебова свели с Евдокией. Они оба признались в любовной связи. И тут на стол выложили его письма, написанные якобы тайно, в которых он гневно отзывался об известной персоне, против которой следовало бы поднять возмущение. Писал ли на самом деле так Глебов, теперь сказать трудно. Скорее всего, судьи решили его опорочить, чтобы придать делу политическую окраску. Петр не мог простить «сопернику» интимное оскорбление. И хотя не было найдено никаких доказательств связи Глебова с «заговорщиками», об этом процессе иностранные послы сообщали своим монархам страшные подробности, якобы любовника бывшей царицы приговорили к мучительной казни: сначала привязали к доскам, утыканным деревянными гвоздями, и держали в таком состоянии трое суток, потом отправили на казнь.

В марте 1718 года на Красную площадь был выведен растерзанный Степан Глебов. Он едва передвигал ногами. Из него так и не смогли выбить признание об участии в заговоре против царя. Петр согнал всех придворных, а также велел присутствовать при казни Евдокии и своему сыну царевичу Алексею. Глебова стражники вели под руки, обнажили нижнюю часть и голым задом посадили на остро отточенный кол. Он промучился 14 часов.

Впоследствии были замучены и казнены многие настоятели, монахи и монахини суздальских монастырей. Некоторых монахинь прилюдно бичевали на Красной площади. Евдокию из Суздаля перевели в Ладожский Успенский монастырь, а в 1725 году во время правления Екатерины I поместили в Шлиссельбургскую крепость. В то время она считалась государственной преступницей. Только после смерти Екатерины I, с воцарением ее внука Петра II, затворницу с почетом привезли в Москву. Она стала жить в полном довольстве в Новодевичьем

монастыре в Лопухинских палатах. Умерла она во время правления императрицы Анны Иоанновны в 1731 году.

Трагедия Марии Гамильтон

В 1783 году императрица Екатерина II назначила на пост директора Петербургской академии наук свою подругу и сподвижницу Екатерину Романовну Дашкову (1743/44–1810). Просматривая архивы академии, Дашкова обратила внимание на большой расход спирта. Вызванный смотритель объяснил, что спирт понадобился для колб, в которых находятся заспиртованные головы: одна мужская – Вилима Монса, отца Анны Монс, другая женская – Марии Гамильтон. Колбы выставлены в Кунсткамере для всеобщего обозрения. Головы обоим отрубили по приказу императора Петра I. Историю любви Петра I к немке Анне Монс, изменившей царю, Дашкова знала, а вот о судьбе Гамильтон ей ничего не было известно. Как сообщили сведущие люди, Гамильтон тоже была любовницей Петра и рожденного от него ребенка удавила. Это и послужило поводом к ее казни.

Мария Гамильтон перед казнью. Художник П.А. Сведомский

Примерно в 1713 году в московский дворец царя Петра привели новую девушку, Марию Даниловну с нерусской фамилией Гамильтон. Некоторые называли ее на русский манер Гамонтовой. Предками Марии были шотландские дворяне, которые служили еще царю Ивану Грозному. Мария была изящна, красива, не по годам умна. Ее определили камер-фрейлиной супруги царя Екатерины. Теперь Петр стал чаще видеть девушку и отметил, что она не только красива, умна, но и беспечно весела, а такие ему особенно нравились. Покорить сердце новоявленной красавицы царю ничего не стоило. Царю в ту пору был 31 год, а Гамильтон около 19. Но роман Петра с Марией продолжался недолго. Царь быстро пресытился новой пассией.

Мария очень переживала, не знала, как снова завоевать расположение царя, и на всякий случай тайно сошлась с его денщиком Иваном Орловым, простым парнем, который служил Петру верой и правдой и выполнял многие его поручения. По своему развитию и манерам Мария совсем не подходила Ивану: Мария хорошо танцевала, пела, могла изъясняться по-иностранному. Орлов ничего этого не мог и ревновал свою любовницу, бранил, нередко бил ее. Но она не порывала с ним по одной простой причине – хотела оставаться вблизи царя и чаще попадаться ему на глаза.

И все же тайная любовная связь денщика и бывшей любовницы Петра скоро вскрылась. В 1717 году Орлов подал царю донос, в котором было написано против заговорщиков, которые якобы готовились свергнуть Петра. Донос Петр потерял и вызвал к себе Орлова, которого подозревал в его краже. Орлов, не зная, в чем провинился, бухнулся царю в ноги и стал просить прощения за то… что блудит, живет не по-христиански с камер-фрейлиной Гамонтовой, что она несколько раз беременела от него…

Так ошеломленный Петр впервые узнал, что бывшая его пассия уже несколько месяцев как любовница денщика. Ему хотелось наказать их, но за что? Повод к страшному наказанию быстро нашелся сам. Петр еще раз допросил Ивана. И тот рассказал, что Мария делала ему подарки: разные ценные вещицы, кисеты, кольца с бриллиантами, медальоны, а также червонцы. Мария неоднократно от него беременела, но вытравляла плоды разными снадобьями. Царь вызвал на допрос Марию. От нее он узнал еще более поразительные вещи: оказалось, что все подарки для Ивана его бывшая любовница тайно «брала» у царицы Екатерины. Воровка в царской свите! Мария чистосердечно призналась царю, что действительно прерывала беременность, а еще раньше даже задушила только что рожденного ребенка… Она еще и убийца!

Царь вспомнил, как в прошлом году ему докладывали, что при чистке дворцового нужника в выгребной яме рабочие обнаружили сверток. Когда его развернули, то ахнули – в нем находился труп новорожденного младенца с пуповиной. Он был завернут в большую царскую салфетку. Тогда Петр не знал, на кого подумать. И вот теперь все вскрылось. Оказывается, это был ребенок Марии Гамильтон. При простом временном подсчете получалось, что отцом задушенного Марией новорожденного мог быть только один человек – сам царь Петр. Это его ребенка Мария отправила на тот свет. По церковным и государственным законам того времени она подлежала анафеме и страшному наказанию –

закапыванию живьем по грудь в землю. Царь долго не мог прийти в себя.

21 июня 1718 года преступницу Гамильтон допрашивали в Тайной канцелярии ее глава Петр Толстой и генерал Иван Бутурлин. Мария снова рассказала о кражах у государыни Екатерины Алексеевны червонцев, из них 300 отдала Орлову, и созналась в убийстве младенца, которого самолично задушила и велела служанке выбросить в нужник. Ее допрашивали, пытали, хотели выяснить, не была ли она связана с делом царевича Алексея Петровича. Но признаваться ей было не в чем. Пытали и Орлова. Он проявил малодушие и во всех грехах обвинил обманщицу Гамильтон.

Суд приговорил преступницу к смертной казни, а Орлова по велению Петра освободили. Четыре месяца томилась в тюрьме Мария, надеясь на смягчение приговора. Царица Екатерина, родные Гамильтон уговаривали царя не губить молодую душу. Но он, подозревая, что Мария удавила его ребенка, остался непреклонен. К месту казни девушка шла в белом шелковом платье с черными лентами. У помоста она стала молить Петра о пощаде. Он только обнял ее и поцеловал в уста. Как отмечали современники, при этом сказал: «Я не могу тебя простить, ты нарушительница государственных и божественных законов. Прими казнь за грехи свои. Молись Богу о прощении» – и дал знак палачу…

Как в своих отчетах отмечали иностранные послы, Петр поднял ее отрубленную голову и снова поцеловал в окровавленные уста. Потом стал рассказывать всем присутствовавшим при казни об анатомическом строении головы и человеческого тела…

Виселица для правителя Сибири

Первым сибирским губернатором, назначенным царем Петром I, был князь Матвей Петрович Гагарин (ок. 1659–1721), человек умный, властный, честолюбивый. Он хорошо знал Сибирь, умел организовывать людей на работы, но и не забывал о собственном кармане. За короткий срок князь настолько разбогател, что подумывал превратить Сибирь в собственное государство. Петру доложили о тайных планах губернатора. В 1719 году Гагарина вызвали в Санкт-Петербург. В результате судебного расследования вскрылись чудовищные злоупотребления. Судьба князя Гагарина была решена, его приговорили к казни через повешение.

О его детстве и юности почти ничего не известно. И вообще в биографии много всякой путаницы, недосказанности. Это объясняется тем, что имя его, как и портрет, были исключены из разных государственных реестров, о нем, как о злостном казнокраде, старались не вспоминать. Известно только, что в 1691 году бывший стольник при царском дворе Матвей Гагарин получил от царя назначение служить товарищем воеводы в Иркутске. Это означало, что Матвей Гагарин становился заместителем своего брата Ивана Петровича Гагарина, служившего в Иркутске воеводою. В обязанности Матвея Гагарина входило наведение на земле порядка, привлечение на работы людей и налаживание торговли с Китаем.

Князь приступил к своим обязанностям и вскоре понял, что в столь отдаленных от центра местах он полноправный хозяин и вместе с братом занялся… контрабандой: скупал по дешевке в Китае товары, которые особенно ценились в России, в том числе драгоценные камни, металлы, ткани, вывозил в Россию и выгодно продавал. Пошлины он, конечно, не платил. Петру докладывали о нечистоплотности братьев Гагариных, но царь никаких мер к расследованию злоупотреблений не предпринимал.

В 1693 году Матвей Гагарин был назначен воеводою в Нерчинск в Забайкальском крае, где в те времена проходила не очень четкая граница с Китаем. Торговля с Китаем осуществлялась казенными караванами с охраной. Товары мог перевозить только тот купец, который находился в списке каравана. Торговцы обязаны были сообщать, имелись ли в караване родственники и знакомые воевод. Попасть в список можно было только через взятку. На Матвея Гагарина поступали жалобы, служивые люди обвиняли его в том, что сам он не только не платит таможенные сборы, но и еще дерет с них три шкуры.

В 1695 году Гагарина отозвали из Нерчинска, а уже через год вышел царский указ о сборе сведений от поморских купцов об уплате ими таможенных пошлин с 1692 по 1695 год. Матвей Гагарин сумел улизнуть от начинавшегося расследования и на шесть лет вообще пропал. В 1700 году он объявился в Москве, слыл богатым человеком, строил себе красивые жилые дома. Петр вызвал его в Петербург и поручил надзирать за строительством шлюзов в районе Вышнего Волочка, протянуть водный путь от Балтийского до Черного моря, включая реки Волгу и Дон. В этих делах Гагарин проявил себя деятельным, энергичным, умелым специалистом.

В 1707 году Гагарин был назначен комендантом Москвы, занимался работами по укреплению Кремля и Китай-города, а через год получил новое назначение – главы Сибирского приказа. Гагарин отправился к новому месту службы.

Палаты Матвея Петровича Гагарина в Москве

В 1711 году князь Матвей Гагарин был официально провозглашен первым сибирским губернатором с местом жительства в Тобольске. Это означало, что ему помимо Сибири подчинялись еще Приуралье и Камчатка. Гагарин теперь сам назначал воевод, называвшихся уже по-новому комендантами. Он стал полноправным властителем огромной территории и начал с благоустройства своей столицы Тобольска, куда вывез около тысячи военнопленных шведов и немцев, оказавшихся в России после поражения в Полтавской битве. Эти военнопленные построили дошедший до нашего времени каменный кремль,

мостили улицы, отделывали дома, занимались ремесленничеством. Город преображался на глазах, в нем появился даже кукольный театр. Военнопленные жили свободно и должны были сами зарабатывать себе на жизнь. Поэтому многие создали семьи, жили неплохо и позднее не захотели возвращаться на родину.

В 1713 году Гагарин приехал в Петербург и привез царю образцы золота, добытого в местных недрах. Для добычи золота, утверждал он, нужны вооруженные отряды, чтобы преодолеть сопротивление аборигенов. Царь пообещал полное содействие и отправил снаряженную экспедицию – три тысячи вооруженных солдат во главе с полковником Бухольцем. Увы, эта экспедиция потерпела полную неудачу. Аборигены неожиданно оказали активное сопротивление, выставив против царских солдат в три раза большее войско… Живыми вернулось всего 700 солдат. Царь был в большом расстройстве.

Но Гагарин не унывал, он научился добывать золото… из древних насыпных курганов – десятки, сотни, тысячи разных золотых, серебряных изделий, в том числе посуда, украшения. Эти вещицы он самолично отвозил царю, но и себя не забывал. Его дома в Москве и Тобольске больше походили на дворцы с богатейшим внутренним убранством. Говорили, что сибирскому князю подавали кушанья на 50 серебряных блюдах, его кареты сияли золотом и серебром, словно царские. И в друзьях у него оказалось все царское окружение, в том числе императрица Екатерина, князь Меншиков, все придворные были им подкуплены…

Слухи о несметном богатстве сибирского губернатора, о его вольной жизни в непозволительной роскоши доходили до Петра, человека в быту достаточно скромного и непритязательного. Он внимательно прочитывал сообщения своего обер-фискала из Сибири Нестерова – тот сообщал о злоупотреблениях губернатора Гагарина, о его связях с промышленником Демидовым, о недостачах железа, обмане, заговоре и прочее, прочее. Многое Петр пропускал, но последнее сообщение в 1718 году, что с 1714 по 1718 год царская казна недополучила 300 тысяч рублей… Это была огромная сумма. Это не могло не встревожить. Масштабов такого казнокрадства на Руси еще не встречалось. Горячий на похвалу и не менее горячий на расправу, Петр тотчас дал указание отстранить Гагарина от должности и для расследования отправил в Тобольск майора Лихарева.

Гагарин не знал о своем отстранении, и когда ехал в Петербург, он вез новые подарки. Там он узнал все… Его посадили в Адмиралтейскую темницу, начали допрашивать. Он

отрицал свою вину, тогда к нему применили пытки. Он не выдержал и сознался во всем. Из Тобольска Лихарев сообщал дополнительно: Гагарин задерживал дипломатическую почту, очевидно, просматривал ее, притеснял купцов, а чтобы те не жаловались на всех дорогах, ведших в центр, установил посты для проверки. Без его ведома ни одна бумага не поступала царю…

Гагарин признался во всех своих прегрешениях и надеялся на снисхождение царя, но Петр был неумолим. Ему сообщили еще о тайных планах Гагарина якобы отделить Сибирь от России, сделать ее своим государством. 14 марта 1721 года суд, состоявший из сенаторов, людей близких к Петру, приговорил Матвея Петровича Гагарина к смертной казни. 16 марта того же года прямо перед окнами Юстиц-коллегии, где выносился приговор, в присутствии Петра, сенаторов и даже родственников Гагарина Матвей Петрович был повешен. Затем состоялся поминальный обед, играл оркестр, в честь свершившейся справедливой казни был организован салют… По указанию императора в назидание всем казнокрадам тело бывшего первого губернатора Сибири висело на перекладине еще около шести месяцев.

Король воров Парижа

В раннем детстве Луи-Доминик Бургиньон, родившийся в Париже в 1693 году, был похож на чертенка – маленький, вертлявый, глазастый. Отец, бочар, надеялся, что сын пойдет по его стопам, но Луи приглядывался совсем к другому ремеслу. Однажды этот шустряк пролез через слуховое окно к одному торговцу и сутки выжидал, когда хозяева покинут жилье. Когда они ушли, он прошелся по всем комнатам, набил карманы золотыми монетами и навсегда исчез. Так в Париже родился необыкновенный вор, который впоследствии стал главой подпольного столичного мира. Его прозвали Картуш – невысокого роста, он любил носить высокие цилиндры.

Отец хотел, чтобы отпрыск получил хорошее образование, и отправил сына учиться в школу иезуитов. Чертенок проявил там немалые способности: читал, писал, запоминал большие куски Библии, но злобные святоши все равно его наказывали, требовали убирать, мыть, обслуживать. И били плеткой. Такая подневольная жизнь мальчику не нравилась, и он решил бежать из дома. Опыта вора, беззастенчивого обманщика, главаря банды он набирался у бродячих цыган-артистов, к которым примкнул после своей первой воровской практики. Они приняли его в табор, где все подчинялись старейшине, и требовали от Луи каждый день приносить дань в общий котел. Вместе с ними Луи бродил по городам и селениям Франции. Побывал в Леоне, Орлеане, Марселе. Днем цыгане устраивали цирковые представления, честно зарабатывали деньги, а по ночам грабили богатых. Наводчиком у них был малыш Луи-Доменик.

В 1710 году в Нормандии цыгане, которых подозревали в уличном ограблении, неожиданно столкнулись с конной полицией. Всех как ветром сдуло – разбежались в разные стороны. Маленький Луи-Доменик спрятался в укрытии. Дожидаться сбора цыган в намеченном месте он не стал. В руках у него осталась главная цыганская сумка, в которой находились все золотые сбережения табора, и он решил вернуться домой, в Париж. Пять лет, проведенные в таборе, не прошли даром, он стал опытным вором, предприимчивым грабителем, бесстрашным убийцей. И у него появились деньги.

В Париже Луи-Доменик снял неплохую квартирку, приоделся по моде, стал носить высокий цилиндр. По внешнему виду настоящий буржуа. Это днем. А ночью он переодевался в отрепья и превращался в безжалостного грабителя. Его любимым местом стал Новый мост. Горе тому, кто попадал в его цепкие лапки, –

без откупа жертву он не отпускал. Скоро в Париже Новый мост стал самым злосчастным местом, где собирались воры, беспризорники и всякое отрепье. Запоздалому путнику, даже будь он в карете, грозило неминуемое ограбление. Строптивого могли связать и скинуть в Сену.

Луи-Доменик жил на широкую ногу, питался в трактирах, пил вино, засыпал в объятиях милых продажных девушек. Однажды он так крепко уснул, что, едва проснувшись, увидел рядом с собой солдат. Он не знал что и думать. Но они не собирались вести его в полицию, а предложили ему почетную службу в армии короля, тогда как раз начиналась война с испанцами. Ему пришлось согласиться, но принять участие в боевых действиях не пришлось, Война за испанское наследство к тому времени завершалась.

В 1713 году в Голландии был подписан Утрехтский мир, и солдат стали отпускать домой. Служба закончилась так же неожиданно, как и началась. Луи-Доменик оказался на свободе. Он знал, чем ему заняться, а вот его друзья, демобилизованные солдаты, не знали. Луи-Доменик предложил им веселую и денежную работу: пусть отправляются по домам в свои города и оттуда шлют ему весточки, какой богач направляется в Париж, по какой дороге и какого числа. За верную наводку они будут получать пятую часть отобранного.

Предложение вызвало ликование. Бывшие солдаты вышли на большую дорогу. В результате столь масштабных действий маленького Луи-Доменика на дорогах Франции стало неспокойно. В Париже также участились случаи дерзких ограблений и воровства, увеличилось количество банд грабителей. Правившему страной «королю-солнце», Людовику XIV, докладывали о дерзких преступлениях. Рассказывали, что объявился некий безжалостный вор, он сколотил шайку, от которой ни приезжим, ни парижанам нет никакого спасения. Полиция и ее агенты не могут установить главаря воровской банды, никто не знает, где он скрывается. Людовик, потребовал от своих подчиненных принять срочные меры для поимки разбойника и обещал награду за его поимку.

Картуш особенно не скрывался. Он умело организовал примкнувших к нему бывших солдат и беспризорников. У него образовалась целая армия, которая насчитывала две тысячи человек! Он говорил, у кого брать, сам распределял добычу. Он стал кумиром парижского подпольного мира, его королем. К нему с поклоном шли ростовщики, мелкие торговцы, проститутки. Он подсылал своих людей с деньгами к королевским судьям. Они давали им взятки, чтобы те выпускали из тюрем полезных

Картушу людей. Своих воров, переодетых на манер буржуа, он отправлял служить к известным парижским богатеям лакеями, кучерами. Его милые девушки соблазняли «неприступных» святош, а когда те в их объятиях засыпали, забирали с собой самое ценное и исчезали. В Париже заговорили, что король воров Картуш правит городом, а власть бессильна против него.

Картуш. Гравюра XVIII в.

Эти слухи раздражали короля Луи. В гневе король потребовал бросить на поимку негодяя все силы полиции, подключить армию, поймать и при всем народе казнить его на Гревской площади. В Париже и во Франции есть только один король! На Новом мосту поставили солдат, вооруженные полицейские группы ходили по городу днем и ночью с факелами. Все искали неуловимого короля воров. Пойманные мелкие воришки могли рассказать только о его внешности – невысокого роста, чуть более полутора метров, но страшно сильный, похож на буржуа, ходит в высоком цилиндре. Полицейские опрашивали хозяев съемных квартир, искали невысокого человека в высоком цилиндре. Напрасно. С группой своих самых близких единомышленников Картуш отправился по «цыганскому» маршруту: в Леон, Орлеан, Марсель. Он, как предчувствовал, среди его подельников нашлись

такие, которые соблазнились объявленным высоким вознаграждением и сдали своего главаря.

Но жить без Парижа Картуш уже не мог. Большой город, где у него было столько знакомых, столько девушек, звал и манил к себе. Картуш решился. Он не представлял, что на всех дорогах, которые вели в столицу Франции, расставлены посты, засады. Солдаты, полицейские в гражданском искали коренастого человека небольшого роста с высоким цилиндром. Луи-Доменику не удалось незамеченным проскочить мимо. Его схватили, спросили имя, он назвал вымышленое, его все равно отвели в тюрьму. На допросах он молчал. Тогда к нему в камеру привели бывших друзей, которые подтвердили, что это Картуш, король воров. Тогда его, чтобы не сбежал, приковали цепями к стене, а королю Луи доложили о поимке самого главного вора. Картуша пытали, требовали назвать подельников, их адреса, указать места хранения оружия и награбленного. Картуш симулировал сумасшествие, но это не помогло – его бывшие подельники под страшными пытками во всем признались, указали все адреса.

Картуш пытался покончить с собой, бился головой об стенку, цепями давил горло, но надсмотрщики были бдительны. Когда он узнал, что его сдали свои, то в бешенстве заговорил, стал называть имена, адреса. В течение недели в Париже было поймано и казнено свыше 350 названных им людей. Скоро очередь дошла и до него. 26 ноября 1721 года на Гревскую площадь при огромном стечении парижан стражники вывели невысокого истерзанного человека в белой длинной рубахе. Это был двадцативосьмилетний Луи-Доменик Бургиньон, он же знаменитый Картуш, король-воров. Его колесовали.

Ложная казнь барона

Тяжелое испытание довелось пережить барону, дипломату, вице-канцлеру и сенатору, одному из любимых сподвижников Петра I, когда его за незначительную провинность приговорили к смертной казни. Да не через повешение, а путем отсечения головы. У Петра Павловича Шафирова были «высокие» недруги в Сенате, например, князь Меншиков недолюбливал его, выходца из еврейской семьи, умного, владевшего несколькими иностранными языками. Его часто оскорбляли. Шафиров не оставался в долгу, он прямо в лицо назвал обер-прокурора Сената Скорнякова-Писарева вором, а Меншикова казнокрадом. За эти в общем-то справедливые высказывания ему зло отомстили.

Рассудить крупно поссорившихся в Санкт-Петербурге высоких чинов было некому – Петр находился в далеком Каспийском походе (1722–1723). Вместе с русской армией и флотом он направлялся в Северный Азербайджан и Дагестан, которые в то время принадлежали Персии. Он думал овладеть побережьем Каспия и восстановить торговый путь из Центральной Азии и Индии в Европу. Задача была непростая, требовала много средств и сил. Он хотел, чтобы русские купцы получили благоприятные условия для торговли с заморскими странами.

Дворцовые интриги – явление типичное, которое всегда использовали государи Европы для выявления своих сторонников и завистников, чтобы выставить себя миротворцем, судьей, отцом нации, чтобы одних приближенных миловать, других казнить. Петр собрал возле себя самых разнородных людей, много иностранцев и возникавшие ссоры и споры часто решал сам, иногда с помощью собственного кулака, и всех мирил. Но на этот раз все вышло по-другому. Как только он вернулся в столицу, ему тотчас доложили о скандале. Виновным выставили, естественно, чужака, инородца, выкреста Петра Шафирова. Особенно постарался Меншиков. Он не любил Шафирова, как не любил еще одного инородца, португальского еврея Антона Девиера, взятого Петром из Голландии, получившего звание генерал-адъютанта и пост генерал-полицмейстера Петербурга.

Неизвестно, выслушал ли Петр доводы враждующих сторон, но он действовал решительно и бескомпромиссно. Он посчитал, что Шафиров своими оскорбительными высказываниями в адрес высокопоставленных персон нарушил его указ об уважительном отношении к закону и властям. Было нарушено европейское право, которое Петр старался внедрить в сознание своих придворных. Он не стал разбирать, кто прав, кто виноват. Пусть

все решит суд.

Суд состоял из десяти сенаторов, были там и те, кого оскорбил Шафиров. Понятно, что решение суда было вполне предсказуемым. Шафирова обвинили в казнокрадстве, буйном поведении в Сенате и сокрытии своего еврейства, но впоследствии этот пункт обвинения вскоре был изъят. Приговор был неоправданно жесток: приговорить Шафирова к смертной казни, лишить всех чинов, титулов и имения. Казнь – отсечение головы – должна состояться 15 февраля 1723 года в Московском Кремле при стечении народа. Царь мог лишиться одного из своих лучших и опытных дипломатов, который налаживал мирные переговоры с Турцией, помогал урегулировать отношения со Швецией и практически занимался всеми иностранными делами. Второго такого человека рядом с ним не было…

Петр Шафиров (ок. 1669–1739) родился в еврейской семье в Польше. Он получил хорошее домашнее образование, знал польский и немецкий языки, поэтому его взяли переводчиком в Посольский приказ, где он выучил еще английский, французский, голландский, а впоследствии и турецкий. Шафиров участвовал в Великом посольстве Петра (1697–1698) в страны Западной Европы, где был его доверенным лицом. В 1709 году он стал вице-канцлером и был назначен управляющим почтами. Царь направлял его на самые опасные участки дипломатической работы. Несколько лет в качестве посла Шафиров провел в Турции, сидел в качестве заложника в тюрьме и был освобожден только 1714 году. В 1717 году он был назначен вице-президентом Коллегии иностранных дел. И вдруг отсечение головы за оскорбление словом? Почему такая немилость?

15 февраля 1723 года в одной рубахе с обнаженной головой его вывели на площадь Московского Кремля. Все было готово к казни – установлена деревянная плаха, возле нее стояли стражники с высокими секирами и прогуливался палач со своим топором. Шафиров приготовился принять смерть. Завистники победили. Судья прочитал обвинение. Шафиров молча встал на колени и положил голову на плаху. Палач замахнулся, и его топор с резким стуком воткнулся рядом с головой Шафирова. Неужели палач промахнулся? Но палач не стал выдергивать топор, подошли стражники и подняли Шафирова на ноги. Судья зачитал новый приказ, в котором говорилось, что смертная казнь заменяется ссылкой в Сибирь…

Шафирову оставили жизнь, да и в Сибирь он не поехал. Петр помнил о его заслугах и разрешил ему обосноваться в Нижнем Новгороде. Больше они не виделись. В 1725 году император Петр неожиданно умер, а пришедшая ему на смену императрица

Екатерина вернула Шафирова из ссылки. Ему была возвращена большая часть конфискованного имущества. Впоследствии его назначили президентом Коммерц-коллегии.

Как свидетельствуют современные источники, Шафиров никогда не забывал о своем еврейском происхождении и занимал необходимые денежные средства для императора Петра у европейских евреев-банкиров, а те интересовались возможностью открыть свои торговые дома в России. Но Петр не успел заняться этим новым делом и никому не оставил никаких поручений.

П.П. Шафиров. Неизвестный художник

Основатель финансовой пирамиды

Шотландского предпринимателя, банкира, любителя приключений красавчика Джона Лоу, жившего и «творившего» в начале XVIII века, сегодня называют финансовым гением. Он одним из первых понял выгоды выдачи банковского кредита, который приводит к оживлению экономики, обогащению нации. Но он не представлял, что выдача кредитов только ради прибыли таит в себе опасность финансового краха. С его именем связаны первые валютные махинации в Европе, при его содействии получили распространение бумажные деньги и акции. Ему пришлось спасаться бегством от французских властей, когда обрушилась созданная им кредитная финансовая пирамида.

Развитие банковского дела многим обязано Лоу. Он рассматривал кредит как мощный рычаг развития экономики. Наделение людей деньгами увеличивает их покупательскую способность, что позволяет оживить экономику государства. В своих сочинениях он сравнивал учреждение банка и развитие кредита с открытием путей в богатую Индию, откуда в Европу стали поступать драгоценные камни и благородные металлы, экзотические товары и пряности. Он не видел ничего опасного в выдаче банком ссуды бумажных денег, во много раз превосходившей запас золотых денег, хранившихся в банке. Но он требовал, чтобы банк был государственным и брал на себя всю ответственность за проводимую им экономическую политику…

Джон Лоу родился в столице Шотландии Эдинбурге в 1671 году. Его отец владел ювелирной лавкой, занимался мелкими банковскими операциями и приобщил к своему делу сына. В 20 лет молодой Лоу, получивший хорошую финансовую подготовку, покинул провинциальный Эдинбург и отправился в Лондон завоевывать свет. Он производил впечатление на дам: высокий, стройный, приятной внешности и галантный. Он обладал незаурядными математическими способностями, удачно играл в карты, занимался спекуляцией драгоценностями и картинами старых мастеров. В 1694 году из-за возникшего любовного конфликта он вызвал на дуэль соперника и убил его. Лоу приговорили к смертной казни. От грозившего топора его спасло помилование короля Вильгельма. Однако родственники убитого начали новый процесс. Лоу не стал дожидаться решения суда, бежал из тюрьмы, выпрыгнув из окна с высоты 30 футов (чуть больше 10 м) и повредив ногу.

Лоу скрывался за границей, долго жил в Голландии, где изучал банковское дело, написал там книгу «Деньги и торговля»,

в которой развивал идею введения в обращение наряду с золотыми и серебряными монетами бумажных денег. По его мнению, главной причиной застоя экономики являлась нехватка денег. Большее их количество дает занятие большему числу людей. Его приглашал приехать в Россию Петр I для «передачи опыта», но Лоу не отважился отправиться в далекую холодную страну. Из Амстердама он перебрался в Италию, затем во Францию, где познакомился с замужней англичанкой Кэтрин Сеньор и отбил ее у мужа. Именно Кэтрин подсказала ему замену золотых монет на бумажные деньги. Ей, как и многим женщинам, было тяжело таскать с собой мешочек, наполненный звонким металлом. Но сделать это могло только первое лицо в государстве – король.

В 1715 году после смерти короля Людовика XIV Франция переживала тяжелый финансовый кризис. Провинции отказывались платить налоги, казна была пуста. Джон Лоу написал письмо герцогу Орлеанскому, регенту будущего короля Франции Людовика XV, в котором высказал мысль, что стране нужны деньги, как кровь организму. Бумага легче и дешевле золота, поэтому монеты надо заменить банкнотами. Если банкноты выпустит государство, то народ поверит в них, станет покупать товары, это оживит производство. Герцог пригласил автора письма во дворец.

Вскоре с подсказки шотландца и при его участии в Париже появился Всеобщий банк, который превратился в Королевский банк и стал выпускать банкноты – бессрочные долговые обязательства с правом обмена на драгоценный металл. Лоу ввел монополию на продажу табака и кораблестроение, он получил также право собирать налоги. Королевский банк стал наполняться деньгами. Как и предсказывал Лоу, добравшийся к тому времени до поста министра финансов, торговля оживилась, за ней активизировалось производство.

В 1717 году Лоу основал «Компанию на Миссисипи», провел вербовочные мероприятия по отправке рабочих в Америку, убеждал французов, что на другом континенте их встретят с подарками, каждому прибывшему вручат слитки золота. Но желающих было мало, тогда он стал загружать суда отпетыми мошенниками, проститутками, ворами и разного рода миссионерами. С его подачи в Америке появился новый город, названный в честь регента Людовика XV герцога Орлеанского – Новый Орлеан. По Парижу пошел слух, что в Луизиане обнаружены золотые месторождения, на их разработку Королевский банк предоставляет ссуду в 25 миллионов банкнотами. Цена одной акции компании взлетела с 5 тысяч до

25 тысяч ливров. Пункты продажи акций осаждали толпы жаждущих их приобрести. Но, собирая от населения бумажные деньги, которые не были обеспечены золотым запасом, компания сама рыла себе могилу. Только очень малую часть средств действительно вкладывали в развитие своего бизнеса.

В январе 1720 года Джону Лоу предоставили почетную должность генерального контролера Франции. Он был богат, знаменит и жил на широкую ногу. Но осенью того же года ажиотаж вокруг акций «Компании на Миссисипи» пошел на убыль. Поддерживать постоянно растущий курс акций становилось все труднее. Компания занималась только оборотом своих ценных бумаг, никакого производства не осуществляла, а потому материального дохода не было.

Осторожные инвесторы, среди них находился враг шотландского банкира принц Конти, стали продавать акции. Бумажные деньги они тотчас обменивали на золото. Акции «Компании на Миссисипи» грузились на телеги и привозились в банки. Это вызвало шок среди парижан, они бросились также сдавать свои акции. Их привозили мешками, бумажные деньги пытались обменять на золото. Но золотые монеты быстро кончились, в обращение их давно не выпускали. «Компания на Миссисипи» разорилась. Резко выросли цены, стала ощущаться нехватка продовольствия. В стране разразился кризис, люди атаковали банк. Стали раздаваться выстрелы, полилась кровь, возникла реальная угроза погромов и расправы над основателями компании. Генерального контролера Франции называли мошенником, убийцей, английским жуликом, достойным гильотины. Преступника искали, ему грозили процессом.

Лоу, оставив жену и детей, тайно выехал в Бельгию, оттуда он бежал в Венецию, где и остался до конца своих дней. Лоу умер от воспаления легких в полном одиночестве. Печальный опыт выпуска бумажных денег и акций, предпринятый им, так напугал Францию, что от ценных бумаг постарались побыстрее избавиться и забыть их как страшный сон. Новый король, Людовик XV, пообещал французам, что ни в коем случае не пустит в оборот пустые бумажки. Только через 70 лет бумажные деньги вернулись в страну.

Повешенный в железной клетке

На самом юге Германии, в земле Баден-Вюртемберг, находится местная достопримечательность – древний замок Хоеннойффен. Перед его входом вывешена памятная доска. Надпись на ней гласит, что в 1738 году тайный финансовый советник герцога Карла Александра фон Вюртембергского Иосиф Зюсс-Оппенгеймер, больше известный как Еврей Зюсс, после ареста был помещен в этот замок. Его обвинили в государственной измене, нанесении оскорбления гражданам и соблазнении христианок. На самом деле Зюсс раздражал придворных своим богатством и независимостью. И поплатился за это.

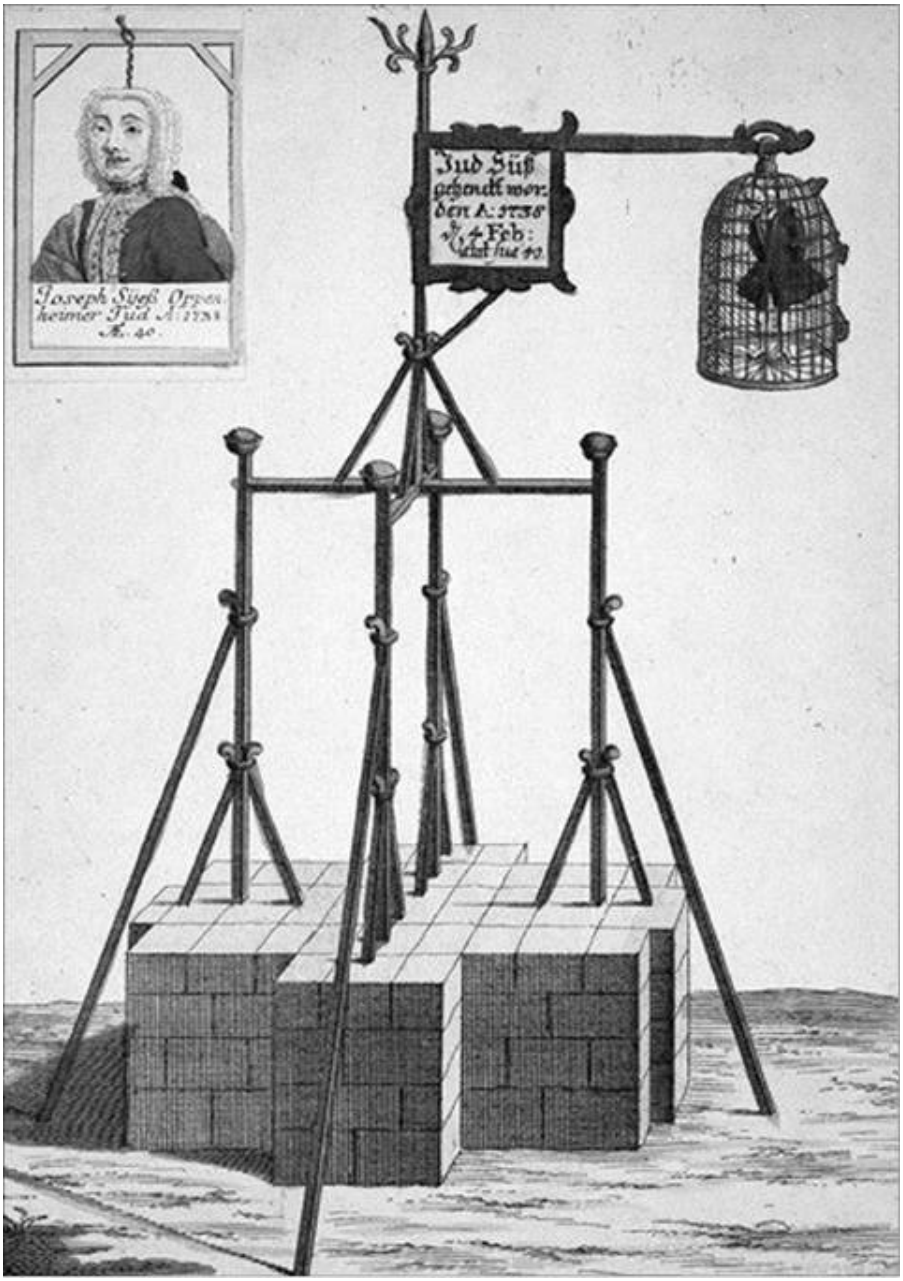
На судебном процессе против него выдвигались самые нелепые обвинения, но смертный приговор был предрешен. В начале февраля 1738 года в городе Штутгарте при большом стечении народа его поместили в круглую железную клетку, подняли повыше, чтобы всем было видно, и повесили на особой, возведенной для этого случая «горбатой» виселице.

Трагическая история несправедливо обвиненного и казненного еврейского банкира Зюсса-Оппенгеймера позднее привлекала к себе внимание многих деятелей культуры Германии, в том числе писателей. Известный сказочник Вильгельм Гауф в 1827 году, а в 1926 году Леон Фейхтвангер выпустили на эту тему романы. На судьбу и «злостные» деяния «еврейского банкира» не могли не обратить внимание нацисты. В 1940 году в целях пропаганды они выпустили художественный антисемитский фильм под названием «Еврей Зюсс», который просмотрело почти все население страны и ряда стран Европы. В том же году его демонстрировали на кинофестивале в Венеции.

В реальной жизни Зюсс-Оппенгеймер оказался заложником жестокой борьбы местных лютеран, выступивших против влияния католиков, желавших овладеть всей полнотой власти в Штутгарте и земле Баден-Вюртемберг. К своим врагам вместе с католиками лютеране причислили также ненавистных им «денежных мешков» – евреев, врагов христианской веры, «безмерно расплодившихся в Штутгарте и по всей Германии». Их называли еще «дьявольским отродьем». Это выражение было взято на вооружение из памфлета «О евреях и их лжи», выпущенного в 1543 году основоположником лютеранства, главным врагом иудеев Мартином Лютером. Именно евреи, по его мнению, отвергнутые Богом, были им же, Богом, за грехи рассеяны по всей земле. Они воры и разбойники, они ростовщики, место которых

на виселице…

Оппенгеймера называли просто Зюсс. Жители Штутгарта иронично прозвали его еще «придворным лакеем-евреем». Он был рослым человеком, чисто брился, красиво по моде одевался, носил кольца, ездил в коляске, обожал женщин, но совершенно не соблюдал иудейских обрядов, к своей вере относился более чем равнодушно. Правда, единоверцам всячески помогал, способствовал их делам. Из Франкфурта-на-Майне, где Зюсс занимался торговлей драгоценностями, в Штутгарт его пригласил тщеславный и заносчивый герцог Карл Александр Вюртембергский, католик по вере. Герцог, как отмечали многие, недалекого ума человек, тратил непомерные суммы на свою армию, на постройки излишних замков и разные удовольствия. Отсюда постоянная нужда в деньгах. Его казна почти всегда была пуста. В городской кассе, которой заведовали лютеране, денег тоже не было, да и берегли ее очень строго. Финансовый советник и помощник Зюсс был единственным человеком, который старался угодить желаниям своего сюзерена. Он вводил новые налоги, взимал пошлины за проезд через мосты, торговал должностями, что было типично для того времени, сбывал по дорогой цене лежалый товар. Он старательно добывал деньги для герцога. И герцог ценил и оберегал своего «самого дорогого придворного».



Казнь «Еврея Зюсса». Рисунок современника

Но случилась беда, в самый разгар противостояния лютеран и католиков герцог неожиданно умер. Лютеране торжествовали, настал их час. Настало время расплаты. Зюсс, к своему ужасу, понял, что оказался в полном одиночестве и помощи ему ждать неоткуда. Представители городской власти, они же лютеране,

вкупе с судьями, не имея никаких реальных оснований, немедленно отдали приказ об аресте Зюсса и его препровождении в тюрьму. Закованного еврея-банкира увезли из Штутгарта, где с ним могли расправиться без суда и следствия, в старинную крепость Хоеннойффен. Это всего в нескольких милях от Штутгарта.

Зюсс понял, что он жертва соперников герцога, которые жаждали расправиться с его финансистом, этим евреем-банкиром, и завладеть богатством «кровососа». На этом пути они пойдут на самые крайние меры. Виселицы ему не избежать. Никто из ближайшего окружения герцога, которых он снабжал деньгами, не требуя возврата, не мог предложить ему никакого плана спасения. Рассчитывать на помилование также не приходилось.

Во время предварительного судебного разбирательства Зюсса обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах. Одно обвинение следовало за другим. Прежде всего ему приписали выпуск фальшивых монет. Судьи явно стремились не дать ему ни малейшего шанса на спасение, но арестованный держал себя с достоинством. Он отвергал все выдвинутые против него обвинения: он не был государственным изменником, потому что не занимал никаких государственных должностей; он не выпускал фальшивые монеты, потому что не был членом городской кассы; он не насиловал христианок, ни одна из женщин Штутгарта не жаловалась на него. Он утверждал, что действовал по приказу герцога и способствовал процветанию земли Вюртембергской – добывал деньги на прокладку дорог, строил мосты, помогал финансами многим нуждавшимся. Судьи не приняли в расчет никаких оправданий. Они отдали приказ приступить к пыткам. Зюсса пытали, требовали принять христианскую веру и креститься. Он отказался. Этого ему не простили. Судьи вынесли самый суровый приговор – казнить на «горбатой» виселице…

Зюсс родился в небольшом университетском городке Гейдельберге в 1698 году. Его отец занимался коммерцией, но умер рано. Осиротевшего мальчика воспитывал богатый дядя. С раннего возраста Зюсс проявил заметную способность к математике и волевые качества. Его привлекли к торговле и денежным операциям. Зюсс набирался опыта, знаний, служил в крупных торговых домах Амстердама, Праги, Вены, Франкфурта-на-Майне, завоевал себе репутацию надежного банкира, легко добывающего солидные средства. За определенные проценты он гасил долги высокопоставленных персон, давал ссуды. На накопительстве сколотил целое состояние, которое многим показалось не просто чрезмерным, но опасным. Как придворный советник мог скопить столько денег? Наверняка обманом,

стяжательством. В ту пору это было одно из самых худших обвинений.

Вот какое предисловие к своему роману «Еврей Зюсс» предпослал Леон Фейхтвангер: «Подобных евреев-финансистов… было немало и в раннем Средневековье… Иные из них… после лет, проведенных в роскоши, кончали свою жизнь в тюрьме или на виселице. Это был естественный риск всякого, кто принимал на себя обязанности придворного банкира… Так кончали свою жизнь евреи-финансисты испанских и мавританских королей, банкиры габсбургского кайзера и великих курфюрстов, так кончали свою жизнь евреи, управляющие имуществом греческих, польских, итальянских князей… судьбы их не более поучительны, чем судьбы бесконечного множества других людей, живших в одно с ними время…»

4 февраля 1738 году измученного и поседевшего Зюсса-Оппенгеймера доставили в Штутгарт. «Горбатая» виселица, сооруженная у городских ворот, была уже готова. Собравшиеся на площади горожане улюлюканьем и презренными бранными криками встретили колымагу, на которой между стражниками сидел «придворный еврей-лакей». С завязанными сзади руками его подвели к клетке, раскрыли дверцу, и палач, впустив его внутрь, надел на его шею петлю. Затем он закрыл дверцу и дал знак стражникам. Клетка оторвалась от земли и поплыла вверх. Жители задрали головы и еще сильнее заголосили. Судей, читавших приговор, уже никто не слушал. Все смотрели наверх. Такое необыкновенное зрелище. Наконец судья крикнул палачу: «Приступай к совершению справедливого приговора!» Палач дернул рычаг, и створки пола в железной клетке раскрылись. Над восторженной толпой висело конвульсирующее тело придворного еврея, богача, ростовщика Зюсса-Оппенгеймера, принесшего народу земли Вюртембергской одни страдания.

Королева карманников

В банде ей, двадцатилетней, все подчинялись. Она была ее главарем и вдохновителем. Красивая, обаятельная девушка стала непревзойденной воровкой. При рождении в 1700 году она получила имя Мэри Янг, воры дали ей кличку Дженни Дайвер, «ныряльщица»… в чужие карманы. При воровстве она использовала такие трюки, что удивляла даже опытных карманников Лондона. Она сидела в тюрьме, выходила и снова воровала. В марте 1741 года после ареста в очередной раз за воровство ее решили казнить. Слишком много водилось за ней грехов, и не было заметно желания исправляться. При огромном стечении народа ее в нарядном платье повесили в знаменитом местечке Тайберн – официальном месте казни осужденных Лондона.

Дженни не любила обычную уличную обстановку, ей нужна была праздничная толпа, разодетые богатые господа. И она находила их в театре, в церкви во время проповеди, в гостинице с обилием приезжих. Однажды она разыграла свой спектакль. В театре на представлении популярной комедии на нее обратил внимание хорошо одетый молодой джентльмен. На Дженни нельзя было не обратить внимание, она выглядела как аристократка – нарядное платье, фасонная шляпка, сияющие глаза, волнистые волосы, чарующая улыбка. И говорила она как аристократка, рядом служанка. Молодой джентльмен извинился и задал ей несколько вопросов, она скромно ответила ему. Он представился приезжим коммерсантом из Йоркшира, плохо знал Лондон и просил оказать ему любезность – показать город. Дженни согласилась.

Джентльмен проводил Дженни со служанкой из театра. В карете они разговорились. Дженни рассказала печальную историю, что недавно вышла замуж за богатого человека намного старше ее, который часто уезжает по делам, а она остается одна и грустит. Она живет в особняке в Ковент-Гардене и будет рада, если молодой человек ее навестит. Надо только дождаться, когда уедет муж. Молодой джентльмен был в восторге, он не ожидал, что добьется успеха так скоро…

В назначенное время разнаряженный молодой джентльмен в карете подъехал к особняку. Его встретила знакомая служанка и проводила наверх к госпоже. Дженни приняла его в своей спальне и сразу предложила заняться любовью. Но едва они легли в постель, как в дверь постучала служанка. С испугом в голосе она сказала, что господин внезапно вернулся. Дженни, которой надо

было встретить законного супруга, выскочила из постели и быстро оделась. Она захватила с собой вещи молодого человека и попросила его спрятаться в шкафу. Она сказала, что попытается поскорее спровадить мужа.

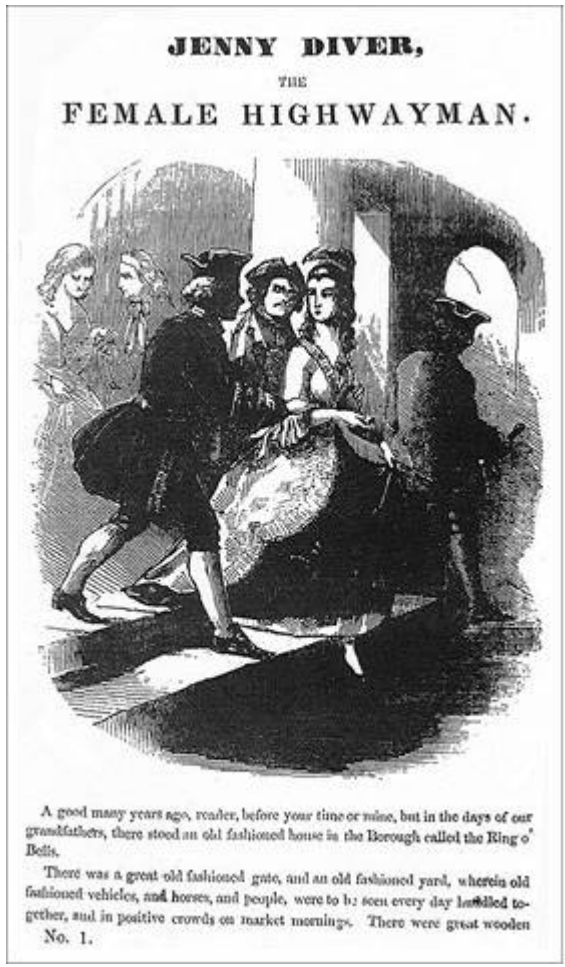
Молодой джентльмен сидел в шкафу час, два, три… Затем ему надоело, и он осторожно открыл дверцу. В спальне никого не было. В доме стояла полная тишина. Где же Дженни? Он подергал ручку двери, но она была заперта. Выйти из спальни он не мог – окон в ней не было. Ждать ему пришлось до утра. Утром с криком: «Нас ограбили!» – в комнату ворвались настоящие хозяева особняка. Они схватили молодого человека, у которого не было никакой одежды, и связали. Он попытался оправдываться, но его основательно побили. Только после появления полиции выяснилось, что молодой джентльмен стал жертвой умело осуществленной мистификации – уличная воровка вместе с напарницей ограбила покинутый на выходные особняк и пригласила туда молодого джентльмена, которого тоже ограбила, да еще и заперла в чужой спальне…

Еще один трюк, который использовала Дженни, состоял в следующем. Она приходила в церковь на популярную проповедь. Садилась на скамью недалеко от выхода и опускала на колени руки в перчатках. Все внимание пришедших в церковь было устремлено на паперть, откуда к пастве с призывами не грешить, проявлять добро к падшим обращался проповедник. Дженни слушала, а ее руки работали. Но не те, которые лежали на коленях. На коленях был искусно выполненный муляж, ее настоящие руки ощупывали чужие сумки, лежавшие рядом. Найденные кошельки, ценности она скидывала в задний ряд, который занимали ее подружки-напарницы, они незаметно для окружающих держали раскрытую сумку…

Мэри родилась в Ирландии, была незаконнорожденной дочерью служанки. Первые годы она провела среди публичных женщин, мать не имела собственного жилища. И все же она сумела отправить дочь в школу. Там обнаружились ее способности красиво и быстро вышивать. Преподаватели были очень довольны хорошенькой и способной девочкой. Впоследствии ее взяла на воспитание одна благородная дама.

Но Мэри росла независимым ребенком. Она рано научилась самостоятельно зарабатывать и решила уехать в столицу. Ей удалось уговорить молодого человека взять над ней опеку и увезти в Лондон. В столицу она прибыла одна – молодого человека в пути арестовали за воровство. Она сняла очень скромное жилище, которым владела молодая женщина, ее землячка из Ирландии Анни Морфий, как вскоре выяснилось, она

же член воровской шайки. Это знакомство и определило дальнейшую судьбу Мэри. Вместе с «подругами» новенькая, приехавшая из Ирландии, стала изучать приемы воровства. Очень скоро Мэри постигла все азы «карманного» ремесла и даже усовершенствовала его своими приемами. Ее «волшебные» пальчики действовали безукоризненно.



Арест Дженни Дайвер. Книжная иллюстрация

Однажды во время праздничного гулянья со служанкой Дженни внезапно стало плохо, и она упала. Участливые женщины бросились ей на помощь. Образовалась толпа любопытных. Женщины окружили Дженни. Наконец она с трудом встала, поблагодарила их и удалилась со своей служанкой. Другая ее напарница и напарник уносили в своих сумках добытые Дженни ценности… Примерно такую же сценку она разыгрывала в дороге.

Ехала в карете со своим «мужем». Внезапно ей становилось плохо. Они стучались в дом и просили помочь, дать нюхательную соль. Хозяева бросались ее искать, а в это время Дженни с сообщником очищали нижний этаж дома и с ветерком уносились прочь.

Ее неоднократно ловили, сажали, но потом выпускали. Наконец судьи пришли к выводу, что ее надо лишить жизни в назидание всем, кто готов был перенять воровское «мастерство». Дженни приговорили к смертной казни через повешение.

18 марта 1741 года на ней были длинное черное платье, черная шляпка с вуалью, которые оттеняли ее бледное красивое лицо. Народу на площади Тайберна собралось несколько десятков тысяч, многие прибыли из Лондона. В тот день собирались казнить в общей сложности 16 человек: 12 мужчин и 4 женщины. Для всех была уготована одна специальная высокая виселица в форме треугольника на трех столбах. Приговоренные ждали своей очереди, с ужасом наблюдая за конвульсиями своих собратьев. В толпе обсуждали поведение каждого, давали советы. Дженни держалась с достоинством. Ей связали руки, предложили надеть на голову черный колпак, но она отказалась. Ее повели к трем столбам…

Уголовник-перевертыш Ванька Каин

В истории российской криминалистики имя Ивана Осипова из села Иваново Ярославской губернии занимает особое место. Простой вор, мошенник, грабитель прославился не столько своими воровскими «подвигами», хотя и они представляют немалый интерес, сколько предательством, сдачей полиции своих подельников, главарей московской воровской братии. Народ тотчас окрестил его Ванькой Каином.

Став оплачиваемым доносчиком, важной «государственной» персоной, Иван старался выжать максимальную выгоду из своего положения: требовал мзду от богачей, которых пугал своими связями в воровском мире, а воров заставлял делиться и служить себе, угрожая разоблачением. Москва при нем превратилась в воровской притон, в котором он становился полноправным хозяином.

В его жизни легенда переплелась с реальными фактами, отделить одно от другого невозможно, поэтому нам приходится довольствоваться сведениями, которые сохранились в давних газетных публикациях и редких воспоминаниях людей, якобы знавших его и считавших Ваньку чуть ли не благородным разбойником под стать английскому Робин Гуду, только на московской земле.

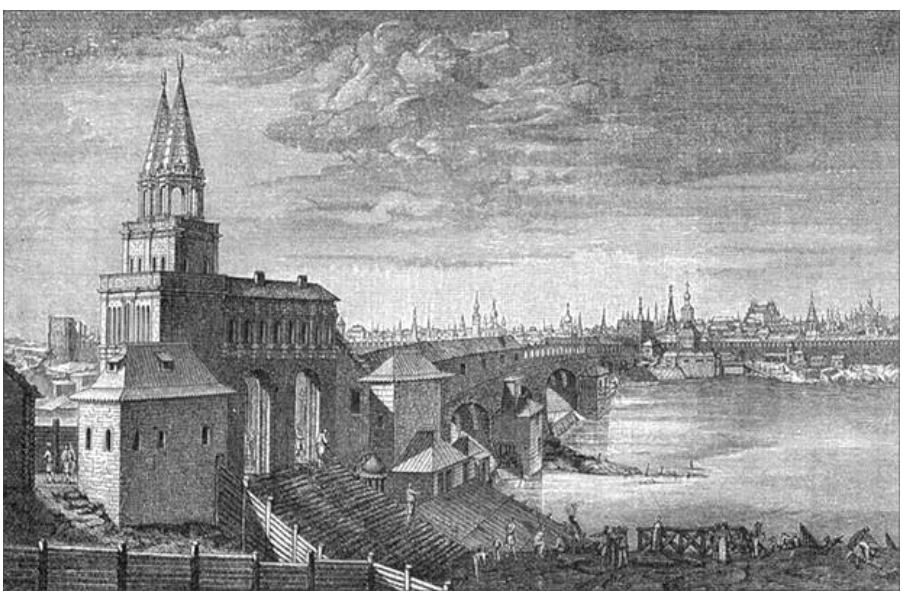
Вот несколько фактов из реальной жизни русского вора Ивана Осипова. К учебе он не стремился, приобрести профессию мастерового не старался, труд ему был в тягость. Ему пришелся по нраву легкий способ добычи денег – отъема их у имущих. Интересное совпадение, когда в 1718 году в простой крестьянской семье родился Иван, в Санкт-Петербурге указом Петра I появился первый генерал-полицмейстер Антон Девиер, который приступил к наведению порядка в городе.

Учения Ванька никакого не знал, отец его пил, а выпивши, бранился с матерью, драл детей. Ванька, шустрый и сметливый по натуре, все время проводил на улице. Он быстро понял, что обман и воровство – самые надежные средства на пути к обогащению. Тринадцати лет Ивана привезли в Москву и устроили в работники к зажиточному купцу Петру Филатьеву, выходцу из той же губернии. Филатьев согласился взять его при условии, что мальчик будет вести себя надлежащим образом, иначе порка. Первое время Ванька старался, служил исправно. Но приобретенные в детстве воровские навыки скоро пересилили, дали себя знать. Иван тащил то, что плохо лежало, и продавал. Он не гнушался залезать в карманы не только гостей, но и слуг.

Бумажные купюры не брал, только мелочь.

И все же, несмотря на ловкость рук и разные хитрости, он попался. На него донесли свои же, слуги. Хозяин распорядился проучить его по-свойски, но порка не помогла, самолюбивый Иван не исправился. Зато в его душе появилась злость на хозяина, ненависть против слуг, которым он хотел отомстить. Вскоре ему представился случай.

В свободное время Иван любил отправиться в кабак, где заказывал себе вино. К нему подсаживались взрослые, интересовались, кто такой, откуда. Он любил сочинять, за словом в карман не лез. В кабаке и познакомился с отставным матросом Петром по прозвищу Камчатка, профессиональным вором. Рассказал ему о своем тяжелом житье-бытье, пожаловался на хозяина. Камчатка быстро сообразил, что с этим парнем можно иметь дело, и предложил Ивану ограбить Филатьева. Идея Ивану понравилась, и они разработали план.



Всехсвятский каменный мост. Гравюра XVIII в.

Вскоре ночью Иван пробрался на хозяйскую половину, попал в ту самую комнату, где стоял сундук, в который, он знал, хозяева складывали выручку. Ломиком взломал его, набил карманы и сумки всем, что казалось ценным. На улице его ждал Камчатка. Они благополучно прошли несколько кварталов, но дальше двигаться через центр было опасно, солдаты у караульных будок могли остановить бродивших – добропорядочные господа по ночным улицам с полными сумками не разгуливали. И тут

сообразительный Иван предложил ограбить… церквушку, оказавшуюся на пути. Он вынес оттуда ценную утварь и одежду. Переодевшись в черные рясы, оба вора спокойно миновали караульные посты: глядя на двух священников, солдаты снимали шапки и крестились.

Филатьев же, обнаружив пропажу, велел своим холопам разыскать негодяя. Его при поимке ожидала большая порка. Вездесущие холопы отправились под Каменный мост над Москвой-рекой, где собирался вороватый люд. Ванька много хвастал, вот его и заметили. За несколько медных грошиков и продали. Схватили его, привели к Филатьеву. И тут началось… Привязали к столбу, а на цепи перед ним посадили голодного медведя. Косолапый рычал, дергался, старался зацепить Ивана лапой. Тот крутился до изнеможения. Медведя увели кормить, Ивану ничего не дали. Он догадался, что его ждет. Как спастись? И тут он вспомнил, как от знакомой дворовой девки Филатьева слышал, что якобы слуги хозяина убили одного солдата и тело закопали в старом колодце. Ивана осенило. Наутро он завопил: «Слово и дело государево! Слово и дело государево!» И не замолкал. Перепугались слуги, побледнел Филатьев. Но рта лихоимцу не закроешь. Вся улица слышала. Забрали Ивана в полицейский участок, выслушали, а потом доложили московскому градоначальнику графу С.А. Салтыкову. Его превосходительству Иван красочно расписал, как слуги Филатьева убили казенного человека, солдата, а тело спрятали в старом колодце. Сведения Ивана подтвердились. Граф отпустил Ивана, а Филатьеву предстояло оправдываться перед градоначальством.

Оказавшись на свободе, Ванька не собирался вести честную жизнь. Вместе с примкнувшими к нему ворами он отправился в Немецкую слободу. Выбрали богатый дом, в котором проживал царский лекарь Евлих, отсутсвовавший в то время. Вызвали сторожа, связали его и расспросили о плане комнат, где хранятся ценности. Иван выставил окно на первом этаже и полез первым, за ним еще двое. Набили полный мешок золотыми и серебряными вещами, едва сумели обратно вытащить.

Вся шайка весь день пировала. Ограбили они доктора, как потом выяснилось, на огромную сумму – три тысячи рублей. Авторитет Ваньки Осипова, удачливого вора, мастера грабежа возрос. На следующую ночь он со товарищ ограбил дом царского закройщика Рекса. Незаметно вынесли самое ценное добро и скрылись. В Москве пошли разговоры о появившейся ловкой банде грабителей, которых ни сторожа, ни замки остановить не могут…

Однажды Иван и его ватага ранним утром ограбили одного богатого купца. Мешков набили добром столько, что едва утащили. Домочадцы проснулись, бросились в погоню за ворами. Чтобы уйти от дворни, Иван велел скинуть тяжелые мешки в воду возле огромного грязного болота у Чернышева моста. Они побросали мешки и ушли от погони. В этот же день вся братва наведалась в дом генерала Шубина, который, как они знали, выехал со двора. Отвлекли разговором сторожа, запрягли красивую повозку и выехали на улицу. Но отправились не к Чернышеву мосту, как думали товарищи Ивана, а к одной знакомой девке. Ее приодели словно барыню, посадили в повозку. Прибыв в таком светском виде к мосту, они инсценировали поломку экипажа. Барыня сидела наверху и бранила своих холопов, а те ползали в вонючей жиже и вытаскивали из нее «упавшие с повозки мешки с хозяйским добром»…

Вскоре в Москве Ивану оставаться стало опасно. Полиция повесила объявление о поиске наглого вора, грабителя. За донос или его поимку предлагалось щедрое вознаграждение. Иван с частью своей голытьбы ушел на Волгу, участвовал в делах разбойничьей шайки атамана Михаила Зари. Но подчиненная жизнь его не устраивала, и в 1741 году Ванька снова объявился в Москве. Он пошел прямо в Сыскной приказ, где объявил, что он тот самый разыскиваемый Иван Осипов, бывший вор и грабитель, который решил бросить это дело. Теперь он хочет служить государю и ловить воров и грабителей. Он принесет большую пользу государю и обществу.

В Сыскном приказе поразмышляли и решили его предложение принять – так появился доноситель Сыскного приказа, в распоряжении которого передали военную команду. Именно тогда в народе его прозвали Ванькой Каином. С первых же дней на новой службе он принялся наводить порядок. Он хорошо знал воровской мир Первопрестольной, и его команда в первые дни накрыла несколько притонов, были схвачены десятки воров, грабителей, обнаружены склады с оружием. Он показал, на что способен. В Москве вздохнули. Ванька Каин обратился в Сенат с просьбой о помиловании. Его помиловали.

Через два года верной службы Ванька попросил у Сената денег на свадьбу, но ему отказали. Этот отказ так возмутил его, что он места себе не находил. После долгих раздумий он решил вести двойную игру. На службе он по-прежнему ловил воров и грабителей, но теперь это были мелкие сошки, главарей и вожаков Ванька-Каин больше не трогал. Зато он неожиданно воспылал ненавистью к разного рода раскольникам, стал вымогать у них деньги, в противном случае грозил высылкой в

Сибирь. Сыскной приказ работал исключительно на Ваньку Каина. Он построил себе в Китай-городе настоящие хоромы – днем исправно служил, а ночью его дом превращался в притон, где собирались все главные воры и грабители. Они играли в карты, пили вино, веселились с девками.

Ванька Каин стал негласным хозяином Москвы, в которой было раздолье воровским шайкам. Весной 1748 года в городе начались пожары, горели сотни домов, гибли люди, их добро растаскивалось. В городе началась паника. Эти слухи дошли до Санкт-Петербурга. Напуганная императрица Елизавета Петровна направила в Москву войска и потребовала создать комиссию под командованием генерал-майора Ушакова по расследованию всех уголовных дел. В эту комиссию пошли люди с жалобами. Теперь ловлей воров и грабителей занимались военные, Сыскной приказ отошел на второй план. Одновременно в Москву прислали нового генерал-полицмейстера Татищева. Тот отдал приказ арестовать Ваньку Каина. Под угрозой пыток он стал рассказывать. И перед Татищевым предстала вся масштабная картина подкупа городских чиновников, весь произвол, творимый Ванькой Каином и его людьми. Следствие по делу Ивана Осипова длилось шесть лет, до 1755 года. Бывшего вора, грабителя, насильника, потом доносчика и сыщика Сыскного приказа Ивана Осипова приговорили к смертной казни через колесование. Потом ему заменили смерть на вечное изгнание в Сибирь. Его высекли плетьми, вытравили на лбу слово «вор» и отправили по этапу на каторгу. Там его и след пропал. Только в народе еще долго продолжали гулять разные сказания и песни о воровских и разгульных похождениях Ваньки Каина в Москве.

Самозванка из Европы

На загадочную судьбу княжны Таракановой, известной самозванки и авантюристки XVIII века, выдававшей себя то за дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Разумовского, то за сестру Емельяна Пугачева, в российском обществе обратили особое внимание только после знакомства с картиной художника Константана Флавицкого «Княжна Тараканова». Это произошло в 1865 году, когда полотно выставили в Санкт-Петербурге на всеобщее обозрение. Публика была потрясена сценой гибели княжны в каземате Петропавловской крепости во время наводнения. Многие высказывали сожаление о произошедшем. Императору Александру II картина категорически не понравилась. Он отметил, что ее сюжет не имеет ничего общего с исторической действительностью. И он был прав.

Княжна Тараканова. Художник К.Д. Флавинский

С реальностью эта сцена не имеет ничего общего. Княжна, которая выдавала себя также за принцессу Азовскую и принцессу Елизавету Владимирскую, не умерла при наводнении в Петербурге. У нее были еще десятки имен, высоких титулов, и примерно такое же количество биографий. Но откуда же Флавицкий взял этот сюжет?

Об этой удивительной, можно сказать, уникальной женщине, которая свободно говорила на пяти языках, была вхожа во многие высокие дома Европы и выказывала все признаки благородной дамы света, Флавицкий впервые узнал в Италии, где Тараканова жила перед отправкой в Россию. Там ему рассказали о ее краже… русскими разбойниками, которые схватили даму, утащили на свой корабль и увезли в неизвестном направлении. А легенду о ее гибели во время наводнения в Петербурге художник услышал уже дома, на берегах Невы.

Картина «Княжна Тараканова» принесла Флавицкому большую известность. После Санкт-Петербурга она выставлялась в Москве, затем в Париже на Всемирной выставке, и всюду ей сопутствовал успех. Это вполне объяснимо. В Европе «княжну» хорошо знали, нашлись влюбленные в нее высокородные господа, которые оплачивали ее княжеское проживание и думали, как использовать самозванку в своих целях. Несмотря на негативную оценку сюжета картины Флавицкого со стороны российского монарха, европейские критики, а следом и российские единодушно отметили удачно переданное отчаяние молодой женщины, оказавшейся в каменной камере, куда сбежались крысы, вместе с ней ожидавшие смерти.

История княжны Таракановой занимала умы не только художников, но и писателей того времени. До Флавицкого ей посвятил исторический роман Д.С. Дмитриев «Авантюристка», позднее, в 1883 году, Г.П. Данилевский написал роман «Княжна Тараканова». Но все эти произведения, как и картина Флавицкого, были далеки от реальных событий, они основывались на утвердившихся в российском обществе легендах и слухах, приходивших из Европы…

Настоящее происхождение этой женщины неизвестно. По некоторым данным, она родилась то ли в Чехии, то ли в Германии, получила хорошее образование и воспитание. Девушка отличалась привлекательной внешностью: стройная, темноволосая, с карими глазами, похожая на итальянку. Была умна, тактична, обладала властным характером, умела повелевать, свое истинное происхождение скрывала, рассказывая всякие небылицы. Почувствовав, что ее чары неотразимо действуют на мужчин, она принялась завоевывать их сердца. Одних своих поклонников она разорила, других довела до тюрьмы.

Некоторое время девушка жила в Берлине, Лондоне, Париже, в разных княжествах и графствах. Называла себя везде по-разному: то девицей Али-Эмете, то Франк, то Шель, то госпожой Тремуйль. Именно в Париже в 1772 году она впервые распространила слух о том, будто родом из России, происходит от князей Владимирских, жила в Персии и по достижении совершеннолетия прибыла в Европу, чтобы начать поиски наследства.

Ее поклонники верили ей безоговорочно. А она, развивая свою российскую легенду, в зависимости от обстоятельств и окружавших ее людей, называла себя то сестрой Емельяна Пугачева, который выдавал себя за царя Петра III Федоровича, внука Петра Великого, то принцессой Азовской, то принцессой

Елизаветой Владимирской, происхождение которых в России никому не было известно. Наконец, попав в Польшу и приблизившись к князю Карлу Радзивиллу, женщина полностью «раскрылась», стала именовать себя не иначе как тайно рожденной дочерью российской императрицы Елизаветы Петровны от графа Алексея Григорьевича Разумовского. Именно она является единственной, истинной и законной претенденткой на российский престол.

Тотчас вокруг нее стали виться родовитые поляки, которые то ли действительно поверили ей, то ли рассчитывали поиметь выгоду, если бы самозванке удалась мистификация. Она прекрасно понимала настроение окружавших ее людей и быстро обзавелась бумагами, которые «свидетельствовали» о ее российском и царском происхождении. Она, не стесняясь и не задумываясь о последствиях, раздавала заверения, что едва завоюет русский престол, как окажет царские милости своим помощникам.

Надо отдать должное уму, храбрости и приспособляемости этой многоликой женщины. Она сумела сбить с толку даже знающих, опытных людей, она была неиссякаема на выдумки. Женщина творила свою политику, пользуясь доверчивостью людей, их желанием приблизиться к вершинам власти любой ценой.

Оказавшись в Риме, затем Венеции, новоявленная княжна стала составлять свои «манифестики» – этакие воззвания, в которых рассказывала о своей родословной и правах на российский престол. Она посылала их турецкому султану, французским послам и русским придворным. Доставили эти бумаги и правившей в то время Екатерине II. Русская императрица немецкого происхождения, которая была напугана масштабным восстанием Пугачева и вдруг появившейся «сестрой Пугачева», отдала тайный приказ графу Орлову, находившемуся с военной эскадрой в Ливорно, найти, схватить и доставить в Россию эту, по ее словам, бродяжку.

Князь Орлов срочно отправился в Рим, где в то время находилась княжна. Она болела, у нее проявились первые признаки чахотки, туберкулеза. Он встретился с новоявленной претенденткой на русский престол, притворился влюбленным в нее, обещал исполнить все ее желания и предложил отправиться с ним в Ливорно, чтобы посмотреть российскую императорскую эскадру. Она согласилась, надеясь использовать красавца Орлова в своих планах. Вместе со слугами княжну доставили на корабль, где для нее устроили торжественный обед… Орлов тотчас же отдал приказ русскому адмиралу Грейгу арестовать самозванку,

заковать и доставить на флагманском корабле «Три иерарха» в Россию.

В Петербург самозванку доставили в мае 1775 года и заключили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где ее допрашивал фельдмаршал Голицын. Она рассказывала о своем высоком происхождении, называла имена высоких покровителей в Европе, говорила, что может быть полезной российской императрице, но не созналась в том, что готовила переворот в России. Ее считали величайшей преступницей, при ней неотлучно находилось трое солдат. Умерла она от чахотки в декабре того же года. Место ее захоронения осталось неизвестно. Наводнение же, которое частично затопило казематы Петропавловской крепости, случилось лишь два года спустя. А фамилия Тараканова, присвоенная «княжной», могла произойти от фамилии Дараган, так величали племянников Алексея Разумовского, которые воспитывались за границей. Возможно, с кем-то из них была знакома либо сама самозванка, либо кто-то из близких ей людей. Таким образом, могла появиться ставшая потом легендарной ее фамилия.

Ожерелье для королевы Франции

Дорогое бриллиантовое ожерелье, изготовленное по заказу Людовика XV для своей любовницы, графини дю Бари, сыграло роковую роль не только в судьбе королевской фаворитки, но и запятнало имя следующей королевы Франции Марии-Антуанетты, окончившую свою жизнь на эшафоте. Еще ранее по этому загадочному делу были арестованы и отправлены в тюрьму страсбургский кардинал Луи де Роган, его любовница и главная зачинщица аферы Жанна Ламмот, выдававшая себя за графиню Ламмот-Валуа, а также близкий друг кардинала, его духовный наставник знаменитый граф Калиостро.

Александр Дюма, познакомившийся с закулисными событиями не столь далекого прошлого, оказался захвачен ими настолько, что отдельные эпизоды использовал в своем романе «Три мушкетера» и более подробно в романе «Ожерелье королевы». Правда, его неуемная фантазия приукрасила историю и многие факты он изложил по-своему. В действительности все происходило несколько иначе.

Два известных парижских ювелира, Боммер и Бассанж, которые снабжали двор Людовика XV драгоценными украшениями, в мае 1774 года изготовили необыкновенное ожерелье: 647 великолепных ограненных камней разного размера (самые крупные величиной с вишню в золотой оправе) были нанизаны на ряд перекрещивающихся нитей. Нижнюю часть дополняли четыре знаменитые подвески, выполненные в форме лилий.

Все, кому довелось видеть законченную работу, были в восхищении. Да и цена, которую назначили ювелиры, впечатляла – 1 миллион 800 тысяч ливров. Боммер и Бассандж, приобретая драгоценные камни по всей Европе, залезли в долги. Но, увы, Людовик внезапно заболел оспой и 5 мая 1774 года в возрасте 63 лет скончался. Во Франции траур. Безутешную мадам дю Бари тотчас выгнали со двора. В дальнейшем пришедшие во власть кровавые революционеры во главе с Робеспьером припомнили несчастной графине и распутное прошлое, и связь с Людовиком XV, и страсть к дорогим украшениям. Свою жизнь она закончила на гильотине.

В Версале появился молодой король Людовик XVI, внук скончавшегося короля. Двадцати лет, он был преисполнен самых честолюбивых замыслов, и в придворную жизнь внедрялись новые нравы. Меньше стало балов и приемов, никаких лишних трат. Ювелиры были в отчаянии: что делать с украшением? Они

решили предложить его супруге короля. Мастера добились аудиенции во дворце. Королева, женщина статная, красивая и не глупая, посмотрела украшение, а узнав цену, сказала, что на такие деньги Франция сможет купить боевой линейный корабль.

Обескураженные ювелиры решили предложить украшение другим королевским особам. Они помчались в Мадрид, и снова неудача. Слишком высокая цена. Мастера подавленными вернулись в Париж, на Вандомскую улицу, где у них был ювелирный магазин. Они не знали, что делать. Сумма процентов по кредитам, выданным на приобретение камней, росла. От королевского двора не поступало новых заказов, ожерелье становилось удавкой, готовой задушить обоих ювелиров.

На помощь ювелирам, сам того не ведая, пришел страсбургский кардинал Луи де Роган, которому об истории с ожерельем рассказала его любовница графиня Ламмот-Валуа и все подтвердил его ближайший друг граф Калиостро. Как ему не поверить! Этот самый граф утверждал, что он необыкновенный человек, что родился через 200 лет после Всемирного потопа, он был знаком с пророком Моисеем, участвовал в оргиях римских императоров Нерона и Гелиогабала. Кардинал слушал и ахал…

Жанна Ламмот между тем собирала околодворцовые сплетни, разузнавала подробности о жизни королевы. От Жанны кардинал узнал, что на самом деле королева страшная транжирка, но денег ей прижимистый король не дает. Зато кардинал может приобрести королевскую благосклонность Марии-Антуанетты и попадет во дворец, если… В свое время королева была очень недовольна кардиналом и отказала ему в посещении дворца. Жанна воспользовалась ситуацией. Мало кто знал, что за внешним ангельским обликом Жанны скрывалась обманщица, безродная нищенка, жившая в свое время на одно подаяние, теперь она тянула деньги со старика.

Однажды Жанна с таинственной улыбкой сообщила кардиналу, что королева готова вернуть ему свою милость, но для этого ему следует немного раскошелиться. Королеве требуется небольшая сумма, всего-навсего 50 тысяч ливров. И для большей убедительности Жанна с невинной улыбкой протянула ему письмо. Оно было адресовано непосредственно кардиналу и подписано самой «Марией-Антуанеттой Французской»! Кардинал, бывший некогда послом Франции в Вене, который сам вел служебную переписку, видимо, ослеп или потерял голову – королевские особы подписывали свои письма только именами, данными им при крещении.

Потрясенный такой «королевской милостью» кардинал дал Жанне обозначенную сумму. А у Жанны, обрадованной таким

легким обогащением, созрел другой грандиозный план. Она поехала на Вандомскую улицу к ювелирам, к Боммеру и Боссанжу, представилась им графиней де Ламмот-Валуа, доверенным лицом королевы. И рассказала, что Мария-Антуанетта не забыла о том бриллиантовом ожерелье и готова обсудить этот вопрос снова. Только никому ни слова.

Мария-Антуанетта. Художник М.-Э.-Л. Виже-Лебрен

Ювелиры уже не верили, что им удастся когда-нибудь продать свое изделие, и заверили посланницу королевы, что переговоры сохранят в тайне. В свою очередь они готовы сделать скидку. Жанна привезла Рогану приятные вести: королева благодарила его за ту денежную услугу, которую он оказал ей. И показала ему новое письмо, в котором ее величество выразило желание приобрести то самое знаменитое ожерелье, от которого

она десять лет назад отказалась. Роган был польщен. Он воспрянул духом. Значит, впереди перспектива оказаться во дворце. Для этого ему придется, конечно, оказать новую услугу королеве. Что ж, он готов.

Роган размышлял. Королева хочет приобрести ожерелье за 1 миллион 800 тысяч ливров? Конечно, сумма баснословная. Таких денег у него в наличии нет. Он внимательно рассмотрел письма, подпись. Что-то его насторожило? Когда Жанна ушла, он позвал к себе графа Калиостро, показал ему письма, и этот, самый высокий для него авторитет, подтвердил, что все письма настоящие, их написала сама королева.

На следующий день Жанна слушала радостные старческие вопли. Такого дурака ей не приходилось еще встречать. Она понимала, что ситуация становится чересчур опасной, а ей предстоит и дальше играть непростую роль «близкой подруги» королевы, скрывая свои истинные замыслы. Но кто не рискует, тот никогда не выигрывает.

Для больше убедительности Жанна решила организовывать… свидание Рогана с самой «королевой». Для кардинала имя Марии-Антуанетты было священным и полностью заслоняло его разум. Жанна принесла ему очередное письмо, в котором говорилось, что королева желает встретиться с ним в Версальском саду, недалеко от рощи Венеры. Там среди райских кущ она заверит его в своей благосклонности и подтвердит, что ей действительно нужна его услуга в приобретении ожерелья. Встреча произойдет поздно вечером при полной темноте. Просьба все сохранять в строжайшем секрете.

И снова у старика не возникло ни малейшего сомнения в правдивости происходящего. Для чего этот ночной маскарад, что даст ему это свидание? Что даст оно королеве? В любовники он не годился, деньги давал по первому ее сигналу. Если королева действительно захотела бы его приблизить, для этого имелись другие, надежные и легальные способы, прислала бы гонца с письмом, пригласила бы во дворец. В конце концов, он мог бы сам пойти к ювелирам и обо всем с ними договориться. Он мог бы сам написать ответ королеве. Но этого как раз не хотела Жанна. Тогда весь обман тотчас бы раскрылся. И Жанна приняла все меры, чтобы управлять кардиналом и ситуацией.

В назначенный августовский вечер кардинал весь разодетый, благоухая ароматами розовой воды, под покровом темноты сел в карету. Рядом с ним была Жанна. Они поехали в Версаль. Он был счастлив, он торопился на свидание с первой женщиной Франции. Кого же он там встретит?

Конечно, для этой роли Жанна не годилась. Для подставы

подобрали другую девушку, которая лицом и фигурой походила на королеву. Это была любовница мужа Жанны де Ламмота – Николь Лаге. Ее причесали, приодели в «королевское платье», дали выучить заранее приготовленный текст. И отвезли в Версаль. Внешне Николь действительно напоминала королеву. Николь рассказали только о забавной шутке, которую «королева» хотела бы разыграть с одним из своих безнадежно влюбленных пажей. За это участие в забаве ей была обещана небольшая сумма денег.

Жанна полагала, что если старик убедится, что перед ним королева, то он без разговоров либо выложит ее доверенному лицу все сумму – 1 миллион 800 тысяч ливров, либо же купит и отдаст само ожерелье! Но чтобы обман не раскрылся, встречу в саду решили прервать на самом интересном месте. Внезапное появление «доверенного лица» королевы месье Декло (для этой роли был нанят знакомый заговорщикам Рето де Вильето) должно было придать реальность всей ситуации.

И вот дрожащий Роган приблизился к «королеве». Он встал на одно колено и покорно склонил голову. Он ждал решения своей участи. Николь, как ей и было приказано, сделала царственный жест и едва слышным голосом прошептала: «Можете надеяться, что все прошлое уже забыто. Я прощаю вас». Она уронила розу к ногам старика. Кардинал чуть не лишился дара речи от такой щедрости. Он поднял розу, собирался раскрыть рот, но как раз в этот момент появился одетый в ливрею молодой человек. Доверенное лицо королевы? Роган вздрогнул. Неужели их засекли?

Несчастный, он был единственным одураченным лицом во всей этой комедии, какой не знала еще история. «Королевский камердинер», пройдя рядом с Роганом и «королевой», негромко произнес: «Уходите, уходите как можно скорее! Вас могут обнаружить!» И исчез. Роган успел, правда, увидеть королевскую ливрею и лицо «камердинера», Рето де Вильето. Именно на это и рассчитывали заговорщики. Королева тотчас опустила покрывало и удалилась в глубь аллеи.

Кардинал бежал по темному саду, не чувствуя ног. Вот и карета. Встревоженная Жанна встретила его словами: «Ну как королева?» – «Все в порядке, – ответил возбужденный Роган. – Она меня простила. Я все сделаю, что она просит». В глазах у него стояли слезы умиления, в руках он сжимал розу.

Дальнейшая ситуация развивалась по плану Жанны. Теперь Роган сам отправился на Вандомскую улицу и заверил обоих мастеров, что будет участвовать в выкупе ожерелья. Такому известному лицу, как кардинал, нельзя было не поверить. В

подтверждение своих слов Роган показал Боммеру и Бассанжу письма королевы. Кардинал договорился с обоими ювелирами, что королева купит ожерелье с рассрочкой на два года. Ему удалось снизить цену на 200 тысяч ливров. Первый взнос – 400 тысяч ливров – назначался на 1 августа следующего года.

Довольный Роган, вернувшись домой, сочинил подробное письмо-отчет королеве. Он благодарил ее за свидание и за ту щедрость, которую она проявила к нему. Он, по ее желанию, побывал уже у ювелиров и договорился с ними о рассрочке. Они снизили цену. Теперь последнее решение за королевой.

Это письмо он вручил Жанне с просьбой, чтобы она показала его королеве и та скрепила бы его своей подписью. Это письмо – денежный документ. Жанна была очень недовольна. Такого хода она не предполагала. Но свою роль играла и дальше. Она понимала, что финал близок и любая ошибка может стоит не только ожерелья, но привести ее вместе с заговорщиками за решетку. Она забрала письмо, пообещала срочно вручить его королеве. Несколько дней заговорщики обдумывали, как им следует поступить: подписывать письмо или нет? Так и не достигнув единого мнения, они все оставили как было.

Жанна вручила Рогану его неподписанное ею письмо. Он был удивлен, она сухо улыбалась.

– В чем дело? Что случилось?

– Королева довольна результатами ваших переговоров, сир, но она отказывается подписывать эту бумагу. Как мы и договаривались ранее, все, что касается ожерелья, должно быть сохранено в тайне. Она не может раскрывать своего лица.

На этот раз Роган проявил несвойственную для него настойчивость. Ведь речь шла о 1 миллионе 600 тысяч ливров. Он уже увяз в долгах, огромных затрат требуют опыты графа Калиостро, который обещал добыть ему золото, но у него по-прежнему нет ни золота, ни наличных денег. Кардиналу были нужны вещественные доказательства того, что королева согласна на условия договора. Иначе ювелиры не выдадут ожерелье. Это его последнее слово.

Ситуация грозила выйти из-под контроля. Жанна недовольно взяла письмо и удалилась.

Прошло несколько дней. Роган ждал. Беседовал с Калиостро, тот заверял его, что еще немного терпения и он добудет золото. Для вящей убедительности Калиостро кидал в сосуд с мутной жидкостью мелкие кристаллы и вынимал оттуда кристаллы вдвое больших размеров. Так произойдет и с бриллиантами королевы, уверял он, стоит опустить их в эту волшебную воду и они тотчас вырастут до огромных размеров…

Их опыты прервал приход Жанны. На ее лице приветливая улыбка.

– Все в порядке, сир, – шептом сказала она ему. – Королева подписала ваше письмо. Поезжайте на Вандомскую улицу. Сделку следует совершить сегодня. Я буду ждать вас здесь. Королева сказала, что сюда скоро прибудет ее человек, камердинер месье Декло, торопитесь. Желаю успеха.

Роган успокоился, все шло в соответствии с его пожеланиями. Он снова и снова рассматривал знакомую ему подпись «королевы» – «Мария Антуанетта Французская». С этим письмом он отправился на Вандомскую улицу и предъявил его обоим ювелирам как знак официального согласия на покупку. Все, сделка вступила в завершающую стадию. Боммер и Боссанж взяли письмо «королевы» как залог и вынесли черный футляр. Кардинал принял от них ожерелье стоимостью 1 миллион 600 тысяч ливров. В его руках переливались 647 камней, и отправился домой. Скоро должно было прибыть «доверенное лицо» королевы, месье Декло, он заберет ожерелье. Совесть Рогана была чиста, он выполнил все условия. А это означало, что в свою очередь ему не терпелось услышать от королевы разрешение, когда ему можно будет появиться в Версале. Но перед ним снова разыграли сценку. Теперь последнюю. На улице послышался звук подъезжающей кареты. Условленный стук в дверь. На пороге появился молодой человек. Он был одет, как и подобает, в королевскую ливрею. Это знакомый Рогану камердинер Декло, роль которого и на этот раз выполнял Рето де Вильето. Декло открыл футляр, проверил целостность ожерелья, поблагодарил от имени королевы за успешную сделку, и дверь за ним закрылась. Все, афера свершилась. Но это только первая ее часть. За ней последует и вторая, заключительная.

Жанна, ее муж и Рето де Вильето, не веря своему счастью, осмотривали ожерелье. В их руки попало целое состояние. И они, опасаясь какого-либо подвоха, тут же разобрали его на отдельные камни. Королевское украшение в один миг перестало существовать. Вместо него 647 драгоценных камней! Теперь дело за черным рынком. Рето должен был продать часть бриллиантов. Им срочно требовались деньги, чтобы рассчитаться с долгами…

Однако через агентов в полицию неожиданно поступили сведения о том, что некий господин Рето де Вильето, выдававший себя за поверенного графини де Ламмот-Валуа, продает обработанные бриллианты по удивительно низкой цене. Его пригласили для собеседования. Он подтвердил, что продает фамильные ценности графини де Валуа по ее просьбе. Пришлось «графине» официально доказывать судебным органам, что она

действительно поручила Рето де Вильето продажу своих бриллиантов. Его отпустили. Но это событие насторожило Жанну и ее сообщников. Было решено действовать по-другому. Теперь ее муж де Ламмот, нагруженный бриллиантами, отправился в Лондон, чтобы распродать их среди английской знати. А Жанна, загрузив шесть карет с приобретенным барахлом, отправилась в родной городок Бар-сюр-Об, чтобы покрасоваться там перед местными жителями, которые когда-то презрительно называли ее нищенкой и самозванкой.

В отсутствие Жанны события в Париже развивались своей чередой. Роган был раздосадован, что королева никак не поблагодарила его за покупку. Он не знал, что и думать. Наконец 2 февраля 1785 года в Версале состоялся зимний праздник, на который были приглашены многие известные особы. На нем присутствовали кардинал и ювелиры. Тут его постигло второе разочарование. К королеве его даже близко не подпустили. К своему удивлению, он не увидел на ее груди бриллиантового ожерелья. Чтобы это значило?

Между тем приближался срок уплаты первого взноса. И тут без ведома Жанны обеспокоенные Боссанж и Боммер составили свое письмо королеве. В нем они высказали свои верноподданнические чувства и выражали радость, что у ее величества появилось лучшее в мире ожерелье. Это письмо Боммер собственноручно передал доверенной королеве госпоже Кампан. От нее письмо попало в руки Марии-Антуанетты. Прочитав его, государыня была вне себя от гнева.

«Этот неуемный Боммер, похоже, совсем сошел с ума. О каком ожерелье идет речь? Я не собираюсь у них ничего покупать! Мне не нужны никакие бриллианты!»

Подходил срок первого взноса. Жанна опасалась, как бы дело не вскрылось раньше времени. Она вернулась в Париж и снова подготовила фальшивое письмо от имени королевы. В нем содержалась слезная просьба перенести срок оплаты взноса с 1 августа на 1 октября. Испытывая денежные затруднения, королева сможет выплатить тогда не 400, а сразу 700 тысяч ливров.

И вот тут-то Роган занервничал. Королева на него не реагировала. Во дворец его не приглашали. Да и вообще странно, что Мария-Антуанетта отделывалась от него только своими не очень понятными посланиями. Он сравнил два последних письма и, к своему удивлению, обнаружил, что они написаны разными почерками. Разъяренный Роган стал допытываться у Жанны, кто их написал, ждал объяснения. И уже в который раз ей удалось его успокоить. Королева нервничает, у нее не ладятся дела с мужем. В качестве доказательства Жанна вручила ему в счет будущей

оплаты 30 тысяч ливров. Это от королевы. Остальная сумма в 670 тысяч – 1 октября.

Но эти деньги уже не могли успокоить кардинала. Его сомнения подогревали и сами ювелиры, которым еще ни разу не доводилось так долго ждать от королевского двора возвращения долгов. Ситуация близилась к своему завершению.

И тогда Жанна отважилась на поступок, который на первый взгляд кажется безрассудным. Она сама приехала к ювелирам и объявила им, что то первое письмо, которое они получили в качестве денежного документа, не что иное, как подделка. Королева его не подписывала. Боммер, Боссанж и она стали жертвами мошенничества.

Ювелиры были в бешенстве. Кто кого обманул? Где этот доверенный королевы? На этот вопрос Жанна ответить не могла. Он согласна с ювелирами, их всех надул человек в королевской ливрее, который представился доверенным лицом королевы, он забрал ожерелье и скрылся с ним. Но тогда деньги следует требовать с кардинала. Он ведь тоже попался на удочку мошенников. Создавая новую ситуацию, Жанна рассчитывала, что ювелиры надавят на Рогана и он, перепуганный этим обстоятельством, не захочет предавать дело, позорящее его имя, огласке. Тем более что в нем было замешано имя обожаемой им королевы. И таким образом, он будет вынужден выплатить всю сумму ювелирам сам. Возможно, что так бы и произошло. Но Боммер и Боссанж решили поступить по-своему. Они больше не хотели ждать. Их не интересовал Роган. Они хотели отыскать свое ожерелье и направились в Версаль. Они надеялись все выяснить у самой королевы.

Их приняла госпожа Кампан. От нее Боммер и Боссанж узнали, что королева не получала никакого ожерелья. И никакого залогового письма никому не отправляла. Это явное мошенничество. Над ними кто-то зло подшутил.

15 августа 1775 года в праздник Успения Богородицы кардинал де Роган должен был служить в придворной часовне. На это праздник съезжался весь цвет Парижа. Луи де Роган облачился в свои торжественные одежды. Церемония была длительная, и после ее окончания ему предстояло еще раздавать милостыню. Но на этот раз кардинал не успел приступить к своим дополнительным обязанностям. Сразу после богослужения к нему подошел посланец короля и попросил его подняться в кабинет Людовика. Удивленный таким неучтивым вмешательством в процедуру, Роган последовал за ним.

Когда он оказался в кабинете, там кроме Людовика была Мария-Антуанетта и еще несколько министров. По их суровым

лицам Роган понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Он терялся в догадках.

Людовик не ответил на его церемониальное приветствие и только сухо спросил:

– Расскажите мне все об истории с бриллиантовым ожерельем, кто надоумил вас купить его от имени королевы?

Роган был сбит с толку. Он не знал, что отвечать. Говорить правду в присутствии короля значило выдать королеву. Но, возможно, она все уже рассказала королю.

– Так кто поручил вам купить ожерелье от моего имени? – неожиданно выкрикнула сама королева.

Роган, поняв, насколько серьезна ситуация, решил говорить правду.

– Одно ваше доверенное лицо, графиня Жанна де Ламмот-Валуа, – негромко произнес он. – Я думал услужить ее величеству и взялся за эту сделку.

Королева не выдержала. Лицо ее побледнело, она уже не могла сдерживать себя:

– Милостивый государь! Что вы себе позволяете! Неужели вы подумали, что для такого поручения я выбрала бы вас? Я не разговариваю с вами уже десять лет. И не хочу разговаривать. Я никогда не знала названную вами графиню. Объяснитесь!

Рогану не оставалось ничего другого, как рассказать всю историю. С начала и до конца. Он признал, что его ловко одурачили, он стал жертвой мошенничества. Он предъявил подложные письма с подписью «Мария-Антуанетта Французская». Раскаяние ему не помогло. Взбешенная королева требовала его немедленного ареста. Скандал только разгорался.

И Рогана из королевских покоев препроводили в Бастилию. На другой день в городке Бар-сюр-Об арестовали и самозванку Жанну де Ламмот. Ей было предъявлено обвинение в мошенничестве, подлоге и клевете. Но хитрая обманщица и здесь пыталась вывернуться. Она тотчас сочинила историю, что всю эту аферу с продажей бриллиантового ожерелья организовал граф Калиостро и его жена. Это они уговорили кардинала и ее взяться за все это дело. Это они изготовили подложные письма, обманом взяли ожерелье, разрезали его и все камни продали. По ее заявлению в тюрьму бросили и Калиостро.

И тут наконец начал давать показания Роган. По его описанию полиция напала на след Николь Лаге, которая пыталась скрыться в Брюсселе. После ее допроса картина масштабного мошенничества стала проясняться. В Женеве арестовали пытавшегося там скрыться Рето де Вильето. Его доставили в Париж и в Бастилии сделали всем очную ставку. Отпираться было

бесполезно. Все стали давать правдивые показания. Все, кроме Жанны. Она упорствовала до последнего.

В ночь с 29 на 30 августа всех заключенных перевели из Бастилии в другую тюрьму Консьержери, а 5 сентября был издан королевский указ, согласно которому дальнейшее расследование всего дела поручалось парламенту. Собственно, результат его был ясен. Виновные были схвачены, все, кроме мужа Жанны. Его следы терялись в Лондоне. Все обвиняемые приготовились к самому худшему. Но как быть с одураченным кардиналом, с его чародеем и магом Калиостро? Дело в том, что вся знать вступилась за кардинала. Считалось, что затронута честь не одного лица, а всего духовного и светского Парижа.

Королева в гневе совершила неверный ход. Она не предполагала, какой симпатией у народа пользовался добродушный кардинал, раздаватель милостыни. Вокруг здания суда ходили толпы недовольных людей с плакатами. Они скандировали «Свободу невинно обманутому Рогану, Позор королеве!»

Приговор был вынесен вечером 31 августа. Основные его пункты гласили:

1. Жанна де Ламмот, как главное действующее лицо всей аферы, приговаривалась к публичному признанию в преступлении, к наказанию кнутом, клеймению на обоих плечах буквою «V» – от слова «voleuse», что означало «воровка», и пожизненному заключению в смирительном доме;

2. Ламмот, как соучастник, приговаривался заочно к пожизненно каторжным работам;

3. Рето де Вильето присуждался к изгнанию на всю жизнь из королевства;

4. Девица Николь Лаге лишалась занимаемой должности.

Кардинал, а также Калиостро освобождались от обвинения. Правда, Людовик настоял на том, чтобы графа Калиостро выдворили из Франции, и в конечном счете он умер в итальянской тюрьме.

Процесс закончился. Но все виновные, за исключением де Ламмота, понесли достаточно мягкое наказание. Беда королевского двора состояла в том, что в ходе рассмотрения дела оно допустило частое упоминание имени королевы. Это дало повод к различного рода толкованиям. В конце концов никто не верил, что Мария-Антуанетта ко всей этой неприглядной истории не имела никакого отношения. Наоборот, считалась, что она, известная мотовка, сама заварила всю эту кашу, а расхлебывать заставила своих нанятых исполнителей. Это она свалила всю вину на сообщников.

Таким образом, самыми популярными людьми в Париже стали кардинал, его друг и чародей граф Калиостро. Тайные типографии печатали выступления судей на процессе, высказывания обвиняемых, появлялись рисунки, на которых в карикатурной форме была изображена королева с ожерельем на шее, повсюду раздавались угрозы в ее адрес. Ситуация достигла такой точки кипения, что могло бы вспыхнуть восстание. В этих условиях свою положительную роль могли бы сыграть найденные бриллианты.

Полиция пыталась отыскать Ламмота. Его не нашли ни во Франции, ни в Англии. Он исчез. А вместе с ним исчезли и драгоценные камни. По рассказам, под чужой фамилией де Ламмот вел роскошный образ жизни в Лондоне. Зато его жена испытала все муки тюремного заключения. Еще в зале суда она начала бесчинствовать и запустила тяжелый бронзовый подсвечник в Калиостро. Когда ее клеймили, то она изрыгала из себя проклятия, обвиняла во всем кардинала, потом принялась за королеву и, в конце концов, впала в такое неистовство, что ее пришлось держать пяти сильным тюремщикам. Впоследствии она пыталась покончить с собой, кидалась под ноги лошади, хотела удушить себя одеялом…

Заключение длилось для нее только десять месяцев. В апреле ей удалось бежать из тюрьмы. Она сумела соблазнить охранника, пообещав ему бриллианты. И он помог ей переодеться в мужское платье. Тайком она отправилась к своему мужу в Лондон. Там она и умерла. Правда, и здесь не обошлось без обмана. Одни говорили, что смерть ее наступила от разлития желчи, другие утверждали, что от бешенства она не выдержала позора и выбросилась из окна на мостовую.

Кардинал вышел из тюрьмы и закрылся у себя в резиденции в Страсбурге. Пережитое им потрясение – арест, тюрьма, суд – оставили неизгладимый след в его душе. Он уже никогда не делал больше попыток приблизиться к Версалю.

Не избежала страшной участи и Мария-Антуанетта. Пожар кровавой революции разрастался и охватил всю Францию. Королю не удалось спасти себя и свою семью. Его обезглавили в январе 1793 года. Спустя десять месяцев под топором гильотины скатилась голова его австрийской супруги – Марии-Антуанетты, так и не ставшей французской.

P. S. В заключение следует сказать, что история с похищением дорогого бриллиантового ожерелья вызвала огромный интерес не только во Франции. На нее помимо Дюма живо откликнулся Гете. По горячим следам он написал нравоучительную комедию «Великий Кофта», в которой под вымышленными именами изобразил

главных героев всей аферы во главе с королем и его супругой, под Кофтой подразумевался граф Калиостро. Шиллер также сочинил свой роман, названный им «Духовидец». Но ни один из европейских авторов не ставил своей целью проследить судьбу главной героини этой сенсационной аферы. А между тем, как позднее стало известно, Жанна де Ламмот не покончила с собой в Лондоне. Она вообще уехала из Англии. Куда? В те годы считалось, что в неизвестном направлении.

Россия познакомилась с этими бурными событиями в 1786 году, когда в Петербурге появились две брошюры, взбудоражившие общественное мнение. В них подробно описывались деяния обманщицы отважной графини Жанны де Ламмот-Валуа, завоевавшей доверие несчастного страсбургского кардинала Луи де Рогана и, разумеется, опыты мага и алхимика графа Калиостро, который в свое время уже был в Петербурге. Брошюры имели успех и вызвали сочувствие не к королевскому двору и обманутой Марии-Антуанетте, а к изобретательной юной мошеннице, бесстрашной Жанне.

Спустя свыше 100 лет знаток русской старины М.И. Пыляев в своей книге «Замечательные чудаки и оригиналы», вышедшей в Петербурге в 1898 году, неожиданно привел рассказ о некоей странной графине Гоше, прибывшей в конце XVIII века из Франции в Петербург и подружившейся с камеристкой императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, Марией Бирх. Ходили, однако, упорные слухи, что полиции было известно, что под именем Гоше в России скрывалась знаменитая французская авантюристка Жанна де Ламмот, которая привезла с собой шкатулку с бриллиантами и какие-то письма. Она была невысока ростом, с приятным лицом и живыми глазами, отличалась изяществом в одежде, но одевалась скромно и себя особенно не афишировала.

Позднее графиней заинтересовался сам император Александр I, который пригласил ее к себе на секретную беседу. О чем он говорил с ней, осталось неизвестным. Но после той тайной аудиенции графиня Гоше срочно поменяла место своего жительства. Ей было рекомендовано уехать из Петербурга. И она укрылась в Крыму, где и провела свои последние годы. Так сообщал Пыляев.

В 1887 году поселившийся в Феодосии французский консул Луи Бертрен, большой почитатель и знаток творчества Александра Дюма, прослышав об этой истории, стал собирать все сведения, касавшиеся жизни графини Гоше в России и в Крыму. И он подготовил свою версию. По его данным выходило, что под именем графини Гоше скрывалась действительно Жанна де

Ламмот, которая последние годы своей жизни провела в Крыму. Сведения о ее кончине в Лондоне и запись в приходской книге Ламбертской церкви не что иное, как подделка.

В 1913 году исследователь Юга России профессор Маркевич, как бы подводя итог всей этой истории, в ряде статей написал, что он разделяет точку зрения Луи Бертрена. По его мнению, правительство России не случайно оказывало такое внимание жизни ссыльной графини. Под именем Гоше скрывалась именно Жанна де Ламмот.

А вот и более свежие сведения. В начале XX века известный русский поэт Максимилиан Волошин, который проживал в Крыму и любил бродить по его окрестностям, по дороге в Старый Крым недалеко от деревни Арматлук отыскал на заброшенном татарском кладбище каменное надгробие. Оно заинтересовало его тем, что надпись на нем была выбита по-французски, а вверху был высечен простой католический крест. Убрав наслоения пыли и мха, он с удивлением прочитал женское имя: Жанна де Ламмот. Однофамилица или же действительно та самая знаменитая авантюристка? Об этом случае он рассказал поэту Всеволоду Рождественскому, который написал целую новеллу на эту тему.

Некоторые российские историки, которые заинтересовались версией смерти Жанны де Ламмот в Крыму, сумели установить следующее: служанка, жившая с графиней последние годы, в свое время сообщила властям, что перед смертью ее хозяйка сжигала какие-то документы и что-то говорила о бриллиантах, а перед самой кончиной умоляла похоронить ее в закрытом темном платье и не делать омовения. Однако с ее волей не посчитались и после смерти ее тело обмыли. При этом на плечах были обнаружены шрамы от клеймения.

После похорон состоялась распродажа вещей покойной. Часть из них купил ее душеприказчик из эмигрантов француз барон Боде, в то время директор училища виноградарства и виноделия в Судаке. Слухи о смерти французской графини дошли до Петербурга. И вскоре оттуда прискакал нарочный от генерал-губернатора со срочным предписанием изъять шкатулку графини и все документы, имевшиеся при ней. Но, увы, нарочный опоздал. Как показал барон Боде, в шкатулке не было никаких бриллиантов, не было в ней и документов. Кто знает, говорил ли он правду?

Великий Александр Дюма при всей своей неистощимой фантазии и предположить не мог такое необыкновенно бурное завершение жизни одной из главных героинь его романа «Ожерелье королевы».

Рубин для Наполеона

В 1794 году, спасаясь от преследований сторонников французской революции, уничтожавших и грабивших монашеские ордена, девяностолетняя настоятельница монастыря Шато-Шалон аббатиса Франсуаза-Елизавета покинула его и переселилась в древнем городке на востоке Франции Безансоне. Через три года, когда сбережения подошли к концу, она решила продать фамильное достояние – рубин «Ватвиль», который унаследовала от аббата Жана де Мореля и для сохранности вставила в свой посох.

Этим камнем, вывезенном еще в Средние века из Индии, владели в основном богатые церковники. У ювелиров Европы он ценился не столько за свои вес и примитивную огранку, сколько за темное вкрапление на одной из его сторон. Легенда гласила, что вкрапление появилось будто бы от зубов морского чудища, выброшенного бурей из пучины на берег. В его оскаленной пасти рыбаки обнаружили рубин. В любом случае вкрапление свидетельствовало о его древности и магической способности приносить доброму владельцу богатство, а жадному – несчастье. «Ватвиль» был настолько известен, что вошел даже в специальный реестр уникальных камней Европы.

Франсуаза-Елизавета по совету знакомых понесла свой рубин к единственному местному богачу господину Нувону, который прославился тем, что скопил состояние, исключительно основываясь на скупости к самому себе и своим близким. Она призналась ему в своем стесненном положении. Господин Нувон, догадавшийся о цели визита, поспешил ответить, что революция не обошла стороной и его, он тоже находится в тяжелом финансовом положении и помочь деньгами не может. Однако гордая настоятельница не собиралась просить у него в долг. Она отвинтила верхнюю часть посоха, достала ярко-красный камень. К ее удивлению, господин Нувон едва взглянул на драгоценность.

– Милостивый государь, – скорбно начала аббатиса, – я вынуждена расстаться со своим единственным сокровищем. Вынуждена потому, что могу умереть с голоду. Этот камень был когда-то украшением моей обители в Шато-Шалоне. Ко мне приезжали ювелиры из Парижа и Рима, любовались им и просили продать. Европейские монархи мечтали вставить его в свою корону. Но я не соглашалась. И если бы не эта революция…

– Простите меня, уважаемая аббатиса, – вежливо перебил ее господин Нувон, – я верю вам, но драгоценными камнями не интересуюсь и еще меньше в них разбираюсь. Я лишен

способности определить на глаз, ценный этот рубин или нет. Поэтому и не могу его у вас купить.

– Послушайте меня, господин Нувон, – не отступала от своего аббатиса, – жить мне осталось немного, и я не хотела бы умереть нищенкой. У вас же есть шанс получить хорошее наследство. Революция не любит богачей, но времена раздора пройдут, демократия кончится, верьте мне, к власти придет император, и если вы этот камень подарите монарху… Он принесет вам не только богатство и благополучие, но и славу всему Безансону. За добро добром вознаградится. Мне же нужно совсем немного, чтобы хватало на еду и осталось на похороны. Поэтому я предлагаю вам отвезти рубин в Париж и оценить его у ювелиров. Они скажут вам, что это за камень и какая у него цена. Сходите в Пале-Рояль, спросите ювелира Гравена.

Господин Нувон, поняв, что так просто от аббатисы ему не отвязаться, согласился с ее доводами и взял камень. Оставшись один, он долго рассматривал его в лупу, но ничего особенного не заметил, кроме разве темного пятнышка, которое попытался отскрести вначале ногтем, а потом и напильником. Но вскоре эти попытки прекратил. Рассказ аббатисы о европейских монархах его заинтриговал.

На следующей день господин Нувон отправился в Париж. Он остался верен себе и для поездки выбрал старомодный поношенный сюртук и стоптанные башмаки. «Революция не любит богачей», – вспомнил он слова аббатисы. Его быстрее поймут в демократическом обличье. Погуляв по Парижу, к вечеру он отправился в Пале-Рояль и остановился у крупного ювелирного магазина. Некоторое время рассматривал витрину, удивленный блеском выставленных в ней изделий.

Потом, преодолев свою робость, он все же зашел. Не стал называть имя ювелира Гравена, не стал говорить о пославшей его аббатисе, а как обычный посетитель, облокотившись о прилавок, ждал, когда один из пожилых продавцов освободится и обратит на него внимание. И когда тот повернулся к нему, он наклонился вперед и заговорщическим тоном негромко произнес:

– У меня есть один дорогой камушек, достался от буржуев, не угодно ли будет вам взглянуть на него?

Продавец в недоумении кивнул, и господин Нувон вытащил из кармана носовой платок, развернул его и достал красный рубин, потер его о рукав и положил на стекло.

И тут произошло неожиданное – продавец уставился на рубин и некоторое время не произносил ни слова. Он словно оцепенел. Господин Нувон начал уже волноваться, хотел забрать камень. Но в этот момент продавец быстро схватил рубин, посмотрел его на

свет, а затем кинул в открытый сейф и запер на ключ.

– Хватайте его! – крикнул он, указывая на господина Нувона. – Это вор, он украл из монастыря Шато-Шалон рубин «Ватвиль»!

Наполеон на императорском троне. Художник Ж.-О.-Д. Энгр

В магазине начался переполох. Продавцы окружили Нувона и скрутили ему руки. Он никак не ожидал такой реакции и пытался оправдаться, но его никто не слушал. И только после того, как прибыла полиция, которая проверила документы господина, недоразумение рассеялось. Продавец признался, что сомнения у него вызвала прежде всего поношенная одежда вошедшего. Откуда у нищего дорогой рубин?

Господин Нувон, едва оправившийся от пережитого шока, в свою очередь заявил, что оделся так не случайно, не хотел привлекать к себе внимание грабителей, так как прибыл из Безансона и имеет деликатное поручение от самой аббатисы Франсуазы-Елизаветы на оценку рубина у ювелира Гравена. При

этих словах пожилой продавец наклонил голову.

– Простите за подозрение, – вежливо, но холодно сказал он, – это меня зовут Гравен.

– О, рад познакомиться! – воскликнул господин Нувон. – Мне о вас рассказывала аббатиса, говорила, что вы посещали ее монастырь Шато-Шалон, просили продать «Ватвиль», она тогда не согласилась. Видимо, пожадничала, а теперь вот просит вас оценить его.

Господин Гравен закивал, открыл сейф, бережно двумя пальцами взял красный камень и посмотрел на свет.

– «Ватвиль», Бог мой, тот самый «Ватвиль», который десять лет назад я видел у аббатисы. – Он грустно улыбнулся и велел принести толстую книгу-реестр уникальных камней. Раскрыв ее, он показал господину Нувону изображение «Ватвиля». В книге говорилось об отличительном признаке камня – темном вкраплении. Там же было записано имя последнего его владельца – аббатисы Франсуазы-Елизаветы.

– Сколько же он теперь стоит? – с придыханием произнес оживившийся господин Нувон, до которого стало доходить, каким богатством он может овладеть.

– Точно сказать, сколько теперь стоит «Ватвиль», я не берусь, – сухо отозвался господин Гравен. – Во всяком случае, у нас в магазине не хватит денег на то, чтобы заплатить вам за него. Передайте аббатисе, что сейчас не стоит продавать этот камень. Времена меняются, и с годами он станет еще дороже.

– Прекрасно! – воскликнул совершенно обалдевший господин Нувон. – Ну все же, какую цену мне назвать аббатисе?

Господин Гравен с сожалением взглянул на настойчивого господина.

– Сейчас странные цены, – пожал он плечами. – По нынешним временам «Ватвиль» стоит никак не меньше десяти тысяч франков, может быть, и больше.

– Спасибо за оценку, – осклабился господин Нувон. – Так я и передам аббатисе. – И с этими словами он завернул рубин в носовой платок.

По возвращении в Безансон господин Нувон не стал рассказывать аббатисе о своем приключении в магазине и предложил ей за камень всего две тысячи франков. Больше за него Гравен якобы не хотел давать. Торговаться аббатиса не стала, она согласилась, но при условии, что полным владельцем камня господин Нувон станет только после ее смерти. О чем она напишет в своем завещании. На том и остановились.

Через пару лет настоятельница монастыря Шато-Шалона тихо скончалась. Ее похоронили скромно, почти незаметно. Зато

господин Нувон с того момента стал наконец полноправным владельцем «Ватвиля».

…Шел 1804 год. К этому времени республика пала, в стране восстанавливались старые порядки, французским императором собирались провозгласить Наполеона, и господина Нувона, как самого представительного в Безансоне, новые власти назначили выборным от своего департамента для поздравления императорской четы во время предстоящей коронации. Именно тогда господин Нувон и вспомнил совет старой аббатисы – о подарке для императора. В короне монарха должен сиять знаменитый рубин «Ватвиль». Этот широкий жест принесет господину Нувону не только богатство и славу, но и позволит перебраться в Париж и занять подобающее кресло в правительстве нового властителя.

О своем решении господин Нувон сообщил новым властям, чем вызвал у них прилив ликования. В Безансоне только и говорили о том, какой благородный этот господин Нувон, который жертвует императору свой знаменитый рубин и тем самым прославит их департамент.

И вот за несколько дней до коронации господин Нувон, одетый по своей привычке в поношенное платье, снова прибыл в Париж. На этот раз он не стал заходить к ювелирам-всезнайкам. Они его не интересовали. Он заглянул в расположенный по соседству небольшой ювелирный магазинчик, предъявил там молодому хозяину рубин, сказав, что перед ним знаменитый «Ватвиль». Это слово, правда, не оказало ожидаемого магического действия. Молодой человек слышал о «Ватвиле», но никогда не видел его. Тогда господин Нувон с гордостью объявил причину своего посещения – он от департамента Безансон готовится подарить этот камень будущему императору для короны. Но его смущает темное пятнышко на боку. Нельзя ли его устранить?

Хозяин взял камень и стал его рассматривать. Наконец он подтвердил, что рубин, безусловно, хорош, но с таким изъяном едва ли украсит собой императорскую корону.

– Так я и знал, – упавшим голосом произнес господин Нувон и подумал, как хорошо, что он заблаговременно зашел проверить этот чертов «Ватвиль», иначе разразился бы скандал. – Я не могу, конечно, дарить императору порченый камень, – продолжил он. – Что скажут мои новые властительные друзья в Безансоне, а до коронации осталось всего неделя, – озабоченно произнес он. – Можно ли его исправить?

– Дело это непростое, – сказал ювелир. – Камню придется придать другую огранку, и он станет меньших размеров.

– Согласен, – обрадованно произнес господин Нувен,

подумав, что теперь его «Ватвиль» будет в совершенном виде. – Только мне нужно успеть до коронации. Через три дня вы закончите?

– Если вы хорошо заплатите…

– Сколько вы хотите?

– Две тысячи франков.

– О! – воскликнул господин Нувон. – Это же целое состояние.

– Но работа стоит того, поверьте мне.

Господин Нувон задумался.

– Вы можете отнести его в Пале-Рояль, – продолжал молодой ювелир. – Это рядом, но там с вас возьмут гораздо дороже.

– Нет, нет, только не к ним, – замотал головой господин Нувон. – Я согласен, приступайте к работе. Через три дня я зайду.

Обнадеженный господин Нувон вернулся к себе в Безансон, а продавец, еще раз внимательно осмотрев рубин, решил на всякий случай навести справки о нем в Пале-Рояле. Он опасался брать на себя ответственность за этот камень, предназначенный для короны императора. Пусть на огранку возьмут его опытные мастера, он все равно на этом хорошо заработает.

В соседнем магазине молодой ювелир показал камень старому Гравену и рассказал, что пришедший к нему некий господин Нувон из Безансона назвал этот камень «Ватвилем» и хотел бы спилить с него темное вкрапление. Гравен схватился за голову:

– Бог мой, он хочет погубить «Ватвиль»?

– Не знаю. Он хочет подарить его императору. И не хочет, чтобы на нем оставалось пятно.

– Идиот!

– Он мой клиент, – напомнил молодой ювелир.

– Что ж, желание заказчика и для нас закон, – неожиданно согласился Гравен, у которого уже созрела мысль, как спасти «Ватвиль». – Мы готовы удалить пятно. Приходите через два дня, и вы получите чистый рубин, – со вздохом сказал старый мастер. – Мои огранщики сделают все в лучшем виде, отполируют его, и вам это не будет стоить ничего.

Молодой человек ушел, господин Гравен задумался. Ему не хотелось портить знаменитый «Ватвиль», и он решил вместо него отдать другой рубин, без пятен, но меньших размеров. Желание заказчика – закон для исполнителя, считал он. И через два дня вручил молодому ювелиру «обновленный» «Ватвиль». За произведенную «огранку», как и обещал, ничего не взял.

Довольный, что провернул выгодную сделку, молодой ювелир вернулся к себе. Ему оставалось только дождаться своего клиента из Безансона. На следующий день в его лавке появился господин

Нувон. И тогда молодой хозяин продемонстрировал ему «свою» работу – чистый рубин. Никакого пятна на нем не было. Правда, он стал гораздо меньше в размере, но зато у него прибавилось яркости и прозрачности.

– Это тот самый «Ватвиль»? – недоверчиво спросил господин Нувон, рассматривая камень.

– Конечно. Не удивляйтесь, таким он стал после новой огранки, – с улыбкой ответил молодой ювелир. – Пятно оказалось очень глубоким. Пришлось много снять.

– Хорошо, – сказал господин Нувон. – Вот возьмите две тысячи франков. – Он отсчитал деньги и забрал свой камень.

Выйдя на улицу, господин Нувон неожиданно вспомнил о соседнем ювелирном магазине, в котором хозяин Гравен несколько лет назад обозвал его вором, и решил заглянуть к нему. Ему захотелось похвастать своим «Ватвилем». Скоро этот очищенный камень засияет в короне императора.

В магазине Пале-Рояль покупателей не было. Господин Нувон с гордым видом подошел к прилавку и спросил ювелира Гравена. Молодой продавец сказал, что он только что отъехал по важным делам. Тогда господин Нувон достал носовой платок, развернул его и с гордостью выложил на прилавок рубин. Он ждал возгласов удивления, криков, но ничего не произошло. Молодой продавец лишь бегло взглянул на камень.

– Вы хотите его продать? – спросил он.

– Простите, разве вы его не узнаете?

– А что в нем особенного? – переспросил удивленный продавец.

– Да это же знаменитый «Ватвиль». Пару лет назад я показывал его вашему хозяину Гравену.

– Простите, – пожал плечами продавец, – но ваш камень совсем не похож на «Ватвиль». – Для консультации он подозвал еще одного продавца. Тот тоже подтвердил слова своего коллеги.

– Это не «Ватвиль», уважаемый, вас кто-то обманул. У «Ватвиля» было темное вкрапление, а у этого ничего нет.

– Молодые люди, вы ничего не понимаете, – с возмущением в голосе произнес господин Нувон, – это все тот же «Ватвиль», но у него новая огранка. Пятно спилили. Камень стал чище, прозрачнее. Скажите мне лучше, сколько он теперь стоит?

Продавец открыл сейф, вытащил несколько точно таких же рубинов и, указывая на ценник, сказал:

– Каждый по две тысячи франков.

Господин Нувон сжал кулаки.

– Что?! Не может этого быть? – севшим голосом выдавил он из себя. – Две тысячи франков?! Вы шутите? Это я за его огранку

отдал две тысячи франков… Я же собираюсь подарить его императору… Всего две тысячи… – Ему стало нехорошо, и он обеими руками оперся о прилавок. – А вы не могли бы принести книгу-реестр с перечнем самых ценных камней Европы? – едва слышно попросил он. – Там должен быть рисунок «Ватвиля»…

– Эту книгу забрал с собой господин Гравен. Его срочно вызвали в Версаль к императору. Он должен будет показать во дворце самые красивые камни из нашей коллекции для предстоящей коронации.

Из магазина господин Нувон вышел на негнущихся ногах. В глазах у него было темно, он плохо разбирал дорогу. В кулаке он сжимал крохотный камушек, «обновленный» «Ватвиль», стоимостью всего две тысячи франков. Он был сокрушен.

Незаметно ноги привели его на берег Сены. Долго бродил он вдоль парапета, вглядывался в темные волны, вспоминал слова аббатисы о революции, не любящей богачей, о славе и благополучии, которое принесет ему рубин. Благополучие? Он неожиданно раскрыл свой кулак, посмотрел еще раз на камень, который принес ему одно несчастье, и со злостью швырнул его в воду…

На другое утро рыбаки обнаружили прибитый волнами к берегу труп пожилого мужчины в поношенном платье. Вызвали полицию. По найденным у него документам удалось установить личность. Утонувшим оказался некий господин Нувон из Безансона. Сделали запрос в Безансон. И местные власти подтвердили, что господин Нувон был выборным от их города и отправился в Париж, чтобы вручить императору на коронации свой рубин. По всей видимости, ночью на него напали грабители, рубин отобрали, а самого столкнули в воду…

Прототип для графа Монте-Кристо

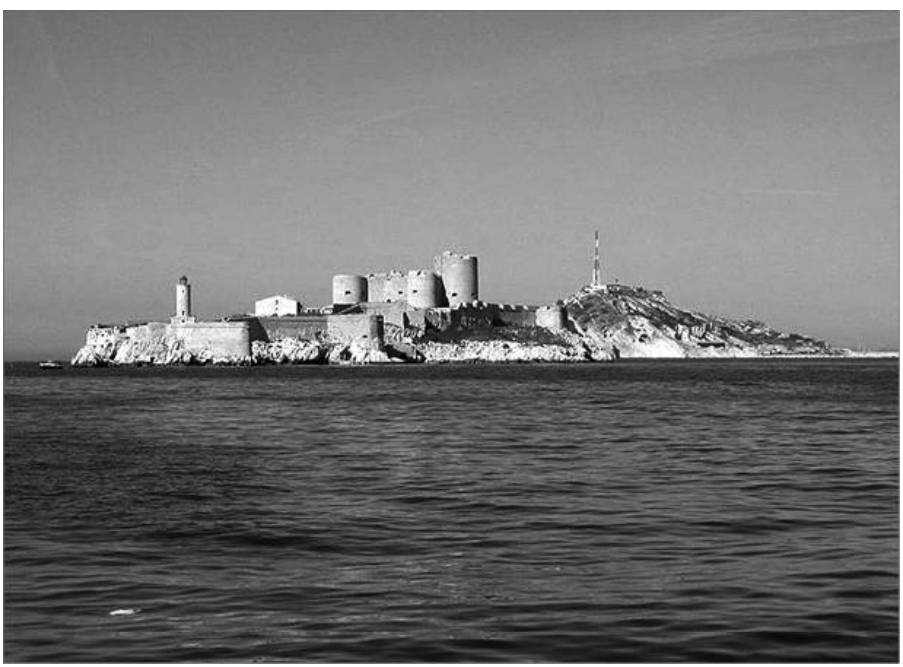
Великий французский романист Александр Дюма часто находил сюжеты для своих романов в полицейских архивах. В 1838 году он листал дело 1807 года, посвященное некоему сапожнику из Парижа по имени Франсуа Пико. Молодому человеку было чуть больше 20 лет, и он собирался жениться на красавице Маргарете, за которой отец обещал солидное приданое – 100 тысяч франков золотом. Во время карнавала счастливый Пико забежал в соседский кабачок, владельцем которого был его приятель Матье Лупиан, и похвастался перед ним и другими завсегдатаями, что скоро женится, станет богатым и откроет шикарный ресторан. Это роковое признание довело его до тюрьмы.

Рассказ приятеля зацепил Лупиана за живое. Пико не догадывался, что его приятель уже давно был влюблен в прекрасную Маргарет и не собирался ее уступать никому, даже самому близкому другу. Окрыленный Пико ушел, а удрученный Лупиан и его приятели Солари и Чубарт, которые также слышали этот рассказ и не особенно любили хвастливого Пико, решили наказать счастливца, расстроить его свадьбу. Они перебрали массу вариантов, ни один не был достаточно суровым для Пико. Наконец, кому-то пришла бредовая мысль написать в полицейский департамент донос, в котором указать на Франсуа Пико как на английского агента, который участвует в заговоре против Наполеона и мечтает вернуть к власти Бурбонов. Тогда его наверняка арестуют. Не долго думая, приятели принялись сочинять пасквиль. Они были убеждены, что в полиции скоро во всем разберутся и отпустят Пико, но свадьба к тому времени расстроится. Но шутливая злонамеренность друзей обернулась трагедией для Пико.

Его арестовали в тот же день, как только письмо прочитал полицейский начальник. Появившиеся перед ошеломленным Франсуа полицейские ничего не объяснили, надели наручники, на лицо нацепили черную маску и посадили в карету с закрытыми окнами. Так простой парижский сапожник по воле его приятелей сделался государственным преступником, врагом императора Наполеона и всей Франции. Его отвезли в горную крепость Фенестрель в Пьемонте на севере Италии, окруженную с трех сторон альпийскими хребтами. Никаких связей с внешним миром, бежать – никаких шансов. Франсуа Пико просто исчез из жизни. Полиция не давала о нем никаких сведений, но и ему толком не объяснили, в чем его обвиняли. Шло время. Через два года

Лупиан предложил прекрасной Маргарете руку и сердце. Опечаленная девушка, жаждавшая сострадания, не смогла ему отказать…

Пико из тюрьмы выпустили в 1814 году, когда во Франции произошла Реставрация – к власти вернулись Бурбоны, а Наполеона сослали на остров Эльба. Пико сильно изменился внешне, он постарел, у него появились седина и морщины. Сидевший с ним по соседству в камере пожилой итальянский священник, за которым он ухаживал, на смертном одре рассказал ему о своем кладе и завещал все свое наследство. Выйдя на свободу, Пико нашел клад, разбогател и решил расправиться со своими обидчиками. Но сперва предстояло выяснить, что произошло в Париже за время его отсутствия, живы ли его недруги, что стало с Маргаретой, и, главное, узнать, кто написал на него донос.



Замок Иф. Современный вид

Пико нанялся официантом в ресторан, которым владел Лупиан. Его не узнали. Зато он узнал, что все его обидчики живы-здоровы и даже преуспевают. Пико захватил одного из близких приятелей Лупиана Алена Аллю и, угрожая расправой, предложил ему драгоценный камень в обмен на сведения, кто написал донос. Аллю согласился и все рассказал. Узнав правду, Пико начал действовать – он убил Чубарта, за ним Солари, разорил Лупиана,

спалив его ресторан. Но дальнейшая его судьба оказалась трагичной. Его выследил Аллю, которому он доверился и вручил драгоценный камень. Аллю похитил Пико, увез из Парижа, спрятал в одном склепе и пытал, требуя рассказать тайну клада. Пико не собирался делиться своим сокровищем с человеком, который участвовал в предательстве. Он ничего не сказал. Ни пытки, ни голод не сломили его. Обозленный Аллю, поняв, что ничего не добьется, в порыве злости убил Пико…

Эту историю уже перед смертью Аллю поведал священнику на своей последней исповеди. Тот записал ее и отдал в департамент полиции, где спустя тридцать с лишним лет с ней познакомился Александр Дюма и загорелся воплотить эту необычную историю в новом романе. Марсель и замок Иф он выбрал из-за моря, которое добавляло романтизма в произведение.

Замок Иф был интересен для Дюма не только своим месторасположением и фортификационными сооружениями, но и историей. Считается, что в его камерах сидели Железная Маска, приближенные короля Людовика XIV, совершившие проступки: кавалер Ансельм, граф де Мирабо, генерал Клебер, аббат Фариа. Достойный список. В одну из этих камер он поместил своего моряка Эдмона Дантеса.

Название же романа родилось у Дюма во время путешествия по Средиземному морю. Ему показали итальянский остров Монтекристо, который, по преданию, в Средневековье облюбовали пираты. Они основали на нем свое пристанище, хранили награбленные сокровища. Эти сведения писатель тотчас принял во внимание.

Роман «Граф Монте-Кристо» появился в 1845 году, публика была от него в восторге, тиражи росли, Дюма разбогател, построил себе виллу и жил, не считаясь со средствами. Марсель и особенно замок Иф осаждались туристами. Всем хотелось увидеть места, где разворачивались главные события романа. Но роман и реальность – разные вещи. Как писал современный французский историк, публицист Ален Деко: «Популярность замка Иф проявилась благодаря двум выдающимся узникам – Железной Маске, который там никогда не был, и Эдмону Дантесу, который никогда не существовал».

Злоключение черепа Гайдна

Скончавшегося в 1809 году в Вене знаменитого австрийского композитора Франца Йозефа Гайдна похоронили скромно – шла война с французами, и весть о смерти великого музыканта распространялась очень медленно. Тогда же на похоронах было решено в мирное время перезахоронить его останки с большими почестями. Это время настало в 1820 году. Перед началом траурной процессии гроб композитора вскрыли. К своему ужасу, представители общественности Вены увидели, что у трупа отсутствовала голова. Президент полиции Вены граф Зедльницки тотчас отдал приказ начать расследование. Первым делом обратились к некоему коллекционеру черепов умерших Иоганну Петеру.

Для австрийцев, не только любителей классической музыки, Франц Йозеф Гайдн был святым человеком. Его не просто почитали, его боготворили, он считался крупнейшим композитором второй половины XVIII века. У него учился Бетховен, он дружил с Моцартом. О Гайдне говорили, что он был первым музыкантом, который уловил оркестровый колорит и воплотил это в своих произведениях. Сочиненные им оратории «Сотворение мира» и «Четыре времени года» стали наилучшими образцами в музыкальном искусстве той эпохи. До появления Моцарта и Бетховена Гайдн был непревзойденным и самым знаменитым.

В Вене нашлись такие фанатичные любители творчества Гайдна, которые считали, что свойства гения, секрет его музыкального дарования заключен не в особенностях натуры и личности, его трудоспособности, а в физическом строении головы, точнее мозга. Эти догадки строились не на пустом месте.

В середине XVIII века появилось сочинение медика Франца Галя (1758–1828), который изучал медицину в Страсбурге и Вене и впоследствии создал целое учение, утверждавшее, что по строению черепа человека можно определить уровень его гениальности. Согласно этому учению, называемому френологией, якобы можно точно установить способности человека, которые находятся в определенных частях головы, и выпуклости черепа тому подтверждение. Он создал атлас мозга, в котором указал, какие стороны черепа «ответственны» за те или иные действия и творения. Галь также утверждал, что чем больше мозгового вещества в черепе человека, тем выше его интеллект.

Те немногие, которые были знакомы с его теориями и изысканиями, буквально мучились вопросами: как такой

скромный человек с непритязательной внешностью, как Гайдн, выходец из простой крестьянской семьи, мог подняться столь высоко в своем творчестве? Как в его голове, не столь уж великой по размеру, рождалась столь великая божественная музыка? Не обусловлено ли его музыкальное дарование действительно формой черепа, особенностями его внутреннего «устройства»?

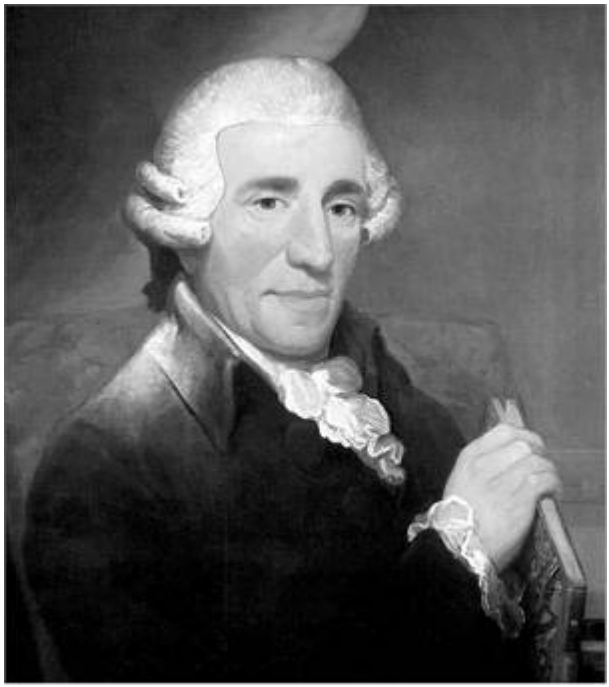
Отыскивать истоки гениальности в родословной Гайдна, в его воспитании и окружении никто не стал. И напрасно. Йозеф, так он любил себя называть, родился в небольшом австрийском селе, недалеко от границы с Венгрией. Его отец, каретных дел мастер, по вечерам играл дома на арфе, мать серьезно увлекались пением, эта страсть к музицированию передалась и сыну. Способный мальчик стал петь в хоре, изучал основы музыкальной композиции. Он научился играть на клавире, скрипке, органе. Через десять лет он начал сочинять собственные произведения. Первыми крупными, получившими известность, стали симфонии и опера «Хромой бес». Некоторое время он работал аккомпаниатором у итальянского композитора и вокального педагога Н. Порпоры, с 1759 года дирижировал капеллой у чешского графа Морциана.

Однако самый важный период его жизни и творчества прошел в Айзенштадте у князей Эстерхази, одной из самых влиятельных аристократических семей Австро-Венгрии. В их резиденции с 1761 до 1790 год Гайдн, капельмейстер, руководитель симфонического оркестра, создал большинство своих произведений. Позднее он работал в Лондоне и Вене, где и умер в 1809 году. Вот почему во время похорон звучали речи о необходимости перенесении праха композитора в Айзенштадт, где он многие десятилетия так плодотворно работал.

Этого перезахоронения не хотели два человека, почитатель творчества Гайдна, знаток теории Галя, бывший секретарь князя Эстерхази Карл Розенбаум и его друг Иоганн Петер. Сразу после смерти композитора они решили завладеть его черепом, чтобы заняться его исследованием. Они выжидали, вели переговоры с могильщиками. Наконец, договорились о сумме «сделки», и темной ночью два могильщика вскрыли могилу Гайдна. Они подняли гроб, открыли крышку, отделили голову от тела, положили ее в пакет и передали Розенбауму. Он отвез ее в больницу для дальнейших препараций – мацерирования и отбеливания черепа. Затем Розенбаум поместил его в специальный саркофаг – деревянный ящик, обитый черным бархатом, и выставил этот своеобразный «мавзолей» в саду и показывал важным гостям.

Современному человеку трудно понять, как респектабельные

и уважаемые в Вене чиновники столь высокого уровня могли отважиться на такую кощунственную, преступную антихристианскую операцию. Подобного обращения с собой Гайдн и вообразить не мог. Зачем им это было нужно?



Йозеф Гайдн. Художник Т. Харди

Вся эта неприглядная история вскрылась только во время эксгумации тела Гайдна в 1820 году. Венским полицейским не составило большого труда выйти на след злоумышленников, к тому же Розенбаум и Петер не собирались скрываться, они не считали себя преступниками. По их мнению, они, наоборот, осуществили богоугодное дело, сохранили для потомков реликвию. Однако настоящий череп они надежно спрятали, а полицейским, чтобы прекратить дальнейшее расследование и избежать суда, отдали череп другого пожилого человека. Его присоединили к останкам Гайдна, которые с почетом похоронили в Айзенштадте. Виновники избежали суда, так как в судебнике тех времен не было статьи о наказании за отторжение головы от трупа, а общественное порицание они спокойно пережили…

В дальнейшем череп передавали из рук в руки разные владельцы, не собираясь никому продавать эту великую реликвию всех австрийцев. В конце концов, череп оказался в музее патологоанатомического института университета Вены. Лишь в

1959 году украденный отторженный череп после всестороннего изучения воссоединился с основными останками Гайдна в Айзенштадте, где они снова были торжественно перезахоронены в местной церкви.

Венера без рук

Знаменитая древнегреческая скульптура Венеры Милосской, выставленная в Лувре, считается эталоном женской красоты. К сожалению, у нее нет обеих рук. Предполагается, что из белого мрамора ее высек скульптор Алесандр, или Александрос. Раньше считалось, что ее автором был выдающийся ваятель древности Пракситель. Статую привезли с греческого острова Милос, отсюда ее название – Милосская. Время создания – примерно 130–100 годы до н. э. По предположениям, в правой руке она держала яблоко, в левой – щит. Но руки скульптура потеряла не в период раскопок и перевозки, а во время яростной потасовки, возникшей между турками и французами за обладание редкой находкой.

Ее формы считаются безукоризненными, а размеры фигуры – рост 164 сантиметра, плечи – 86, талия – 69 и бедра – 93 сантиметра – с древних времен стали эталонными. Существуют даже специальные шаблоны, в которые стремятся вписаться девушки. Но как все-таки греческая скульптура попала в Лувр, как потеряла руки? На этот счет существует разные версии.

По одной из них, менее известной, в 1820 году французский моряк, высадившийся на берег острова Милос, вместе с крестьянином в районе амфитеатра откопал женскую скульптуру удивительной красоты. Он хотел вывезти ее во Францию, но капитан корабля отказался взять на борт судна тяжелое каменное сооружение, которое не вызвало у него никакого восторга. По другой, наиболее популярной, примерно в это же время известный французский мореплаватель, естествоиспытатель и офицер военного флота Дюмон-Дюрвиль (его полное имя Жюль Себастьян-Сезар Дюмон-Дюрвиль) на судне «Ля Шеврет» отправился в кругосветное плавание. Первым объектом его исследования стали острова Средиземного моря. Для пополнения провианта и запасов пресной воды «Ля Шеврет» подошло к острову Милос.

Не желая тратить впустую время, Дюмон-Дюрвиль и еще несколько офицеров отправились на прогулку по острову. Проходя мимо жилища одного пастуха, в деревянном загоне для коз Дюмон заметил каменное изваяние – женскую фигуру. Приблизившись, Дюмон, к своему удивлению, узнал в ней греческую богиню любви Афродиту, или римскую Венеру. Он спросил пастуха, которого звали Йоргос, откуда она взялась. Тот рассказал, что выкопал ее недавно возле амфитеатра. Дюмон попросил продать ее ему. Хитрый пастух заметил, что перед ним богато разодетый французский офицер, и запросил непомерно

большую цену. Торг ни к чему не привел. Таких денег у Дюпона не было. Однако упускать великолепное творение ему не хотелось. Похожие скульптуры он видел в Париже в придворном музее и чувствовал, что новоявленная Венера прославит его.

Знаменитая Афродита (Венера) Милосская

Он отправился на корабле в Константинополь, в котором, как

ему сказали, находился посол Франции. Дюпон рассказал послу о необыкновенной красоты женской скульптуры и уговорил дать денег в долг. Тот согласился. Обрадованный Дюпон снова отправился к острову Милос. Но когда он высадился и пришел к крестьянину, тот с печалью в голосе сообщил, что уже продал скульптуру одному турецкому богачу и тот в скором времени должен ее забрать.

Дюпон рассвирепел, он готов был растерзать пастуха, но потом успокоился и решил тоже схитрить. Он предложил Йоргосу гораздо большую сумму, чем ту, за которую тот продал скульптуру турку. Пастух, поразмышляв, согласился перепродать, а турку пообещал сказать, что забыл, что француз был первым и купил скульптуру раньше.

Обрадованный Дюпон отдал деньги и приказал матросам, чтобы они аккуратно запаковали скульптуру. Вместе с драгоценным грузом он двинулся к кораблю. Когда его команда начала грузить скульптуру на борт, на дороге появились разъяренные люди, которые размахивали саблями. Это были турки во главе с богачом, который прибыл за своей скульптурой, а после разговора с пастухом понял, что его обманули. Он избил Йоргоса и вместе со слугами бросился в погоню за французами.

Силы были неравные – французы могли легко перебить турок. Начались переговоры. Турок предложил французам по-хорошему вернуть его приобретение. Он был первый. Французы ответили отказом – это они были первые. Так ни о чем не договорившись, стороны начали сближаться. Началась потасовка, зазвенели сабли и шпаги. Турки проявили удивительный пыл. Бедная богиня любви поочередно становилась достоянием то одной, то другой стороны. Потекла кровь. Но пострадали не только люди, но и сама Венера – ее рвали из рук в руки с таким остервенением, что в конце концов сама скульптура оказалась без рук. В этом неравном бою французы вышли победителями. Они не отдали добычу. Быстро погрузили ее на корабль и отплыли. Спустя некоторое время, заметив изъян, они вернулись на место сражения и стали искать отбитые руки богини, но, увы, ничего не нашли. Видимо, турки в качестве трофея забрали их с собой.

Привезенная в Париж богиня любви, больше известная как Венера, вызвала восхищение всего французского двора. Ее выставили в Лувре. Дюмон-Дюрвиль был осыпан всякими милостями. Позднее он организовал экспедицию по следам пропавших кораблей знаменитого мореплавателя Лаперуза, останки которого обнаружил на далеком острове Ваникоро недалеко от Австралии. К сожалению, после возвращения домой Дюмон погиб в железнодорожной катастрофе. Но привезенная им

Венера, названная Милосской, хоть и без рук, вызвала небывалый интерес во всем мире. Ее копии множились и продавались не только в антикварных лавках, но и в обычных магазинах. Поднятый вокруг нее ажиотаж приводил иногда к курьезным ситуациям.

В конце XIX века одна американская газета из Сан-Франциско сообщила, что местный ценитель искусства заказал себе копию парижской Венеры. Ему хотелось стать обладателем эталона женской красоты из Лувра. Ему пообещали ее доставить. Прошло несколько недель, и копия, наконец, прибыла. Но когда ее распаковали, то у ценителя перехватило дыхание: у Венеры не было обеих рук. И тогда возмущенный получатель потребовал через суд… возвращения потерянных частей тела или возмещения убытков, ведь он заказывал себе полноценную копию. Свою жалобу-прошение потерпевший направил в фирму, осуществлявшую эту поставку, «Централь Пасифик Компании» и в суд.

И вот тут последовало самое удивительное: суд принял сторону заявителя и вынес решение, что за обломанные руки Венеры ответственность несет железнодорожная компания, которая производила перевозку. Она обязана выплатить компенсацию за потерянные руки скульптуры своему заказчику. Заявитель деньги получил. Лишь позднее он узнал, что у оригинала, выставленного в Лувре, нет обеих рук, такой ее привезли с острова Милос. Понятно, что после этого конфуза забирать свое заявление ценитель парижской скульптуры не стал. Конфузиться второй раз ему не хотелось.

Санта-Клаус нападает и проигрывает

В самом начале XX века в крошечном американском городке Сиско в штате Техас было всего четыре крупных строения: гостиница, музей, театр и здание местного самоуправления. Но в 1920-х годах, в период нефтяной лихорадки в Техасе, в Сиско открыли Первый национальный банк, в нем завелись немалые денежки. Вот на него-то и нацелились четыре профессиональных грабителя. Для нападения избрали самый канун Рождества – 23 декабря 1927 года. Глава бандитов Маршал Рэдклиф, житель Сиско и отбывший срок заключенный, чтобы не быть узнанным, переоделся в костюм Санта-Клауса.

План был веселый: улыбающийся Санта-Клаус двигается по главной улице по направлению к банку. Он напевает рождественскую песенку и размахивает красивым мешком, в котором болтаются «рождественские подарки» – револьверы, пистолеты и патроны с обоймами к ним. Трое его сообщников шагают параллельно по тротуару и наблюдают за обстановкой. Затем они спокойно входят в банк. Санта-Клаус вынимает оружие, раздает дружкам и все они в один голос кричат: «Это не рождественская шутка, это ограбление! Деньги на стол!»

Но ограбление не заладилось с самого начала. На Санта-Клауса показывали пальцем прохожие, за ним бежали дети и кричали: «Санта-Клаус, где наш подарок? Ты придешь к нам в гости?» Кое-как отбившись от детей, они вошли в банк и тут все пошло совсем не по задуманному плану. В помещении находилось много людей, в основном мужчины, некоторые из них оказались вооружены времена были такие, приходилось защищать себя и свое добро с оружием в руках. Началась перестрелка. Грабителям кое-как удалось запихнуть в сумку примерно 163 тысячи долларов – огромная сумма по тем временам – и пробраться ко входу. Они застрелили двух полицейских при выходе, одного из нападавших ранили в руку. На улице их поджидали уже прибывшие полицейские и еще несколько горожан. Они стояли на площади с оружием в руках, направленным на них. Дело в том, что за каждого убитого грабителя банк обещал 5 тысяч долларов премии. В таких условиях каждый бандит становился лакомым кусочком.

Ситуация была пиковая. Не долго думая, грабители захватили в заложники двух девочек и мальчика и бросились к своему «бьюику», стоявшему в соседнем проезде. Мотор долго не заводился, но, наконец, им удалось его завести, и грабители помчались по улице по направлению из города. Следом полетели

пули. Горожане, видимо, забыли, что в автомобиле находились дети. В результате несколько пуль попали в колеса. Ранеными оказались двое бандитов и двое детей. Пришлось бросить «бьюик» и раненых детей. Отстреливаясь, бандиты остановили автофургон, вышвырнули из него водителя, перегнали в кузов мальчика, а сами сели в кабину. И тут обнаружили, что сбежавший водитель захватил с собой ключи зажигания.

Погоня приближалась, сзади, гудя клаксонами, наступали автомобили горожан, раздавались одиночные выстрелы. Бандиты снова пересели в «бьюик». На спущенных шинах, уже без заложника, оставленного в кузове фургона, они кое-как двинулись из города. Но вот опять беда, в спешке они оставили сумку с деньгами и оружие в автофургоне. Нужно было возвращаться, но сзади мчались преследователи. Тогда грабители свернули на одну из боковых улочек и по ней поехали в центр города. Там бросили «бьюик», пересели в чужой «форд» и на нем рванули из города. И снова заминка – на выезде из города они врезались в переходившее дорогу стадо коров. Пришлось срочно спасаться бегством. Пули их настигали. Один из нападавших упал, за ним второй, в самого Санта-Клауса попало около пяти пуль. И только четвертый грабитель был невредим. Их окружили, сопротивление было бессмысленно.

Одна из улиц города Сиско в Техасе. Современный вид

Одного из выживших нападавших приговорили к 99 годам заключения, второго отправили на электрический стул, а Маршал Рэдклиф симулировал сумасшествие, его отправили в психиатрическую клинику. Позже он выбрался оттуда на свободу,

убив сторожа. Полиция схватила сбежавшего «больного» и отправила его в обычную тюрьму. Но горожане требовали смерти обманщика, оборотня Санта-Клауса, притом немедленно. Вооруженные, они буквально штурмом захватили тюрьму и вывели на площадь незадачливого грабителя, убийцу Маршала Рэдклифа. Они хотели сами расправиться с ним, линчевать. На площади недалеко от банка горожане соорудили виселицу и вздернули на ней испортившего всем рождественское настроение Санта-Клауса.

На состоявшимся позднее в Сиско заседании Высшего суда не было найдено вины в действиях граждан, линчевавших убийцу и грабителя Первого национального банка. Все участники казни были оправданы перед законом. С того времени больше в Сиско ограблений не происходило.

Фальсификатор историк-любитель

Согласно автобиографическим записям Александр Иванович Сулакадзев (1771–1830), отставной поручик Семеновского полка, был потомком грузинского князя Г.М. Сулакидзе. В 1724 году, в период сложного политического положения Грузии, вместе с царем Грузии Вахтангом VI, его семьей и свитой Сулакидзе прибыл в Россию. От него пошел обрусевший род Сулакадзевых. Отец Александра Ивановича (1741–1821) служил в Рязани губернским архитектором. Сам Александр Иванович, выйдя в отставку, занялся сбором исторических рукописей и прочих ценностей. Он настолько увлекся этим, что стал сам изготавливать… недостающие в его коллекции предметы старины глубокой.

В 1807 году до Гаврилы Романовича Державина, известного русского поэта, предшественника Пушкина, дошли слухи о существовании в Санкт-Петербурге частной «Лавки древностей», которой заведует обрусевший грузин Сулакадзев, большой любитель истории. Больше всего Державина привлекло сообщение, что у Сулакадзева хранится посох самого царя Ивана Грозного. В это трудно было поверить, но все же, а вдруг этот посох настоящий, и его в своих руках держал самый страшный и грозный царь. Какая связь времен! Правда, серьезные историки о Сулакадзеве говорили и другое. Якобы он собирает на свалках всякую рухлядь, отчищает от грязи, подкрашивает, обновляет и выдает за найденные им чудесные древности, которые принадлежали известным историческим личностям. В любом случае Державин решился посетить «Лавку древностей» и познакомиться с этим удивительным хранителем и ценителем российской старины.

В 1810 году он решился, наконец, нанести визит Сулакадзеву. Отправился не один, вместе с собой пригласил известных людей того времени – министра юстиции Дмитриева, члена Государственного совета Мордвинова и известного писателя, члена Российской академии Шишкова. Узнав о столь представительной делегации, Сулакадзев заволновался, основательно подготовился и выставил перед гостями камень, на котором, по его уверениям, после Куликовской битвы отдыхал сам князь Дмитрий Донской…

Александр Иванович рассказывал много занятных историй своим высоким посетителям, показывал, правда, не посох, а костыль Ивана Грозного, который всем показался старой суковатой палкой, которой пастухи гонят овец в горах. Камень

Дмитрия Донского тоже не поразил воображение – обломок валуна, ничего особенного. У Сулакадзева не было никаких бумаг и прочих свидетельств древности его находок. И все же Державина заинтересовали древние рукописи, называемые «Ответы новгородских жрецов», которые были записаны древними рунами – письменностью древних германцев. Руны, как алфавит, существовали у народов Северной Европы до вытеснения их латиницей в эпоху активного распространения христианства. Едва ли Сулакадзев, у которого не было ни исторического, ни филологического образования, стал бы сам подделывать столь сложный текст. Ведь настоящих знатоков древних рукописей, точнее рунического письма, в то время были единицы – университетские ученые-филологи.

Державина рукописи заинтересовали, он попросил скопировать их и позднее издал в переводе на русский язык. Посещение «Лавки древностей» столь высокими гостями подстегнуло исторические изыскания Сулакадзева. В 1819 году накануне поездки императора Александра I в Валаамский монастырь, он выпустил труд, названный им «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря», в котором сообщал о своем открытии якобы древних материалов, свидетельствующих о посещении монастыря одним из апостолов Иисуса Христа – Андреем Первозванным, который истребил капища языческих богов Велеса и Перуна и обратил в христиан местных жрецов.

Позднее видные ученые историки и представители православной церкви высказывали сомнение в том, что апостол Андрей мог заходить в такие далекие земли. Никаких свидетельств подобных путешествий нигде и никем зафиксировано не было. Но запущенное Сулакадзевым «историческое открытие» подхватили многие священники, и уже появился «путь Андрея» через Киев, далее по Ладоге в Новгород…

На Сулакадзева, как фальсификатора истории, при его жизни не обращали особого внимания. Многие собранные им исторические материалы действительно представляли настоящую ценность, но вот беда, среди них попадались также шедевры его собственного изобретательского искусства. К примеру, ему удалось обмануть многих историков уже XX века и прославить небольшой старинный город Нерехта в Костромской области. В советское время в этом городке поставили памятник местному уроженцу подъячему Никите Крякутному, которого с подачи Сулакадзева посчитали первым воздухоплавателем России. Оказывается, в 1731 году этот Крякутный, находясь в Рязанской губернии, поднялся на воздушном шаре, наполненном дымом. Тем самым он на 50 лет обогнал французских братьев

Монгольфье, признанных первыми воздухоплавателями. В честь такого выдающегося события в начале 1960-х годов в Нерехте установили памятник Крякутному, а в 1956 году выпустили почтовую марку, посвященную 225-летнему юбилею первого русского воздухоплавателя.

Позднее ученые Академии наук СССР, которые знали о разных фальсификациях Сулакадзева, решили проверить сохранившиеся его записи «О воздушном летании…». Рукопись просветили в инфракрасных лучах и обнаружили подчистку. Оказывается, на воздушном шаре пытался взлететь «подъячий немец крещеный Фурцель», слово «немец» Сулакадзев исправил на «нерехтец», а вместо «крещеный» поставил подходящую фамилию «Крякутный». Следовательно, первым воздухоплавателем был немец Фурцель (если такой существовал в действительности), и о первенстве России пришлось забыть. Дело о фальшивке постарались не предавать огласке. Памятник быстренько убрали, а имя подъячего Крякутного в истории больше не упоминалось. Первенство в воздухоплавании снова вернулось французам.

Г.Р. Державин. Художник В.Л. Боровиковский

Библиофил, маньяк, убийца

Испанец по рождению, католик по убеждению, дон Винсенте был монахом в Таррагонском монастыре, что расположен на берегу Средиземного моря. Но после нашествия наполеоновских войск в Испанию в 1808 году и разграбления монастыря он бежал в соседнюю Барселону, где занялся книжной торговлей. Шел 1836 год. Дон Винсенте книг не читал, он их коллекционировал и продавал и расставался с ценными экземплярами крайне неохотно. Дело дошло до того, что он стал убивать своих клиентов, чтобы вернуть наиболее ценные книги.

Покупка и продажа книг в начале XIX века – не самое доходное занятие. Грамотных людей даже в самом центре Европы было не очень много, а уж высокообразованных просто единицы. И тем не менее находились такие, понимавшие толк в литературе, искусстве, истории, искавшие уникальные экземпляры манускриптов Древнего мира и Средневековья. Лавка дона Винсенте не отличалась от многих похожих в Барселоне – небольшое помещение, полки снизу доверху: внизу – обычные издания, повыше – солидные тома, только на самых верхних, куда добраться можно было с лестницей, – уникальные раритеты с картинками. Купить такие мог очень состоятельный ученый, жаждавший найти новые интересные сведения. Фолианты в коже в те времена не ставились на полки ради позолоченного корешка. Сам дон Винсенте свои собрания просматривал исключительно для определения их стоимости. Он не был запойным читателем. Его не интересовали ни история, ни искусство, ни сентиментальные романы, только высокая историческая значимость раритета прельщала его.

Коллеги по книжной торговле недолюбливали соседа, бывшего монаха из Таррагоны. Замкнутый, он не хвастался новыми находками, ни с кем не водил дружбу. Он жил в окружении книг, которые сортировал по степени ценности. С ходовыми изданиями он расставался легко, они пополняли его кассу, а вот редкие… Чтобы их найти, он ездил по монастырям, искал уникальные, покупал, а потом выставлял у себя и, вытирая пыль, долго ждал покупателя. Он взвинчивал цену, если неожиданно находился покупатель, готовый отдать запрошенную сумму. В эти минуты дон Винсенте просто не находил себе места. Он всячески пытался отговорить покупателя от покупки. Доходило до смешного, он выбегал на улицу и умолял покупателя вернуть ему книгу. Конкуренты считали бывшего монаха сумасшедшим и решили его разыграть.

Дона Винсенте не интересовало содержание книг – только их стоимость

На очередном книжном аукционе в Барселоне, на который съехались книготорговцы из разных городов, в том числе из Франции, была выставлена библиотека скончавшегося богатого адвоката. Его книги, особенно редкие, расходились неплохо. Шум начался при продаже первого издания испанского Указника, напечатанного в типографии Л. Пальмарта в Валенсии в 1482 году. Раздались крики, сговорившиеся конкуренты стали взвинчивать цену. Каждый хотел приобрести этот редкий экземпляр. Но больше всего конкуренты хотели, чтобы Указник не достался дону Винсенте. Они сумели отстоять книгу. Ее приобрел некий книготорговец по имени Патсот. Дон Винсенте, оставшийся ни с чем, рвал на голове волосы. Он вышел после аукциона, отправился вроде к себе домой, а потом свернул в узкий переулок и побежал в сторону букинистического магазина, которым владел этот самый Патсот.

Не прошло и двух недель после завершения аукциона, как неожиданно поздно ночью в книжной лавке Патсота вспыхнул пожар. Попытки потушить бушевавшее пламя ни к чему не

привели. Наутро все увидели горы пепла от сгоревших книг, почерневшую мебель и обгоревший труп самого хозяина на кровати. Полиция посчитала, что произошел несчастный случай – Патсот любил курить в постели, а матрас был соломенный, загореться мог в один миг. Расследование остановили. Но прошло еще несколько дней, и на окраине Барселоны был найден труп сельского священника, которого закололи кинжалом. Ничего ценного у священника не взяли. Полицейские не могли понять мотивов этого преступления. Вскоре на одной из улиц обнаружили еще один труп, на этот раз молодого немецкого ученого-книжника, также заколотого кинжалом. И у этой жертвы убийца не взял кошелек, набитый золотыми талерами. Через несколько дней на окраине города нашли еще одного заколотого. Через три дня еще одного…

Девять трупов за месяц! В городе распространялись самые страшные слухи. Кто и с какой целью убивал ни в чем не повинных людей? Полицейские по ночам стали патрулировать город. Шли дни, и вновь похожее убийство. Также ночью, также на окраине, также без цели ограбления. Все убитые были мужчины, люди образованные, как говорили, и с головой и с кошельком. Предположили политические мотивы. Но убитые не были общественно значимыми фигурами, никогда не выступали с речами. Религиозные? Например, святая инквизиция могла преследовать своих отступников. Официально инквизиция в Испании была отменена королевским указом 15 июля 1834 года, но в обществе не все согласились с ее отменой. Королевский указ вовсе не означал, что инквизиция признала свое поражение и перестала действовать. Это была зацепка. Кто-то вспомнил о книжнике-отшельнике, бывшем монахе Таррагонского монастыря доне Винсенте. Не он ли был тем самым тайным агентом инквизиции? На всякий случай в его книжной лавке-домике решили произвести обыск.

И обнаружили на одной из полок книгу Эмерика де Жерона «Руководство служителям инквизиции». Но это еще ничего не доказывало. А вот стоявший рядом старинный фолиант оказался куда более вещественной уликой – это был Указник, проданный на аукционе букинисту Патсоту, лавка которого сгорела. Каким же образом он попал к дону Винсенту? Когда его спросили об этом, он замялся.

Дона Винсента отвели в полицию и приступили к допросу. Библиофил не долго упирался. При предъявлении очевидных улик он признался, что Указник взял из дома Патсота. В тот самый день пожара. Дон Винсенте рассказал, что не раз заходил к Патсоту и уговаривал его продать ему Указник. Тот не

соглашался. Тогда Дон Винсенте набросился на него и принялся душить. И задушил. Забрал Указник, а дом поджег. Примерно также он обошелся со священником, который купил у него редкий фолиант. Сначала продал по высокой цене книгу, а потом, когда тот забрал ее, дон Винсенте догнал священника и стал уговаривать его продать ему книгу по более высокой цене. Священник не согласился. И тогда дон Винсенте пустил в ход кинжал. С этого дня он уже не мог остановиться. Оборудовал у себя в домике комнату для клиентов, где вел с ними торг, получал деньги, а потом убивал, темной ночью он выносил трупы на окраину города.

Судьи, выслушавшие эту исповедь библиофила, антиквара, бывшего монаха, были в шоке. Они не понимали, какими мотивами руководствовался дон Винсенте, когда убивал людей, желавших купить у него книгу.

«Все люди смертны, Господь призовет к себе любого, – спокойно, с сознанием собственного достоинства отвечал им книготорговец. – А книги высшие существа. Они бессмертны и должны находиться в руках того, кто это понимает и обеспечивает им бессмертие».

Когда ему сообщили, что Указник, который он приобрел таким убийственным способом, не единственный экземпляр, то чуть не покончил с собой от отчаяния. Его приговорили к смертной казни через гаротту – закручивание с обеих сторон веревки на шее приговоренного до полного его удушения. Но когда дон Винсенте шел к месту казни, то больше скорбел о потере накопленных им книг, чем о своей закончившейся жизни..

Отравление по-французски

В 23 года девица Мари Каппель из Парижа отчаялась выйти замуж. Пришлось обратиться к брачному посреднику. Он подобрал ей жениха, им оказался двадцатидевятилетний Шарль Лафарж, сын мирового судьи из Ле Гландье. Он представился как фабрикант по производству железа с родовым замком и состоянием 200 тысяч франков. После свадьбы в 1839 году и особенно переезда в дом мужа Мари пришла в ужас – вместо замка она увидела развалины монастыря, вместо 200 тысяч у мужа были одни долги. Лафарж оказался не благородным кавалером, а скрягой. Он в свою очередь надеялся с помощью приданого жены поправить свои дела. Так у Мари зародилась мысль переписать все имущество мужа на себя, а его как можно быстрее спровадить на кладбище.

Конечно, жизнь Мари Каппель сложилась бы иначе, если бы не гибель на охоте ее отца, бывшего полковника наполеоновской армии. Ей в ту пору было всего 12 лет. После смерти матери восемнадцатилетнюю Мари взяла на воспитание ее тетка, супруга директора Французского банка. Приемные родители любили милую и покладистую девушку, но все же поместили ее в пансион для благородных девиц, где она воспитывалась вместе с дочерьми парижских аристократов. Когда же пришла пора выдать Мари замуж, достойных соискателей, увы, не нашлось. Приемные родители давали за невесту 90 тысяч франков.

Единственным кандидатом оставался приехавший из провинции «фабрикант» Лафарж. Жених не понравился Мари. Она соблазнилась его «замком», его доходом. Его приданое показалось невесте достаточным аргументом, чтобы сочетаться с ним браком. Но после увиденного Мари загрустила. Что делать ей среди неотесанных крестьян, которые злобно косились на приехавшую белоручку из Парижа, кругом запустение, во дворе крысы бегают. От отчаяния Мари занемогла, заперлась в своей комнате и грозилась отравить себя. Шарль уговаривал ее выйти, она категорически отказывалась. Тогда он предложил компромисс: он не будет домогаться ее как муж, а займется восстановлением литейного производства, она же в свою очередь поможет ему в написании деловых писем в банки с просьбой выдать ему кредит. Мари пошла на мировую. Она принялась писать письма, в которых нахваливала мужа и его процветающее дело.

Они достигли соглашения, и Мари переписала на мужа свои 90 тысяч франков, а он записал на ее имя свое поместье. Правда, одновременно втайне от Мари он написал завещание, согласно

которому поместье Ле Гландье после его смерти переходило его матери. Получив письма от жены, Шарль собрался поехать в Париж, и мать испекла ему пирожки. Но в Париж в свертке он обнаружил не пирожки, а пирог. Он съел его и почувствовал в желудке страшное жжение. С большим трудом Шарль вернулся в поместье и свалился в постель. Мари всячески ухаживала за ним, но от этого Шарлю становилось все хуже и хуже. Вызванный местный лекарь обнаружил у него признаки холеры.

Мари между тем приобрела в аптеке мышьяк, чтобы заняться, как она говорила, травлей жутких крыс, расплодившихся в монастыре и округе. Между тем состояние Шарля продолжало ухудшаться. К нему вызвали врача Массена, который подтвердил диагноз лекаря – у Шарля Лафаржа холера. В те времена подобное заболевание в деревнях не было редкостью. Родственники стали дежурить у постели больного круглосуточно. Дальняя родственница Анна Брюн заметила, что у Мари была малахитовая шкатулка с белым порошком, который она подсыпала в питье Шарля. На всякий случай Анна сохранила остатки напитков и еды, которые Мари предлагала Шарлю. Она же предупредила всех родственников, что Мари, похоже, дает Шарлю отраву.

12 января 1840 года Анна обнаружила на дне стакана, из которого пил Шарль, белый осадок. Она спрятала стакан и на следующий день попросила вызванного доктора Леспинаса определить его состав. Тот нашел в осадке мышьяк в дозе, достаточной для отравления взрослого человека. Через несколько часов после его заключения 14 января Шарль Лафарж скончался. Мари совершенно спокойно восприняла его смерть и тотчас отправилась к нотариусу, а брат умершего поехал в полицию. Прибывший в Ле Гландье судебный исполнитель Моран установил, что Мари Лафарж покупала мышьяк у местного аптекаря. Но, как выяснилось, крысам она подсыпала не мышьяк, а муку с крахмалом, замешенные водой. Мышьяк же, совершенно очевидно, предназначался для Шарля Лафаржа.

Моран предложил доктору Леспинасу еще раз произвести тест на выявление в остатке питья мышьяка. Тот снова подтвердил свой диагноз – в стакане мышьяк. Кроме того, белый порошок, находившийся в малахитовой шкатулке Мари, также оказался мышьяком. Таким образом, были выявлены явные доказательства отравления Шарля его супругой Мари. Ее тотчас арестовали. На допросе она отрицала всякую причастность к отравлению и утверждала, что ее муж умер от холеры, которой он заболел в Париже, об этом говорили парижские врачи, а местные эскулапы ничего не понимают в медицине. Тем не менее Мари

препроводили в одну из ближайших тюрем.

Портрет Мари Лафарж из ее «Мемуаров…»

Начавшийся судебный процесс привлек внимание общественности и прессы. В ряде газет появились сообщения о том, что еще до замужества Мари Каппель могла оказаться на скамье подсудимых – во время пребывания в гостях у виконтессы де Леото она похитила ее драгоценности. Тогда же против нее было выдвинуто обвинение в краже. Однако от тюрьмы ее спасло заступничество виконта, который, очевидно, симпатизировал Мари, он заявил, что виконтесса сама отдала Мари свои драгоценности…

Для более точного доказательства виновности Мари Лафарж в отравлении мужа судьи потребовали от врачей провести эксгумацию трупа и установить наличие мышьяка в желудке умершего. Гроб с телом Лафаржа выкопали, вырезали из трупа желудок и отправили в лабораторию. Но установить точно, находился ли мышьяк в его желудке не смогли. Проведенные лабораторные исследования не подтвердили первоначальный диагноз.

Настроение в обществе коренным образом изменилось. В прессе появились публикации прямо противоположного характера

– в защиту обвиняемой. Многие требовали освободить несчастную женщину из тюрьмы. На ее стороне была известная писательница того времени Жорж Санд, обвинявшая врачей и судей в некомпетентности. Процесс по делу Мари Лафарж начался 3 сентября 1840 года. Защитник обвиняемой мэтр Пайе в своей речи утверждал, что допущенные врачами ошибки могут привести к судебной ошибке, подсудимую могут обвинить в том, чего она не совершала. Вызванные в суд местные аптекари не смогли однозначно ответить на вопрос, нашли ли они в остатках пищи и питья мышьяк. После таких заявлений находившаяся в зале суда публика негодовала и требовала немедленного освобождения Мари.

Для устранения всех противоречий прокурор решил пригласить на слушание дела в качестве эксперта известного химика и токсиколога того времени Матье Жозефа Орфила. Свои лабораторные исследования Орфил проводил прямо в зале суда. Он обнаружил наличие мышьяка как в остатках пищи, так и в желудке умершего Лафаржа. Он также заявил, что аптекари и врачи, проводившие свои исследования, не имели достаточного опыта и совершили ряд ошибок. Его выступление в суде стало главным свидетельством против Мари Лафарж, защита была бессильна. Масла в огонь подбросил неизвестно откуда появившийся виконт де Леото, который заявил, что теперь он уверен в том, что кражу драгоценностей его жены совершила Мари Лафарж…

19 сентября 1840 году Мари Лафарж были признана присяжными виновной в отравлении своего мужа и приговорена к пожизненной каторге. Учитывая ее молодость, а также общественный интерес к этому делу, король Франции Луи-Филипп I заменил каторгу на пожизненное заключение. В тюрьме Мари написала книгу воспоминаний, в которой утверждала, что невиновна. В 1852 году во время правления Наполеона III, когда была объявлена амнистия, ее выпустили на свободу, но прожила она после этого совсем немного. Смертельно больная туберкулезом, Мари Лафарж скончалась в том же году.

Интерес к этому судебному процессу, к личности Мари снова вспыхнул в XX веке. В 1937 году на экраны Франции был выпущен художественный фильм «Дело Лафарж», основанный на реальных событиях. В 1975 году в ФРГ показали телевизионный фильм, который назывался «Сенсационный процесс против Мари Лафарж», в котором признавалась виновность подсудимой.

«Дело о зарезанной купчихе»

Знакомство с молодой француженкой Луизой Симон-Деманш в 1841 году началось очень романтично. Московский дворянин, только что проучившийся в Гейдельбергском университете, в парижском кафе угостил шампанским красивую девушку, а на прощание оставил ей свою визитку и пригласил в гости в Москву. И она приехала, стала его любовницей. Без малого десять лет продолжалась их связь. Но неожиданно в снежную ночь 7 ноября 1850 года Луиза ушла из дома и не вернулась. Ее истерзанное тело на следующий день нашли в снегу возле Ваганьковского кладбища. По первой версии следователей, заинтересованным в ее убийстве мог быть только один человек, ее содержатель, ее любовник титулярный советник Александр Васильевич Сухово-Кобылин.

Приехавший на место преступления вместе с помощниками пристав Пресненской части господин Ильинский увидел лежавшую на снегу молодую женщину в зеленом платье и легких бархатных полусапожках. Лицо закрывали длинные светлые волосы. Ни шубы, ни пальто, ни сумочки поблизости не было. Когда замерзшее тело перевернули, то на шее и лице убитой увидели кровоподтеки и резаные раны. Ильинского удивил тот факт, что на снег почти не натекло крови. Женщину никто не ограбил, на ней нашли золотые крестик, серьги и кольца. Пристав сделал вывод, что женщину убили где-то в другом месте, а к Ваганьковскому кладбищу привезли уже труп. Неизвестную для опознания и анатомического исследования увезли в морг Пресненской больницы.

На следующий день, 8 ноября, к обер-полицмейстеру Лужину обратился титулярный советник Сухово-Кобылин. Он заявил, что пропала его содержанка, француженка Луиза Симон-Деманш, 31 года, являвшаяся временной московской купчихой. Утром 8 ноября он, как обычно, направился в Брюсов переулок, где в доме графа Гудовича снимал для Луизы дом, но слуги сказали ему, что вечером 7 ноября около 10 часов она вышла из дома и не вернулась. Слуги не знали, куда и зачем ушла их госпожа. Он же 7-го вечером находился в гостях в доме губернского секретаря, князя Нарышкина, что расположен на Тверской улице, напротив Английского клуба. Поздно вечером он вернулся к себе домой на Страстной бульвар и лег спать.

На Лужина этот рассказ произвел неприятное впечатление. Он знал, что в свое время Сухово-Кобылин служил у московского генерал-губернатора Закревского и ушел от него. Богатый и

своевольный господин на службе зарекомендовал себя заносчивым человеком. В Москве говорили, что он имел любовницу, француженку и одновременно крутил роман с замужней княгиней Надеждой Нарышкиной. Лужин также знал, что крепостные Сухово-Кобылина жаловались на француженку, которая била слуг, девок драла за волосы. Крепостные не раз обращались в канцелярию генерал-губернатора и рассказывали неприглядные истории. Таким образом, после знакомства с докладом пристава Ильинского Лужин уже знал, кто была убитая и кого можно подозревать в преступлении – либо француженку убили дворовые по договоренности с Сухово-Кобылиным, за что он мог им заплатить, или же сами крепостные забили ненавистную француженку, вывезли тело за город и бросили у Ваганьковского кладбища. Необходимо было допросить всех подозреваемых.

На первом допросе крепостные твердили, что ничего не знают, ничего не ведают: хозяйка ушла вечером, в известность никого не поставила, это дело господское, крепостных оно не касается. Тогда Лужин пригласил Сухово-Кобылина. На все вопросы титулярный советник ответил четко и ясно, рассказал, что у него не было ни малейшего повода к убийству своей любовницы. Правда, Луиза ревновала его, но это обычное явление. Он не знает, кто мог желать смерти его Луизе.

А.В. Сухово-Кобылин. Художник В.А. Тропинин

Следствие зашло в тупик. Тогда на слуг надавили. После нескольких часов допроса с применением жестких методов, они признались в убийстве своей хозяйки, сказали, что не выдержали ее притеснений, ругательств и побоев. В отсутствие хозяина 7 ноября они задушили ее подушкой, били утюгом, резали ножом. Потом вывезли тело за город и бросили у кладбища.

Казалось бы, преступники в содеянном сознались. У Сухово-Кобылина стопроцентное алиби. Но дело вдруг застопорилось. Слуги неожиданно стали говорить, что признательные показания они дали под давлением, что их вынудили совершить оговор. Тогда Лужин решил взяться за Сухово-Кобылина. Его посадили, допрашивали, выясняли все детали его взаимоотношений с француженкой. Он рассказал, как познакомился с девушкой в Париже, как пригласил в Москву, как снял для нее дом, как учил торговать вином…

Этот процесс в общей сложности длился семь лет. За это время Сухово-Кобылин, находясь в камере, написал пьесу «Свадьба Кречинского», ставшую литературным событием в Москве, его крепостных выпороли и отправили на каторгу. Но доказать виновность кого-либо в убийстве француженки так и не

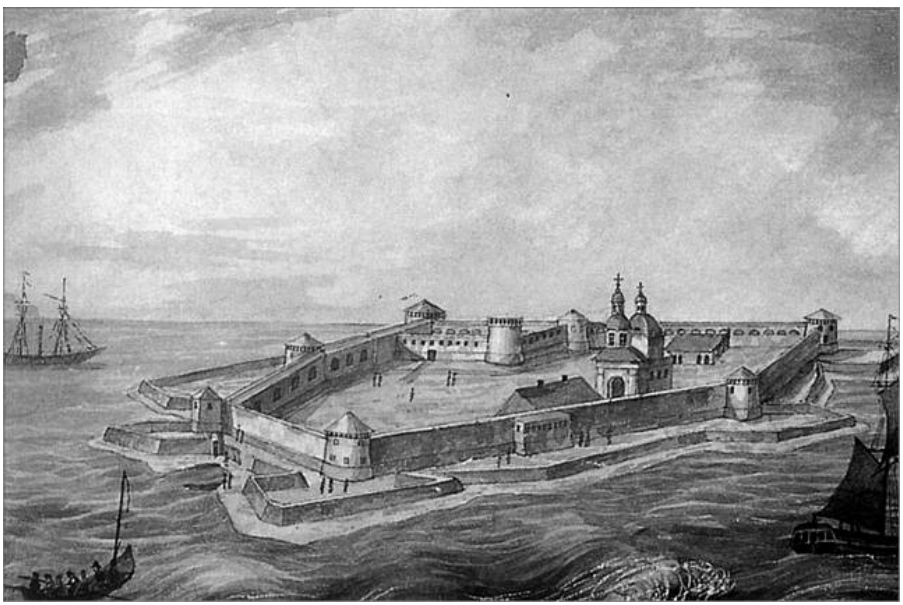
смогли. Больше держать под стражей Сухово-Кобылина было нельзя. Из Петербурга раздавались грозные окрики, сам император Николай I следил за процессом, требовал отыскать убийц.

Расследование закончилось ничем. Уже после смерти Николая I Сенат на своем заседании 21 июля 1856 года вынес вердикт: Сухово-Кобылин к убийству француженки Симон-Деманш не причастен, его дворовые также не изобличены в убийстве Деманш. 3 декабря 1857 года этот приговор был утвержден Александром II. На том дело закрыли.

В России с успехом шла пьеса Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского», позже он написал еще две – «Дело» и «Смерть Тарелкина», правда, при жизни автора их не поставили. Почему? Возможно, потому, что за автором тянулся темный шлейф. Находились видные личности, которые открыто говорили о причастности Сухово-Кобылина к убийству. К их числу относился и Лев Толстой. Сухово-Кобылин соорудил на Немецком кладбище для своей любовницы красивый склеп и уехал во Францию. Больше в Россию он не вернулся.

Похождения реального Хлестакова

Известно, что именно Александр Сергеевич Пушкин посоветовал Гоголю написать пьесу о похождениях русского авантюриста, дурившего целый губернский город своими вымышленными рассказами о высоких связях в Петербурге. У Гоголя получилась веселая сатирическая пьеса «Ревизор» с главным героем Хлестаковым. Пушкин, делая такое предложение Гоголю, основывался на реальных фактах, а прототип Хлестакова – Роман Михайлович Медокс (1795–1859) – за разные махинации в самом начале своей «головокружительной карьеры» оказался в Шлиссельбургской крепости.



Шлиссельбургская крепость. Художник П.П. Свиньин

Его отец, Михаил (Майкл) Григорьевич Медокс, выходец из Англии, был строителем и учредителем Большого Петровского театра в Москве на улице Петровка (в 1805 году здание сгорело) и многие годы оставался его директором. В таком качестве его принимали в богатых домах, приглашала к себе императрица. Он любил показывать разные фокусы вроде тех, что в Москве и Петербурге в свое время устраивал граф Калиостро. Правда, Михаил Григорьевич не был обманщиком. Он создавал оригинальные игрушки, интересные механизмы, в том числе часы. Некоторые считали его фантазером, другие чудаком. Сын

Роман перещеголял отца, оказался еще большим «чудаком».

Будучи с детства знаком с закулисной жизнью столиц, «театральный» ребенок любил выступать перед гостями. Он наряжался, изображал из себя героев-проказников и настолько увлекался, что не хотел расставаться с понравившейся ему ролью. О нем говорили: «Одаренный малец, с хорошей памятью, но ужасно своевольный». Таких в то время называли «инфант террибл» (ужасный ребенок). Отец не хотел видеть сына на сцене, ему казалось, что он больше кривляка, чем артист, и отправил его на воинскую службу.

Среди сослуживцев Роман выделялся хорошим образованием, манерами, но любил, рассказывая о себе, прихвастнуть. Офицеры хвастунов терпеть не могли, а этот был еще и заносчив. Ему оставалось одно – покинуть армию. Но куда податься, отец не хотел его видеть. И Роман решил жить по-своему. Он забрал с собой всю полковую кассу и был таков.

Шел 1812 год. Наполеон наступал на Россию, самыми почетными людьми в обществе становились защитники Отечества, офицеры. Роман заказал у портного красивую форму гвардейского поручика и в ней отправился на Кавказ. Он ехал не просто для ознакомления с красотами южного края, при нем были фальшивые бумаги с государственным гербом, в которых говорилось, что ему, поручику Соковнину, доверена важнейшая тайная миссия – организовать на Кавказе отряды горцев для борьбы с войсками Наполеона!

Невероятная по абсурдности идея. На Кавказе с горцами многие годы велась война, ни о каком рекрутском наборе никто не помышлял. Но молодому, красивому поручику в новенькой форме безоговорочно верили. Своим состоятельным попутчикам он заявлял, что в дороге с ним произошла пренеприятная история, он совершенно издержался, а для выполнения миссии ему требуется как минимум рублей триста. Ему верили и выделяли. Он давал расписки, уверял, что вернет, как только выполнит свою миссию и поедет обратно. Во многих губернских городах его принимали с распростертыми объятиями, устраивали балы, знакомили с местными барышнями, он сидел на самом почетном месте рядом с губернатором. Везде он производил фурор своей формой и своими рассказами, а высшему руководству по секрету показывал свои тайные бумаги. И ему везде жертвовали деньги.

Так, используя доверчивость окружавших его людей, гвардейский поручик-самозванец добрался до Георгиевска, административного центра Кавказа в то время. И не побоялся предстать перед местным военным начальством в качестве

адъютанта министра полиции России генерала А.Д. Балашова. Медокс предъявлял документы, в которых сообщалось, что их податель поручик Соковнин уполномочен царем и правительством набрать для войны с Наполеоном ополчение из кавказских горцев. В честь официального представителя из Петербурга опять устраивались балы, опять его знакомили с местными барышнями, делали лестные предложения. К нему на приемы приходили чиновники. И на… спасение Отечества выделяли деньги. Он все записывал, обещал о добровольных пожертвованиях сообщить высшим чинам в Петербурге. Вице-губернатор поверил в его рассказы до такой степени, что выделил из казенной палаты 10 тысяч рублей для… обмундирования будущего горного войска.

Молодого поручика, которому «требовалось» еще проводить смотры войск, сопровождал генерал-майор С.А. Портнягин. И снова после смотров начинались застолья, произносились тосты за спасение Отечества. И все бы ничего, но местные власти рапортовали в Петербург, сообщили о своей поддержке посланца царя и правительства, которому всячески содействовали в выполнении его важной миссии. Узнав об этом, поручик Соковнин поспешил к главному почтмейстеру Георгиевска и продемонстрировал ему еще одну «тайную бумагу», согласно которой поручику предписывалось проверять всю важную корреспонденцию, которая направлялась в Петербург и поступала из Петербурга в связи с набором рекрут из горцев. Но все рапорты поручик Соковнин проверить не смог. Понимая, что его могут разоблачить, а покидать столь «прибыльное место» ему не хотелось, Соковнин стал направлять в Петербург свои письма: в адрес министра полиции Балашова, министра финансов Гурьева… В них он писал о том, что не из корыстных побуждений, а исключительно из внутренних потребностей решил оказать помощь Отечеству в спасении от злого супостата, от захватчика и начал собирать деньги…

В правительстве пришли в ужас от вскрытых махинаций поручика Соковнина, о масштабе проведенных им денежных поборов. Об этом вопиющем случае доложили Александру I, который находился в войсках. Император был взбешен и потребовал немедленно арестовать мерзавца: этапировать в Петербург и учинить над ним самый строгий суд. В 1813 году поручика Соковнина арестовали и в особой закрытой карете с жандармами доставили в Петербург. Его допросили. Он назвался неким Всеволжским, потом изменил свои показания и сказал, что он отпрыск древнего рода князей Голицыных. Он признавался в содеянном, но просил о снисхождении, говорил о своих

патриотических чувствах, о готовности служить на благо Отечества.

Вот когда пригодилось ему артистическое дарование. Его посадили в Петропавловскую крепость, затем перевели в Шлиссельбургскую. Там Медокс общался с декабристами, которые ожидали своего приговора. Лицейский товарищ Пушкина декабрист И.И. Пущин в одном из своих писем сообщал о том, что видел в крепости Медокса, посаженного в двадцатитрехлетнем возрасте… Выпустили Медокса только после смерти императора Александра I. Новый царь Николай I удовлетворил его просьбу о помиловании. Четырнадцать лет провел он в заточении.

Медоксу разрешили поселиться в Вятке под надзором полиции. Ему было примерно 37 лет. Он мог бы заняться любым общественно полезным трудом, но в нем взяла верх натура проходимца, авантюриста, человека, готового и дальше обманывать, водить окружающих за нос. Из Вятки Медокс бежал. Его поймали в Екатеринодаре и отправили под строгим конвоем в Петербург. Но к месту назначения он не прибыл, снова бежал. Из Одессы направил Николаю I просительное письмо. Император распорядился поймать наглеца и отправить в Иркутск. Его поймали и отправили в Сибирь. В Иркутске Медокс жил вполне сносно, устроился домашним учителем в семье городничего А.Н. Муравьева, бывшего декабриста, основателя тайного политического общества Союз спасения. Но получаемых «грошей» Медоксу показалось слишком мало. Он направил графу А.Х. Бенкендорфу письмо, в котором нагло врал, что ему стало известно о существовании подпольного общества «Союз Великого Дела», в который входят многие сосланные декабристы.

О раскрытии тайного общества Медоксом доложили Николаю. Тот распорядился тщательно расследовать и оказать помощь сосланному Медоксу. И если все подтвердится, то сосланный мог рассчитывать на монаршую милость. В помощь Медоксу в Иркутск послали ротмистра Вохина. Медокс водил его в разные «присутственные места», рассказывал, где встречаются декабристы, как задумывают сместить государя императора. Он показал Вохину купон, который якобы служил секретной бумагой, удостоверявшей личность декабриста и его причастность к тайному обществу. В 1833 году Медокса и Вохина вызвали в Петербург. Медокса принимали в Третьем жандармском отделении, с ним беседовали министры. Его рассказы произвели впечатление, но на всякий случай за ним приставили приглядывать людей из охранки…

Медокс старался их не замечать, он оказался в своей стихии, его приглашали в общество, он кружился с дамами на балах, ему

выделяли деньги для приличной жизни… Только расследование, которым он занимался, не сдвинулось с места. С его прибытием в столицу из Иркутска перестали поступать сведения о заговоре. И вообще декабристы не проявляли никакой политической активности. Над Медоксом сгущались тучи. Он это почувствовал и… снова бежал. Три месяца Медокс оставался на свободе. В 1834 году его все же поймали. И он снова оказался в казематах Шлиссельбургской крепости, снова начались допросы. Он признался в своем обмане, просил прощения. Николай I, который поверился его сообщениям, был вне себя от гнева. Он оказался одураченным.

Медокса осудили пожизненно. Двадцать два года провел клеветник в заточении. Его, самого опасного преступника России XIX века, освободили только в 1856 году, когда на трон сел новый царь, Александр II Освободитель. Постаревшего затворника выпустили, но надзор полиции за ним оставили. Жить Медоксу оставалось совсем немного, здоровье его было сильно подорвано. Он умер спокойно в имении своего брата, единственного слушателя о его былых «отважных» похождениях.

«Амурное приключение» статского советника

Вечером 7 ноября 1869 года из здания Благородного собрания, располагавшегося в ту пору на Невском проспекте возле Мойки, вышел надворный статский советник в отставке Николай Христианович фон Зон, 55 лет. Устав от разговоров и споров, он отправился развеяться в казино «Эльдорадо». К богато одетому, с толстым портмоне бывшему царскому чиновнику подсел некий Максим Иванов и предложил поехать на Сенную, провести веселый вечер в женской компании… Николай фон Зон согласился. С того дня надворный статский советник не появлялся ни у себя дома, ни в Благородном собрании. Куда пропал человек, что с ним случилось, никто не знал.

Сенная площадь хоть и находилась рядом с центром Санкт-Петербурга, но издавна считалась местом разгульным, злачным и опасным. Там располагались низкопробные питейные заведения, ночлежки, притоны и публичные дома. Шумная, крикливая площадь, где нередко случались пьяные драки, когда в ход пускались ножи. Соваться туда благородному человеку, тем более в темное время, было опасно. Но вот беда: седина в бороду, бес в ребро – соблазнился подвыпивший «старичок» сладкими посулами незнакомого человека, отправился в чертоги к смазливым девицам. Только не представлял себе любитель дешевой женской ласки, какое амурное приключение ждет его на Сенной.

На следующий день, 8 ноября, в полицию пришла жена Николая фон Зона и заявила о пропаже мужа. По ее словам, Николай с утра 7-го числа ушел в Благородное собрание и обещал вернуться во второй половине дня, но не вернулся. Он не пришел домой ни вечером, ни утром 8 ноября. Она не знает, что с ним случилось, в Благородном собрании его нет, куда пошел – неизвестно. Полицейские попытались ее успокоить, предложили опросить знакомых, не ночевал ли у них Николай Христианович. Но все знакомые отвечали отрицательно, никто из них не видел Николая Христиановича и не договаривался о встрече с ним. Были также опрошены служащие из Благородного собрания. Ни один человек не знал, куда мог пойти Николай Христианович. Он как в воду канул.

Полицейские были в большом затруднении. С чего начинать поиски? Не утонул ли? Подвыпил и… Шли дни. В газетах поместили сообщение о пропаже надворного статского советника

в отставке. В заметке выражалась просьба ко всем гражданам, кто видел или слышал что-то о фон Зоне, сообщить в полицию.

Сенная площадь. Художник Л.-Ж. Арну

В участок по-прежнему не поступало никаких сведений о человеке, приметы которого совпадали бы с приметами Николая Христиановича. Жена была в отчаянии. Дело сдвинулось с мертвой точки только во второй половине декабря. Как раз в канун Нового года в полицию неожиданно пришел молодой человек лет двадцати, Александр Иванов, и заявил, что знает, куда пропал Николай Христианович фон Зон и может рассказать все подробности случившегося вечером 7 ноября. Больше скрывать правду он не может. Пусть его накажут, он хочет облегчить свою душу…

По его словам, Николай фон Зон был убит, а тело его следует искать, однако, не в Петербурге, а в Москве. Его туда отправили… по железной дороге в запертом сундуке, надеясь таким образом замести следы. Кто совершил злодеяние? Максим Иванов, его однофамилец, который снимал квартиру на Сенной. Александра Иванова задержали. Полицейские телеграфировали в Москву на Николаевский вокзал, просили коллег выяснить, не поступал ли к ним сундук из Петербурга, отправленный 8 ноября. Через некоторое время пришел ответ: в камере хранения находится

запертый сундук, из которого исходит неприятный запах. Последовала еще одна телеграмма – вскрыть. При вскрытии в нем обнаружили скрюченное тело мужчины лет пятидесяти пяти. В Москву для опознания тела срочно выехала жена фон Зона…

Между тем на допросе Александр Иванов продолжал рассказывать подробности. Он нанялся ремесленником к Максиму Иванову, который съемную квартиру превратил в притон. На хозяина работали две «прикрепленные» проститутки. Другие девицы выискивали по городу богатых клиентов. Хозяин давно занимался изготовлением отравляющих порошков, практиковался на домашних животных. Однажды вечером 7 ноября хозяин привел в квартиру подвыпившего благородного пожилого господина, которому подсунул девицу Александру Авдееву, 17 лет. Та напоила своего кавалера, уложила спать и вытащила у него портмоне. Но господин неожиданно протрезвел и, обнаружив пропажу, грозно потребовал вернуть портмоне. В ссору вмешался хозяин, он заверил господина, что банкноты ему отдадут, и предложил выпить. В бокал с вином он подсыпал отравляющий порошок и протянул его гостю. Тот выпил, но отрава почему-то не подействовала, умирать клиент не собирался, а стал угрожать. Испугавшись, что старик начнет буянить, хозяин велел девкам скрутить его. Те набросились на мужчину и утюгом прибили его. Куда девать тело? Хозяин велел использовать хозяйский сундук. Он сказал, что тело надо отправить поездом в Москву на любую фамилию. В сундуке старик сгниет, его никто не хватится…

Дело об убийстве надворного статского советника в отставке Николая фон Зона разбиралось в Санкт-Петербургском окружном суде 28 и 29 марта 1870 года. На скамье подсудимых были Максим Иванов, его ремесленник Александр Иванов и две гулящие девки. Дело привлекло к себе большое общественное внимание. Экспертом по отравляющим веществам выступал Дмитрий Иванович Менделеев, который дал свое окончательное заключение. Отравителю грозила пожизненная каторга. Накануне заключительного заседания суда, не выдержав предстоящего путешествия в Сибирь, Максим Иванов повесился у себя в камере. Александра Иванова, с учетом его раскаяния и способствования раскрытию дела, приговорили к четырем годам рудников, а девиц сослали на каторгу. Об этом нашумевшем деле в своих романах «Подросток» и «Братья Карамазовы» упомянул писатель Федор Михайлович Достоевский.

Кража в императорском семействе

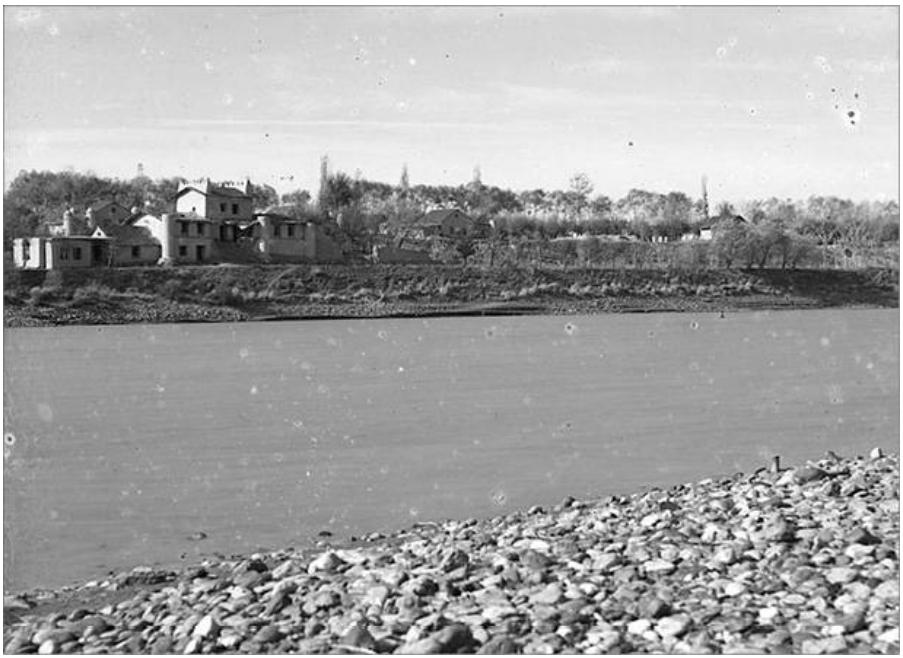
Пропажи из Зимнего дворца ювелирных украшений, принадлежавших императрице Марии Александровне, жене правившего императора Александра II, начались сразу после празднования нового 1874 года. В семействе не знали, что и думать. Потерялись или это дело рук прислуги? Дальше больше, у жены великого князя Константина Николаевича, Александры Иосифовны, проживавшей с семейством в Мраморном дворце, исчезли ценнейшие изумрудные серьги. Поиски результатов не дали. И вдруг в апреле обнаружилась еще одна, куда более страшная пропажа – из оклада Владимирской иконы Божьей Матери были варварски вырваны самые крупные бриллианты. Кто покусился на святыню?

Великая княгиня Анна Иосифовна хоть и была урожденной немкой, Саксен-Альтенбургской принцессой, но, приняв при замужестве православие, сделалась очень набожной. Для нее Владимирская икона Божьей Матери была особенно чтима. Ее на свадьбу с великим князем Константином Николаевичем, младшим братом будущего Александра II, подарил их отец, император Николай I, и завещал молодоженам беречь реликвию, она будет охранять их семейное благополучие и всего рода Романовых. И что теперь? Анна Иосифовна была в смятении. Чья варварская рука осмелилась совершить святотатство? О произошедшем она сообщила мужу. Тот вначале не поверил, но когда увидел, то пришел в страшное расстройство. Он рассказал о варварской краже своему старшему сыну Николаю. Тот также выразил свое возмущение.

После размышления великий князь решился заявить о пропаже в полицию. Он вызвал начальника штаба корпуса жандармов и управляющего Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии генерала графа Петра Андреевича Шувалова. Вместе они осмотрели место происшествия. Икона находилась в будуаре Александры Иосифовны, куда разрешалось входить только ограниченному числу лиц: мужу, детям, врачу, некоторым придворным дамам и двум камердинерам. Мог ли кто из них покуситься? Муж и дети исключались. Значит, вор находился либо среди слуг, либо среди приходящих в дом людей.

Константин Николаевич потребовал от Шувалова провести срочное расследование и ежедневно докладывать, но никакой огласки. Это не семейная, это государственная тайна. В Третье отделение были вызваны врач, придворные дамы, камердинеры.

Все они как один отрицали свое участие в краже, клялись, божились всеми святыми. Их на время оставили в покое, но потребовали подписи о неразглашении случившегося. Ограненные бриллианты были дорогими. Такие приобрести могли только очень состоятельные люди. Если вор их вырвал, то надеялся как-то сбыть. Шувалов потребовал от полицейских пройти по всем комиссионным магазинам, посетить ломбарды, ювелиров и прочих торговцев антикварными изделиями. И найти императорские бриллианты.



Дворец великого князя Николая Константиновича на берегу Сырдарьи. Фото С.М. Прокудина-Горского

Задача была непростая. Никто не видел эти драгоценные камни, показали только оставшиеся в окладе. Но полицейские понимали, что за ходом расследования будут строго следить из императорского дома. На кон была поставлена честь и достоинство руководителя полиции, графа Шувалова. Сотрудники третьего отделения сбились с ног, обошли весь Петербург. Поиски продолжались днем и ночью, и их усилия не пропали даром – в одном из ломбардов агенты обнаружили несколько бриллиантов, заложенных неким военным. Найденные бриллианты приложили к иконе – все совпало. Но полицейские не спешили докладывать великому князю. Важно было найти самого вора. Военный? Кто он, из какого полка? В ломбарде показали

записи в книгах. Сдавал бриллианты капитан Евгений Ворхоповский. Как установили сотрудники третьего отделения, он был адъютантом Николая Константиновича, старшего сына великого князя.

Ворхоповскому пригрозили серьезным наказанием, если он не расскажет все правду, от кого получил драгоценные камни. И Ворхоповский, который вначале все отрицал, при появлении перед ним графа Шувалов признался в содеянном. Сам он не крал, не выдирал бриллианты из оклада. Он даже не знал, откуда они. Их передал ему Николай Константинович и просил срочно отправиться с ними в Париж, чтобы там реализовать. Но Ворхоповский не уехал в Париж…

Признание капитана раскрывало всю подоплеку пропаж как в Зимнем дворце, так и во Мраморном. Итак, получалось, что старший сын великого князя Николай осмелился красть в собственной семье? Это он без спроса взял изумрудные серьги, это он стащил ювелирные изделия у государыни императрицы. Это он вырвал из иконы бриллианты. Граф Шувалов известил великого князя Константина Николаевича о необходимости встретиться с ним.

Разговор состоялся с глазу на глаз. Шувалов доложил, что бриллианты найдены. Также найден и человек, который пытался их сбыть. Это капитан Ворпоховский, он во всем сознался. Однако из дворца их вынес… молодой великий князь Николай Константинович. Ворхоповский рассказал также о любовной связи Николая Константиновича с приезжей американской девицей легкого поведения Фанни Лир, на содержание которой тратились сумасшедшие суммы…

Это сообщение так потрясло великого князя, что у него едва не случился удар. Он не поверил Шувалову. Не мог его сын, его надежда, лучший выпускник Академии Генерального штаба, тридцатичетырехлетний полковник, получивший боевое крещение, совершить такое! Великий князь метал громы и молнии. Он тут же вызвал своего сына. И сразу спросил его, не брал ли он драгоценности у государыни Марии Александровны и не вырывал ли бриллианты из оклада иконы. Сын ответил ему твердо и недвусмысленно: нет, это все клевета!

Шувалов, понимая, что на его голову могут свалиться самые разные обвинения, которые он не заслужил, отправился прямо к императору. У него было неотложное дело государственной важности. Александр II сразу его принял. Шувалов подробно изложил суть дела. Государь чуть не потерял дар речи. Его крестник – вор и богохульник? Он потребовал личного свидания с великим князем и его сыном. Встреча произошла. Точного ответа

сына великого князя никто не знает. По одним источникам, он признался, по другим – все отрицал, несмотря на явные улики. Но его оправданиям никто уже не верил. Все поняли, что ценности из дворцов выносил Николай.

Итак, бриллианты отыскались, виновник их пропажи был установлен. Николая Константиновича на закрытом семейном совете признали сумасшедшим. Там же категорически осудили его связь с порочной американкой. Вспомнили, что с ней он ездил в Европу, шиковал там, делал ей ценные подарки. Именно ради нее он пошел на преступление. Там же постановили – выслать американку из России без права возвращения. А как наказать самого Николая Константиновича? Отныне и вечно было запрещено упоминать его имя. Он лишался всех наград и званий. Он навечно высылался из Петербурга. По указанию императора молодого великого князя «в связи с болезненным состоянием» сослали сначала в Крым, затем в Оренбург, где он женился на дочери полицмейстера, потом переехал в Ташкент. Там он и оставался до конца своих дней – много способствовал развитию города, построил первый кинотеатр, занимался прокладкой оросительных каналов, способствовал разведению хлопка. О его прошлом проступке никто больше не вспоминал. Умер в 1918 году от воспаления легких.

Конец «Клуба червонных валетов»

В 1871 году молодой московский купец Клавдий Филиппович Еремеев, обладавший состоянием в 150 тысяч рублей, познакомился с известными дворянами, которые решили воспользоваться его тягой к спиртному и упоить до смерти. Попойки за счет Еремеева в разных ресторанах продолжались почти каждый день. И чуть ли не каждый день Еремеев под диктовку подписывал векселя, выдавал другие финансовые документы. В конце концов он разорился и умер от белой горячки. Его обнищавшая жена подала заявление в полицию. С этого момента под расследование попали лица, которые организовали сообщество мошенников, романтически названное ими «Клуб червонных валетов».

Одним из заправил клуба был молодой энергичный сотрудник Московского страхового общества, сын генерала артиллерии, коллежский регистратор Павел Карлович Шпейер. Он был молод, хорош собой, одевался по моде, его бумажник всегда был набит сотенными купюрами. Рассказывали, что любовь к деньгам он обрел еще во время службы в одном провинциальном банке, который почему-то лопнул, а вся небольшая его наличность странным образом оказалась в бумажнике Шпейера, с которой он прибыл в Москву.

Как бы там ни было, Павел, по натуре игрок, нередко садился за стол, покрытый зеленым сукном. Он умел незаметно менять колоды, угадывал ходы партнера и часто выигрывал. У него было чутье на богатых людей. Павел легко знакомился с ними, предлагал выгодные финансовые операции по продаже особняков, винокуренных заводов, торговал чужими лошадьми, каретами, подделывал векселя и жил припеваючи. Вокруг него собралась группа похожих на него людей, которые со смехом называли себя новыми мошенниками.

Однажды после особенно солидного застолья, устроенного в 1867 году молодым купцом Иннокентием Симоновым в его доме на Маросейке (этот дом помимо всего прочего служил для богатых подпольным увеселительным заведением, или борделем), они назвали свое сообщество «Клуб червонных валетов». Название было взято из книги популярного в те годы французского писателя Понсона дю Террая «Похождение Рокамболя», про благородного французского авантюриста. Идея клуба захватила молодых людей, и они стали думать о деле, которое принесло бы им деньги и славу. Тут им и попался купец Еремеев, потом нашли еще одного купца из Тульской губернии Александра Алексеевича

Протопопова, который думал, как раздобыть денег в Москве, чтобы поправить свое разорившееся имение.

Член клуба дворянин Иван Давидовский выяснил, что у Протопопова при себе имелись бумаги, подтверждавшие его права на владения орловским и тульским имениями, конным заводом под Тамбовом и винокуренным заводом. Однако все это имущество давно было заложено-перезаложено. И кроме долгов, у Протопопова ничего не осталось. О своем знакомстве Давидовский рассказал Шпейеру, и они стали думать, как можно выгодно реализовать заложенное имущество, где найти в Москве дураков, готовых раскошелиться.

Действовали они с размахом и всем потенциальным покупателям пускали пыль в глаза. Для Протопопова они сняли самый дорогой номер в гостинице «Шеврие» за 8 рублей в сутки. Заказали вазы с цветами, зеркала, ковры. Они наняли для него слуг, достали на время роскошную карету с породистыми лошадьми, которая стояла на улице перед гостиницей и удивляла прохожих. Началась гульба в разных ресторанах в поисках клиента. Протопопова они обучили изображать из себя богатого барина, у которого деньги куры не клюют. Он-де, немолодой помещик, одинок и потому вынужден распродавать свое обширное хозяйство по сходной цене.

Скоро «валеты» нашли для него… продавца. Им оказался отставной поручик Попов, который собирался продать несколько своих породистых скакунов. Попова в роскошной карете привезли в гостиницу «Шеврие», познакомили с Протопоповым. Выпили за знакомство. Закусили. Снова выпили. Подвыпивший Попов согласился продать своих лошадей в кредит: пять лошадей за 10 тысяч рублей, в качестве задатка ему пообещали вексель от Протопопова на 4 тысячи рублей, остальные 6 тысяч будут уплачены в течение короткого времени наличными.

Лошадей «валеты» забрали и выгодно заложили одному знакомому купцу, а Протопопова переселили в меблированную комнату. Декорации из «Шеврие» сняли, слуг разогнали, карету вернули хозяину. Далее они стали ездить по богатым людям, просить у них кредиты на проведение выгодной покупки винокуренного завода и тамбовского имения богатого помещика Протопопова…

Попов не сразу понял, что произошла кража. Породистые животные покинули его конюшню, а богатый купец Протопопов исчез из гостиницы и не собирался платить остальное. Попов обратился к «валетам». Его уверили в том, что, как только Протопопов продаст свой винокуренный завод, он отдаст оставшиеся деньги…

Все эти мелкие делишки мошенникам удалось провернуть без особых трудностей. Свою главную аферу члены «Клуба червонных валетов» устроили в 1872 году, когда из тюрьмы вышел дворянин Аркадий Иванисов. Этот человек, опасавшийся снова угодить за решетку, заявился в полицию и предъявил банковский билет на 10 тысяч рублей. Он сказал, что этот билет подделан. Специалисты полиции подтвердили, что билет действительно фальшивый, его переделали из билета меньшей стоимости. Сделано все было очень качественно. В полиции Иванисов заявил, что он может указать на преступников, если ему разрешат посетить одного арестанта, дворянина Александра Неофитова, который содержится в Московском губернском тюремном замке.

Здание бывшей гостиницы Шеврие. Современный вид

Ему разрешили. Одновременно с ним направили своего сотрудника. После «переговоров» с арестантом Неофитовым Иванисов приобрел у него за тысячу рублей новый вкладной билет Волжско-Камского коммерческого банка на 7 тысяч 300 рублей от 2 апреля 1872 года. Затем тот же Неофитов продал Иванисову купюру Московского купеческого банка на сумму 60 тысяч рублей от 20 ноября 1862 года на предъявителя…

Так полиции удалось установить, что ценные билеты переделывались из купюр низкого достоинства в самом тюремном замке. Оттуда денежные билеты передавались на волю и распространялись среди клиентов. В одной из камер была

обнаружена целая лаборатория для вытравления банкнотов и нанесения на них новых денежных знаков. Ее работниками помимо Неофитова были дворяне Плеханов, Щюкин, Сидоров. Полиция также установила канал поступления ценных бумаг в тюрьму: купюры с воли зашивали в чистое белье, а переделанные на высшее достоинство отправлялись из тюрьмы с грязным бельем.

Агентам полиции удалось напасть на след фальшивомонетчиков, которые занимались сбытом переделанных купюр, ими оказались Верещагин, Матусевич, Топорков и другие. Это был целый подпольный синдикат. В конце концов, полиции удалось выйти на его организаторов. Ими оказались «валеты» Шпейер и дворянин Константин Платонович Огонь-Догановский, родственник знаменитого помещика, профессионального картежника Василия Семеновича Огонь-Догановского, который в 1830 году обыграл Пушкина в карты на немалую сумму. Поэт вынужден был выплачивать ее до конца своей жизни.

Этот Константин Платонович вместе со Шпеейром создал в Москве контору по найму управляющих для работы на различных предприятиях. Дали объявление в газету. Стали приходить люди. Согласно договору, Огонь-Догановский брал за услугу тысячу рублей. Но работы никакой не предлагал. Чтобы успокоить публику, Огонь-Догановский продал им векселей на сумму 60 тысяч рублей. Получив деньги, он исчез, а брошенные им «управляющие» отправились в банк обналичивать векселя. Там-то и вскрылось, что векселя поддельные, они изготавливались… в лаборатории Московского губернского тюремного замка. Но полиции не удалось по горячим следам отыскать ни Шпейера, ни Огонь-Догановского.

В 1874 году из Бутырской тюрьмы вышли дворяне Верещагин и Плеханов. Им надо было на что-то жить. Они связались со своим знакомым, «валетом» Шпейером, и совместно разработали план обогащения, который на первый взгляд показался им совершенно безопасным. Им было известно, что через нижегородскую контору «Российского общества морского, речного и сухопутного страхования» по каналам государственной почты отправлялись разные грузы в самые удаленные места России. Грузы страховались на сумму до 950 рублей. Эти страховки можно было получить в государственных банках. «Валеты» решили таким образом отправлять… пустые ящики. Тара приобреталась на почте. Для тяжести ящики вкладывались один в другой. Затем эта «посылка-матрешка» заколачивалась, и на нее оформлялась страховка на гербовой бумаге. Сумма взноса по страховке была ничтожной.

Едва груз отправлялся в дальний рейс, «валеты» направлялись в банк, где по гербовой страховой бумаге получали 950 рублей. Раскрыть эту махинацию удалось только спустя несколько месяцев. За грузами никто не приходил. Их вскрыли в местах получения. И что увидели служащие почты? Пустые ящики. Стали выяснять адреса, они оказались фальшивыми.

Постепенно полицейским удалось напасть на след «валетов». Брали одного за другим. Цепочка оказалась длинной. В общей сложности количество арестованных по этому делу побило все рекорды выявленных ранее преступных банд – 48 человек! Из них 36 – представители дворянства, высших слоев общества. Прозвучавшие в зале суда имена были знакомы не только в Москве, Петербурге, но и по всей России. Однако Шпейера среди обвиняемых не было. Он исчез.

За судебным процессом, который проходил в Московском окружном суде с февраля по март 1877 года, наблюдали как в России, так и Европе. Мошенничеств такого масштаба там тоже не знали. Следствие установило 56 совершенных «валетами» преступлений с 1867 по 1875 год, общая сумма украденных денег составила 280 тысяч рублей. Но это была лишь малая толика от всего объема совершенных ими афер.

Большинство обвиняемых по приговору суда были лишены всех прав собственности и сосланы в Сибирь на поселение. Огонь-Догановский отправился на жительство в Иркутскую область на 12 лет. Обвиняемого Шпейра так и не нашли.

Позолотите ручку Соньке

В 1936 году известной немецкой актрисе Марлен Дитрих, бежавшей от нацистского режима из Германии в США, предложили в Голливуде сняться в остросюжетном фильме «Желание». Его главная героиня, авантюристка Мадлен де Бопре, вместе со своим напарником устраивает хитроумное похищение драгоценностей из ювелирного магазина. Ей удается ловко одурачить владельца этого магазина, а затем известного врача-психиатра. Она сводит своих обманутых «мужей» вместе и, пока они разбираются, кто из них по-настоящему не в своем уме, вместе с драгоценностями исчезает. Эта хитроумная и веселая история вовсе не выдумка, она взята из истории российской криминалистики. Подобное ограбление произошло в Одессе в 1880 году. Прототипом же для Мадлен де Бопре послужила знаменитая российская мошенница, профессиональная воровка Шейндля-Сура Соломониак-Блювштейн, более известная как Сонька – Золотая Ручка.

В пятницу после полудня невысокого роста миловидная барыня в белом платье и широкой шляпе остановила извозчика на углу Ланжероновской и Ришельевской у магазина известного в Одессе ювелира Карла фон Меля. Войдя в магазин, барыня церемонно поздоровалась и попросила хозяина показать ей новую коллекцию драгоценностей, о которой только и говорили в городе. Мель обратил внимание на богатый наряд прибывшей дамы. И выложил на столик драгоценное колье. Женщина с улыбкой приложила колье к шее. Мель поднес ей зеркало.

– Нравится? – с понимающей улыбкой спросил он ее.

– О да, это действительно великолепное украшение, – едва слышно произнесла дама. – Я давно ничего подобного не видала. Но какая у него цена? – При этих словах на щеках у посетительницы вспыхнул румянец.

Продавец понял смущение дамы и, склонившись к ее уху, прошептал:

– Сто тысяч, мадам.

– Только я не знаю, одобрит этот выбор мой муж?

– Понимаю, – ответил Мель. – Но позвольте узнать, кто ваш муж?

– Мой муж психиатр Ростоцкий, – негромко произнесла дама. – Вы слышали о нем?

– Да, да, конечно.

– Мой Вовочка всем известен, – улыбнулась дама и встала. – Мне пора, он ждет. Может быть, вы сами нанесете нам визит? Мы

живем на Приморской улице, недалеко от дворца Воронцова. Вот его визитка. – Дама протянула Мелю белый картонный листочек.

– Буду рад с ним познакомиться, – закивал Мель. – Передайте ему мою визитку. Он протянул даме белый картонный листочек с золотыми тиснеными буквами. – Когда прикажите?

– Я должна предупредить его. – Дама улыбнулась. – Он у меня такой рассеянный. Давайте я вам на следующей неделе позвоню и вы приедете к назначенному часу? Не забудьте захватить с собой колье.

На следующей день в субботу у дома на Приморской улице остановилась элегантная дама, одетая в красивое длинное платье. На ней была широкополая шляпа. Она покрутила рычажок звонка. Дверь открыла горничная.

– Вы записаны к профессору на прием?

– Да, я вчера была у него, и он назначил мне на три часа.

– Как о вас доложить?

– Мадам фон Мель. Вот карточка моего мужа. С этими словами дама протянула визитку с золочеными тиснеными буквами. Горничная пропустила посетительницу в дом и просила ее подождать в приемной, сама пошла к профессору.

Сонька Золотая Ручка на каторге в 1894 г.

Через некоторое время она вернулась:

– Профессор просит вас зайти.

За большим письменным столом сидел пожилой лысеющий человек в очках. Он вежливо приподнялся при появлении хорошенькой женщины.

– Чем могу служить, мадам фон Мель, – он указал на кресло перед столом.

– Простите, профессор, вы знаете моего мужа?

– Как же, слышал о нем. – Профессор поднес к глазам карточку и принял степенный вид. – У Карла фон Меля самый большой ювелирный магазин в Одессе, на углу Ланжероновской и Ришельевской, верно?

– Это так. – Дама грустно улыбнулась. – Он вам не звонил?

– Нет.

– Меня очень беспокоит его душевное состояние. Вернее, психическое. – Дама поднесла платочек к глазам. Профессор протянул ей стакан с водой. – Мы женаты уже десять лет. И я пребывала в счастливейшем состоянии. Но вот последнее время мой муж буквально одержим идеей кражи бриллиантов. Всюду ему чудятся обманщики и воры. Он часто говорит о колье, за которое ему не заплатили. Что с ним?

Профессор поднялся из-за стола.

– Вполне возможно, что от переутомления у вашего мужа возникает маниакально-депрессивное состояние. Приводите его ко мне, я с ним побеседую, установим диагноз, он пройдет курс лечения, и все войдет в норму.

Дама поднялась с кресла.

– Вы облегчили мне душу. – Она улыбнулась. – Давайте в понедельник на пять?

Профессор сделал пометку в своем календаре.

– У меня к вам еще одна просьба, я подъеду чуть пораньше, чтобы не смущать его. Встречу мужа в приемной, успокою. А потом вы переговорите с ним наедине. Расспросите его подробно. А я подожду.

– Не волнуйтесь, госпожа фон Мель, действуйте, как считаете нужным, я предупрежу горничную.

В понедельник в три часа в конторе ювелирного магазина Карла фон Меля раздался телефонный звонок. В трубке звучал приятный женский голосок:

– Добрый день, господин фон Мель, это говорит супруга профессора Ростоцкого. Мой муж готов встретиться с вами сегодня в пять часов. Мы ждем вас.

– Благодарю вас, мадам Ростоцкая, я прибуду вовремя.

Без четверти пять к профессору прибыла госпожа фон Мель. Горничная проводила ее в приемную и оставила одну. Дама тотчас скинула свои туфли, которые засунула под диван и вытащила из сумки домашние тапочки, в руки взяла книгу. Ровно без пяти пять раздался звонок. У дверей стоял Карл фон Мель с саквояжем в руке. Горничная проводила его в салон и тотчас

вышла. Дама встала с дивана, отложила книгу в сторону и поспешила к ювелиру.

– Рада вас видеть, господин фон Мель. – Она заговорила вполголоса. – Мой муж готов встретиться с вами и рассчитаться. Присядьте, пожалуйста. Вы принесли колье?

– Да. – Ювелир раскрыл саквояж.

– Могла бы я снова его примерить?

– Безусловно, мадам.

Дама взяла колье из футляра и приложила к своей шее.

– Ну как? – Она с улыбкой повернулась к нему.

– Прекрасно! – удовлетворенно произнес ювелир.

– Тогда я, с вашего позволения, пойду переоденусь. Муж подарил мне вечернее платье… Примерю его с колье. В таком виде появлюсь перед вами. – Она снова улыбнулась и посмотрела на свои миниатюрные часики. – О, вам пора. Идите в кабинет к мужу, он вас ждет, я скоро к вам приду…

Дама вышла в дверь, а ювелир, как и было ему сказано, направился к двери кабинета профессора Ростоцкого.

Сидевший за столом профессор с интересом посмотрел на вошедшего и поднялся ему навстречу.

– Господин фон Мель?

– Профессор Ростоцкий?

Они пожали друг другу руки и сели в кресла. Профессор некоторое время сидел молча, изучал нового пациента, а ювелир ждал, когда речь зайдет о бриллиантовом колье. Наконец профессор прервал молчание:

– Простите, мне хотелось бы знать, испытываете ли вы в последние дни какие-либо недомогания, есть ли у вас жалобы на здоровье?

– Мое здоровье?! – Фон Мель приподнялся в кресле от неожиданного вопроса. – Я ни на что не жалуюсь. Меня интересует мое бриллиантовое колье. Ваша жена сказала, что примерит его и покажется в нем в кабинете.

– Моя жена?! – Теперь настала очередь удивляться профессору. – О чем вы говорите?

– Ваша жена в пятницу была у меня в магазине и сказала, что хочет купить мое бриллиантовое колье. Она просила приехать к вам, чтобы уговорить вас. Вы знаете, какая у него цена?

Профессор недоуменно взирал на своего собеседника, пытаясь понять, не об этом ли симптоме говорила жена фон Меля.

– Простите, но у меня была ваша жена, – осторожно начал он и внимательно посмотрел в глаза пациенту, – и она сказала, что вы нуждаетесь в лечении…

Карл фон Мель подпрыгнул на кресле.

– Послушайте, о чем вы говорите? Моя жена Софи сидит дома и никуда и ни к кому без меня не ходит. Я пришел, чтобы получить с вас деньги, сто тысяч рублей, за колье, которое хочет купить ваша жена. Она пошла переодеваться в вечернее платье, которое вы ей подарили.

Лицо профессора побагровело.

– Это какая-то нелепая шутка, сударь, – громко начал он. – Я давно вдовец.

Ювелир поднялся с кресла и с удивлением смотрел на профессора. До него никак не доходил смысл всей этой сцены.

– Вызовите свою горничную, – с хрипотой в горле произнес он, – спросите ее, кто была та дама, которая встретила меня в вестибюле и взяла мое колье…

Оба мужчины, не сговариваясь, бросились в вестибюль. Там их ждала горничная.

– Где та дама, которая встретила меня здесь? – с криком бросился к ней ювелир.

– Она сразу ушла, – спокойно ответила горничная. – Сказала, что ей надо на минутку к пролетке, она скоро вернется.

– У вас есть телефон? – Бледный, с трясущимися руками Карл фон Мель вбежал в кабинет профессора. – Меня обманули, вы тоже соучастник преступления! Негодяи! – Он набрал номер уголовной полиции и рассказал о случившейся краже, передал приметы мошенницы. Его слова подтвердил профессор Ростоцкий.

Оба обманутых мужчины не могли смотреть друг на друга. Карл фон Мель не выдержал ожидания, выбежал на улицу. Его попытки расспросить прохожих ни к чему не привели. Многие видели черную пролетку и в ней даму с каким-то мужчиной, но куда они уехали, не мог сказать никто.

Через полчаса к дому на Приморской улице подлетел открытый экипаж с тремя господами в черных котелках. Они деловито задавали вопросы, слушали ответы потерпевшего и свидетелей происшествия, осмотрели вестибюль, нашли под диваном женские туфли, побывали в магазине на Ланжеронской и Ришельевской, выслушали показания второго продавца.

По всем описаниям получалось, что ювелир Карл фон Мель, как, впрочем, и профессор Ростоцкий, стал жертвой ловкого мошенничества. В картотеке полиции была найдена фотография молодой миловидной женщины, которую оба мужчины опознали как женщину, представлявшуюся каждому из них «женой» другого. Ею оказалась известная в России воровка Шейндля-Сура Соломониак-Блювштейн, или по-простому Сонька – Золотая

Ручка, настоящий воровской авторитет. За ней числились дерзкие ограбления в гостиницах Москвы, Санкт-Петербурга, Тифлиса.

Но напасть на след мошенницы полицейские так и не смогли. Обычно после удачной кражи Сонька вместе со своими подельниками уезжала за границу. Гуляла в Париже, приобретала себе ювелирные украшения, уезжала в Ниццу. А когда деньги у нее заканчивались, совершала очередную кражу и возвращалась в Россию.

Невысокого роста, приятной внешности и с манерами, свободно говорившая по-французски, Сонька – Золотая ручка легко входила в доверие к людям. Она умело перевоплощалась в любую из женщин, которую от нее требовала ситуация. И делала это настолько искусно, что никто не мог заподозрить ее в обмане. Она действовала не одна, ее помощники всегда были рядом, наблюдали за ситуацией, готовые прийти ей на помощь.

В ее биографии много придуманного. Предполагается, что родилась она в 1846 году в Варшавской губернии, получила неплохое образование, знала несколько иностранных языков, обладала талантам перевоплощения. С юности Сонька оказалась близка к воровскому миру и устраивала различные хитроумные комбинации для ограбления. Несколько раз ее ловили, но она умела избежать сурового наказания. В 1888 году ее отправили на каторгу на остров Сахалин, в 1890 году с ней встречался Антон Павлович Чехов. Датой ее смерти считается 1902 год.

Жертвы Лондонского призрака

В поздний вечер 6 августа 1888 года, когда часы на Биг-Бене отбили положенные двенадцать ударов, в портовом районе Лондона Ист-Энде, где в это время возле пивных пабов прогуливались раскрашенные представительницы второй древнейшей профессии, на свое дело впервые вышел человек, в кармане у которого находился остро отточенный нож. Когда под газовым фонарем появилась молодая женщина, он насторожился. Предполагается, что нападал он сзади. Левой рукой зажимал рот, а правой резал по горлу. Затем он задирал нижние юбки и вспарывал живот. Так в Лондоне начал свою кровавую мессу человек, названный позднее медиками Джеком Потрошителем, поймать которого столичная полиция оказалась бессильна.

В ту же ночь 6 августа 1888 года по темной улице Пламберс квартала Уайтчапел двигался констебль Бар. Он совершал свой обычный ночной обход. Окна большинства домов не светили. В темноте он споткнулся о что-то мягкое. Посветил под ноги фонарем и в ужасе отпрянул – перед ним в луже крови лежала женщина. Бар наклонился и сразу узнал ее – это была тридцатипятилетняя проститутка Марта Тэрнер, которую он совсем недавно допрашивал после облавы в Уайтчапеле. У нее было перерезано горло, голова почти отделена от туловища, все платье в крови и в полном беспорядке. Такого злодеяния констеблю видеть не приходилось.

Как установили позднее судебные медики, у Марты Тэрнер оказалось почти до основания перерезано горло и вспорот живот. Прибывшие на место преступления полицейские приступили к опросу местных жителей. Но никто никого не видел и ничего не слышал. Дело об убийстве проститутки Марты Тэрнер так и осталось бы незамеченным, в Ист-Энде подобные происшествия были не редкость, но полицейских удивила жестокость, с которой преступник перерезал горло и выпустил внутренности. Действовал настоящий садист.

Минуло чуть больше трех недель, и 31 августа того же года, также темной ночью на одной из улиц Спителсфилда раздался приглушенный женский крик. Дежурившие констебли обнаружили убитой другую проститутку – Энн Николс. И у нее было перерезано горло и вспорот живот, на землю вывалились все внутренности. Зрелище не для слабонервных. Второе похожее преступление расшевелило общественность. Она требовала дать объяснения: как такое могло повториться и почему полиция не принимает должных мер?

Джек Потрошитель. Восковая фигура

Сыщики забегали по всему городу, искали хоть какие-то свидетельства о личности и нахождении преступника. Но ничего существенного найти не смогли. Следует учесть, что в Англии, в отличие от Франции, в конце XIX века криминалистика как наука только зарождалась. Картотека преступных элементов еще создавалась. В нее только начали заносить основные метрические данные, но без дактилоскопии – отпечатков пальцев. Преступник, убивавший проституток, был нетипичным, его поведение не поддавалось логике. В картотеке о нем никаких сведений не было.

В поздний вечер 8 сентября того же года, когда на Лондон начал спускаться туман, вышедший на свою охоту человек-признак увидел под газовым фонарем одинокую женскую фигуру. Это была проститутка Энни Чэпмэн. Женщина уже собиралась отправиться домой, как вдруг кто-то сзади схватил ее за волосы и притянул к себе. Острый нож вонзился в горло. Дальше все произошло как и с последней жертвой – у лежавшей на мостовой Энни преступник вспорол живот и выпустил внутренности.

О совершении третьего преступления начальнику лондонской полиции Чарльзу Уоррену доложили рано утром. Он тотчас распорядился снарядить отряды полиции и начать патрулирование улиц не только Ист-Энда, но и всего города. К

поиску Джека Потрошителя были привлечены все полицейские силы Скотленд-Ярда. Обыскивались подвалы, чердаки, каждую ночь по двое-трое полицейских прочесывали кварталы Уайтчапела, Спитсфилда, Стипни. Никаких результатов. Преступник затаился. Обеспокоенные проститутки организовали дежурство, выходили на «работу» по двое-трое. Но вот наступило 13 сентября. Элизабет Страйд было чуть за тридцать. Она была опытной проституткой, умела завлекать мужчин, но в эту ночь у нее не было ни одного клиента. Как произошло на нее нападение, уже никто не скажет. Ей заткнули рот, в свете фонаря мелькнуло стальное лезвие ножа. Дальше разыгрался похожий кровавый спектакль – перерезанное горло, вспоротый живот. В ту же ночь пала еще одна проститутка, Катрин Эддоуз. На месте преступления были обнаружены и первые вещественные доказательства – лоскут окровавленной одежды и надпись на стене: «The jewes are not the men who will be blamed for nothing» «Евреи не те люди, которых будут обвинять без нужды»).

Прибывший начальник полиции Уоррен приказал тотчас стереть надпись. Он опасался, что она может привести к погрому среди еврейского населения. Вскоре один местный чиновник по почте получил странное письмо, автор которого признавался в том, что он является Джеком Потрошителем. И для доказательства прикладывал срезанный кусок человеческой печени.

Большой шум, вызванный пятым по счету зверским убийством, вынудил министра внутренних дел выступить с заявлением. Он назначил награду в тысячу фунтов стерлингов за поимку жестокого убийцы. В лондонской полиции произошли перестановки – несколько руководящих лиц были вынуждены подать в отставку. Со своего поста ушел и начальник лондонской полиции Уоррен. На его место назначили Монро, а начальником отдела уголовного розыска стал бывший адвокат Роберт Андерсен.

Сотни людей был допрошены, десятки бездомных воришек сидели за решеткой, город очищался от скверны. Но среди них не было главного – серийного убийцы. После сентябрьских волнений наступила тишина. Октябрь прошел без происшествий. Наступил ноябрь. Призрачное спокойствие было нарушено 9 ноября. Мэри Джэйн Келли не выходила на улицу. Она не стояла под газовым фонарем. И все же именно ее преступник выбрал в качестве шестой жертвы. Тело девушки с перерезанным горлом и вспоротым животом было найдено в комнатке дешевой гостиницы Ист-Энда. На этот раз один человек все же видел выходившего из номера Келли мужчину. Вот как он описал его: среднего роста, 35

лет, с крупным носом, черными волосами и вздернутыми кверху тонкими усами. Полиция стала искать человека с большим носом и черными изогнутыми вверх усами. Полицейские патологоанатомы занялись анализом совершенных преступлений. Между собой они прозвали убийцу хирургом, этот человек был знаком с медициной. Тонким ножом, похожим на огромный скальпель, он перерезал жертве горло, лишал жизни, а потом полосовал живот. Делал он это вполне профессионально, как настоящий патологоанатом, отсюда прозвище – Потрошитель. Не понятно только, с какой целью? И почему объектами его становились исключительно уличные жрицы дешевой любви, выходившие по вечерам на панель? Эти распутные, падшие и уже немолодые проститутки больших денег не имели, снимаемое жилище было убогим. Убийца денег не брал, не насиловал. Зачем же резал? Какой мужчина решится на подобное? Среди медиков возникло предположение: а не был ли преступник врачом-гинекологом, сделавшимся маньяком, или это просто очередной женоненавистник-извращенец, возжелавший отомстить слабому полу за поруганную нравственность?

Лучшие сыщики Скотленд-Ярда терялись в догадках. Они обыскивали не только окраины, центр, но и самые отдаленные районы, гонялись за всеми подозрительными мужчинами, прочесывали самые злачные места. Безрезультатно. У подозрительных находилось алиби, их отпускали. Слухи ползли один страшнее другого. В полицию сотнями стали поступать письма с требованием навести в городе порядок, поймать убийцу. По вечерам женщины боялись выходить на улицу.

Шло время. Газеты выдвигали различные версии, полицейские продолжали изучать оставшиеся на месте преступления следы, опрашивали местных жителей, но напасть на след преступника не удавалось. Убийца словно издевался над профессионалами из Скотленд-Ярда, над обществом, над Англией, над здравым смыслом – он молчал.

Проходили дни, недели, все вроде успокоились, посчитав, что убийца прекратил свою кровавую охоту. Как вдруг снова появилась убитая похожим способом проститутка, за ней еще одна… Полицейские констатировали: Джек Потрошитель, это его почерк. И опять он оказался неуловим.

Эта загадка не разгадана до сих пор. Кто он? Зачем это делал? Какими мотивами руководствовался? Только версии, предположения, догадки и круг подозреваемых. В XX веке на тему Джека Потрошителя вышли десятки книг, появились тысячи статей, снимались многосерийные художественные фильмы, современные ученые-криминалисты проводили свои

исследования. Выдвигались разные версии, подозревались разные люди, но настоящего преступника найти не удалось. Так и вошел он в историю с прозвищем, которое ему дали судебные медики, – Джек Потрошитель, не найденный серийный убийца.

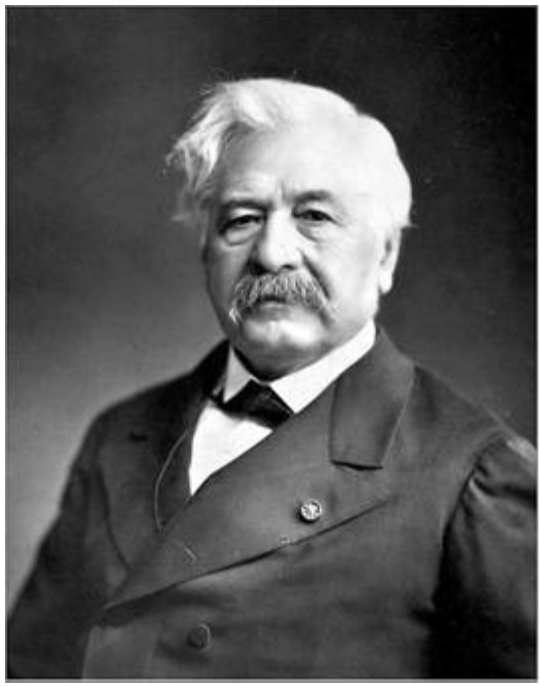
Крах Панамской компании

Имя французского дипломата и предпринимателя виконта Фердинанда Мари де Лессепса связано не только с историей успешного строительства Суэцкого канала. Образованный дипломат, широко мыслящий предприниматель, Лессепс в 1879 году, ровно через десять лет после непростой Суэцкой эпопеи, приступил к прокладке еще одного канала, Панамского, который должен был соединить два океана – Тихий и Атлантический через Американский континент. На этот раз его постигла полная неудача. Более того, Лессепса, а также знаменитого Эйфеля, создателя Эйфелевой башни в Париже, обвинили в коррупции, мошенничестве, приговорили к тюремному заключению. Само слово «Панама» многие десятилетия означало величайшую авантюру.

О соединении Тихого и Атлантического океанов мечтали многие мореходы еще в давние времена. Выйдя из портов Северной Америки, им не нужно было бы огибать Южную Америку. На такой морской путь уходило от трех недель до месяца. А через Панамский перешеек требовалось прорыть канал, длина которого в самой узкой части составляла всего 48 километров, это меньше трети по сравнению с Суэцким каналом, вытянувшимся на 163 километра по жаркой безводной пустыне. Но в XIX веке проект Панамского канала никого из правителей Севера и Юга Америки не увлек. Еще ранее, в XVI веке, всемогущественный король Испании Филипп II, стремившийся править всем миром, наложил запрет на рассматривание подобных безумных строек. Глубоко верующий, он считал, что человек не имеет права разъединить то, что соединил Бог, имелась в виду суша. И все же некоторые смельчаки на свой страх и риск обследовали перешеек, изучая возможность рытья канала.

Разбогатевший Лессепс, который за прокладку в 1869 году Суэцкого канала заслужил звание Национального героя Франции, члена Французской академии, был непререкаемым авторитетом в реализации грандиозных инженерных замыслов, также заинтересовался идеей соединения Тихого и Атлантического океанов. Она казалась ему легко осуществимой. Для Франции это был бы прорыв к двум американским континентам! Страна станет собственником уникального канала, получит колоссальные прибыли! И Панама – это все же не иссушаемая солнцем арабская пустыня, лишенная пресной воды. Там, где на пути встретятся горы, их можно будет взорвать, деревья вырубить, а зверье само разбежится. Необходимо лишь найти заинтересованных

политиков и финансистов, объявить о создании акционерного общества, начать сбор средств и нанять рабочих. Остальное решится само собой в ходе строительства. Но Лессепс глубоко ошибался. Да, он был опытным предпринимателем, прекрасным организатором. Но стройка стройке рознь. Панама оказалась гораздо хуже иссушаемой солнцем пустыни. На пути строителей были не только водные преграды, болота, камни, могучие деревья и зверье, но и страшные болезни – малярия, лихорадка, которые тысячами косили рабочих…



Французский предприниматель виконт Ф.-М. де Лессепс

В 1879 году семидесятичетырехлетний Лессепс обратился к руководству Колумбии, к которой в то время относилась Панама, за разрешением создать акционерное общество «Всеобщая компания Панамского межокеанского канала». Разрешение было получено. Лессепс сделался ее президентом, а его сын Шарль – заместителем. Они выпустили в оборот 600 тысяч акций по 500 франков каждая. И вот тут начались первые проблемы. Лессепс рассчитывал, что, как и в случае с прокладкой Суэцкого канала, французы начнут покупать акции, станут основными вкладчиками. Но не тут-то было. Для французов Суэцкий канал был близок и понятен. Он связал родное Средиземное море с более теплым Красным. Канал активизировал торговлю с Египтом

и другими африканскими странами, у французов появились экзотические товары, фрукты. А Панама? Где она? Зачем она нужна французу?

Тогда Лессепс занялся пропагандой. Во французских газетах появились статьи, в которых рассказывалось о преимуществах нового Панамского канала и о тех выгодах, которые сулит его строительство французскому обществу. Собрать предстояло 300 миллионов франков, на первый взгляд сумма была вполне по силам французам – строительство Суэцкого канала обошлось в 500 миллионов франков. Лессепс обещал доходность каждой акции до 10 процентов от ее стоимости. Подписка на акции стала расти. Однако немалая часть денег уходила на рекламную кампанию, на подкуп французских политиков, в том числе депутатов, которые должны были проталкивать идею Лессепса. Еще больше денег ушло на приобретение американской железной дороги, которая пересекала трассу будущего канала. А в это время набранные Лессепсом руководители и инженеры на собранные деньги тотчас принялись строить себе виллы и обзаводиться слугами. В результате только до начала земляных работ было истрачено около 90 миллионов франков.

В 1885 году собранные средства от продажи акций почти иссякли, а земляные работы еще не начались. Тогда неунывающий и энергичный Лессепс задумал провести лотерею. Ему пришлось добиваться согласия французского парламента. Депутаты снова потребовали от него денег, и он выплатил: 104 депутата получили по 10,5 тысячи франков, по нескольку тысяч получили главные редакторы ведущих французских газет. Но лотерею утвердили только в 1888 году, деньги стали поступать в кассу. Однако вместо задуманных 720 миллионов франков, собрали лишь 254 миллиона. А как же канал? Его начали строить, но к этому сроку прорыли всего около 15 километров. По сути, это означало провал. Покупать акции и лотерейные билеты никто больше не хотел, на строительстве канала тысячами гибли люди, движение вперед остановилось.

И пресса, не получавшая более от Лессепса подачки, заговорила с критических позиций. Панамский канал объявлялся общенациональным могильником денег французов. Президента и заместителя «Всеобщей компании Панамского межокеанского канала» начали обвинять в некомпетентности, в совершении множества инженерных ошибок, недооценке стоимости работ, в неумении справиться с болезнями. В 1889 года компания Лессепса, которая растратила 1,3 миллиарда франков, это были деньги 700 тысяч человек, полностью обанкротилась, а вместе с ней разорились и держатели акций. Бурлил не только Париж, но

и вся Франция. Тогда же появились сообщения о начале официального судебного расследования, были обнародованы факты коррупции, подкупа высших чиновников, журналистов, рассматривались дела обманутых вкладчиков, сообщалось о фактах гибели многих тысяч французов, отправившихся в далекую Панаму.

Вкладчики вышли на улицы многих городов и скандировали: «Долой жуликов!» Они требовали возврата своих денег. Несколько наиболее совестливых депутатов парламента, опасаясь итогов расследования, покончили жизнь самоубийством. В 1893 году восьмидесятивосьмилетнего Лессепса, его сына, Эйфеля и других руководителей компании парижский суд приговорил к пяти годам заключения и выплате денежных штрафов. Правда, ни один из них не отбыл назначенного срока. От всех переживаний Фердинанд Лессепс слег и через год скончался от кровоизлияния.

Начатое Лессепсом дело продолжили американцы. Как известно, в 1903 году США умело отделили Панаму от Колумбии, которая была связана договором с Францией, и через год приступили к прокладке канала. Американцы учли ошибки Лессепса, возводили шлюзы, нашли средство против малярийного комара, чем сразу снизили заболеваемость рабочих. Американцы затратили на строительство 400 миллионов долларов, в работах участвовало свыше 70 тысяч человек, из них 5,6 тысячи погибло. Первое судно по Панамскому каналу прошло 15 августа 1914 года, официальное открытие его состоялось 12 июня 1920 года.

Семь лет тюрьмы за двойника

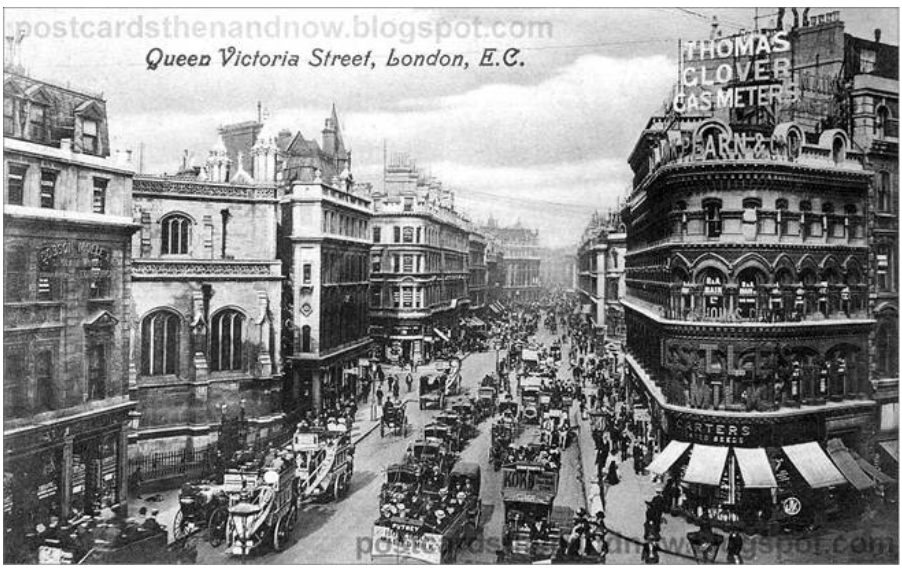
Приговор по делу лорда Солсбери, он же лорд Уилтон, которое рассматривалось в 1895 году в лондонском суде, считается досадной юридический ошибкой. Известно, что от ошибок никто не застрахован, но в деле фальшивого лорда их было допущено так много, что создается впечатление, будто полицейские, адвокаты и судьи сговорились упрятать за решетку подозреваемого, лишь бы отстоять свое исключительное право обвинять, а не устанавливать истину. В результате небрежно проведенного расследования совершенно невинный человек был отправлен в тюрьму, где отсидел семь лет.

Ноябрьским вечером 1895 году сорокалетняя одинокая учительница французского языка Оттилия Мейсонье на лондонской Виктория-стрит остановилась у входа на выставку цветов. Ей давно хотелось посмотреть на пышные хризантемы, которые она любила разводить у себя дома. Неожиданно перед ней появился солидный господин с усиками, приятной внешности, в цилиндре. Приподняв цилиндр, он с учтивой улыбкой произнес: «О, какая радость, кажется, я встретил миссис Эвертон, не так ли?» Смущенная Оттилия ответила, что произошла ошибка, господин обознался, она не миссис Эвертон, а мадам Мейсонье. Господин еще раз вежливо приподнял цилиндр и представился: «Извините, я лорд Солсбери, но вы удивительно похожи на мою знакомую миссис Эвертон из графства Линкольншир».

Разговор завязался сам собой. Лорд Солсбери был очень любезен. Узнав, что Оттилия собирается посетить выставку цветов, он заметил, что заглянул туда и ничего примечательного не нашел. Вот если бы Оттилия побывала в его оранжерее в Линкольншире… У него разведением цветов занимаются шесть садовников. А какие пышные у него хризантемы, залюбуешься! Он с удовольствием покажет ей все свое цветочное хозяйство. А заодно он сообщил, что ему нужна экономка… Оттилия заслушалась и пригласила на следующий день лорда Солсбери к себе на чашку кофе.

Оказавшись в квартире Оттилии, прекрасно одетый лорд Солсбери, седовласый мужчина лет пятидесяти, осмотрелся и стал увлекательно рассказывать хозяйке о своей яхте, на которой собирался отправиться в круиз с заездом в Барселону, Монако, Геную. Кстати, на яхте будет много дам из высшего света…Он мог бы взять с собой и Оттилию. Лорд окинул женщину внимательным взглядом, вытащил чековую книжку, выписал чек

на 40 фунтов и передал его смущенной Оттилии со словами: «Вам придется соблюдать дресс-код». Потом он попросил показать ему те украшения, которые она возьмет с собой: часы, браслеты, кольца. Оттилия показала. Лорд Солсбери слегка покривился. «Ах, какие старомодные! – заметил он. – Милая Оттилия, вам нужны новые, с большим содержанием золота. С вашего позволения эти я возьму с собой, передам их своим ювелирам, и те по образцам изготовят вам новые. И не беспокойтесь. Вам это ничего не будет стоить». Они договорились встретиться через неделю, и лорд Солсбери, забрав все ценности, покинул жилище Оттилии.



Улица королевы Виктории в Лондоне

На следующий день возбужденная и радостная Оттилия отправилась в Национальный банк. Кассир, которому она предъявила чек, сказал, что, увы, это не банковский документ. Это всего-навсего собственноручно изготовленный бланк… Оттилия не поверила кассиру и потребовала вызвать руководителя. Тот также подтвердил слова кассира. Оттилия не хотела верить, что стала жертвой обмана и грабежа. Тогда ей предложили пройти в полицейский участок. Там она рассказала о своем знакомстве с лордом Солсбери, дала его описание. Начальник участка с сочувствием сказал ей, что этот «достопочтимый лорд» в цилиндре хорошо известен лондонской полиции. У них не один десяток заявлений от обманутых и ограбленных таким способом женщин. Только вот найти его

никак не удается.

Оттилия впала в такое расстройство, что едва не помутилась рассудком, ее даже хотели поместить в лечебницу. Она поклялась сама найти негодяя и самолично препроводить его в полицию. Ей повезло. Не прошло и пары месяцев, как на той же Виктория-стрит она увидела джентльмена в цилиндре и седыми усами. Она не поверила своим глазам. Это же лорд Солсбери! Вылитый! Наверное, ищет очередную жертву. С криком: «Держи вора, грабителя, обманщика!» – она бросилась ему наперерез. Джентльмен удивленно уставился на нее и не хотел признаваться, что он лорд Солсбери. На шум собралась толпа, к ним подбежал констебль и предложил обоим пройти в участок. Там Оттилия Мейсонье признала в джентльмене, который назвался норвежским предпринимателем Адольфом Беком, фальшивого лорда Солсбери, который в ноябре «наградил» ее фальшивым чеком и украл у нее золотые часы, кольца и броши. Но обвиняемый утверждал, что он никогда ранее не видел и не встречался с мадам Оттилией Мейсонье. Он из Норвегии, в 1865 году переехал в Англию и работает в судоходной компании. Это легко проверить. Человек он состоятельный и не грабит одиноких женщин.

Ему не поверили и зачитали письменные заявления других потерпевших женщин, в которых давались похожие описания «лорда Солсбери»: пожилой мужчина представительной внешности, с седыми усами, одет изысканно, носит цилиндр. Никаких особых примет не приводилось. Полицейские начальники составили протокол и отправили Адольфа Бека в тюрьму для выяснения всех обстоятельств его дела. Приглашенные в последующие дни потерпевшие женщины тотчас признали в нем обманщика и мошенника. Он представлялся им то лордом Солсбери, то лордом Уилтоном. Их слова звучали как приговор. У полицейских не было больше никаких сомнений, что с помощью Оттилии Мейсонье они поймали наконец отпетого мошенника и грабителя. Никакие его оправдания, просьба пригласить свидетелей, отсылки к адвокатам с требованием разобраться и установить истину во внимание не принимались. Его признали около десяти потерпевших. Этого было вполне достаточно.

В полицейском досье, заведенном на фальшивого лорда, вскоре появилось анонимное письмо, в котором указывалось, что 19 лет назад в Лондоне за подобные преступления был осужден некий Джон Смит. Он получил несколько лет тюрьмы и после освобождения исчез. Автор письма вполне резонно предположил, что пойманный господин и есть, возможно, тот самый фальшивый

лорд, который продолжил заниматься своим прибыльным «бизнесом». Вызванные полицейские, которые 19 лет назад вели дело Джона Смита, при очной ставке с пойманным господином в один голос утверждали – это и есть тот самый Джон Смит.

Следует учесть, что расследование проводилось в тот период, когда еще не было дактилоскопии, а фотография только зарождалась. И в деле Джона Смита, как и лорда Солсбери, не было фотографий. Судьи полагались на зрительную память потерпевших женщин и полицейских.

Это нашумевшее дело привлекло многих газетчиков. Большинство были уверены в виновности Альфреда Бека. Но раздавались голоса и в его защиту. Некоторые считали, что полагаться только на приметы – опасно, можно ошибиться. Почему не пригласили свидетелей обвиняемого? К тому же обвиняемый утверждал, что во времена ограблений женщин его не было в Англии. Он по своим торговым делам находился в поездках за границей. У него есть документы… В то же время полицейские выяснили, что подозреваемый вел довольно легкомысленный образ жизни, жил в гостинице, встречался со многими женщинами, в его номере обнаружили разные квитанции, бланки, женские золотые украшения. Все эти вещи были представлены в суде. В результате присяжные единогласно признали Альфреда Бека, он же Джон Смит и лорд Солсбери, виновным. Судья назначил самую строгую меру наказания в этих видах преступлений – семь лет тюремного заключения.

В тюрьме осужденному дали номер Джона Смита – D 523 и добавили еще букву W, что означало рецидивист. Но сдаваться заключенный не собирался. Он нанял адвокатов, которых просил установить его личность и доказать, что к совершенным преступлениям он не имеет никакого отношения. И адвокаты выяснили, что настоящий Джон Смит по своему происхождению был еврей, в раннем детстве его подвергли обрезанию, у него были карие глаза, да и по возрасту он был старше заключенного. Все эти данные адвокаты представили в суде. И хотя после проверки эксперты установили, что заключенный не является евреем, что он не подвергался обрезанию и глаза у него не карие, а голубые, это нисколько не повлияло на пересмотр дела. Судья посчитал, что матерый мошенник – «лорд» просто хорошо заплатил адвокатам.

Альфреда Бека, он же лорд Солсбери и так далее, выпустили на свободу только в 1902 году. Это был уже сломленный человек, потерявший имя и все состояние. Рядом ни друзей, ни знакомых, для всех он был матерым преступником. Ему ничего не хотелось, кроме покоя. Но судьба преподнесла ему еще один

пренеприятный сюрприз. На улице его снова опознала одна из женщин, которая была уверена, что это тот самый фальшивый лорд, который несколько лет назад представился ей, побывал у нее в гостях и занял взаймы несколько десятков фунтов… История повторилась и закончилась бы для Альфреда Бека печально, если бы в это время не поймали настоящего преступника, представлявшегося Джоном Смитом. Когда полицейские сравнили внешности обоих, то были удивлены разительным сходством. Только Джон Смит, его настоящее имя Уильям Томас, был постарше, покрупнее, и глаза у него были другого цвета.

Просидевшего семь лет в тюрьме за чужие преступления Альфреда Бека выпустили на свободу. Он получил от правительства Великобритании возмещение за нанесенный ущерб в сумме пять тысяч фунтов, но эти деньги не могли восстановить потерянное здоровье и репутацию честного человека. Через пять бесплодных лет поиска нового места в жизни Альфред Бек оказался в больнице, где и скончался.

Воскресший утопленник

Известная драма Льва Толстого «Живой труп», написанная в 1900 году по материалам одного нашумевшего уголовного дела, долгое время не ставилась в театрах Москвы и Санкт-Петербурга. Не помог и авторитет руководителя Художественного театра Владимира Ивановича Немирович-Данченко, Толстой отказал напрочь, сказав: «Когда умру – играйте». Одни недоумевали, зачем тогда писал, другие считали, что безбожник старец проявляет свой упрямый характер.

Настоящей же причиной отказа было вовсе не стариковское упрямство, а визит к нему одного из участников этого уголовного дела. Пришедший проситель уговорил писателя не ставить на сцене драму, не привлекать внимания к бывшим осужденным – бывшим супругам Николаю и Екатерине Гимер, послужившим прототипами Федора Протасова и Елизаветы Андреевны. Толстой пообещал. Только после его смерти драма «Живой труп» была поставлена на сцене Московского Художественного театра. Это произошло в 1911 году. И тотчас поднялся шум. Снова на страницы газет выплеснулись детали судебного расследования, снова проснулся интерес к непосредственным участникам реального уголовного преступления – Николаю Гимеру и его супруге Екатерине…

Екатерина Павловна, урожденная Симон, вышла замуж за Николая Самуиловича Гимера в 17 лет. Он был мелким служащим Министерства юстиции. Брак не сложился. Николай пил, придирался к жене, денег на жизнь практически не давал. Через два года, после рождения ребенка, супруги решили расстаться и жить раздельно. Екатерина с ребенком ушла от Николая, ютилась в разных комнатушках, бралась за любую работу и в конце концов выучилась на акушерку. В течение десяти лет они оставались мужем и женой. Но вот Екатерина встретила человека, с которым захотела вступить в новый брак. Это был служащий подмосковной ткацкой фабрики Чистов, человек деятельный, самостоятельный, полюбивший Екатерину, желавший создать семью и все сделать по закону. Как быть? Екатерина предложила Николаю расторгнуть брак официально. Он дал согласие. Они подали документы на бракоразводный процесс в Московскую духовную консисторию. К сожалению, заседавшие в этом заведении церковные чиновники не захотели вникать в суть дела и 7 декабря 1895 года приняли решение в бракоразводном процессе отказать.

Это был удар. Никаких надежд на развод не оставалось.

Правда, митрополит Московский не согласился с этим решением и 20 декабря 1895 года предписал консистории еще раз допросить свидетелей. Однако перспектив у этого дела, как говорили знающие люди, не было. Николай Гимер, который нигде толком не служил и спивался, оставался законным супругом Екатерины. Положение казалось безвыходным. Тогда у Екатерины родилась идея избавиться от мужа-пьяницы, симулировав его утопление. Труп никогда не найдут, а Николай должен будет уехать из Москвы. Екатерина же обретала желаемую свободу и за это обещала пересылать ему денежное пособие…

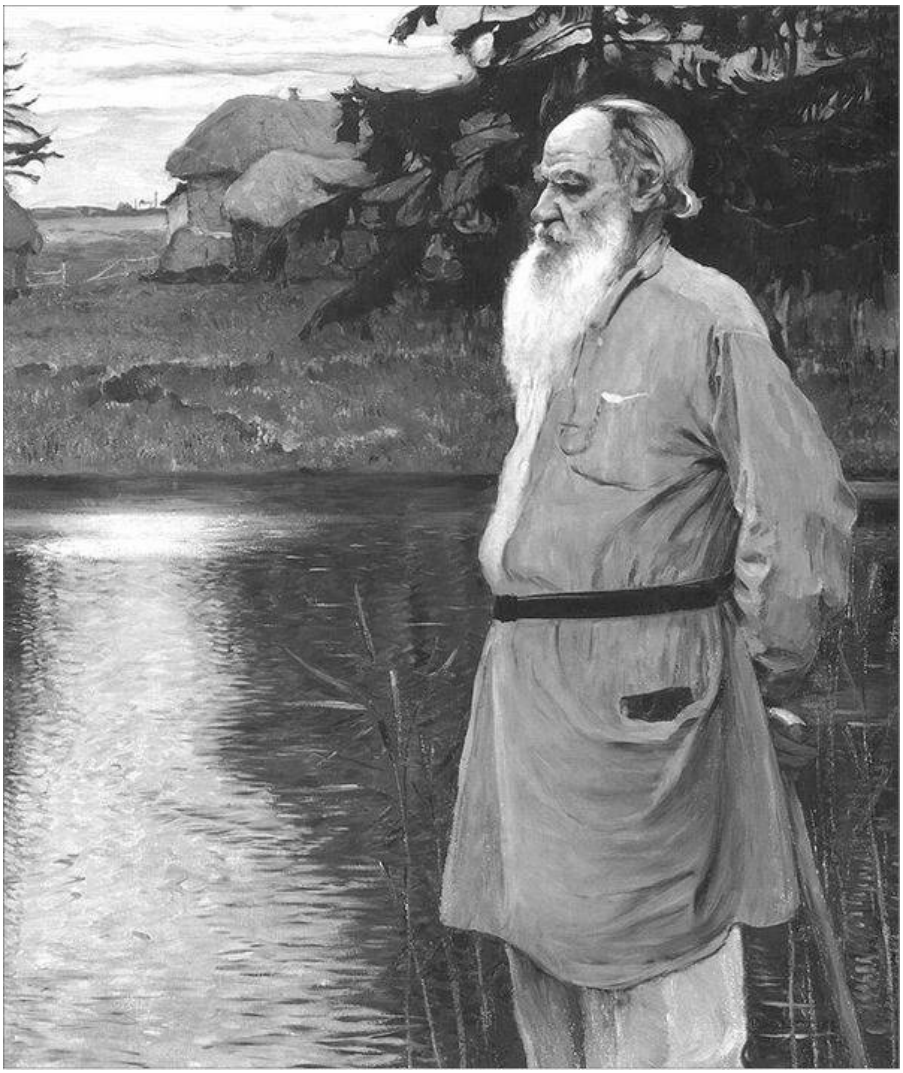
Николай согласился, и декабрьским вечером 1895 года оказался на Большом Каменном мосту. Москва-река давно замерзла, и лишь кое-где на заснеженном ледяном панцире черными квадратами выделялись проруби. На берегу никого не было. Гимер перелез через ограждение, двинулся к проруби и начал медленно расстегивать пуговицы пальто… Дороги назад у него не было, прощальное письмо отправлено. Он снял пальто, шапку, сложил все аккуратно, на видное место положил другое прощальное письмо, осенил себя крестным знаменем и…

В эти декабрьские дни Екатерина Гимер не находила себе места, всем говорила, что ее супруг Николай ушел из дому и не вернулся. «Куда понесло его без денег, без теплой одежды? Вдруг выпил и замерз где на окраине?» Письмо пришло в канун Нового года. На конверте стояла дата почтамта – 24 декабря 1895 года. Почерк Николая. Он писал, что решил свести счеты с жизнью. «Когда получите это письмо, меня не будет в живых, решил утопиться. Вы теперь и так свободны… Тело мое, конечно, теперь не найдут, а весной никто не узнает, так и сгину, значит, с земли. Будьте счастливы. *Николай Гимер*». Екатерина показала письмо соседке по квартире, старушке Дарье Кутейниковой. Та выразила сочувствие, прослезилась. Письмо вселило надежду. Похоже, все шло четко по намеченному плану.

С этим письмом Екатерина отправилась в полицейский участок на Якиманке. Дежуривший околоточный надзиратель Дмитриевский прочитал его и предложил посетительнице посмотреть шкаф, где находились мужские пальто, шапка и прощальное письмо, которые нашли на Москве-реке. Они лежали возле проруби. Екатерина признала вещи мужа и расплакалась.

Затем околоточный задал несколько вопросов, в том числе любил ли муж выпить. «Да почти каждый день, такая беда за ним водилась», – прискорбно ответила женщина. «Так и запишем, значит, сильно пил и свел счеты с жизнью. Как найдем труп, вас известят. Но это не раньше весны, когда лед вскроется». Затем околоточный предложил Екатерине пройти в канцелярию и

оформить бумаги о кончине, на основании которых ей выдадут вдовий паспорт.



Л.Н. Толстой. Художник М.В. Нестеров

Но труп обнаружили не весной, как полагал полицейский чиновник, а буквально через три дня после посещения Екатериной Павловной Якиманского участка. К вдове направили нарочного с запиской. В ней околоточный надзиратель Пресненского полицейского участка Шомрук сообщал, что обнаружен труп мужчины, извлеченный из Москвы-реки. При нем нет никаких документов. Просьба прийти для опознания. Екатерина Павловна находилась в полном смятении. Этого она не

ожидала. Кто это мог быть? Неужели Николай утопился на самом деле? Уговор был совсем другой – Николай должен был только симулировать утопление и уехать в Петербург.

Екатерина уговорила соседку, старушку Кутейнику, отправиться вместе с ней в участок и в любом случае признать в утопленнике Николая Гимер. За это она обещала вознаграждение. Из участка женщин направили в часовню. В простом дощатом гробу лежал мужчина, одетый в черную форменную одежду инженера путей сообщения. И рост и внешность не имели ничего общего с Николаем. Обе женщины поняли сразу, что это совсем другой человек. Вернувшись в участок, они подтвердили, что опознали труп – это Николай Гимер. Стражей порядка не смутил тот факт, что если человек бросился в ледяную прорубь 20 декабря, то вытащить его оттуда живым даже через день едва ли возможно. Они прекрасно знали, что человека в форме железнодорожника выловили живым в состоянии сильного алкогольного опьянения. Он еще дышал.

Более того, им было известно, что Николай Гимер «утонул» в районе Якиманки, а выловленный мужчина «всплыл» в районе Пресни. Как он мог нырнуть в одну прорубь, проплыть подо льдом несколько дней, миновать по пути плотину и выплыть живым в районе Пресни. Конечно, окажись при нем хоть какие-то документы, не потребовалось бы опознания. Но и мундир инженера-путейца не заставил полицейских обратиться в Департамент путей сообщения. Выловленный скончался по пути в больницу, и его отвезли в часовню. Чтобы не ломать голову с опознанием, полицейские предположили, а не Николай ли Гимер это, тот самый, который на днях утопился и оставил предсмертную записку. Решили вызвать на опознание его жену. Полицейским хотелось поскорее избавиться от утопленника и доложить начальству о полном порядке в околотке. Екатерине же выпал редкий случай признать в трупе незнакомца своего мужа-самоубийцу, тем самым решалось дело о разводе.

Екатерина похоронила «мужа» 31 декабря 1895 года. В церкви ей выдали справку о захоронении Николая Гимера, и уже 5 января 1896 года она получила вдовий вид, или паспорт. Можно было праздновать победу, план удался полностью. Теперь, когда она оказалась официально свободна, можно было подумать о налаживании личной жизни. В этой нелепой выдумке с мнимым утоплением не было бы необходимости, если бы супругов, которые не могли жить вместе, развели по церковному обряду.

К сожалению, Николай Гимер, пойдя на сговор с Екатериной и совершив подлог, не представлял, как он будет жить дальше, как сумеет легализоваться, где приобретет новый паспорт, под

чьей фамилией будет жить. В царской полиции любой беспаспортный сразу попадал на заметку. Николай Гимер и попался при попытке легализоваться в Петербурге. В полиции он обо всем чистосердечно рассказал. От него цепочка потянулась к Екатерине. Обман очень быстро раскрылся, и наказание не заставило ждать. После судебного разбирательства Николаю и Екатерине грозила многолетняя ссылка в Сибирь на каторгу без возможности возвращения в столицу и восстановления в правах! После вынесения столь неожиданного для обоих приговора Николай и Екатерина Гимер испытали шок.

Об этом печальном уголовном деле и трудно объяснимом наказании Льву Толстому рассказал председатель Московского окружного суда Давыдов. Тогда-то Толстой и написал свою драму «Живой труп». Автору хотелось придать пьесе социальный оттенок, всколыхнуть общественность России, заставить задуматься о бесправном положении женщины и мужчины перед церковью, перед законом, о черствости судебных чиновников.

Обвиняемые принялись срочно писать жалобы в разные инстанции. Они сообщали о допущенных ошибках в производстве этого дела, просили о снисхождении – у них без попечения оставался пятнадцатилетний сын. В просьбе им было отказано. И все же у них нашелся заступник. С нашумевшим делом ознакомился известный судебный деятель А.Ф. Кони, который, согласившись с правильностью юридической квалификации преступления, счел сам приговор чрезмерно жестоким и несправедливым. Он подключил других юристов. В конце концов был составлен рапорт, в котором Кони указал на многие ошибки, допущенные в судебном производстве полицией, и направил его в Министерство юстиции. 29 июля 1898 года на этом рапорте появилась столь долгожданная роспись: «Высочайше соизволить смягчить меру наказания». Так ссылку в Сибирь заменили тюремным заключением на срок до одного года.

О дальнейшей судьбе Гимеров известно мало. Из тюрьмы они вышли сломленными людьми. Интерес к ним оживился только в 1911 году в связи с постановкой на сцене Московского Художественного театра драмы «Живой труп». В газетах стали появляться материалы, в которых рассказывалось, что стало с горемычными героями после тюрьмы. Екатерина осуществила свою мечту, вышла замуж за Чистова, который ждал ее все это время, поселилась с ним под Москвой, в Щелкове, где ее новый муж обзавелся мыловаренным заводом. Совместных детей у них не было. В трудоустройстве исправившемуся Николаю Гимеру помог Лев Толстой. Тот якобы пообещал писателю бросить пить и вести себя подобающим образом.

Золотая тиара из Одессы

Зимой 1896 года в Вене появились двое господ, братья из российского города Одессы – Шепсель и Лейба Гохманы. Они предложили музею искусств уникальные находки – золотые украшения, найденные при раскопках скифских курганов возле древнего города Ольвии на Черноморском побережье недалеко от нынешнего Очакова. Гохманы показали также найденную там куполообразную тиару – головной убор из чистого золота древнего царя скифов Сайтоферна. Приглашенные эксперты высказали сомнение в подлинности изделия, уж больно чистой показалась им работа. В любом случае у Венского музея не оказалось достаточно денег для приобретения дорогой реликвии. Деньги нашлись у другого музея, богатого парижского Лувра. Там звучали слова восхищения, а сомнения в подлинности древнего торжественного головного убора высказать никто не решился.

Подлинную историю царской тиары знали только продавцы, братья Гохман, которые представились специалистами по торговле древними артефактами. Но они, по понятным причинам, рассказывать ее никому не собирались. Раз парижские ценители древнего искусства признали подлинность и древность царской тиары, значит, так тому и быть. Гохманы попросили за реликвию 250 тысяч, на руки получили 200 тысяч. Огромные деньги по тем временам. Сделка была совершена. Братья с франками в кармане уехали в Одессу, а музейные работники Лувра выставили приобретенную ими ценность в одном из залов древнегреческого искусства. Парижане из газет узнали о чудесном ювелирном изделии, изготовленном скифами за две с лишним тысячи лет до нашей эры, и отправились в Лувр знакомиться с находкой. Журналисты наперебой расхваливали руководство Лувра, которое не поскупилось и приобрело царскую тиару, похожей которой нет ни в одном музее мира.

Братья Гохман были известны в Одессе. Они специализировались на торговле колониальными товарами, продавали ювелирные изделия, занимались сбытом раскопанных в скифских курганах редкостей. Правда, редкостей было до обидного мало, а вот охотников их приобрести появилось на удивление много. И братья, понимая, что в торговле сбыт диктует предложение, создали в Очакове лавку древностей. Работа закипела. По заказу братьев местные крестьяне находили у себя в землях осколки «древних» мраморных плит. Местные резчики по камню выбивали на них древнегреческие письмена. И не беда, что иногда они допускали разные ошибки. Гохманы уверяли, что

древние греки тоже не были сильны в орфографии. Эти древние мраморные плиты с древнегреческими письменами покупали многие музеи не только в России, но и за рубежом. Когда интерес к плитам упал, братья стали предлагать золотые изделия, «найденные» в скифских курганах. Обмана почти никакого не было. Кроме разве что отдельных вещиц, например, по их заказу ювелиры подделывали кинжалы, женские диадемы, браслеты, кольца, серьги. Ценителям древностей нравились предлагаемые братьями красивые изделия. К тому же приглашенные «знатоки» наперебой уверяли покупателей в их подлинной древности.

Знаменитая фальшивка – тиара царя скифов Сайтоферна

Ювелиры не обманывали, когда рассказывали парижанам, что недалеко от Очакова в VI веке существовал древний города Ольвия, раскопками которого и по сей день заняты археологи. Существовал и скифский царь Сайтоферн, правивший в III веке до н. э. Его имя стало известно историкам после того, как была найдена реальная мраморная стела, на которой была выбита следующая фраза: «…когда царь прибыл в Кокнит и потребовал даров по случаю прибытия, то Протоген по просьбе народа выдал ему 400 золотых…» Но умолчали они о том, что древний предводитель скифов царь Сайтоферн большую часть своей жизни проводил в седле. Он был завоеватель, держал в руках меч, копье. А тиара? Царских ритуалов тогда не было, и она ему просто не требовалась. Обычаи были другие.

Гохманы очень рисковали, когда решились провернуть эту

дорогостоящую авантюру. Они неплохо ориентировались в древней истории греков, читали «Одиссею» и «Илиаду» Гомера, знали о скифах, курганах и золотых находках в них. И у них были деньги. Постепенно родился замысел использовать фигуру мало кому известного царя Сайтоферна, которому благодарные жители Ольвии преподнесли подарок.

В 1895 году братья наведались к ювелиру Израилю Рухомовскому, который считался мастером чеканного дела, и предложили ему изготовить по их эскизу древнюю тиару, которую хотели подарить своему другу – археологу. На ней необходимо было воспроизвести фрагменты из «Одиссеи», «Илиады», показать древних скифов в боевых сражениях, а внизу выгравировать надпись: «Царю Сайтоферну от благодарных жителей Ольвии». Для достоверной работы ювелиру вручили книги по искусству, по древним артефактам. Договорились и о цене – 1800 рублей. Семь месяцев трудился ювелир. Его золотое изделие с отчеканенными рисунками, 17,5 сантиметра в высоту, привело братьев в восторг – это было настоящее произведение ювелирного искусства, но нужно было его состарить. Дальнейший путь братьев известен.

Афера раскрылась в 1903 году. В парижской газете «Матен» появились откровения одного французского скульптора и художника, привлеченного к ответственности за подделки картин. Этот художник заявил, что известная тиара скифского царя Сайтоферна подделка. В этом легко убедиться, тиара спаяна современным методом, который был неизвестен древним народам. Тогда же в газете появилось еще одно сообщение, авторы которого утверждали, что им известен автор тиары – им является ювелир из Одессы Израиль Рухомовский.

Это был гром среди ясного неба. Научные сотрудники Лувра переполошились, под сомнение ставилась их научная компетенция. Они внимательно пригляделись к тиаре и убедились, что она действительно спаяна… И никто не обратил на это внимания. Тиару убрали из экспозиции, а в Одессу был направлен запрос, нельзя ли ювелиру Рухомовскому приехать в Париж для освидетельствования искусствоведческого изделия, а именно тиары царя Сайтоферна. Для определения подлинности тиары также была создана специальная научная комиссия, куда вошли многие видные ученые Франции, члены Академии наук.

Рухомовский прибыл в Париж и посетил Лувр. Он честно рассказал представителям научного сообщества Франции, что их всех основательно надули. Ему, ювелиру Рухомовскому, в 1896 году некие два господина заказали эту тиару для одного своего друга – археолога. И Рухомовский взялся за её изготовление. Работа показалась ему интересной. У него была золотая полоса

весом около 500 граммов. На ней он по переданным ему книгам изготовил фризы, рисунки, узоры и надпись. Потом все сварил и отполировал. За эту работу он получил 1800 рублей.

Руководство Лувра не знало, как оправдываться. За тиару они выложили 200 тысяч франков, а ювелир из Одессы изготовил ее за 1800 рублей. Скандал, да и только! Попытка привлечь к суду братьев Гохман не удалась, слишком сложной была процедура. Царскую тиару, которая действительно была прекрасна, просто переместили в зал современного декоративного искусства. А Рухомовский получил предложение остаться в Париже и заняться изготовлением современных высококачественных ювелирных изделий.

Со временем Рухомовский действительно перебрался в Париж, где подружился в банкиром Ротшильдом и стал делать по его заказу уникальные ювелирные изделия, разбогател и прославился. Умер он в 1936 году. А его золотая тиара «скифского царя Сайтоферна» с того времени принимает участие в выставках… самых знаменитых фальшивок. Некоторые коллекционеры готовы приобрести ее более чем за 300 тысяч долларов, но кто же теперь продаст тиару с такой богатой родословной. Сегодня этот нарядный царский головной убор по-прежнему находится в Лувре среди выдающихся произведений российского ювелирного искусства конца XIX века.

Создатель фабрики смерти

Трехэтажное массивное здание с башенками и зубчатой стеной на крыше, напоминавшее рыцарский замок, было построено в Чикаго в 1892 году ко Всемирной выставке, организованной по случаю 400-летия открытия Америки Колумбом. Владелец «Замка», приятной внешности бизнесмен Герман Уэбстер Маджет, он же Генри Ховард Холмс, старался, чтобы его постояльцы были всем довольны. На первом этаже у него размещались аптека, ювелирный магазин, ресторан. Второй и третий этажи предназначались для гостей. Только через два года случайно выяснилось, что «Замок» служил совсем не гостиничным целям. Оказывается, его хозяин был маньяком, первым серийным убийцей Америки, который превратил отдельные помещения второго и третьего этажей в пыточные и мертвецкие.

Маджет получил медицинское образование, в том числе фармацевтическое, кроме того, с детства он испытывал патологическую тягу к разделке животных. Он поселял в своей гостинице людей, которых называл «материалом». К некоторым из помещений у него были подведены специальные трубки. Через них он пускал свечной газ, тот самый, которым в те годы освещались города Америки, и травил людей. По истечении определенного времени, когда постоялец должен был уже умереть, он открывал номер. Обыскивал жертву, забирал документы и все самое ценное. Тела он спускал через специальные люки с трубами в свою преисподнюю – прозекторскую. Он самолично разделывал трупы, выварил кости. Выбеленные скелеты продавал в медицинские образовательные учреждения по выгодной цене – до 200 долларов за штуку. Однажды он предложил на продажу женский скелет почти двухметрового роста. И получил за него 250 долларов. Это был скелет его любовницы. Однажды она высказала ему свое желание выйти за него замуж. Он пообещал и предложил ей зайти в его апартаменты, чтобы отметить это событие. Когда она вошла, он запер ее. Никакие крики из глухого помещения не доносились. Он пустил газ. А дальше действовал по устоявшейся процедуре. Никто никогда не интересовался, откуда у него скелеты.

В глубоком подвале у экзекутора находились звуконепроницаемые камеры, пыточные, «операционная», патологоанатомический театр, морг. Он проводил там дьявольские опыты. Например, пытался увеличить рост человека.

С детства им владела идея, что люди – это пришельцы с других планет, далеко в межзвездном пространстве они были гигантами. Свои жертвы он вытягивал на дыбе. В каких муках люди прощались с жизнью, трудно себе представить. Рядом находились резервуары с ядовитыми кислотами для растворения трупов. Это был не человек, а изувер-изобретатель. Позднее его назвали дьявольским отродьем, подобного которому еще не было на земле, создателем фабрики смерти. Сколько людей уничтожил этот маньяк, не смог определить даже суд. Сам он назвал 200 и более человек и готов был долго рассказывать о тех, кого предал смерти. Во всех подробностях. Судьи не смогли выдержать этот рассказ…

Герман Уэбстер Маджет, он же Генри Ховард Холмс

Живущие в Чикаго люди не догадывались, что творилось за стенами «Замка», который своим внешним видом напоминал средневековый. Аптека и ювелирный магазин исправно торговали. Они имели постоянную клиентуру. В ресторан захаживали выпить, закусить и поболтать. В богатых номерах гостиницы останавливались богатые коммерсанты. Все было как у всех. Ничего подозрительного. Сам хозяин гостевал в «Замке» не часто. Обслуживающий персонал его почти никогда не видел. Некоторые номера никогда не открывались и не убирались. Шеф не любил себя афишировать. В «Замке» он занимался любимым делом – убивал людей и разделывал трупы. Все делал сам, без помощников.

Эту подпольную пыточно-убийственную деятельность удалось раскрыть одному дотошному сыщику. Его звали Патрик Гейер. Он

был сотрудником детективного агентства известного сыщика Алана Пинкертона, центральный офис которого располагался в Нью-Йорке. Агент Гейер жил и работал в Филадельфии. Это был цепкий малый, который умел копать, как никто другой. Уж если он нападал на след исчезнувшего человека, то прикладывал все силы, все умение, чтобы отыскать преступника, установить истину и выполнить заказ клиента.

В 1894 году из Нью-Йорка ему поступила заявка от одного страхового агентства в Чикаго начать поиски некоего господина Генри Холмса, который подозревался в мошенничестве. По сообщению страховщиков, когда скончался некий мистер Бенджамин Перри, застрахованный на 10 тысяч долларов, то через два месяца у них в агентстве появился мистер Холмс со свидетелями и объявил свои права на страховку. Страховому агентству пришлось выплатить ему всю страховую сумму. Но у экспертов зародилось подозрение, что это было очень четко спланированное мошенничество.

Мистер Гейер первым делом запросил страховые агентства Восточного побережья предоставить ему данные по похожим делам, где бы значилась фамилия Холмса. Дел оказалось не так много. Внимание агента привлек аналогичный страховой случай, который провернул все тот же мистер Холмс. В 1891 году в Нью-Йорке он застраховал свою жизнь на 20 тысяч долларов! Через два месяца он исчез. И тогда же рядом с отелем, в котором он останавливался, полицейские неожданно обнаружили его обожженную голову, само тело не нашли. Прибывшие друзья Холмса опознали голову. Пришлось выплатить им страховую сумму.

Это были серьезные обвинения. Они требовали тщательного расследования. Так потянулась ниточка, которая привела сыщика сначала в Чикаго, затем к гостинице «Замок». Ему удалось раскрыть целую цепь хитроумных мошенничеств и коварных убийств. Мистер Гейер осмотрел гостиницу. Снаружи она ему понравилась. Он спросил у служащих о владельце «Замка» мистере Холмсе. Где он, как с ним связаться, никто из служащих сказать не мог. Сыщику предложили написать письмо и оставить. Мистер Гейер написал письмо на имя мистера Холмса. К счастью для мистера Гейера, в гостинице на тот момент свободных мест не было, и он устроился в другой гостинице.

Что удалось узнать ему о мистере Холмсе? Оказывается, не так давно этот преуспевающий бизнесмен сидел в тюрьме Сент-Луиса штата Миссури за мошенничество. Пытался продать дважды один и тот же участок земли. Более того, мистер Холмс по подложным бумагам хотел купить у одной фармацевтической

компании морфий, сбывал также табуны краденых лошадей. За обман с продажей земли Холмс получил три месяца. В тюрьме этот Холмс познакомился с известным бандитом Марионом Хаджепетом – они сидели в одной камере. Холмс попросил Хаджепета рекомендовать ему хорошего адвоката. Тот назвал своего «опекуна» Джептона Хау, известного специалиста по уголовному праву, но потребовал за это 500 долларов. Холмс пообещал, сказав, что у него есть задумка, как надуть страховую компанию.

Когда Холмс вышел на свободу, он забыл о своем обещании. Хаджепет узнал от своего «опекуна» адвоката Хау, что Холмс провернул-таки страховую махинацию, достал где-то неопознанный труп, пригласил свидетелей и адвоката Хау и заработал на этом 10 тысяч долларов. Но вот про долг в 500 долларов Холмс почему-то не вспоминал. Это так возмутило заключенного, что он написал требовательное письмо Холмсу. Негодяй не ответил. Тогда Хаджепет отправил в полицию заявление, в котором раскрыл мошенническую сделку Холмса. Полиция направила запрос в страховую компанию Чикаго. Руководители страховой компании, которые не очень доверяли государственной полиции, обратились в детективное агентство Алана Пинкертона в Нью-Йорке.

Патрику Гейеру пришлось изрядно потрудиться, чтобы отыскать следы мистера Холмса, который скрывался в Бостоне. 17 ноября 1894 года он арестовал его и препроводил в Филадельфию. Арестованному инкриминировали конокрадство, махинации с страховкой и подкинутым трупом неизвестного. Но главное, об аресте мистера Холмса узнали в Чикаго, где он был владельцем гостиницы. Для установления ряда фактов его подпольной деятельности полицейские нагрянули с обыском в «Замок». Обнаруженные в нем пыточные казематы, люки для спуска трупов, прозекторская, резервуары с кислотой, прочие специальные помещения и останки различных частей женских и мужских тел, повергли их в неописуемый ужас. Такого специализированного масштабного механизма смерти никому никогда не доводилось видеть.

В Филадельфию между тем стали поступать новые ужасающие подробности из биографии Генри Холмса, который по рождению звался Германом Уэбстером Маджетом. Он происходил из Нью-Хэмпшира. Его отец алкоголик, мать робкая женщина. Герман с детства был «пытливым» ребенком по отношению к… животным. Он с живых сдирал кожу. Мальчик не дружил со своими сверстниками, был боязлив и любил фантазировать. В пламени фантазий сгорали его отец-мучитель, мальчики из

школы, досаждавшие ему.

После окончания медицинского колледжа Маджет женился и переселился в Чикаго, где сумел приобрести аптеку и земельный участок. Правда, при этом, как предполагается, умертвил прежнюю владелицу. Он проводил разные финансовые махинации. Набрав денег, на приобретенном земельном участке стал возводить свой «Замок» с 35 комнатами. Он соорудил в центре сейф с вентиляцией, установил печи для сжигания трупов, цинковые резервуары с кислотой. Как выяснилось, когда по случаю 400-летия открытия Америки Колумбом в Чикаго проводилась Всемирная выставка, на это мероприятие приехала масса туристов. Кое-кто из них остановился в пыточных комнатах мистера Холмса.

По непроверенным данным, этот фармацевт уничтожил около 50 гостей, прибывших на выставку. Список его мошенничеств и убийств был таким длинным и страшным, что судьи просто умоляли прокурора побыстрее повесить это дьявольское отродье. Его приговорили к повешению. Холмс боялся казни и пользовался любым случаем, чтобы продлить себе жизнь. Он утверждал, что может еще рассказать о своих жертвах, бывших женах, любовницах, сотрудницах гостиницы, которых убил и похоронил в разных местах. Но все его попытки были напрасны.

7 мая 1896 года Германа Уэбстера Маджета повесили в Филадельфийской тюрьме. Врачи констатировали, что у него был могучий организм, после снятия из петли он еще 15 минут проявлял признаки жизни. Следом загорелся его «Замок». Потушить его никто особенно не пытался.

Богатая «дочь» сталепромышленника

Аферистки, подобные знаменитой российской Соньке – Золотой Ручке, появлялись и в других странах. В Соединенных Штатах, например, похожим мошенническим образом действовала урожденная в Канаде в 1857 году Элизабет Биглей, которая, в отличие от российской Соньки, происходила из благородной семьи. Правда, получила ли она подобающее ее статусу образование, неизвестно. Эта мечтательная девица, с удивительным даром перевоплощения, прокрутила не одну аферу, основанную на доверчивости богатых людей, но разоблачение и наказание каждый раз доводили ее до тюремной камеры.

В биографии Элизабет много темных пятен. Неясно, чем занималась она до 22 лет, где жила, работала ли. Известно другое. Именно в 22 года она решила разбогатеть. Для начала ей нужна была небольшая сумма денег, которая позволила бы приобрести красивую одежду и впечатляющие аксессуары. Но Канада показалась ей чересчур провинциальной для этого, и она переехала в соседний американский город Кливленд, где предпринимательский дух был более развит и где крутились миллионы. Она подделала чек и понесла его в банк. Там не особенно к нему приглядывались и выдали симпатичной благовоспитанной девушке означенную сумму. Но долго радоваться полученным деньгам благовоспитанной девушке не пришлось. В банке быстро разобрались, что чек поддельный, и обратились в полицию. Обманщицу быстро отыскали и препроводили в тюрьму.

Это наказание для юной привлекательной особы оказалось непростым испытанием. Ей очень хотелось освободиться. Каменные стены лбом не прошибешь, а если использовать слезы…. Не долго думая, Элизабет притворилась психически больной, изобразив из себя истеричную особу. Она рыдала, стонала, лила слезы. И настолько достоверно сыграла эту роль, что ей поверили и… быстро выпустили на свободу.

Через три года, познакомившись с благородным мистером Уоллесом Спригстином, Элизабет вышла за него замуж. Муж обещал всяческие блага и собственный домик. Казалось, она неплохо устроилась, но счастье очень скоро разрушилось. Мистер Спрингстин случайно узнал от знакомых о подделке банковского чека, это моментально вызвало у него бурю негодования, и он

подал на развод. Они расстались через одиннадцать дней совместной супружеской жизни. Одинокой женщине надо было как-то существовать.

Скоро в Кливлинде появилась гадалка и предсказательница с красивым именем Лидия Скотт, она же Элизабет. К ней обращались большей частью незамужние и разведенные женщины, которым за определенную сумму она давала советы. Но такая деятельность не удовлетворяла Элизабет, или Бэтси, как она себя называла, не тот масштаб, ей хотелось иметь миллионы. Она снова обратилась к прежней уловке, взяла себе имя Лидия де Вере и стала подделывать банковские чеки. Благо в то время печати еще не требовались, телефона не существовало и многое строилось на доверии к клиенту. Но она снова попалась. В 1889 году ее приговорили к 9 годам лишения свободы. И снова каменные тюремные стены, за которыми она провела 4 года. Ее выпустили досрочно за то, что вела себя благонравно и клятвенно обещала ничего подобного никогда больше не повторять. Ей поверили.

Она вернулась в Кливленд, назвалась миссис Хувер, вдовой, и взялась за организацию пансиона для женщин. Это заведение только внешне было похоже на гостиницу, на самом деле под ее вывеской скрывался самый настоящий закрытый бордель, где состоятельные мужчины могли проводить время в объятиях разных красоток. В это время Бэтси познакомилась с доктором Лероем Чедвиком, который согласился на ней жениться при условии, что она покинет это заведение и никогда ничем подобным заниматься больше не будет. Бэтси клятвенно пообещала. В 1897 году она вышла за него замуж, ушла из пансиона, стала известна как леди Кэсси Чедвик.

Казалось бы, все у нее наладилось, впереди спокойная обеспеченная семейная жизнь, доктор проявлял к ней большое внимание, во всем доверял. Но честолюбивая и амбициозная Кэсси мечтала о миллионах. Мечтая о богатстве, она заметила, что в долг дают тем людям, у которых хорошая родословная, имя банкира или известного промышленника было гарантом для получения кредита. В газетах писали, что выходец из Шотландии, баснословно разбогатевший предприниматель в металлургической сфере Эндрю Карнеги считался также филантропом, занимался благотворительностью, финансировал в Нью-Йорке строительство Карнеги-Холла, Института Карнеги в Вашингтоне. Почему бы не воспользоваться его именем?

Вместе с приятелем своего мужа адвокатом Дилоном леди Кэсси Чедвик отправилась в Нью-Йорк и там попросила подвезти ее к дому Карнеги. Под большим секретом она призналась

удивленному Дилону, что является… незаконнорожденной дочерью Карнеги. И вошла в дом миллионера. Минут через двадцать она вышла, в руках у нее был толстый конверт. Дилон поинтересовался, что в нем. Опять по секрету Кэсси сообщила, что обожаемый ею «папочка» смилостивился наконец и выдал ей ценные бумаги на сумму 2 миллиона долларов. Этот конверт она положит в банк, будущее у нее обеспечено. Кэсси была уверена, что теперь в Кливленде слух о дочери Карнеги доберется и до банковских служащих. Надо только подождать. Она оказалась права. Прошло некоторое время, и высшее общество Кливленда вполне серьезно рассматривали ее как дочь известного магната. Банкиры готовы были дать ей любой кредит. И она стала брать… миллионы. На чеках она легко подделывала подпись своего любимого «папочки». За 8 лет дочерней махинации Кэсси Чедвик взяла из банков кредит на сумму около 20 миллионов долларов. Жила как королева, имела собственный особняк, в котором устраивала балы, приемы.

Знаменитая аферистка Элизабет Биглей

Афера вскрылась только в 1904 году, когда Бостонский банк,

испытывавший затруднения с наличностью, попросил ее вернуть небольшой долг на сумму 190 тысяч долларов. Этих денег у нее не оказалась, а в новом кредите ей отказали. И только тогда банк решил навести справки у самого Эндрю Карнеги. Старик рассвирепел. Никакой внебрачной дочери у него никогда не было, никому ценные бумаги он не давал. Так вскрылась крупнейшая за всю историю США банковская мошенническая операция, совершенная Элизабет Биглей, больше известной как Кэсси Чедвик.

О проходившем судебном процессе в 1905 году в Кливленде подробно сообщали газеты. Эндрю Карнеги самолично приехал в город и находился в зале суда. Ему было любопытно взглянуть на женщину, которая, прикрывшись его именем, 8 лет дурачила почтенное общество Кливленда. Чедвик была признана виновной в ряде крупных мошеннических операций и получила 10 лет тюрьмы. Отбывала она наказание в штате Огайо. С собой в камеру она взяла нарядные платья, меха, украшения… Но это ей не помогло. Здоровье ее было подорвано. Через два года в возрасте 50 лет она умерла предположительно от туберкулеза.

Заспиртованная голова

Это убийство накануне Нового, 1907 года наделало много шуму в Санкт-Петербурге. Во время освящения медицинского института какой-то молодой человек из толпы отыскал в торжественной процессии градоначальника фон дер Лауница и, выхватив из кармана браунинг с криком «Прощайся с жизнью, подлец!», выстрелил в него. Тот свалился замертво.

В толпе возникло замешательство, и тогда молодой человек, вокруг которого на миг образовалось пустое пространство, поднес браунинг к своей голове и произвел второй выстрел. Прибежавшие медицинские профессора констатировали смерть обоих. Кто был этот молодой человек, зачем понадобилось ему убивать генерала Лауница?

Установить имя убийцы полиции долго не удавалось, документов при нем не было. Позднее выяснилось, что он не был студентом, его фотографии не оказалось и в картотеке бомбистов, не значился он и среди революционеров, одним словом, никакого уголовного и политического прошлого за ним не числилось. Тогда кто же это был? Зачем понадобилось ему стрелять в градоначальника? Может быть, это умалишенный, сбежавший из психлечебницы? Но за последнее время из психбольниц и тюрем никто не убегал.

Время шло, а имя стрелявшего оставалось неизвестным. Начальник петербургского охранного отделения полковник полиции Александр Герасимов отдал распоряжение выставить гроб с телом убийцы в анатомическом театре нового медицинского института для опознания. Пусть приходят все желающие и смотрят. Филёры будут рядом. Они попытаются разговорить посетителей, проследят за ними. Таким образом, Герасимов надеялся найти ниточку, которая распутает весь клубок. Была у него еще одна задумка…

Царь был подавлен. Императрица Александра Федоровна, или по-домашнему Аликс, подливала масла в огонь, в страхе металась по комнатам, забегала к нему в кабинет, прикрывала раскрасневшееся лицо веером и шептала на ухо: «Ники, ну, Ники, будьте мужчиной, сделайте что-нибудь. Вспомните, только недавно какой-то ужасный бомбист застрелил генерала Павлова. И вот теперь еще одна жертва. Так они завтра доберутся до нашей семьи. Как нам выезжать в открытой коляске?» Эти слова мучили царя. Вокруг все только и говорили о свержении самодержавия. Что мог сделать он, царь, если петербургская охранка во главе с ее новым руководителем Герасимовым, как говорили

талантливым полицмейстером, ничего не выяснила? Кому взбрело в голову выстрелить в человека, имя которого внесено к рескрипт древнейших российских фамилий?

Градоначальник Санкт-Петербурга В.Ф. фон дер Лауниц

Фон дер Лауниц не был выдающимся политиком, но зато оказался прекрасным исполнителем царской воли. Он происходил из остзейского дворяжного рода, которому еще в 1568 году высочайшей милостью пожаловали поместье в Курляндии. И все последующие выходцы из рода фон Лауницев служили верой и правдой царю и Отечеству. На траурных проводах генерал-майора накануне Нового, 1907 года епископ Иннокентий из Тамбова, где много лет исправно служил Лауниц, подавляя всякое вольномыслие, отметил, что ради блага Отечества он твердыми действиями водворял мир и спокойствие. Но если следов убийцы не нашли в Петербурге, так, может быть, есть смысл поискать их в Тамбове.

Царь вызвал в Зимний дворец полковника Герасимова. Пусть доложит, как идет расследование по делу убитого фон Лауница.

Начальник охранки будет беседовать с императором? Полковник-царь с полковником-ищейкой на равных? Такого в практике еще не встречалось. Придворные шептались, они недоумевали. Значит, сильно ослабело руководство государством Российским.

Как в своих воспоминаниях позднее писал сам Герасимов, царь заинтересованно расспрашивал его о ходе поисков убийцы фон Лауница, о деятельности революционеров в Петербурге, других городах. Пришлось признаться, что жертв на освящении медицинского института могло быть и больше. О возможности теракта Герасимов предупредил заранее всех высоких правительственных чиновников, в том числе и градоначальника. Время неспокойное, в толпе могли скрываться бомбисты. Послушался его рекомендаций только один человек – председатель Совета министров Столыпин, он не поехал на церемонию и тем самым, возможно, избежал пули. А фон Лауниц проявил упрямство.

Герасимов также доложил, что медицинские профессора обследовали тело молодого человека и установили, что ему примерно 25 лет, роста среднего, русый, руки простые, натруженные, крестьянские, явно выходец из провинции. Судя по одежде, до недавнего времени служил либо на конюшне, либо был ездовым. Так как за две недели родственники не объявились, полиция сделала предположение, что он из Тамбова. Тело уже предали земле, а вот голову… голову отрезали и положили в банку со спиртом. При этих словах царь невольно поморщился. Боже праведный, ну и дела творятся в имперской столице, что будут говорить за границей?

Банка была выставлена в тот самом медицинском институте для всеобщего обозрения. Люди приходили, смотрели, обсуждали. Было дано объявление в газетах. Необходимо было найти его родственников или знакомых, хоть какую-то зацепку. Было установлено, что он бывший семинарист. Возможно, пострадал во время подавления крестьянских бунтов. Иначе чем можно было объяснить его ненависть к генералу фон Лауницу, именно он усмирял крестьян. Без крови там не обошлось. Вот и мотив преступления – идейный. Парень приехал в Петербург, связался с бомбистами и выразил желание убить фон Лауница. Его поддержали, определили в извозчики, профессия очень удобная, чтобы караулить, подсматривать и подслушивать. Филёры побеседовали с одним извозчиком, и тот сказал, что недавно приехавший молодой человек из Тамбова уже несколько дней не выходит на работу.

– Почему мы не можем разом разгромить всех этих бомбистов, – повысил голос царь, – почему они свободно

перемещаются по городу? Где скрываются? – Царь заходил по кабинету. Герасимов не сводил с него глаз. Он понимал, что быть чересчур откровенным – значит навредить делу.

– Ваше величество, все дело в том, что рядом у нас Финляндия. Там свободная конституция, туда может уехать любой российский житель. Два часа езды от Петербурга. Сложностей никаких нет, предъяви паспорт и все. Совершил преступление и скрылся за границей. А вот наших ищеек финские полицейские не жалуют, стараются им навредить, не пускают к себе, иногда арестовывают, дают неверные сведения или молчат вообще. Надо решать вопрос с границей.

Герасимов уходил от императора вполне довольный. Аудиенция хоть и затянулась, но получилась деловой. Царь его обласкал, сделал заверения в полной своей поддержке предпринятых мер и обещал усилить контроль на границе, финны слишком многое себе позволяют.

От своего надежного источника, агента Евно Азефа, известного ныне подкупленного провокатора, по уровню которого не сыщешь в новейшей истории, Герасимов знал, что революционеры, которыми кишмя кишит Петербург, нашли пристанище в курортном финском поселке Териоки (в советское время город Зеленогорск в Ленинградской области). Там в заброшенном двухэтажном отеле собирались члены боевой организации социалистов-революционеров, которую возглавлял сам… Евно Азеф. Правда, в Териоки Евно редко появлялся, у него были разногласия по методам устранения высших царских чиновников. Не раз он спорил с руководителем взрывной лаборатории Зильбербергом, который самолично изготавливал все бомбы, чинил оружие, обучал молодых. От Евно Зильберберг требовал денег на взрывчатку, на оружие, на содержание. А где их брать? В полиции Евно платили только за выданные персоны. Но это были его, личные деньги.

В Териоки собирались те, которые знали друг друга в лицо. Оттуда проинструктированные бомбисты, забывшие свои фамилии и получившие прозвища, с тротиловыми шашками разъезжались в Петербург, Москву, Киев. Всего их человек тридцать. Помогал Зильбербергу некий Сулятицкий. По данным Азефа, из Териоки в Петербург с заданием убить фон дер Лауница мог поехать только один человек, крестьянский парень из Тамбова по прозвищу Адмирал. Личность малозаметная. На собраниях он говорил, что мечтает убить петербургского градоначальника, который год назад наводил кровавый порядок в Тамбове. Фамилию парня Азеф запамятовал. В любом случае ниточка для Герасимова протянулась вполне надежная…

Во второй половине января 1908 года поздним вечером в придорожную гостиницу в Териоки постучались двое молодых людей с лыжами и рюкзаками. Их занесло снегом, они едва не обморозились. Это были студенты из Петербурга, жених и невеста, которые на каникулы заехали в Финляндию, чтобы покататься с гор, да вот сбились с пути, устали, проголодались и попросились на ночлег. Их пустили, напоили чаем, расспросили. Обоим было едва за двадцать. Зильберберг, который лично расспрашивал путников, махнул рукой, пусть остаются.

Молодые люди остались, но наутро не уехали, а попросили разрешения еще немного пожить, чтобы пару деньков покататься на лыжах, слава богу, погода наладилась. Зильберберг и на этот раз уступил. Почти неделю пробыли молодые люди в закрытой гостинице, беседовали со всеми ее постояльцами, вечерами сидели у огонька, пили чай с вареньем, привезенным из дома, подолгу разговаривали со швейцаром и горничной, давали им щедрые чаевые, а потом неожиданно исчезли…

Полученные Герасимовым сведения от «жениха с невестой» дали не только общую картину нахождения базы террористов, методов их подготовки, но и целый список особо одиозных личностей типа Зильберберга и Сулятицкого. Собственно, эти данные можно было считать самым большим уловом петербургской полиции, самой большой продажей боевой организации со стороны ее руководителя Евно Азефа. На каждого имелось досье, в котором было дано подробное описание внешности, одежды и даже особенности речи. Теперь бомбистов после пересечения границы узнавали по приметам и вели до самого «дома».

Одним из первых финскую границу пересек сам руководитель взрывчатой лаборатории Зильберберг. Это был человек невысокого роста, с черной бородой, с черными, глубоко посаженными глазами. Все соответствовало описанию. За ним тотчас отправился филёр. Он узнал его адрес и кое-какие явки, а потом, как того требовал Герасимов, вместе с напарником связал взрывателя и на карете скорой медицинской помощи отвез в медицинский институт. Там взрывателя провели в специальную выставочную комнату и показали заспиртованную голову в банке. Кто этот человек? Эффект превзошел все ожидания. Зильберберга чуть не стошнило. Он вертел головой, но фамилию убийцы фон Лауница не назвал. Собственно, особой потребности в его признательных показаниях уже и не было. Его самого опознали находившиеся здесь же «жених и невеста» и подкупленные ими и привезенные из Териоки финские швейцар и горничная. Они-то и сказали, что заспиртованная голова молодого человека – это

бывший бомбист по прозвищу Адмирал, он же семинарист из Тамбова – крестьянский парень Кудрявцев, который проходил курс обучения в Териоки.

Так колечко замкнулось. Вслед за Зильбербергом в руки полиции попался и другой известный социалист-революционер Сулятицкий. С ним проделали точно такую же операцию: привезли в медицинский институт и показали заспиртованную голову. И хотя этот опытный бомбист ни в чем не признался, не назвал себя, его так же опознали «жених с невестой» и финские швейцар с горничной.

План Герасимова сработал успешно. Боевая организация социалистов-революционеров была полностью разгромлена. Все ее члены оказались в полиции. В Петербурге стало заметно тише. Улеглись слухи, перестали страшить публику газетчики. Закрытый военный суд приговорил обоих террористов Зильберберга и Сулятицкого к смертной казни. Правда, в целях полицейской конспирации их истинные фамилии не назывались.

Герасимов отправил отчет государю, в котором писал, что раскрытию организации террористов помогла заспиртованная голова. За ними начали следить еще в Финляндии. Все они признались, были установлены их подлинные имена и фамилии. Все они осуждены военным судом. Прочитав отчет, царь выразил свое удовольствие и присвоил полковнику Герасимову, начальнику петербургского охранного отделения, звание генерала.

Фальшивый капитан из Кёпеника

В истории криминалистики едва ли найдется второй такой случай, когда реальному персонажу – вору, мошеннику, грабителю, нарушителю общественного порядка, отсидевшему в тюрьме немалые сроки, поставили… памятник. За какие же добродетели перед входом в краснокирпичное здание ратуши района Берлина Кёпеник установили бронзовую статую в полный рост человеку в форме офицера прусской армии, который совершил вооруженное ограбление в этой самой ратуше в 1906 году?

В уголках губ легкая усмешка, лихие, закрученные вверх усы эпохи кайзера – признак принадлежности к армейскому сословию. Автор памятника, в это тоже трудно поверить, российский соотечественник скульптор Спартак Бабаян. Каждый прохожий, каждый житель Берлина прекрасно знает – это знаменитый хауптман, или капитан, Вильхельм Фойгт, он же капитан из Кёпеника. В один прекрасный осенний день 1906 года он, будучи безработным, не зная, чем заняться, где раздобыть денег, напялил на себя военную форму и начал творить чудеса. Он наделал столько шуму в Берлине, что о нем заговорили по всей Германии, далее эхо прокатилось по Европе и отозвалось за океаном. Он привлек внимание к себе августейшей особы кайзера Вильгельма II. Подвигам Фойгта были посвящены книги, пьесы и даже фильмы.

Он был простой вор, но наличествовали в нем какое-то обаяние и особая национальная черта, которая всем показалась очень немецкой. Точнее, в совершенном им поступке проявились лучшие традиции немецкой нации – беспрекословное послушание приказу и почитание военной формы.

Итак, Вильхельм Фойгт родился 13 февраля 1849 года в городе Тильзите, в том самом, в котором ранее, в 1807 году, между русским императором Александром I и Наполеоном I был подписан известный Тильзитский мир. (После Второй мировой войны город Тильзит исчез с карты, вместо него появился город Советск в Калининградской области.) Вильгельм, сын сапожника, окончил три класса городской школы и после этого ни к какому образованию не стремился. Он никогда не был солдатом, нигде не служил, нигде не работал, зато тюрьму и воровские повадки познал с самого детства. Общий тюремный «послужной» срок составлял свыше 35 лет. Отсидел он, однако, только двадцать пять. Фойгт был вдовцом, на свободе у него оставалось четверо детей, которых он толком не знал.

В 1906 году, когда ему исполнилось 57 лет, он в очередной раз вышел на свободу. Ни семьи, ни дома, ни денег. Куда податься? На работу его не принимали по той простой причине, что у него не было паспорта, а паспорт по закону он не мог получить, потому что нигде не состоял на учете на службе, так как большую часть своей сознательной жизни сидел в тюрьме. Сложился заколдованный круг. На какие средства жить? Надо было что-то придумать.

Следует отметить, что по своей натуре Вильхельм Фойгт был плутоватым малым и, где можно было обмануть, он не стеснялся и вышел из тюрьмы не совсем уже бедным. Как установили позднее судьи, за время последней отсидки он заработал 227 марок, по тем временам вполне приличная сумма, которую вручили ему при выходе из казенного учреждения. Мог он получить и паспорт, в частности заграничный, да только не спешил, решил заняться делом прибыльным и простым. И вот 8 октября 1906 года на базаре города Потсдама, соседа Берлина, он купил себе военную форму – китель, галифе, шинель и шпагу в ножнах. Хотел достать и кайзеровскую каску со шпилем и золотым орлом, но не нашел, заменил ее обычной офицерской фуражкой.

Рано утром 16 октября он тщательно побрился, переоделся в форму, которая сидела на нем как влитая и, надо сказать, очень шла ему. В таком парадном виде он отправился на окраину Берлина, в район Кёпеник. Для храбрости и для проверки правдоподобия созданного им образа хауптмана зашел в кафе, выпил чашечку кофе. Все прошло благополучно, обслужили его с подобающим пиететом. А в это время на учебном полигоне у озера Плётцензее проходила смена военного караула. Освободившийся караул – три солдата во главе с ефрейтором гвардейского стрелкового полка – направлялся в свою часть, как на пути ему повстречался высокий армейский чин – хауптман. Тот остановил караул и приказал немедленно вернуться на учебный полигон, забрать с собой весь караул и подчиняться его приказу. Ефрейтор все выполнил, как приказал ему хауптман.

Таким образом в распоряжении Фойгта оказались семь вооруженных солдат и два ефрейтора – Клапдор и Мухе. Фойгт объявил своей команде, что по высочайшему приказанию, подразумевается его величество кайзер Вильгельм II, они должны выполнить одно важное поручение. Какое, не сказал, тайна. Для выполнения задания прежде всего следует подкрепиться. В станционном буфете хауптман вручил ефрейтору Мухе две марки, на которые тот купил пиво. Настроение у всех сразу поднялось. После этого Фойгт открыл своим подчиненным, что им предстоит

занять ратушу в Кёпенике. Они арестуют бургомистра и все руководство ратуши. Ни у одного из солдат не возникло ни малейшего сомнения в том, что перед ними настоящий капитан и что он выполняет данное ему поручение от высочайшего лица.

В Кёпенике они двигались бравым строем по направлению к ратуше. Новоиспеченный хауптман отдал приказ: поставить стражу на входе в ратушу и никого не впускать и не выпускать из нее. Сам он вместе с другими солдатами поднялся наверх. Фойгт, который совершенно не знал расположения комнат, первой открыл дверь в кабинет старшего секретаря герра Розенкранца и объявил ему от имени его величества об аресте. Оставив двух вооруженных солдат, он нашел кабинет бургомистра Лангерханса и снова от имени его величества объявил об аресте.

Капитанская форма Фойгта в ратуше Кёпеника

Для бургомистра появление в его кабинете вооруженных солдат, возглавляемых хауптманом, явилось полной неожиданностью. Он полностью растерялся. Хауптман Фойгт заявил ему, что управление районом Кёпеник перешло в его руки, он принимает все решения и будет оставаться в ратуше до девяти. Пришедший в себя бургомистр поинтересовался: кто отдал

приказ о его аресте, какие силы стоят за хауптманом? На что Фойгт ответил, бургомистру нечего волноваться, и спустился на улицу. Он приказал еще двум уличным жандармам и обер-вахмистру наводить порядок перед зданием ратуши, так как там стали собираться люди. К вечеру Фойгт принял решение взять кассу. Служащий в кассе сказал, что в сейфе находится два миллиона. Но эта сумма Фойгту показалась баснословной, он взял из кассы около четырех тысяч марок, оставил расписку о том, что он, Вильгельм Фойгт, взял из кассы ратуши Кёпеник означенную сумму. После этого он отдал приказ своим солдатам оставаться на охране здания, а сам с деньгами удалился.

В ратуше царило беспокойство, никто не знал, что делать дальше. Наконец солдаты самовольно покинули помещение, и бургомистр принялся звонить в комендатуру, чтобы выяснить, что за хауптман прибыл в ратушу и арестовал его. В это время совершенно случайно в берлинской комендатуре находился младший сын его величества кайзера Вильгельма, принц Иоахим, прибывший туда вместе с генералом графом Мольтке. Несколько звонков в гвардейский стрелковый полк… И тотчас выяснилось, что никто никакого хауптмана никуда не посылал и никакого задания не давал, а бургомистр и его служащие стали жертвой элементарного мошенничества. В ратушу тотчас прибыли полицейские, представители следственной комиссии. Тогда же был создан словесный портрет фальшивого хауптмана, который действует от имени его величества и занимается грабежом государственных учреждений.

Уже на следующее утро по Берлину были расклеены плакаты с внешностью Вильхельма Фойгта, мужчины 45–50 лет, с кайзеровскими усами, рост 170–180 сантиметров. Награда за сведения – две тысячи марок. Вскоре на одной железнодорожной станции в общественном туалете полиция наткнулась на брошенную хауптманом шпагу, спустя некоторое время нашли и брошенную им форму. И тут заявление в полицию сделал владелец магазина готового платья на Фридрихсштрассе, который сообщил, что у него примерял обувь человек, похожий по описаниям на фальшивого хауптмана. Еще одно заявление сделал бывший заключенный, который сидел вместе с Фойгтом и опознавший его на плакатах. Кольцо постепенно сузилось.

26 октября рано утром на Лангештрассе, где, по собранным сведениям, Вильхельм Фойгт снимал комнату, прибыло несколько нарядов полицейских, снайперы сидели на крыше, вели наблюдение за входом в жилой дом. Фальшивый хауптман сидел за столом и завтракал. Ворвавшиеся в его комнату вооруженные полицейские были удивлены увиденным – в нижнем белье за

столом сидел пожилой человек. Он не оказал никакого сопротивления, а только вежливо попросил разрешения завершить завтрак. Что и было ему милостиво разрешено. Вообще полицейские обращались с ним чрезвычайно вежливо, будто он не вор, не грабитель, не нарушитель общественного порядка, а большая птица. В автомобиле его доставили в здание Полицайпрезидиума на Александерплатц. И здесь с ним обходились как с «уважаемым» арестантом. За всем этим «театром» скрывалось внимание к нему со стороны его величества, его тезки кайзера Вильгельма, которому об этом курьезном деле в красках расписал его сын Иоахим, от чего кайзер зашелся в смехе. Такого розыгрыша Германия еще не знала. Именно кайзер произнес слова, ставшие крылатыми, о том, что проявленное служащими уважение к форме – свидетельство почитания к власти и умения подчиняться приказу. «Едва ли такое возможно в какой-либо другой стране!» Эта фраза разнеслась по Берлину и по всей Германии, а внимание к Фойгту сделалось повышенным.

Его судили. Он полностью признал свою вину, покаялся. Его приговорили к четырем годам тюрьмы. «Берлинская иллюстрированная газета» писала, что если бы Фойгта оправдали и выпустили из зала суда сразу, то народ поднял бы его на руки, встретил с триумфом. Второго такого шутника еще поискать… В тюрьме он оказался героем. С воли ему писали восхищенные письма, признавались в любви незнакомые женщины, слали в конвертах деньги. Отсидел он только два года, так как опять проявил смирение и покорность, завоевал у тюремного начальства хорошие оценки и был выпущен по милости его величества за примерное поведение. Его ожидали журналисты, писатели, артисты и просто любопытные, всем хотелось взглянуть на того, кто так легко и весело облапошил бургомистра и все руководство бургомистрата. Он сделался героем толпы, героем района Кёпеник и всего Берлина. В знак благодарности он отослал письмо своему тезке кайзеру Вильгельму II.

На берлинской сцене уже готовилась постановка «Хауптман из Кёпеника», ему предлагали выходить перед публикой перед каждым спектаклем, ему платили деньги, в киосках продавали открытки с его изображением в форме хауптмана, что также приносило ему деньги. Но полиция не спускала с него глаз. Однажды он поехал в Гамбург навестить свою сестру и по пути зашел в кабачок выпить пива. Предприимчивый хозяин предложил остановиться у него и обратился к местной публике с призывом посмотреть на фальшивого хауптмана. И снова ему аплодировали и давали деньги. Вместе со вторым ефрейтором

Клапдором ему устроили турне по всей Германии, затем в Бельгии. Однако в Голландии и во Франции на него смотрели с презрением, считая представителем немецкой военщины, немецкого пруссачества: тупости и глупости. Затем он отправился в Америку, где в Нью-Йорке выступал перед немцами-эмигрантами.

После возвращения домой он написал книгу «Как я стал хауптманом из Кёпеника». Накопив деньжат, Вильгельм отправился в Люксембург, где купил себе домишко по адресу: Рю Нойперг, 5. Он уже не выступал, но ходил в разрешенной ему форме хауптмана, играл в бильярд и карты. Скончался он в возрасте 73 лет, 4 января 1922 года. Но память о нем и его захвате ратуши жива до нашего времени. Со временем была создана целая «Кёпеникиада». Наибольшую известность получила сатирическая пьеса Карла Цукмайра «Хауптман из Кёпеника», по словам Томаса Манна, – лучшая комедия мировой литературы после гоголевского «Ревизора». Впервые она была поставлена на берлинской сцене в 1931 году, и сегодня ее можно увидеть в репертуаре Театра Максима Горького в Берлине.

Позднее о знаменитом авантюристе были сделаны три игровых фильма. Наиболее удачной оказалась лента режиссера Хельмута Койтнера, где в 1956 году в роли Фойгта снялся популярнейший немецкий актёр Хайнц Рюманн. В советском прокате фильм назывался «Сила мундира». Жители Кёпеника решили возвести памятник прославленному сапожнику, собрали средства, пригласили скульпторов и объявили конкурс. Выиграл проект Спартака Бабаяна. И через 90 лет, осенью 1996 года, прусский хауптман появился у входа в ратушу. Нынешние чиновники оказались настолько благоразумными, что разрешили раз в год устраивать даже аттракцион для туристов с арестом бургомистра. Тогда возле красной ратуши появляются ряженые в форму хауптмана, два ефрейтора и семеро солдат, все они вооружены и идут на захват…

Операция на улице Пэлл-Мэлл

В районе шикарной улицы Пэлл-Мэлл в Лондоне, где издавна селились члены королевской фамилии, в начале XX века стали появляться богатые торговые фирмы. В 1907 году особый интерес у прохожих вызвала витрина новой лондонской корабельной компании, совершавшей далекие поездки в Австралию. На витринном стекле висело объявление о вербовке рабочих на золотые прииски. За стеклом были выставлены сиявшие первозданной чистотой настоящие слитки золота. Нашлись «специалисты», которые решили похитить блестевшие у всех на виду сокровища. Для этого они разработали хитроумный план.

Слитков было три. Самый большой весил 37 английских фунтов и стоил 5100 фунтов стерлингов, средний весил 29, а самый маленький – 22 фунта. Общая стоимость всех трех превышала 11 тысяч фунтов стерлингов. Сумасшедшая сумма для того времени! По современному курсу самый большой слиток стоил бы примерно 10 миллионов долларов, а все три – 20 миллионов! Слитки принадлежали, однако, не корабельной компании, а правительству Нового Южного Уэльса в Австралии. Компания же была лишь уполномочена выставить их для возбуждения в обществе интереса к золоту, для привлечения желающих отправиться на разработки открытых приисков около Грей-Ранга. Каждому завербованному обещали хорошие условия, за усердный труд солидное вознаграждение.

Но желающих «озолотиться» нашлось немного. Люди сведущие рассказывали, что Австралия – континент для ссылки каторжных, а точнее, просто гигантская тюрьма в океане. Если кто и польстится на обещания, то едва ли положит в карман хоть грамм золота. Заработанных денег просто не хватит на обратный путь. Там никто ничего не строит, живут в землянках, только копают, болеют и умирают. А выставленные слитки – это из Лондонской биржи. В общем, сплошное надувательство.

Как известно, первая «золотая лихорадка» охватила жителей Старого Света еще в 1848 году, когда были открыты запасы золота в далекой американской Калифорнии. Туда сразу потянулись искатели приключений. Некоторые сумели добыть богатство и вернулись на родину состоятельными людьми, но подавляющее большинство старателей, не выдержав лишений, погибли. В 1853 году счастье, казалось, улыбнулось самой Англии, было найдено золото в Австралии – ее колонии. Страну тоже охватила «золотая лихорадка». На далеком заокеанском континенте в 1872 году поисковики обнаружили крупнейший в

мире самородок, так называемую «Плиту Холтермана», которая состояла из золота, сросшегося с кварцем. Общая ее масса достигала 275 килограммов. Когда эту плиту раздробили, то получили чистого золота свыше 93 килограммов.

У витрины корабельной компании горячо обсуждались все факты за и против поездки. К толпе периодически выходили служащие и уговаривали людей отправиться на поиски золота. Рассказывали, что прекрасно оснащенные корабли без особых проблем доставят их в экзотический край с благословенным теплым климатом. Но желающих все равно было мало. Зато в толпе вскоре появились те, кто задумывался совсем о другом – как завладеть выставленным сокровищем. Сделать это было очень непросто. Днем возле витрины постоянно дежурил полицейский, каждые три часа его сменял другой. На ночь слитки убирали, и полицейский уходил…

10 сентября 1907 года из ворот новой лондонской тюрьмы «Вормвуд скрабз» вышел тридцатилетний взломщик-профессионал Джон Бэйли, который за попытку ограбить Сити-банк отсидел три года. Его не ждал никто. Ему хотелось побыстрее уйти от краснокирпичных стен тюрьмы, избавиться от запаха несвежего белья и надоевшей гороховой похлебки. Он спешил в центр города, на улицу Пэлл-Мэлл. Его влекло туда желание увидеть наконец слитки, о которых ему столько рассказывали сокамерники. У огромного витринного стекла стояли люди. Джон подошел и уставился на золотые слитки. Сокамерники не соврали. Три выставленных бруска показались ему самыми прекрасными на свете. Они его заворожили. Джон начал думать, как обмануть полицейских.

Опыт по части ограбления у Бэйли был солидный. Он всегда действовал в одиночку. Был у него излюбленный прием. Рано утром он направлялся к коммерческому банку, где осматривался и прятался. Вместе с первым служащим, открывавшим дверь, приставив к его горлу мощный нож, входил в помещение. Бэйли забирал деньги из кассы и спокойно покидал банк. До начала рабочего дня оставался как минимум час. Этого времени было вполне достаточно, чтобы скрыться в одном из укромных уголков трущобного Лондона. Но с Сити-банком ему не повезло. Рано утром дверь в него открыл не служащий, как предполагал Бэйли, а переодетый полицейский. Он-то и привел взломщика в участок. Бэйли не оказал никакого сопротивления. На суде Джон утверждал, что не собирался грабить банк, а только хотел кое-что узнать о кредите. Все дело испортил найденный в его кармане нож. Именно после того процесса английским банкам было настоятельно рекомендовано открывать входные двери не одному

человеку, а как минимум двум.

У Джона не было дома. Он пришел к старому знакомому Грегори Клайву, с которым его связывало криминальное прошлое. Именно ему и рассказал о своем намерении ограбить корабельную компанию. Тот, не долго думая, согласился принять в этом участие. При успешном проведении всей операции, которую назвали «Пэлл-Мэлл», они рассчитывали заработать как минимум пять тысяч фунтов стерлингов!

Улица Пэлл-Мэлл. Гравюра XIX в.

На следующее утро Бэйли, переодевшись в черный сюртук с котелком, с деловым видом прохаживался на Пэлл-Мэлл. Его заинтересовало расположенное рядом с корабельной компанией здание, во дворе которого находились складские помещения винного предприятия. Бэйли наблюдал, как рабочий выкатывал из подвала пустые винные бочки, закатывал полные. Бэйли подошел к рабочему и, назвавшись представителем нового винного склада, спросил о его заработке. Узнав, что за неделю тяжелого труда рабочий получает всего пять шиллингов, удивился такой мизерной оплате. Он предложил тому вдвое больше и, назвав рабочему адрес конторы, порекомендовал незамедлительно отправиться туда. Там как раз набирают новых сотрудников. Для убедительности Бэйли даже вытащил портмоне и пошуршал ассигнациями. Он готов был выдать аванс – десять фунтов стерлингов! Рабочий, не веря своему счастью,

завороженно смотрел на деньги, а затем побежал к своему хозяину брать расчет. А Бэйли между тем осмотрел широкий двор, вход в подвал.

Вскоре рабочий, получив неожиданно крупный аванс, отправился по указанному его новым нанимателем адресу, а Бэйли направился к конторке хозяина склада. Тот был очень расстроен. Работа встала, бочки грузить было некому. Представившись сотрудником страхового общества, Бэйли, узнав о его проблемах, предложил своего рабочего, который прекрасно справился бы с этим делом в считаные часы. К тому же он более покладист и его вполне устроят пять шиллингов за неделю. Хозяин несказанно обрадовался предложению. И они, не торгуясь, ударили по рукам.

На следующий день у хозяина появился новый складской рабочий. Это был Грегори Клайв. Он с рвением принялся закатывать в подвал полные бочки, выкатывать пустые, а между делом внимательно смотрел кругом. Опасаться ему было нечего. Через три дня Грегори докладывал Бэйли, что узнал, в какое время проходит смена постовых, сколько народу собирается у витрины с утра, когда людей меньше всего и когда стихает транспортное движение на Пэлл-Мэлл. Он также узнал, что хозяин склада во второй половине дня отправляется к своим заказчикам.

Замысел Клайва был прост: каким-либо образом отвлечь полицейского, затем разбить витрину, схватить слитки и уехать на автомобиле. Кроме того, они решили изготовить дубликаты трех слитков, чтобы в случае прямой опасности кинуть их обратно в витрину, пока там разберутся, они с настоящими скроются от погони.

Достать автомобиль – задача не из легких. В те годы автомобили на улицах не парковали. Их загоняли во двор, запирали ворота, а ключи от зажигания находились у шоферов. О том, чтобы завести двигатель, который при этом издавал неимоверный грохот, не могло быть и речи. Значит, следовало отыскать шофера, который за приличное вознаграждение согласился бы участвовать в операции. Именно так и поступил Бэйли.

Через знакомых ему удалось найти подходящего водителя. Этот малый, Том Нельсон, связанный с воровским миром, владел открытым «роллс-ройсом», который сдавал в аренду, и одновременно вместе со своим сыном участвовал в небольших кражах. Пришлось посвятить его в некоторые тонкости намечавшегося плана. Тот, узнав о своей доли в тысячу фунтов стерлингов, без промедления дал согласие. Его это устраивало

даже при условии, что он может потерять свою уже изрядно потрепанную автомашину. Для отвлечения полицейского Том Нельсон посоветовал подключить к делу своего сына, который бы и отвлек полицейского. Теперь все роли были распределены.

Итак, в три часа после полудня, когда движение на Пэлл-Мэлл несколько стихло, напротив витрины корабельной компании остановился автомобиль с откидным верхом. На его заднем сиденье находился крашеный деревянный ящик. Потрепанный черный «роллс-ройс» не вызвал большого интереса у глазевших на витрину людей. Сидевший в нем шофер в кожаной кепке и больших очках ждал своего хозяина, который вошел в ворота соседнего дома. Возле витрины прохаживался полицейский. Он только что заступил на вахту, ему предстояло три долгих часа маяться на солнце. Размышления полицейского прервал выбежавший из ворот дома худощавый мальчишка в потертом костюме. Он остановился перед ним, по его щекам текли слезы.

«Прошу вас, помогите! – неожиданно заголосил мальчишка. Полицейский недоуменно посмотрел на него. – Мой отец на складе свалился в глубокую яму в винном подвале. И его придавило бочкой. Он не может подняться. Помогите ему! У меня нет сил!» – рыдал мальчишка.

Полицейский посмотрел по сторонам, но никто из прохожих не собирался прийти бедняге на помощь. А несчастный мальчишка стоял перед ним, плакал и, наконец, стал дергать за рукав: «Ну пойдемте же скорее… Иначе он погибнет!»

И полицейский, поправив на голове свой шлем, рванул вместе с мальчишкой за ворота. Тот бежал впереди и показывал дорогу. Вот и подвал. Дверь в него была открыта. Оттуда из глубины доносились стоны. Полицейский заглянул вниз, крикнул. Стоны сделались громче, кто-то звал на помощь. Полицейский, не раздумывая, впотьмах стал осторожно спускаться по лестнице. Оставшийся наверху мальчишка плотно закрыл за ним дверь.

Через несколько минут из подвала снова появился полицейский, он тяжело дышал. Это был переодетый Грегори Клайв. Мальчишка, как и договаривались, убежал домой, где ему было приказано ждать отца с компанией. Новоиспеченный полицейский отправился к своему посту. На улице за время его отсутствия ничего не произошло. А настоящий полицейский, оглушенный, связанный, с кляпом во рту и без формы, лежал в самом дальнем помещении дворового подвала. В этот момент шофер, это был Бэйли, дождавшись своего хозяина, это был Том Нельсон, стал разворачивать машину. И сделал это настолько

неловко, что заехал на тротуар, прохожие расступились. А когда он проезжал чуть ли не вплотную с витриной корабельной компании, его мотор неожиданно заглох. Полицейский, наблюдавший за этой сценой, покачал головой и крикнул шоферу, чтобы тот побыстрее освободил тротуар. Тот выпрыгнул из машины и открыл капот.

На шум из здания вышли несколько служащих. Они тоже с интересом взирали на заглохшую машину. Все стали советовать шоферу, как завести или хотя бы откатить машину подальше от витрины. И тут случилось неожиданное. Сидевший рядом с водителем пассажир в котелке резво вскочил со своего места и на глазах у всех разбил витринное стекло. Он схватил самый крупный слиток золота и бросил его в открытый деревянный ящик на заднем сиденье машины. Шофер моментально сел на место и завел мотор. Все остолбенели. И тут полицейский словно проснулся, закричал: «Стойте, мерзавцы, стойте! Отдайте слиток! От меня не уйдете!» Он вскочил на подножку уже заведенного автомобиля и схватил пассажира за плечо. «А ну отдавай слиток!» – снова крикнул он. Тот, видимо, испугавшись, повернулся назад, достал из ящика слиток и вернул его стража порядка. Полицейский, схватив за сюртук грабителя, притянул его к разбитой витрине и заставил положить слиток на место, а потом снова отвел к машине. «Сейчас я вас всех отвезу в полицейский участок, – громко сказал он и, обернувшись к водителю, еще громче крикнул: – Поезжай на Чарринг-Кросс! Там с вами разберутся, кто вы такие».

Остолбеневшие служащие корабельной компании и уличные зеваки молча следили за действиями полицейского. Никто не вымолвил ни слова. И только когда машина съехала с тротуара и, набрав скорость, свернула за угол, двое из служащих подошли к витрине, чтобы осмотреть разбитое стекло. Тут-то они и заметили подделку – самый крупный слиток был подменен на фальшивый. До Чарринг-Кросс пешим ходом было двадцать минут, и служащие корабельной компании тотчас помчались туда. Но, увы, прибыв к полицейскому участку, не увидели ни черного «роллс-ройса», ни полицейского. Никто туда не подъезжал. Может быть, полицейский имел в виду другой участок?

Напрасно они теряли драгоценное время и надеялись на возвращение черного «роллс-ройса». Напрасно звонили в другие участки. Напрасно ждали постового полицейского. Тот так и не появился. Никто тогда из представителей корабельной компании и предположить не мог, что они стали жертвами хитроумно проведенной грабительской операции. Обман раскрылся только после того, как на пост заступил сменщик. Он не мог себе

представить, что его коллега участвовал в ограблении.

Только на следующее утро сыщики Скотленд-Ярда обнаружили запертого в винном подвале раздетого и связанного постового полицейского. Его допрос позволил воссоздать картину совершенного дерзкого ограбления. Позднее удалось найти и подкупленного рабочего винного склада, но его допрос не много дал. К делу он оказался непричастен, грабителей не знал и раньше с ними не встречался. По описанию свидетелей были составлены словесные портреты мужчин среднего возраста и мальчишки лет десяти. Их приметы развесили на афишных тумбах и на стенах домов. Газеты сообщали подробности ограбления.

…Через два дня в районе Лондона Уайтчапел был найден брошенный старенький «роллс-ройс» с деревянным ящиком. Это был тот самый автомобиль, на котором преступники увезли слиток золота. Его опознали свидетели. В ящике оказались форма полицейского и две деревянные болванки, обернутые золоченой фольгой, – поддельные слитки золота. Попытки найти хозяина автомобиля ни к чему не привели – «роллс-ройс» числился краденым.

После ограбления на улице Пэлл-Мэлл прошли годы. Полиция не прекращала поисков. К делу привлекались сотни людей, но после проверки их отпускали. К разбитой витрине и украденным слиткам они не имели никакого отношения. Ни привлеченные прославленные суперагенты Скотленд-Ярда, ни частные детективы не сумели выйти на след трех мужчин среднего возраста, ловко на виду у всех осуществивших ограбление и ушедших от погони. Корабельная компания, потерявшая самый большой золотой слиток, понесла большие убытки и закрылась. Витрину заколотили деревянными досками. Правда, народ долго еще собирался возле нее, обсуждая удивительное ограбление. Злые языки утверждали, что теперь «золотая лихорадка», слава богу, кончилась и людей больше не будут сманивать поездками в благословенную Австралию, ставшую приютом для каторжников и беглых бандитов.

Эта история вошла в летопись криминалистики Лондона. Специалисты утверждали, что кража австралийского слитка золота на Пэлл-Мэлл была одной из самых хитроумно спланированных и проведенных операций начала XX века.

Московский Шерлок Холмс

В 1914 году в княжестве Монако во время проведения Первого Международного конгресса криминальной полиции, в котором участвовали руководители полицейских служб из 24 стран, в том числе и России, Московская сыскная полиция, которую возглавлял тогда Аркадий Францевич Кошко, по раскрываемости преступлений была провозглашена одной из лучших. В России и за рубежом о Кошко заговорили как о московском Шерлоке Холмсе, который использует в своей деятельности самые передовые методы криминалистики, в том числе фотографию, дактилоскопию и антропометрию. Широкая известность пришла к нему после раскрытия одного нашумевшего уголовного дела – кражи в Успенском соборе Московского Кремля в 1910 году.

Управление сыскной полиции размещалось в то время в Малом Гнездниковском переулке Москвы. Ранним весенним утром Кошко разбудил звонок. Говорил дежурный по управлению, который тревожным голосом сообщил, что в Успенском соборе произошло, видимо, ограбление. Взломщик заранее прошел в Кремль, а после службы остался в соборе. Его видели солдаты караульной службы, но найти не смогли.

Это было пренеприятное известие. Успенский собор в Кремле, один из старейших на Руси, был построен еще при Иване III в 1479 году итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. С того времени он считался главным храмом Московского государства. В нем хранились Гвоздь Господень и Владимирская икона Божией Матери. А его гигантский иконостас от пола до потолка являлся чудом церковного и ювелирного искусства, он переливался золотом и серебром. Кто мог покуситься на святыни этого собора? Похитить иконы – затея бесперспективная. Все они известны, коллекционер их не купит, если только вывезти за границу, но кому могла прийти в голову такая бредовая идея? Кошко направился в Кремль…

Там он узнал, что солдат, охранявший собор, увидел в узком окне бойницы человека, который пытался вылезти из собора. Солдат окликнул его. Тот, видимо, не услышал. Тогда солдат произвел выстрел. Человек моментально скрылся внутри. Ворота собора были заперты с вечера. Где он мог спрятаться? Только в соборе. Надо искать там.

Аркадий Кошко уже два года возглавлял Московский уголовный сыск. При его непосредственном участии были раскрытых сотни убийств, грабежей, бандитских налетов. Он

выезжал по самым неотложным уголовным делам в Санкт-Петербург, другие города России. Он накопил колоссальный криминалистический опыт, выезжал за границу делиться им с коллегами. Кошко прекрасно понимал, что внимание к этой краже проявит не только московское духовенство, но и императорская семья. Значит, жди высочайшего повеления.

Кошко распорядился закрыть все ворота Кремля. Он потребовал вызвать агентов, знавших воровской преступный мир, велел усилить патруль на близлежащих территориях, в том числе на вокзалах и на выездах из города. Но войти в Успенский собор и произвести там обыск он не мог – ключи находились у духовенства, которое последним запирало все двери. Время шло, наружный осмотр ничего не дал. На земле никаких следов не заметили. Часовой под присягой поклялся, что поста своего не покидал, на его выстрел на помощь прибежали еще солдаты, так что выйти из храма преступник никак не мог.

А.Ф. Кошко (сидит третий слева) с чинами Московской сыскной полиции

Когда появилось встревоженное духовенство во главе с митрополитом Владимиром, ворота в собор открыли. Первыми внутрь вошли несколько вооруженных полицейских. Они осмотрели храм изнутри. Никого в нем не обнаружили. Побывали во всех подсобных помещениях – пусто. Ни души. Человек,

которого видел солдат, как сквозь землю провалился. Но что он мог украсть? Священники первым делом проверили главную святыню храма – Владимирскую икону Божией Матери. К своей досаде, они обнаружили, что из оклада пропали самые большие и дорогие камни: бриллиант и изумруд.

Расспросив еще раз охрану и представителей духовенства, Кошко отправился в управление. Он пригласил к себе на беседу известных воров, содержателей малин, выслушивал сообщения агентов-нелегалов. Первые как один отрицали свое участие в ограблении Успенского собора. Вторые не могли сообщить ничего наводящего на след. Из Кремля по телефону также поступали неутешительные вести. Все сходилось к тому, что преступник оставался в храме. Но где прятался? Не мог же он, как птица, улететь по воздуху? Оставалось одно укрытие – гигантский иконостас, который занимал всю стену от каменного пола до самого верха. Расстояние между стеной и иконами составляло всего несколько сантиметров. Снимать иконы митрополит категорически запретил. Пришлось сыщикам длинными баграми прощупывать свободное пространство. Никаких результатов.

Кошко упросил митрополита оставить на ночь в храме вооруженных людей. Митрополит с неохотой согласился – утром нужно было проводить богослужение, он запретил всякую стрельбу. Едва рассвело, Кошко уже был в Кремле. Сыщики доложили ему, что ночь прошла спокойно, никто не объявился. И снова Кошко пришлось упрашивать митрополита не начинать богослужение. Он опасался, что именно этого момента как раз и дожидался скрывавшийся в соборе человек, надеясь раствориться в толпе. Кошко решил, что преступник должен быть невысокого роста и щуплым, почти ребенком, – только такой мог спрятаться за иконостасом.

Осада собора продолжалась три дня. В конце концов она дала результат. Ночью сыщики услышали какое-то шуршание. Затем из-за иконостаса появилась тонкая грязная фигурка и тут же упала в обморок. Это был худенький мальчишка лет четырнадцати. В обморок он упал от истощения и жажды. Прибывший по звонку Кошко тайно вывез юного грабителя, так как справедливо опасался мести толпы. Он сжалился над мальчишкой, который поднял на ноги всю московскую полицию, взбудоражил государя. Кошко напоил его, накормил, и тот чистосердечно признался во всем.

Как выяснилось, грабителем был Сергей Семин, ученик ювелира, разбиравшийся в драгоценных камнях. Он замыслил украсть драгоценности из икон. После службы спрятался в храме, вытащил камни из иконы и попытался выйти из собора, но его

испугал выстрел, и он залез за иконостас. Три дня он там скрывался, ждал, когда снимут осаду и начнется богослужение. Как обезьяна, мальчишка перелезал из одной ниши в другую, питался сухими просфорами, которые находил за иконами. Вытащенные драгоценности спрятал в одном из царских саркофагов. Чистосердечное признание, тем не менее, не спасло юнца от сурового наказания. Суд присяжных приговорил Сергея Семина к 8 годам каторжных работ…

После Октябрьской революции Кошко уехал за границу, жил во Франции, где написал свои мемуары. Скончался в Париже 24 декабря 1928 года.

Путешествие на тот свет

Убийство Коры Криппен, совершенное в 1910 году ее мужем американским доктором медицины Хоули Криппеном, удалось раскрыть во многом благодаря использованию только что появившегося беспроволочного телеграфа. Гомеопат доктор Криппен практиковал не у себя на родине, в Штатах, а в далеком Туманном Альбионе, в Лондоне, в качестве зубного врача. Его взбалмошная жена выступала в мюзик-холле, о своем муже не заботилась, но терять его не хотела – деньги в дом приносил он. Доктор же, познакомившись с молодой секретаршей Этель Ле-Нев, решился на последнее – убрать несносную жену, ставшую препятствием на пути к его счастью.

На вид это был невзрачный, невысокого роста, усатый, близорукий человек в очках с выпученными глазами – тип городского чиновника-зануды. Но доктор обладал многими достоинствами, он любил взятый им в аренду дом, садик, не стеснялся готовить на кухне и совсем не притеснял жену, которая танцевала и пела в третьеразрядном мюзик-холле, напропалую кокетничала с мужчинами, мало интересовалась жизнью своего супруга и иногда приводила с собой шумную подвыпившую компанию.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы семейная жизнь этой пары, если бы не новая юная секретарша Этель, которую взял в ассистенты доктор Криппен. Она была полной противоположностью Коре – спокойная, рассудительная, внимательная, с удивительными глазами. Доктор Криппен, которому в ту пору исполнилось уже пятьдесят, влюбился. Этель была моложе его на 26 лет. Отец и дочь, как иногда шутя называли они друг друга.

Его жена ничего не знала об этой связи, зубоврачебный кабинет мужа находился в другой части Лондона, и вела прежний разгульный образ жизни. Вечером 31 января 1910 года доктор Криппен с женой принимали в своем доме друзей Коры – артистов. Застолье продолжалось до половины второго ночи. После этой вечеринки никто не видел Кору, она исчезла. Доктор Криппен оставался в своем доме, а потом неожиданно к нему переехала его секретарша и стала пользоваться нарядами Коры, ее украшениями. Все это не могли не заметить люди, которые жили рядом с Криппенами. На все их расспросы доктор отвечал, что жена заболела, у нее воспаление легких и она уехала лечиться на родину в Калифорнию.

Доктор Х. Криппен

Следует отметить, что супруги прибыли в Лондон в 1900 году и каждый пытался реализовать себя. Но Кору не брали на ведущие роли, а диплом доктора Криппена в Великобритании не признавали, и он вынужденно занялся врачебной практикой, но они не бедствовали. Летом 1910 года о Коре вспомнили ее друзья из мюзик-холла. Она им понадобилась для выступлений. На вопрос, куда она исчезла, доктор сообщил им печальную весть: Кора умерла в Лос-Анджелесе, куда уехала еще зимой. Этот странный ответ и появление в доме молодой женщины послужили поводом для обращения в полицию. Там не придали большого значения этому факту – уехала в Америку, причем здесь полиция. Но друзья настаивали, что она не могла бросить сцену, ничего не сообщив друзьям.

Старший инспектор Дью отправился-таки в дом Криппена, но его не застал, только молодую женщину Этель Ле-Нев. Тогда он отправился в зубоврачебный кабинет. Встретивший его доктор Криппен нисколько не удивился визиту и объяснил, что о смерти Коры он говорил специально, чтобы ни у кого не возникло желания назвать его обманутым мужем – в действительности Кора с другим мужчиной уехала в Америку. Он не знает ее нового

адреса и не хочет ничего о ней знать. Все звучало очень правдоподобно. После этого старший инспектор еще раз побывал в доме Криппена, осмотрел его, ничего подозрительного не заметил и ушел состовлять протокол. Когда он снова пришел в дом Криппена через пару дней, то узнал, что доктор вместе со своей возлюбленной срочно съехал неизвестно куда. Этот поспешный отъезд насторожил инспектора, и он потребовал провести в доме и саду тщательный обыск.

В саду полицейские ничего не обнаружили, а вот в подвале дома под полом, под свежим слоем глины, натолкнулись на кровавое месиво. Это были останки человеческого тела и обрывки одежды. В тот же день из Скотланд-Ярда вышло письменное предписание, которое по телеграфу поступило во все вокзалы и порты Великобритании о необходимости задержать усатого человека лет 50, в очках с близорукими глазами в сопровождении девушки лет 24. Этот циркуляр 20 июля 1910 года поступил капитану британского пассажирского парохода «Монтроуз», который прибыл в Антверпен и принял на борт двух пассажиров – отца и сына Робинсон. Их поведение показалось капитану подозрительным – господин был усатым и близоруким в очках, а его сын больше смахивал на девушку. О своем подозрении он тут же телеграфировал в Лондон, в Скотланд-Ярд.

Судебные патологоанатомы, занимавшиеся обследованием останков человеческого тела, обнаруженного в подвале дома, уже установили, что в доме доктора Криппена были закопаны останки женщины лет 40. По некоторым признакам и шрамам на коже ее опознали как Кору Криппен. Доктор Криппен был объявлен в международный розыск.

23 июля старший инспектор Дью и его помощник сержант Митчелл срочно выехали в порт, но «Монтроуз» уже давно был в море. Агенты успели на отплывавшее в США другое скоростное морское судно «Лаурентик». Капитаны «Монтроуза» и «Лаурентика» по радиотелеграфу постоянно обменивались координатами, и 31 июля возле побережья Канады «Лаурентик» догнал «Монтроуз». Оба судна остановились в океане. К борту «Моунтроуза» приблизилась шлюпка. К удивлению пассажиров, высыпавших на верхнюю палубу, два господина из шлюпки поднялись на палубу. Они отыскали в толпе ничего не подозревавшего пожилого господина и его «сына». На глазах у изумленной публики им предъявили ордер на арест и обоих сковали в наручники…

Процесс по делу доктора Криппена продолжался пять дней, с 18 по 23 октября 1910 года. Под неопровержимыми доказательствами обвиняемый признался в убийстве своей жены.

Ее кости он сжег в печи. Присяжные признали доктора Криппена виновным. Его приговорили к смерти через повешение, а Этель Ле-Нев оправдали и освободили в зале суда.

Возвращение «Моны Лизы»

В понедельник 21 августа 1911 года Лувр, как и другие крупные художественные музеи Парижа, для посетителей был закрыт. В залах находились только служащие. Тридцатилетний декоратор Винченцо Перуджия, итальянец по происхождению, одетый, как и другие, в форменный халат, переходил из зала в зал. Он шесть лет работал в Лувре, следил за общим состоянием картин. Но в тот день его интересовала только одна из них – известное полотно Леонардо да Винчи «Мона Лиза», написанное мастером в 1505 году. Перуджия ждал, когда служащие покинут залы. Он хотел незаметно вынести портрет.

Перуджия хорошо знал, что «Мона Лиза» – одно из лучших и загадочных творений Леонардо. Чарующая полуулыбка Джоконды манила посетителей неизъяснимой тайной. Гениальный соотечественник Винченцо, итальянец Леонардо да Винчи, сумел передать в этой картине чистоту и кротость женского характера. Но Перуджию мало заботила творческая манера его именитого соотечественника, он руководствовался чисто коммерческим интересом – продать картину и получить за нее хорошие деньги.

Недалеко от музея, в укромном переулке, его ждали сообщники – свободные художники-реставраторы Ив Шадро и Эдуардо де Валферно. Они были настоящими мастерами своего дела и одновременно… профессиональными мошенниками. Эти мастера умело подделывали оригиналы. Свое «искусство» они с успехом опробовали в странах Южной Америки, где находили какого-нибудь разбогатевшего торговца или страстного коллекционера ценностями, разжигали их интерес к настоящим шедеврам мировой живописи, а затем за приличное вознаграждение обещали достать понравившуюся ту или иную работу, даже из государственной галереи его страны.

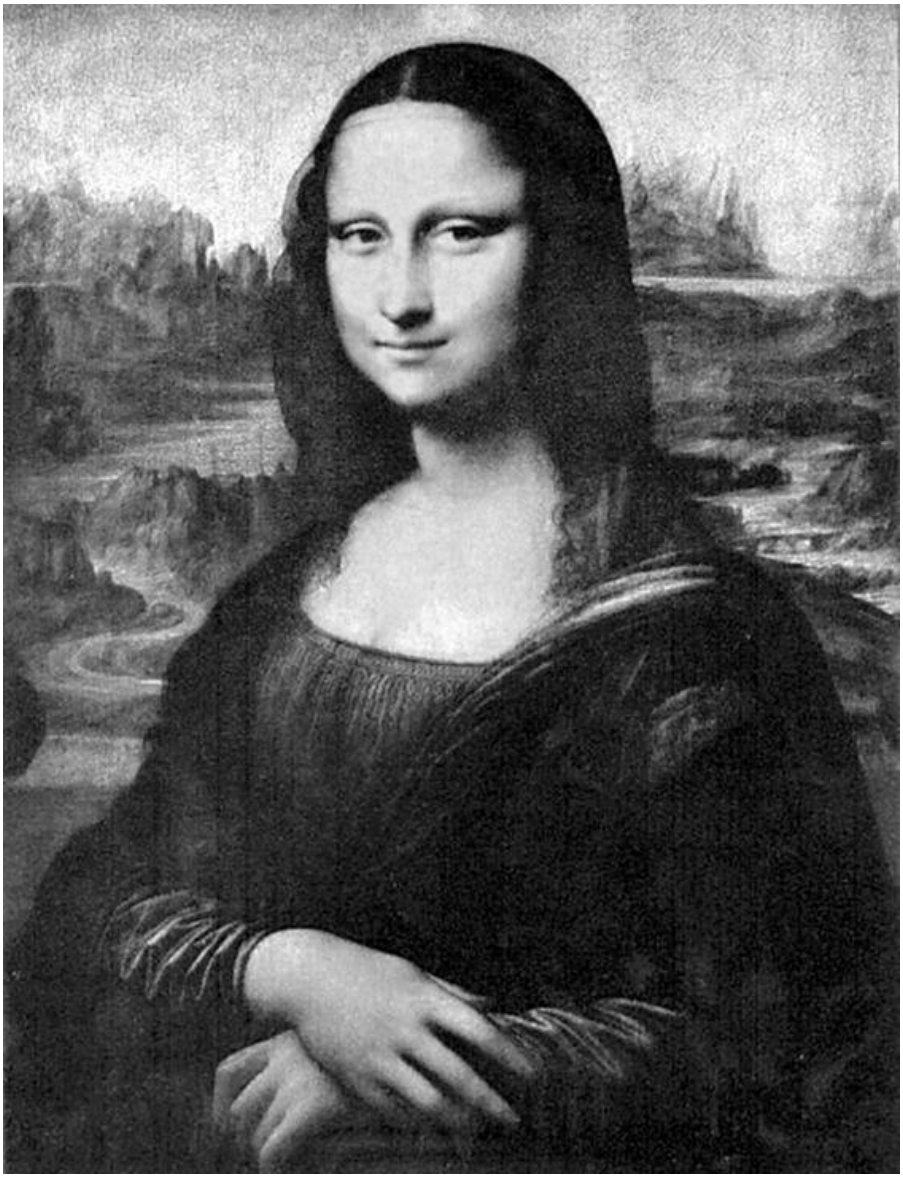
Действовали они по отработанному плану. Сначала приглашали коллекционера в государственную галерею. Он указывал на оригинал, который хотел бы иметь у себя в частном собрании. После этого мошенники заключали с ним договор, получали задаток и сами являлись в галерею. Они представлялись французскими «экспертами» по живописи из Лувра и просили показать им намеченную картину для определения ее возраста и степени старения. Французским «экспертам» доверяли, вручали оригинал. За короткое время те изготавливали его точную копию. Далее якобы отреставрированный оригинал, смазанный, как правило, обычным касторовым маслом, они возвращали в музей, а коллекционеру

вручали копию, которую представляли оригиналом.

Коллекционер был доволен. Он был уверен, что в его личной галерее находится оригинал, а в государственном музее висит лишь его копия. Довольны были и служители музея. «Эксперты» из Лувра заверяли их, что теперь картина долго не потребует реставрации. И все расставались к взаимному удовлетворению. Деньги «реставраторы» получали приличные. Если мошенничество вскрывалось, то оба «эксперта» уже находились в другой стране.

Со временем Шадро и Валферно перенесли свое «искусство» в богемный Париж. В частной типографии они заказывали отпечатки страниц газет, в которых публиковались сообщения о краже знаменитых полотен. Эти газетные вырезки предлагались для ознакомления коллекционерам. Вырезки служили свидетельством ценности украденного полотна. Шадро и Валферно убеждали своих клиентов, что знают, где находятся «оригиналы», и могут их достать. Вопрос только в цене. Если клиенты соглашались их приобрести, то мошенники срочным порядком изготовляли копии. Работа у них спорилась. Отбоя от заказчиков не было, и деньги у обоих не переводились. В своей «работе» мошенники достигли такого совершенства, что даже знатоки не могли определить, где оригинал, а где копия.

Осматривая картины Лувра, они познакомились с итальянцем Перуджией. Простому декоратору они предложили хорошее вознаграждение, если он незаметно вынесет из музея знаменитую «Мону Лизу». Это полотно находилось в деревянной резной раме, покрытой бронзой, размером 77 × 53 сантиметра. Все трое сошлись во мнении, что продажа этой удивительной картины принесет им неплохие деньги.



Мона Лиза. Художник Леонардо да Винчи

Перуджия дождался наконец часа, когда последний реставратор покинул зал, где находилась работа да Винчи. Ему оставалось только вынуть полотно из рамы, спрятать под халат и спокойно выйти из зала, затем переодеться и покинуть Лувр. Его знали и поэтому не проверяли. Он благополучно вынес картину из музея и передал ее Иву и Эдуардо.

В запасе у них оставались сутки. В понедельник пропажу никто не заметит, а вот во вторник в музее начнется переполох.

Но к этому времени Перуджия с друзьями успеет уехать далеко от Парижа, они переберутся в укромное местечко на севере Италии…

Как и предполагали мошенники, пропажу обнаружили на следующий день. Вначале высказывались предположения, что ее забрали реставраторы. Но после того, как все вызванные реставраторы ответили, что не брали ее, персонал заволновался. А кто мог взять? Подозрения сперва пали на одного немца, который часто приходил в музей и откровенно восхищался женским портретом. Затем стали говорить, что ее украли по заказу американского миллиардера Джона Моргана, владельца собственной картинной галереи, оцениваемой в несколько десятков миллионов долларов, который давно проявлял интерес к «Джоконде». Только под вечер выяснилось, кто был истинным похитителем, – сотрудник Лувра, исчезнувший декоратор, итальянец Винченцо Перуджия.

Директор музея предложил полиции организовать широкий поиск преступника не только во Франции, но и за ее пределами. Были опрошены многие художники, реставраторы, были предупреждены все музеи и крупные частные коллекционеры. Но дни проходили за днями, а следы похитителей картины не обнаруживались. Ни из Германии, ни из Италии, ни из Испании не поступали сообщения о «Джоконде». Газеты на все лады расписывали подробности ограбления. Даже российская пресса подключилась к поискам и сожалела по поводу исчезновения прекрасной «Моны Лизы». В один миг эта картина стала знаменитой на весь мир. В газетах появились фотографии грабителя Винченцо Перуджии и украденной им «Моны Лизы», там же объявлялась премия, ее мог получить тот, кто укажет на след похитителя.

Теперь толпы людей приходили в Лувр только для того, чтобы посмотреть на то место, где она висела. Полиция не прекращала поисков. Фотографии предполагаемого преступника Винченцо Перуджии давно мокли под осенним дождем. Были звонки, поступали письма, однако ни одна из выдвигавшихся версий не подтверждалась. Никаких следов картины. Наконец из Португалии сообщили, что недалеко от границы с Испанией полиция задержала двух путешественников, в багажнике автомобиля которых обнаружен украденный из Лувра шедевр, портрет «Джоконда». В Португалию выехала делегация экспертов и журналисты. Увы, радость их была преждевременной. После обследования оказалось, что полиция нашла лишь очень слабую копию «Джоконды».

Сыщикам в голову не приходило, что похитители могли

вывезти ее с континента, например за океан, в далекую Америку. Вскоре историю с кражей полотна Леонардо да Винчи стали постепенно забывать. Между тем Перуджия, Шадро и Валферно, которые прекрасно понимали, что их будут искать в Европе и что сбыть на континенте похищенное полотно они не смогут, действительно увезли ее за океан.

Прибыв в Нью-Йорк, они стали искать покупателя. И тут Винченцо осенила блестящая идея: изготовить не одну, а несколько копий. За работу взялись Ив и Эдуардо. Они сидели в небольшой мастерской и трудились не покладая рук. Пока они трудились в мастерской, Винченцо подыскивал клиентов.

Первым клюнул на приманку коллекционер и покровитель искусства, тот самый миллиардер, владелец собственной художественной галереи Джон Морган. Эдуардо откровенно признался ему, что готов продать украденный из Лувра мировой шедевр – полотно великого Леонардо да Винчи «Мону Лизу». Да, да, ту самую картину, которую недавно похитили из Лувра. Коллекционер, который был уже наслышан об этой истории, вначале не поверил, а спустя некоторое время, подумав, согласился. Он решил, что если даже и не выставит эту картину у себя в галерее, то станет владельцем шедевра знаменитого да Винчи, а со временем все забудется.

Он подробно расспросил об обстоятельствах кражи и уверился, что имеет дело с «настоящими» ворами. В цене сошлись быстро. Эдуардо запросил всего 300 тысяч долларов. Приглашенные коллекционером эксперты подтвердили, что ему предлагается оригинальная картина «Моны Лизы» из Лувра. Картина перешла в собственность коллекционера, а Перуджия получил всю сумму наличными.

Джон Морган, убежденный, что приобрел мировой шедевр, спрятал его подальше от любопытных глаз. Еще пять точно таких же «оригиналов» были предложены другим коллекционерам, и каждый из них купился на «украденный из Лувра шедевр». В общей сложности на проданных фальшивках троица заработала около 2 миллионов долларов – по тем временам колоссальное состояние. Так как все эти противозаконные сделки осуществлялись нелегально, то, естественно, никто из новых владельцев и рта не раскрыл, что купил украденную «Джоконду» из Лувра.

Сам оригинал так и не был продан. Вернее, на него не нашлось покупателя, мошенники запросили слишком большую цену. А потом Винченцо решил его вообще не продавать. Он посчитал себя единственным владельцем картины, кто имеет право ею распоряжаться. Вспыхнула ссора. Его подельники

требовали продажи картины и дележа денег. Перуджия перехитрил их. В один прекрасный день он тайно покинул своих друзей, вместе с ним отбыла и «Мона Лиза». Это обстоятельство спасло, собственно говоря, творение великого мастера. Винченцо вместе с подлинником задумал вернуться в Италию.

…Свыше двух лет путешествовала «Мона Лиза» – из Европы в Америку и обратно. И Перуджия, которому снова потребовались деньги, посчитал, что этого срока вполне достаточно, чтобы о нем позабыли. Он поселился в северной провинции Италии Комо, занялся продажей антикварных изделий, но больших денег не получал. Когда прежние накопления подошли к концу, он задумал продать «Мону Лизу» и отправил письмо известному флорентийскому коллекционеру Гери с предложением приобрести у него настоящую «Джоконду». И назначил цену – полмиллиона франков! И подписался – живописец Леонарди из Парижа. Гери, знавший о пропаже из Лувра ставшей знаменитой картины да Винчи, показал письмо полицейским. Те предложили продолжить игру с Леонарди и пригласить его во Флоренцию, где бы он продемонстрировал полотно. Гери отправил ответное письмо, в котором выразил свое согласие приобрести знаменитую «Джоконду» за назначенную сумму и предложил художнику приехать во Флоренцию. Перуджия, посчитав, что напал на солидного покупателя, тотчас выехал во Флоренцию. Он остановился в гостинице «Триполи».

На встречу с «живописцем из Парижа» в гостиницу «Триполи» Гери пригласил еще одного «специалиста», министра искусств Италии Коррадо Риччи, большого знатока живописи и ценителя творчества да Винчи. В соседней комнате ждали полицейские. Риччи, увидев полотно, воскликнул: «Никакого сомнения! Это подлинник!» И в комнату вошли полицейские. Они объявили живописцу Леонарди, что он арестован и обвиняется в краже картины Леонардо да Винчи из Лувра 21 августа 1911 года. Перуджия не успел ответить, как на его руках защелкнулись наручники.

О найденном портрете «Моны Лизы» тотчас сообщили директору Лувра Пижоле, который не мог в это поверить. Он лично во главе делегации экспертов срочно выехал во Флоренцию. Пижоле и его коллеги удостоверили подлинность «Моны Лизы». Это был тот самый украденный из Лувра оригинал. На допросах Перуджия утверждал, что не собирался грабить Лувр, его целью была не нажива, а желание возвратить своему итальянскому народу творение их великого земляка, которое в качестве военного трофея вывез французский император Наполеон. Он говорил о том, что, если завоеватель император

Наполеон считается героем, то и он, Винченцо Перуджия, не может быть преступником. Но это его объяснение не посчитали достаточным для оправдания. Все присяжные на суде высказались единогласно – виновен. И Винченцо Перуджию отправили за решетку.

А картину между тем снова повесили в Лувр на то самое место, где она висела два с лишним года назад. С того времени для ее охраны были приняты особые меры – ее поместили за толстым стеклом и провели сигнализацию.

Анархисты в роли грабителей

Бунтарем француз Жюль Жозеф Бонно (1876–1912) был с детства, в школе особых успехов не имел, не ужился с учителями и одноклассниками и в 14 лет бросил учебу. За драку с полицейским в 1895 году его приговорили к тюремному заключению. Выучился он на механика, полюбил автомобили, но в 1903 году примкнул к анархистам, стал убежденным борцом с несправедливостью. В 1910 году в Лондоне Жюль некоторое время был личным водителем знаменитого писателя Артура Конан Дойля. Но мирная спокойная жизнь его не устраивала, он вернулся во Францию и… организовал банду из таких же, как сам, активных анархистов. Именно банда Бонно впервые во Франции стала совершать ограбления банков на автомобилях.

Для политической борьбы и для жизни – у Бонно были жена и ребенок – требовались немалые средства. Гнуть спину на хозяина он не хотел и решил экспроприировать у эксплуататоров нечестно нажитое. Вместе с тремя молодыми парнями, разделявшими его взгляды, Бонно собрал группу головорезов. Он рассказал о плане операции, раздал всем револьверы, и рано утром 21 декабря 1911 года, в канун Рождества, на украденном для этой цели роскошном быстроходном автомобиле «делоне-бельвилль» они отправились к известному в Париже банку «Сосьете Женераль».

План нападения был прост: дождаться, когда инкассатор покинет стены банка и вместе с охранником двинется по улице. Нападать должны были двое, сам Бонно с помощником оставались в автомобиле. Инкассатор и его охранник двигались по улице, когда на них напали двое вооруженных людей. Раздались выстрелы, инкассатор упал, охранник попытался вытащить оружие. Один из нападавших схватил мешок и побежал к машине. Наперерез ему рванули прохожие. Пришлось Бонно вступиться за своего товарища – выстрелами из револьвера он разогнал людей. Машина рванула с места с такой силой, что мешок с деньгами вылетел и угодил в канаву. Пришлось останавливаться, забирать его. Из банка в это время выбежали служащие, и снова зазвучали выстрелы…

На другой день все газеты сообщили о сенсационном ограблении – банда вооруженных молодых людей на автомобиле захватила 5 тысяч франков и 300 тысяч ценных бумаг. Добыча оказалась небольшой. Если ее разделить на четырех участников, то овчинка не стоила выделки, при этом был убит инкассатор, ранен охранник, несколько прохожих получили травмы. Шайку Бонно окрестили «гангстерами на колесах».

Ж.-Ж. Бонно

Полиция обнаружила брошенный «делоне-бельвилль» на окраине Парижа. Куда делись налетчики? Скорее всего, они снова вернулись в Париж. Полицейские предположили, что нужно ждать новых ограблений банков с участием автомобиля.

После дележа денег и ценных бумаг, которые никто не хотел брать, из-за опасности угодить в лапы агентов в случае их продажи, было решено продолжить практику. Но налетчики столкнулись с трудностями. Найти подходящий мощный автомобиль оказалось не так-то просто. Две попытки закончились ничем – один раз они застрелили шофера, но машина им не поддалась, и во втором случае застрелили шофера, но ограбить банк не решились. И только с третьей попытки в марте 1912 года по пути в Ниццу они остановили двигавшийся им навстречу мощный лимузин «де дион-бутон». Ничего не подозревавших шофера и его соседа они застрелили, тела выбросили в канаву.

На этой машине гангстеры отправились в местечко Шатийи, известное проведением конных спортивных соревнований. И там снова ограбили отделение все того же банка «Сосьете Женераль», при этом убили троих служащих. Добыча оказалась достойной – 50 тысяч франков.

Этот налет был последним для банды. Полиция во многих местах Парижа расставила посты, полицейские патрулировали улицы на автомобилях. К тому же несколько анархистов, которые в разное время принимали участие в вооруженных ограблениях, были схвачены полицией. Они начали давать показания против главаря банды Бонно. В одиночку он действовать не мог, вынужден был скрываться от своих и от чужих. Он нашел себе прибежище в поместье одного эксцентричного миллионера в Шуази-ле-Руа. Но агенты уже напали на его след. В Шуази выехал целый полицейский батальон – 1100 офицеров и рядовых полицейских. Жители были оповещены об операции – поимки главаря «гангстеров на колесах», они покинули дома и стояли в отдалении за ограждением, наблюдая за происходящим.

Бонно предложили сдаться. Вместо ответа он вышел на крыльцо и открыл огонь. Полицейские залегли. Бонно посмеялся и скрылся в доме. После нескольких часов осады было принято решение взорвать дом. В сторону дома полетели динамитные снаряды. Они взрывались, но особого вреда строению не причинили. Только после того, как в сторону дома выпустили целую серию динамитных снарядов, он превратился в пылающие развалины. Выстрелы из него больше не раздавались. Бонно обнаружили мертвым. Очевидно, выстрелом в голову он покончил с собой. После гибели Бонно полицейские также с боем захватили еще двух членов его банды.

На состоявшемся судебном процессе в феврале 1913 года в Париже обвинения были предъявлены семи анархистам. Двое из них были активными членами банды Бонно, другие лишь пособниками. В итоге трое были приговорены к казни на гильотине, а четверо к различным годам заключения. Более полувека о банде Бонно никто во Франции не вспоминал, как вдруг в 1968 году появилась книга, посвященная деяниям «гангстеров на колесах», и художественный фильм, в котором красочно показывались ограбления банков и убийства служащих. Бонно и его подельники сделались героями, а современные анархисты провозгласили его своим предтечей.

Нож в картину художника

Одну из самых драматичных картин знаменитого художника Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван», написанную им в 1885 году и изображавшую сцену убийства, не сразу разрешили выставить в Третьяковской галерее. Находились чиновники, которые отзывались о ней крайне неодобрительно, изображение казалось им излишне реалистическим и жестоким. И действительно, некоторые впечатлительные дамы, увидев картину, падали в обморок. Писатель Всеволод Гаршин, который позировал для сына Ивана, психически заболел и от безысходной тоски покончил с собой. Реализм сцены убийства настолько напугал двадцативосьмилетнего московского иконописца-старообрядца Абрама Балашова, что его голова помутилась. Он взял в руки нож и отправился в Третьяковскую галерею восстанавливать справедливость.

Замысел картины появился у Репина сразу после убийства народовольцами царя Александра II в 1881 году, которого называли Освободителем, Реформатором. Узнав о страшном злодеянии, Репин сильно переживал, крестился и приговаривал: «За что убили государя, который печется о своих подданных? Разве его смерть сделает жизнь лучше?» И у него в голове созревал образ другого царя, своевольного, жестокосердного. Кто им может быть? Конечно, Иван Грозный. Убил же он в гневе своего сына. Еще одним толчком к созданию картины послужила поездка Репина в Испанию в 1883 году, когда он увидел на арене бой быков и кровь смертельно раненного матадора. Тогда-то у него и созрел сюжет убийства царем своего сына. Оставалось только отыскать подходящих натурщиков.

Образ Ивана Грозного издавна привлекал многих художников. Фигура колоритная: сильный правитель, неплохой писатель и одновременно вспыльчивый, жестокий человек. Его сын, Иван Иванович, вспыльчивостью был похож на отца. Ссора их, по легенде, произошла из-за невестки – жены царевича. Зашел Грозный как-то в ее светелку, а она там полураздетая. Он осерчал на ее непотребный вид, а царевич вступился за жену. Но, зная характер царя, его любвеобилие, естественнее предположить, что Грозный просто-напросто домогался миловидной жены своего сына. Молодой Иван возмутился, заступился и выложил батюшке все, что о нем думал. Царь пришел в ярость, схватил посох и ударил им сына. Посох попал в висок. Царь тотчас пожалел о содеянном, но было поздно… Итак, образ царя в страшном гневе и его раскаяние.

На Литовском рынке Санкт-Петербурга Репин встретил чернорабочего – крючковатый нос, безумные глаза – и быстро зарисовал его. Знакомый Репина, композитор Павел Бларамберг, согласился позировать для следующего наброска Ивана Грозного. Художник Григорий Мясоедов оказался третьим, чьи черты были использованы для создания образа царя. Жестокий государь с каждым мазком кисти становился все реальнее, все живее. Сознавая это, Репин позже писал: «Мне минутами становилось страшно. Я отворачивался от этой картины, прятал ее. На моих друзей она производила то же впечатление. Но что-то гнало меня к этой картине, и я опять работал над нею».

Иван Грозный и его сын Иван. Художник И.Е. Репин

Не хватало только сына царя, Ивана. Кто-то из знакомых писателей привел к нему молодого, но уже известного автора «Красного цветка» Всеволода Гаршина. Как только Репин увидел Гаршина, он понял – это он, царевич Иван. «В его характере главной чертой было нечто ангельское. Добрейшая, деликатнейшая натура», – вспоминал потом Репин.

Репину было известно, что Гаршин нездоров – у него что-то с нервами, слишком впечатлительная натура. Это как раз то, что нужно для выполнения замысла. Правда, Гаршин был брюнетом, а

Репин представлял себе Ивана русым. Репин сделал несколько зарисовок со своего знакомого, светловолосого художника Менка. Картина была завершена к 1885 году. К концу работы художник чувствовал себя крайне утомленным, опустошенным, картине он отдал всю свою энергию.

Первоначально картина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года» демонстрировалась на тринадцатой передвижной выставке. Правительство усмотрело в ней «крамолу» и не рекомендовало к публичному показу. Но в конце концов царь Александр III уступил просьбам художников из академии, и меценат Павел Третьяков, который приобрел картину для своей галереи в Москве, решился показать ее публике. И тотчас пошел слух, будто бы Репин рисовал царевича с умирающего человека, который скончался на его глазах. Слишком достоверной выглядит смерть на его картине. Это плохой знак.

Гаршин, который с удовольствием позировал, неожиданно от восторженного состояния перешел в мрачное: он увидел свою смерть, себя, истекающего кровью. 19 марта 1888 года, ощущая невыносимую тоску, он вышел из своей квартиры и бросился в пролет лестницы. Умер он после нескольких дней мучений 24 марта 1888 года. На его похоронах снова заговорили об ужасной картине Репина, которая предрекла гибель человека…

16 января 1913 года примерно в 12 часов дня в Третьяковской галерее появился прилично одетый молодой человек, на поведение которого никто не обратил внимания. Он, как и другие посетители, осматривал картины и переходил из зала в зал. Оказавшись в том, где висела знаменитая картина Репина, он долго стоял, рассматривая ее в упор, а потом с криком «Довольно крови!» выхватил нож и бросился к полотну.

Тремя ударами он исполосовал ее центральную часть, порезал лицо Ивана Грозного от середины виска, через ухо до плеча, второй разрез зацепил щеку царя и прошелся по носу царевича Ивана, третьим ударом нападавший повредил руки царевича, щеку и правый рукав Грозного. Некоторые считают, что Абрам Балашов успел нанести не три, а семь ударов. Его задержали, отправили в полицейский участок, но вскоре поняли – это пациент для клиники душевнобольных. Его освидетельствовали врачи-психиатры и пришли к выводу: пациент нуждается в изоляции от общества, его увезли в клинику для умалишенных.

Репин был очень огорчен произошедшим. Он считал, что его картина навсегда утеряна. Но приглашенные из Эрмитажа художники-реставраторы Богословский и Васильев немедленно взялись за ее реставрацию, они наклеили полотно на новый холст

и принялись по крупицам восстанавливать разрушенное. В целом реставрация произведения была завершена через шесть месяцев после нападения. После того как знаменитое полотно снова вывесили в зал, на первое время приняли особые меры предосторожности – у полотна дежурили негласные агенты. Виновник же нападения на картину так и остался в психбольнице.

Черные мстители Сабана

В марте 1917 года министром юстиции Временного правительства России А.Ф. Керенским была объявлена общая политическая амнистия. На свободу вместе с политическими вышли также уголовники, которых в народе тотчас окрестили «птенцами Керенского». В результате подобных «гуманных» действий резко обострилась криминогенная обстановка в крупнейших городах страны. В Москве появились десятки банд. Главарем одной из самых «знаменитых» был Николай Михайлович Сафонов, по прозвищу Сабан. С 1917 вплоть до 1919 года около 40 вооруженных его подельников наводили страх не только на жителей Первопрестольной, но и на милиционеров.

Александр Федорович Керенский очень ошибался, когда утверждал, что пострадавшие при царизме уголовники, став свободными людьми, отрекутся от своего преступного прошлого, будут с честью защищать устои нового общества. Ничего подобного. Выпущенные на свободу уголовники не только не отреклись от своего прошлого, наоборот, они тотчас занялись знакомым делом – грабежами, насилиями, мошенничеством. Условия благоприятствовали этому. Прежняя власть была сломана, полиция перестала существовать, новая власть оказалась слабой, а только что созданная народная милиция не имела навыков борьбы с расплодившимися преступниками. Пришедшие в октябре 1917 года не смену «временщикам» большевики приобрели тяжелое наследие – разрушенную экономику, низкое моральное состояние общества и укрепившийся криминальный мир.

Главарь московской банды Сабан, выходец из Липецкой губернии, бывший каторжник, тоже был выпущен на свободу по амнистии. Этот убийца, грабитель и насильник, имевший несколько судимостей, политикой никогда не занимался. Его интересовали исключительно материальные ценности. Верные ему вооруженные головорезы готовы были по его первому слову приступить к ограблению, нападению на милицейский пост. Никакой морали у этой ватаги не существовало, кроме одной – сильного, волевого хозяина, которому подчинялись все.

Сабан был жесток, ни к кому не знал ни жалости, ни сочувствия. Узнав, что его активно разыскивают сотрудники 27-го отделения милиции Москвы, с подельниками лично заявился в отделение. Вошел в помещение, назвал себя и, увидев оторопевшие лица милиционеров, громко рассмеялся. «Да, я Сабан, – громко повторил он. – Вот мой пашпорт». С этими

словами он вытащил из-за пазухи два маузера, выстрелил в потолок, потом положил на стол бомбу. Милиционеры, опасаясь, что она взорвется, разбежались по служебным помещениям. Все ждали неминуемой расправы. Сабан же снова рассмеялся и, довольный, что напугал своих врагов до смерти, вместе с парнями вышел из здания. Это была не просто насмешка над милиционерами, неопытными, неумелыми, к тому же трусливыми. Сабан посмеялся над новой властью. Своей дерзостью главарь банды показал всем высшим чинам правоохранительных органов, в том числе чекистам, кто в городе хозяин…

На Дмитровском шоссе его подельники установили адрес богатого фабриканта Иванова. Нападение было назначено на вечер, рассчитывали на темноту. Все семейство они захватили врасплох. Бандиты забрали 1,5 миллиона рублей и захватили разные ценности, а перед уходом долго не могли решить, убивать им домочадцев или нет. Они чуть не перессорились из-за этого. Сабан настоял на своем – убить всех без разбору. Так и поступили. В последующие дни в Москве только и разговоров было о жестоком, бессердечном убийстве многодетной семьи Ивановых, о деньгах никто не вспоминал. Грабителей и убийц милиционеры так и не нашли.

По примеру многих главарей банд Сабан обитал в определенном районе Москвы, в Хамовниках. Это было удобно. Он хорошо знал свой район, знал все проходные дворы. У него было несколько «малин», где он мог укрыться и спрятать награбленное добро. Поймать его было очень трудно. Москва тех лет представляла собой «большую деревню». Вдоль улиц, практически лишенных тротуаров, располагались жилые дома, как правило, не выше трех этажей. Из окон можно было выпрыгнуть и уйти от погони. Двери в домах были деревянные, плохо пригнанные, запирались на один, от силы два замка. Опытный взломщик мог открыть их изогнутым гвоздем. Сущим наказанием для милиционеров были… проходные дворы. Они напоминали порой сложные лабиринты. Неместные милиционеры путались во всех этих хитросплетениях, и бандиты легко уходили от них.

В Москве тех времен не было также общественного транспорта, улицы освещались скудно, пролетка с извозчиком стоила очень дорого. И милиционерам приходилось топать на работу в район Лубянки, не жалея ног. По служебным делам они передвигались также пешим ходом. Мотор им выделяли только в исключительных случаях. Отечественные автомобили еще не выпускались, а зарубежные стоили очень дорого. К тому же в

эксплуатации они были также дорогими – заправочных станций не было, запчастей тоже, налетчики же пользовались либо пролетками, либо автомобилями, отобранными у законных владельцев. Ситуация в городе была настолько сложной, что Всероссийская чрезвычайная комиссия новой власти неоднократно обращалась к населению с призывами оказывать всяческую поддержку ее деятельности, выходить на борьбу с бандитами, разбойниками, хулиганами и жульем.

А.Ф. Керенский объявил в марте 1917 г. общую амнистию

Банда Сабана представляла особую опасность. Вооруженные, дерзкие грабители не только забирали материальные ценности, но и убивали всех свидетелей: сторожей, караульных и просто прохожих. За два года своего существования банда Сабана совершила десятки вооруженных налетов и присвоила ценностей на несколько десятков миллионов рублей. К представителям правопорядка Сабан испытывал какую-то животную ненависть. Своим подельникам он откровенно говорил, что полицейские и милиционеры его заклятые враги. Он будет мстить им за годы, проведенные в тюрьме, за каторгу, за потерю собственности, за погоню за ним. Эти слова не были простым воровским бахвальством.

Самым громким преступлением мстителей Сабана явилось массовое убийство милиционеров, совершенное морозным днем 24 января 1919 года. По приказу главаря у «буржуев» были отобраны два крытых мотора. Под дулами пистолетов, которые вытащили подвыпившие жиганы, водители были вынуждены согласиться покатать их по Москве с ветерком. Они выпили и двигались вначале по Долгоруковской улице. На одном из перекрестков к ним подбежал милиционер, чтобы узнать, куда едет такое количество набившихся в машину людей. Над ним посмеялись и расстреляли на месте. Милиционер остался лежать на площади. Эта выходка так развеселила налетчиков, что они приказали водителю ехать дальше, с мотором они перестреляют теперь всех легавых Москвы. Для храбрости парни снова выпили и, никого не боясь, выставили стволы в окна и поехали по улицам Москвы.

Впереди показалась будка постового. Машины подъехали к ней. Жестами парни подозвали к себе милиционера. Тот подбежал. Его спросили, как проехать на Лесную улицу. Только милиционер собрался ответить, как прогремели выстрелы. Он упал, прохожие в страхе разбежались. Машины отправились на Лесную улицу. И там ситуация повторилась. Заметив на тротуаре милиционера, машины остановились. Бандиты криками позвали его к себе, стали расспрашивать, как проехать к Оружейному переулку. Едва милиционер начал им объяснить, как прогремели выстрелы. Сраженный несколькими пулями, милиционер замертво свалился. Раздались крики о помощи. Видевшие это убийство прохожие, спрятались в подворотнях. Сабан и его люди поехали к Оружейному переулку. И там снова разыгралась похожая трагедия, постового расстреляли после заданного ему вопроса.

В общей сложности в тот морозный день было убито 16

постовых милиционеров. Именно это событие породило в столице слухи один страшнее другого. Говорили, что в городе появились «черные мстители», которые разъезжают на крытых автомобилях и убивают всех подряд, милиционеров и прохожих. Дело дошло до того, что постовые милиционеры отказывались идти на дежурство. Только вдвоем или втроем. И некоторое время в разных районах столицы устраивались даже пикеты. На поиски бандитов были подняты лучшие силы Московского уголовного розыска. Те сумели выследить бандитов и ее главаря, но взять Сабана с первого раза не удалось: он умело отстреливался, ранил одного сыщика и проходными дворами ушел от преследования.

Сабан на время затаился в своих родных Хамовниках. Но долго без дела сидеть не мог, совершил налет на рабочий кооператив на Мясницкой улице, где ему удалось взять из кассы 400 тысяч рублей. Когда делили деньги, возникли трения между членами банды. Сабан, естественно, забрал себе большую часть, но другие члены банды были недовольны, им досталось меньше ожидаемого. Пришлось запланировать большое дело.

Наступила весна. Вечером 26 апреля, как сообщили «Вечерние известия Московского Совета» от 28 апреля 1919 года, один из сотрудников Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) заметил проезжавшего мимо Большого театра на извозчике известного бандита по кличке Капитан – одного из ближайших помощников Сабана. Когда сотрудник МЧК попытался его задержать, бандит соскочил с извозчика, бросил бомбу и убежал. На поднятый шум к сотруднику на выручку поспешили милиционеры с других постов. Капитан скрылся в Большом театре. Тотчас все выходы из театра были перекрыты милицией. Началась поголовная проверка документов. В результате Капитана сумели схватить. Его препроводили в МЧК для допроса.

Это была большая потеря для Сабана. С Капитаном его связывало очень многое: и организация банды, и подбор ее членов, и подготовка налетов. Капитан был проверенным человеком, на него Сабан полагался, как на самого себя. И вдруг такой опытный малый допустил оплошность – появился в людном месте, где его узнали и затем схватили. А если он начнет давать показания…

Сабан решил на время скрыться из Москвы. Он отправился в небольшой городок Лебедянь Липецкой области, к родственникам, надеясь там отсиделся. Но родственники его не ждали. Трудно сказать, что произошло между Сабаном и его близкими. Возможно, его хотели выдать милиции, возможно, просили уехать, исчезнуть. Кровавый след, тянувшийся за ним из столицы, мог привести московских милиционеров в Лебедянь. В

доме, где он остановился, серьезная ссора переросла в потасовку. Сабан, отличавшийся жестокостью, на этот раз превзошел самого себя. Он перерезал всех членов семьи своей родной сестры, состоявшей из восьми человек. Из дома доносились крики, шум. Сабана схватили соседи и вывели на улицу. Вскоре появились представители власти. Жители, свидетели кровавой расправы, настаивали на казни изувера прилюдно, в тот же час. И хотя милиция требовала отправить убийцу за решетку, разобраться в деле, разбушевавшийся народ от своего не отступал. Сопротивление милиции было сломлено. Сабана убили, его буквально растоптали.

Однако, несмотря на гибель вожака, банда в Москве не распалась. Ее возглавил бывший каторжник Павел Морозов, по кличке Паша Новодеревенский, он продолжил кровавое ремесло своего предшественника. Но продержался только год, до 1920-го. При дележе награбленного его убили свои же.

Дуло у виска вождя революции

Рожденный в 1890 году в семье повешенного сибирского каторжника Яков Кузнецов, больше известный по кличке Янька Кошелек, или Кошельков, состоял на учете в царской полиции с 1913 года. В дальнейшем он оказался «достойным продолжателем дела отца» – грабил, убивал, насиловал. Перебравшись в 1917 году в Москву, Яков организовал банду, в которую входило около 100 отпетых уголовников. Десятки нападений на банки, артели, магазины, склады, заводы. Забирали деньги, ценности. Но всероссийскую известность Кошелек приобрел в начале января 1919 года, когда остановил «мотор» и ограбил сидевших в нем богато одетых «буржуев». Это были председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин, его сестра Мария Ильинична, телохранитель и шофер.

В советские годы об ограблении Ленина в прессе ничего не сообщалось. Подобный факт никак не вписывался в боевую биографию великого борца за освобождение рабочего класса от эксплуатации капиталистов. На Ленина могли совершать покушения с целью его убийства, политического устранения. Такое деяние логически объяснимо и понятно. Но попытка ограбить…

Больших ценностей Ленин, как известно, никогда не имел, по натуре он был человек непритязательный. Правда, одевался по тогдашним понятиям как зажиточный буржуа, носил усы и короткую бородку, котелок, и у него был автомобиль, ухоженная самодвижущаяся коляска. Вот машина, а не ее хозяин привлекли внимание налетчиков.

Январь 1919 года выдался в Москве морозным и снежным. Чистили только центральные улицы. Проезжая часть остальных сузилась до проезда одной пролетки. У бандитов, которые обосновались в районе Сокольники, кончались деньги и съестные припасы. Срочно нужно было идти на дело. Наметили пассаж в районе Лубянки. Как докладывали мелкие воришки, промышлявшие в нем, добра в магазине, его подсобках уйма, вывозить на нескольких телегах. Но телеги не годились для столь крупной операции, ход у них слишком медленный. Вот тогда и возникла идея достать мотор. На улице снега полно, машин мало. Нужно было часами ждать, когда проедет машина. Другого выхода не было. Для согрева бандиты выпили и вышли на улицу.

М.И. Ульянова

Позднее об этом нападении рассказывала Мария Ильинична Ульянова. Вечером 6 января (по старому стилю), когда уже начало темнеть, Владимир Ильич решил поехать в Сокольники, чтобы навестить отдыхавшую там жену Надежду Крупскую. Заодно планировалось навестить детский сад и вручить детям подарки. Машину вел Гиль, с ним сидел телохранитель чекист Чабанов. На подъезде к Сокольникам на дорогу выбежали люди, которые размахивали револьверами. Шофер Гиль хотел проскочить мимо, но Ленин велел ему остановиться. Он подумал, что это красноармейский патруль.

Машина остановилась, и подбежавшие люди приказали всем выйти из нее. Далее к виску Ленина был приставлен револьвер, его принялись обыскивать. У него забрали портмоне, документы, его собственный браунинг. Затем настала очередь Марии

Ильиничны. Чекист Чабанов не мог применить оружие, так как опасался за жизнь Ленина. Шофер Гиль тоже не предпринимал никаких действий. Бандиты не догадывались, кто перед ними. Они считали, что напали на богатых буржуев, которых не грех почистить. И хотя Ленин назвал себя, бандиты не поняли и, посмеиваясь, повторяли: «Левин попался!»

Налетчики вели себя миролюбиво, они получили желаемое: оружие, деньги и мотор. Но ситуация, по словам Ульяновой, складывалась очень опасная: одно неверное движение, одно лишнее слово, и бандиты могли тотчас их убить. Поэтому все, как уговорились, не оказывали сопротивления и спокойно расстались с имевшимися при них ценностями и автомобилем. Компромисс полностью оправдал себя. Все остались живы и здоровы.

Бандиты сели в мотор, среди них был человек, умевший водить машину, и уехали. Правда, как стало известно в дальнейшем, намеченное ограбление у них сорвалось. Они заблудились, выехали на Хамовническую набережную, их засекли красноармейцы, завязалась перестрелка. Короче, машина въехала в сугроб и заглохла. Бандиты бежали…

Владимир Ильич со товарища отправились в сокольническое отделение милиции, откуда сообщили в Кремль Петерсу, заместителю начальника Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), о нападении и ограблении. Поиски бандитов и украденного автомобиля начались в тот же вечер. Но только через пару дней Петерсу неожиданно позвонил человек, который представился членом банды Кошелькова, и признался, что ограбление Ленина – дело рук этой знаменитой банды. Где отыскать главаря, бандит сказать не мог. Петерс не предполагал, с каким жестоким и коварным человеком предстоит ему иметь дело.

После нападения на Ленина налетчики не могли долго оставаться без дела. Они уже знали, какого человека грабанули. Только поживились малым – больших денег не раздобыли, мотор угробили. И решили проявить себя еще раз. В ночь с 23 на 24 января, спустя четыре дня после знаменитого нападения, налетчики выследили некоего богача, раскатывавшего на своем автомобиле. Они напали на него и отобрали машину. А затем стали переезжать от одного милицейского поста к другому. Причем на каждом свистели в милицейский свисток. И как только на виду показывался бежавший на тревожный сигнал милиционер, его пристреливали. В одну ночь таким образом бандиты расстреляли 22 милиционера! Неслыханное по дерзости преступление! Кошельков и его молодчики бросили вызов властям.

25 января 1919 года в газетах появилось предписание Ленина: «Заместителю председателя ВЧК товарищу Петерсу. Ввиду того что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять самые срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ленин (Ульянов)».*

В тот же день 25 января теперь уже ВЧК, МЧК и административный отдел Моссовета подготовили совместное обращение к жителям Москвы об оказании помощи в борьбе с бандитами. В нем, в частности, отмечалось, что случаи разбойных нападений в городе участились, бандиты распоясались до безграничной наглости. В этой связи всем бандитам объявлялась решительная борьба, население Москвы призывалось к всяческому содействию милиционерам и активному участию в этой борьбе.

На всех вокзалах столицы был усилен патруль, количество постовых увеличилось. И вот 3 февраля 1919 года на Николаевском вокзале (сегодня Ленинградский) работники МЧК обратили внимание на одного подозрительного человека. По приметам это был один из членов банды Кошелькова. Его тотчас задержали и привезли на Лубянку. Во время допросов выяснилось, что чекисты схватили матерого бандита по кличке Козуля. Настоящая его фамилия была Павлов. Его допрашивал в дальнейшем сам Феликс Эдмундович Дзержинский.

После очных ставок с чекистом Чабановым и шофером Ленина Гилем было доказано его участие в нападении 19 января (по новому стилю) на автомобиль № 1048, ограбление Ленина и других пассажиров, затем угон машины и бандитские налеты и перестрелка на Хамовнической набережной с убийством красноармейцев. Мало того, выяснилось, что Козуля участвовал также в ограблении особняка предпринимателя Иванова, расположенного на Новинском бульваре, и там изнасиловал его дочь.

Сведения, полученные от Козули, позволили чекистам вплотную подойти к банде и захватить несколько ее членов. Им удалось также схватить еще одного участника налета – Николая Зайцева, по кличке Колька-шофер. Банде Кошелькова был нанесен серьезный удар. Пять человек были арестованы, осуждены и отправлены в тюрьмы, а затем расстреляны. В газете «Известия» от 13 февраля 1919 года сообщалось о приговоре МЧК. «По приговору Московской чрезвычайной комиссии расстреляны 10

февраля пять бандитов: И.М. Волков, известный среди бандитов под кличкой Конек, В.О. Михайлов – кличка Васька Черный, И.С. Лазарев – кличка Данилов, Ф.А. Алексеев – кличка Лягушка и Карл Фед. Гросс…» Сообщение в газете о произведенных расстрелах произвело нужный эффект. Борьба бандитам объявлялась беспощадной. Времена разгула и свободного разбоя закончились.

Кошельков почувствовал, что кольцо сжимается, но сдаваться не собирался. Он решил отомстить за погибших друзей и заодно попугать легавых. Кошельков начал вести слежку за милиционерами. По воровским каналам ему донесли, что сотрудник уголовного отдела МЧК Ведерников принимает участие в его поимке. Ему достали его домашний адрес. Налет был совершен поздним вечером. Ведерников сам открыл дверь и за свою оплошность поплатился. Бандиты ворвались в квартиру. Кошельков в присутствии родственников вынес Ведерникову смертный приговор, допросил его и тут же расстрелял.

После Ведерникова подобным образом бандиты расстреляли еще несколько милиционеров. Это был наглый вызов. Сотрудники МЧК двигались по следу Кошелькова, казалось, еще немного усилий, и его схватят. Увы, налетчик каким-то воровским чутьем распознавал наружное наблюдение и уходил от преследователей. 1 мая 1919 года Кошельков и его сотоварищи приготовили пролетариям свой праздничный подарок. В тот весенний вечер, когда на площадях играли духовые оркестры и проходили массовые гулянья, на Воздвиженку, куда недавно перебрались ЦК партии и ЦК комсомола, в толпу гуляющих людей въехал автомобиль. В нем сидело несколько франтовато одетых молодых людей. Неожиданно они вытащили револьверы и потребовали гулявших людей снять с себя все самое ценное и отдать им, в том числе и кошельки. Тут же молодые люди открыли беспорядочную стрельбу…

Грабежи и убийства в Москве участились. Банда Кошелькова продолжала творить свои черные дела. Но кольцо вокруг нее неумолимо сжималось. У чекистов уже имелись данные о членах банды, были известны их явочные адреса, некоторые воровские малины и блатхаты. Кроме того, новый начальник МУРа Трепалов стал внедрять своих наиболее опытных агентов в банду, и те на свой страх и риск пытались наставлять на путь истинный колеблющихся членов банды, которые уже не верили в успех «неустрашимого» Яньки.

Кроме того, милиционеры выявили в своей среде информатора, который предупреждал Кошелькова о готовящихся операциях. Работа в новых условиях наконец дала свои

положительные результаты. 21 июня работники МУРа снова организовали большую засаду в Новопроектируемом переулке. Всей операцией руководил начальник МУРа Трепалов. В начале пятого часа в переулке переодетые милиционеры заметили двух мужчин, у которых через руки были переброшены плащи. В одном из них опознали Кошелькова. Вторым был его приближенный Емельянов по кличке Сережка-барин. Едва они приблизились к двери, как раздалась команда: «Руки вверх!» Но бандиты отработанным движением выхватили свои револьверы и принялись палить в разные стороны. Чекисты ответили встречным огнем. Смертельно раненный в голову, Сережка-барин упал на лестницу. Кошельков, отстреливаясь, бежал со двора. Но все пути отступления были отрезаны. Несколько пуль попали в Кошелькова. Он упал на мостовую и не двигался. Чекисты с опаской приблизились к нему, не верилось, что Кошельков мертв. Главарь банды оказался смертельно ранен. Его погрузили в машину и срочно направили в лазарет, но он, не приходя в сознание, умер.

Полный разгром банды Кошелькова – одна из самых успешных операций сотрудников тогдашнего Московского уголовного розыска, которые старались не отставать от своих собратьев – московских чекистов. Дело в том, что чекистам, как политическим разведчикам, полагались многие льготы, в том числе и продуктовые пайки, в которые входили масло, сахар, кое-какие консервы. А это была серьезная прибавка к семейному бюджету в те трудные времена.

Серийный многоженец

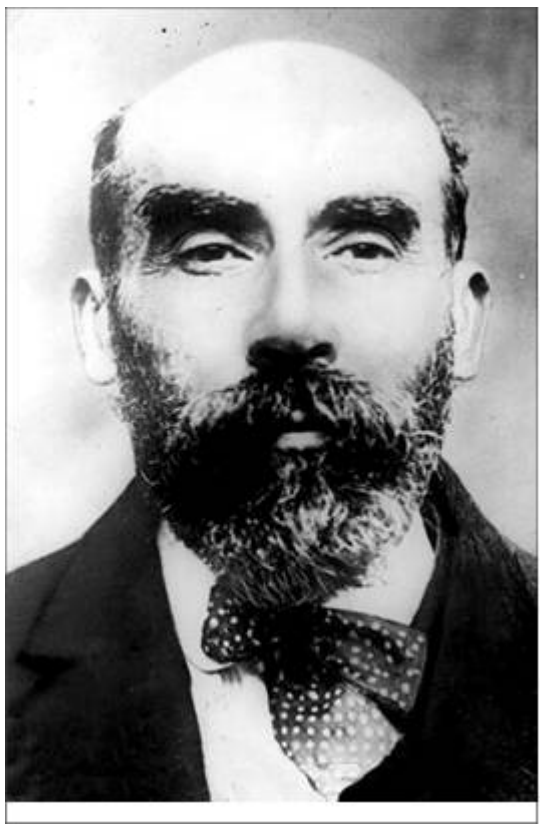
В городе Сан-Диего, раскинувшемся на берегу Тихого океана, штат Калифорния, США, находится музей, посещать который слабонервным не рекомендуется. Он называется Музеем смерти. Даже у людей с крепкой психикой пол уходит из-под ног, когда они видят такие экспонаты, как, например, отрубленная на гильотине голова известного французского насильника и убийцы Анри Дезире Ландрю. В Париже его прозвали Синей Бородой». Этот человек во имя заработка изменял свою внешность, сватался к разным женщинам, убивал их и присваивал обнаруженные накопления.

Месье Ландрю родился на задворках Парижа в 1869 году в скромной простой семье. Он с юности жаждал красивой и обеспеченной жизни, но многого позволить себе не мог. Отец был рабочим на механическом заводе (в 1912 году он покончил с собой), мать – домохозяйка, обшивала свою семьи и небольшой круг клиенток. Невысокий, с невыразительной внешностью, рано облысевший Анри не находил признания ни у мужчин, ни у женщин. Для придания себе солидности и респектабельности отпустил бороду и усы, за которыми тщательно ухаживал. Старался носить модные костюмы, менял галстуки, вырабатывал твердый характер. Он любил прихвастнуть и таким образом научился производить впечатление на окружающих. Ему удалось закончить инженерную школу, после службы в армии он женился на своей двоюродной сестре с кротким характером и скромным достатком. С ней он прижил четырех детей.

Свое истинное призвание Анри нашел в торговле – занялся продажей подержанной мебели. Поездки по городу в поисках новой клиентуры позволяли ему завязывать знакомства, особенно с пожилыми одинокими женщинами. Он изучил бухгалтерское и банковское дело, что позволило ему найти свой способ мелкого обогащения – подделывать небольшие счета, в том числе доверенности на получение пенсий, изготовлять квитанции на перевод некоторых сумм. У него появились деньги. С ними он чувствовал себя преуспевающим сильным человеком, способным на большее. Обогащение любыми способами стало его навязчивой идеей.

Но не всегда ему везло. В 1900 году он предложил одинокой старой даме с выгодой продать имевшиеся у нее акции. Она поверила ему и отдала все бумажные сбережения. Он тотчас изготовил подложную доверенность на получение всей суммы на вымышленную фамилию. При этом изготовил себе удостоверение

личности с ложными данными. Но в банке очень внимательно рассматривали его доверенность и удостоверение. Их сочли не внушающими доверия, Ландрю попросили задержаться. Банковские служащие тотчас вызвали полицию. Так щеголь Ландрю впервые познакомился с жестким обращением со стороны блюстителей закона и оказался в камере с холодными каменными стенами, узнал порядки в тюрьме. Он получил наказание – два года лишения свободы. Это был шок. Он чуть не наложил на себя руки. И прилюдно со слезами на глазах поклялся никогда больше ничего подобного не совершать.



Известный французский насильник и убийца А.-Д. Ландрю

Это были крокодиловы слезы. Оказавшись на свободе без денег, он устроился кочегаром, охранником, строителем. Что за ужасные профессии! Но найти приличную и денежную профессию не удавалось, и ему не оставалось ничего другого, как вернуться на прежнюю стезю, снова заняться мошенническим «бизнесом». В 1909 году он снова попался на тех же махинациях. Его приговорили к трем годам лишения свободы. Из тюрьмы он

вышел законченным мошенником, человеком, озлобившимся, готовым пойти на любые крайности, лишь бы снова стать обеспеченным человеком. В общей сложности, как позднее подсчитали в полиции, с 1900 по 1910 год он сумел обмануть свыше 300 мужчин и женщин, присвоил многие десятки тысяч франков. На ворованных деньгах он сделал себе приличное состояние. Но ему все равно казалось этого мало…

В 1914 году, когда началась Первая мировая война и многих мужчин забрали в армию, Ландрю решил переквалифицироваться. Его уже не устраивало изготовление подложных чеков и квитанций, он решил заняться вдовушками, женщинами, мужья которых погибли на фронтах войны. Дефицит мужской силы заставил многих женщин снизить свои требования к соискателям руки и сердца. Этой ситуацией воспользовался Ландрю. Он расстался с женой, детьми, поселился отдельно и стал писать в газеты брачные объявления.

Вот один из его типичных образчиков: «Обеспеченный вдовец желает познакомиться с порядочной одинокой женщиной с целью установить самые серьезные отношения для возможного брака». Иногда он писал более выспренно: «Мужчна 47 лет, обладающий капиталом, собирается уехать на работу в южные страны. Ему нужна одинокая женщина солидного возраста, которая могла бы стать ему верной женой…» Ответные предложения не заставили себя ждать. У него наладилась оживленная переписка с десятками женщин, появился выбор невест. И он приступил к новой «работе», составил картотеку, куда заносил данные невест: имя, фамилия, возраст, состояние. Себе он присваивал самые различные псевдонимы: Фремье, Гуле, Дюпон… менял прическу, костюмы, бегал на свидания, представлялся и считал…

Недалеко от Парижа, в местечке Гамбе, он снял приличную виллу, оборудовал ее по своему вкусу и подготовил к предстоящим операциям – соорудил во дворе большую железную печь. Он всегда действовал по одной схеме: соблазнял женщину, дарил ей безделушки, красиво ухаживал, обещал жениться, заключал брачный контракт, в котором предусматривал свою долю, просил приготовить страховку или завещание… Затем привозил на виллу. Там устраивал ужин с выпивкой, куда подсыпал снотворное. Затем уснувшую избранницу он убивал, расчленял и останки сжигал в печи. Оставшиеся ценные вещи отвозил в комиссионный, одаривал ими свою бывшую жену, с которой не порывал связи. Так он действовал до 1919 года. Ландрю превратился в непревзойденного артиста, искуснейшего Казанову. В общей сложности он соблазнил около 300 женщин. Причем почти все находили его милым, умным, обаятельным, с

красивыми манерами, а какой у него баритон! В постели к тому же он был Гулливером!

При всей своей осторожности Ландрю промахнулся. В 1919 году от туберкулеза скончался молодой человек по фамилии Бюиссон, который вынужденно жил у своей тети, так как его распутная мать уже два года как пребывала в плену любовной страсти, принимала у себя месье Фремье. Но тетушка решила похоронить племянника обязательно в присутствии его падшей матери. Она стала наводить справки о ее местонахождении. Так вышла на Гамбе под Парижем, где находилась вилла Ландрю. Связалась с мэрией и попросила узнать, не проживает ли там мадам Бюиссон и ее новый кавалер Фремье. Ей ответили, что в Гамбе видели и знали мадам Бюиссон, а вот ее мужа звали не Фремье, а Дюпон.

Тетушка была здравомыслящей личностью. Она воочию видела этого обаятельного Фремье. При чем тут Дюпон? И надо же такому случиться, на одной из парижских улиц она увидела мужчину – вылитого Фремье. Она не стала останавливать его, а проследила за ним и узнала адрес, где он проживал. С этими добытыми данными последовала в полицию. Там ей сказали, что по указанному ею адресу живет месье Гуле… Так начало раскручиваться омерзительное криминальное дело Синей Бороды, вскрывшее суть тайного монстра, имевшего внешне вполне человеческую личину.

Его взяли неожиданно и, ничего не объясняя, тотчас переправили в тюрьму. Суд в Версале длился два года. Ландрю не признался ни в одном из убийств. Он яростно защищался, издевался над судьями, требовал предъявить ему вещественные доказательства, хотел видеть свидетельниц, женщин, «погибших от его рук». Только в конце процесса, когда его признали виновным в убийстве 11 женщин, он понял, что его ничто не спасет от гильотины. Он отказался от подачи прошения о помиловании. Он отказался и от бокала бренди, который предлагают приговоренному к казни. И спокойно шествовал к машине смерти, установленной во дворе тюрьмы.

Его голова скатилась в корзину с опилками 25 февраля 1922 года. Через некоторое время она оказалась в колбе со спиртом и затем отправилась в большое путешествие за океан.

Шаболовский душегуб

В 1923 году в Москве стало опасно жить – ходили страшные слухи о том, что по ночам по улицам бродит маньяк с молотком в руке и убивает мужчин. Он грабит их, тела запихивает в мешки и бросает в Москву-реку. Газеты рассказывали о разных случаях вылавливания страшных мешков и призывали к бдительности. В мае 1923 года на набережной Москвы-реки был обнаружен очередной мешок с трупом мужчины. Очевидно, убийцу спугнули, не успел он избавиться от жертвы.

Улица Шаболовка в Москве. Современный вид

Молодые милиционеры, не имевшие большого опыта криминалистической работы, тем не менее предположили, что эти убийства совершал, скорее всего, один и тот же человек, слишком похожими были и мешки, и удары сзади тяжелым предметом по голове. В последнем мешке обнаружили остатки овса. Корм для лошади? Похоже, убийца имел отношение к извозчикам, ведь тяжелые трупы на своих плечах по городу не потащишь?

Сыщикам предстояла нелегкая работа – проверить всех извозчиков, их в столице были многие сотни. Составили план поиска и даже словесный портрет подозреваемого – этот человек должен был быть не старше 50 лет, крепкий, сильный,

осторожный, не болтливый. Убивал он людей, по сути, бедных, в основном приезжих, крестьян, богатых среди них не было ни одного. На некоторых мужчинах были отмечены следы удушения. Посланные агенты расспрашивали дворников, местных управляющих, рассматривали извозчичьи повозки, искали среды крови. Никаких следов нигде не обнаружили. Но постепенно вырисовывался круг лиц, способных пойти на подобное преступление. Остановились на шаболовском извозчике Василии Ивановиче Комарове. Последний труп был как раз найден в районе Шаболовки. О Комарове говорили, что он женат, есть дети, но человек нелюдимый, угрюмый, падкий на деньги и чаще всех возил крестьян с конного рынка, иных зазывал к себе домой.

Получив первые сведения о личности подозреваемого, милиционеры установили также его адрес: улица Шаболовка, дом 26, второй этаж. Его решили арестовать и допросить. 17 марта 1923 года милиционеры отправились к нему на квартиру. Но почему-то не посчитали нужным окружить дом, отрезать пути к побегу. Едва хозяин открыл дверь и увидел людей в форме, как тотчас бросился к окну и выпрыгнул. Догнать его растерявшиеся милиционеры не смогли. Но они уже увидели лицо убийцы. В квартире провели обыск и обнаружили в запертой комнате труп мужчины… Комаров не успел избавиться от очередной жертвы.

Его поймали на следующий день, задержали в селе Никольском. Это был крепкий человек крестьянской внешности, 55 лет. Его привели в отделение, и начался длительный допрос. Выяснилось, что его настоящее имя Петров Василий Терентьевич, 1877 года рождения, из Витебской губернии. Семья была простой, пьющей. С 15 лет Василий тоже стал пить. Потом служил в армии, в 28 лет женился. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов ездил на Дальний Восток, заработал много денег, но все прокутил. Когда кончились деньги, он стал воровать. После смерти жены он встретил полячку Софью, вдову с двумя детьми, и снова женился.

После Октябрьской революции 1917 года Петров служил в Красной армии, дослужился до командира, потом попал в плен к Деникину, бежал. Опасаясь попасть под суд Военно-революционного трибунала, изменил фамилию и отчество. В 1920 году вместе с семьей приехал в Москву, стал работать извозчиком. Но денег на жизнь не хватало, и он решил «подзаработать». Когда у него появлялись деньги, по свидетельству его жены, он пил, бил ее и детей, делом не занимался. О его делах жена не знала до последних дней, потом он ей раскрылся и заставил помогать ему…

Комаров (Петров) не отпирался, не обманывал, рассказывал

все по порядку. В общей сложности с 1921 по 1923 год он убил 33 мужчин. Он приезжал на конный рынок, знакомился там с кем-нибудь из крестьян, желавших купить лошадь или овес, предлагал свою лошадь, свой фураж и приглашал к себе домой, чтобы обсудить покупку. Дома он наливал гостю водки, затем, воспользовавшись тем, что жертва отвлекалась, брал в руки молоток и ударял сидящего сзади по голове. Забирал имевшиеся деньги, тела убитых упаковывал в мешки и развозил по разным местам Москвы – топил в Москве-реке или закапывал на развалинах, иногда за городом. Вся процедура убийства занимала, по словам преступника, не больше получаса. Он так наловчился, что мог бы убивать и убивать…

Никакого раскаяния он не чувствовал, никакого сожаления к своим жертвам не испытывал. «Чего их жалеть, если они мертвы? – говорил он. – Жалеть надо живых». Газеты называли его нечеловеком, чудовищем, монстром, первым серийным маньяком. Когда его возили на места, где он прятал трупы, собиравшийся там народ готов был растерзать его. Комаров везде сохранял спокойствие. Как будто это его не касалось. Он вообще в ходе судебного процесса и вынесения ему смертного приговора оставался невозмутим и даже хвастливо заявлял: «Я в Москве теперь героем стал».

Проведенная судебно-психиатрическая экспертиза признала Комарова вменяемым, но с явными признаками алкогольного дегенерата и психопата. Он был вполне способен осознавать свои действия, но чувства вины за содеянное не испытывал. Суд приговорил Комарова и его жену к высшей мере наказания – расстрелу.

Главарь налетчиков Петрограда

У него была абсолютно невзрачная внешность: простое крестьянское лицо, оттопыренные уши. Невысокий, худощавый, он был похож на подростка. И только взгляд глубоко посаженных глаз выражал упорство. Трудно было поверить, что этот совсем молодой человек организовал мощную вооруженную банду, которая держала в страхе весь Петроград. И все же… Знаменитый Лёнька Пантелеев, настоящее его имя Леонид Иванович Пантёлкин, родившийся в 1902 году в Тихвине, в 1922 году в Петрограде считался грозой богатеев и нэпманов. Кое-кто называл его даже русским Робин Гудом, защитником бедных.

Его судьба для того непростого времени в целом складывалась вполне удачно. После переезда с семьей в Петроград он закончил начальную школу, поступил на профессиональные типографские курсы, выучился на печатника, стал работать наборщиком в типографии газеты «Копейка». Он полюбил чтение, и впереди были неплохие перспективы для роста. Но когда политическая ситуация в регионе обострилась и Петроград оказался под угрозой захвата немцами, шестнадцатилетний Пантёлкин добровольцем ушел на фронт.

Его увлекла романтика войны. Вскоре он попал в плен, где пробыл три месяца, а когда освободился, вступил в ряды Красной армии. Ему нравилась военная форма, оружие, они придавали ему уверенности в своих силах. Пантёлкин активно участвовал в боях против войск генерала Юденича. Не имея военного образования, он организовал вокруг себя людей, с которыми ходил в атаку. Его слушались, приказы выполняли, и он дослужился до командира пулеметного взвода.

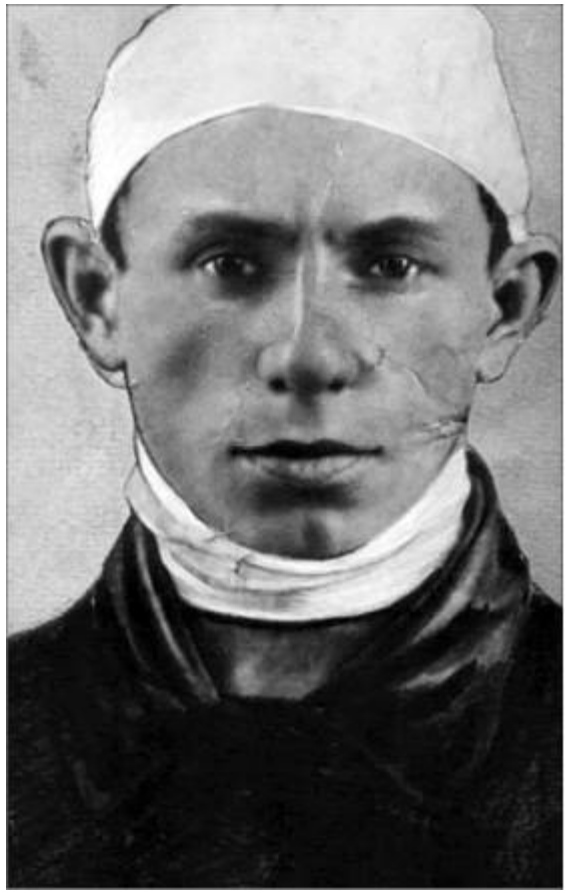
Но кончилась Гражданская война. Пантёлкин попал под демобилизацию и в 1921 году, как и тысячи других красноармейцев, оказался не у дел. Чем заниматься? У него имелся военный опыт, он не хотел порывать с армией, в которой видел для себя карьерный рост, и предложил свои услуги Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете народных комиссаров, которая была создана в 1917 году. Кандидатура бывшего рабочего, бывшего красноармейца Пантёлкина вполне подходила для работы в органах. В июле 1921 года Пантёлкину предложили должность следователя и направили в военно-контрольную часть Чрезвычайной комиссии Северо-Западных железных дорог, а уже в октябре того же года он стал агентом-контролером в Дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии по Пскову.

Дальше в его в биографии пробел. Непонятно, по какой причине, но в 1922 году его уволили из органов. То ли не выполнил какое-то задание начальства, то ли использовал свою должность в личных целях, то ли проворовался. История умалчивает. Есть версия, что его не уволили, а просто вывели из состава легальных сотрудников, превратили в нелегала для внедрения в банду, которых в 1920-х годах в Петрограде объявилось немалое количество. В банду он якобы внедрился, даже приобрел новое имя – Лёнька Пантелеев. Но выполнять поручения и приказы своего начальства не стал, захотел самостоятельности. Короче, превратил банду в собственное орудие и направлял ее действие не туда, куда хотелось органам, а туда, куда сам считал нужным. Это означало войну с властью.

Но Лёньку Пантелеева, вкусившего воздух свободы, заимевшего немалые деньги и подчинивших себе бывших друзей по службе, уже ничто не могло остановить. С ним вместе верховодили его бывший сослуживец из органов Варшулевич, бывший комиссар батальона, член партии большевиков Гавриков и двое профессиональных уголовников: Александр Рейнтоп по кличке Саша-пан и Михаил Лисенков по кличке Мишка Корявый.

Банда занялась наведением в городе своего порядка – грабили только нэпманов и всяких богатых буржуев, государственные учреждения не трогали. Газеты сообщали, что меховщик Богачев подвергся налету. Затем бандиты наведались на квартиру доктора Грильхеса и унесли все самое ценное. У торговца Аникеева грабители забрали товара на многие тысячи. У владельца трактира Ищеса унесли кассу с деньгами. При этом Лёнька проявлял благородство и, в отличие от московских главарей, никого не убивал. Его интересовали только деньги и ценности. Добыв их, устраивал в ресторанах попойки для своих, отдавал часть денег нуждающимся и вообще вел себя по-рыцарски.

Лёньку Пантелеева схватили после перестрелки в обувном магазине. 10 ноября 1922 года губернский суд Петрограда приговорил его к смертной казни и переправил в знаменитую тюрьму Кресты. Казалось, его стремительная воровская карьера оборвалась, едва начавшись. Но нет, не таков был Лёнька. Он не собирался умирать. Сумел сговориться с надзирателем, который ненавидел новое правительство и новые порядки. И тот выпустил Лёньку и его подельников…



Ленька Пантелеев

Оказавшись на свободе, Лёнька принялся за старое. Только теперь он более тщательно готовил свои налеты. Сперва выяснял состояние богача, затем знакомился с кем-то из его дворни. Чаще всего выбирал служанок, с девушками он быстрее всего находил общий язык. И они всегда рассказывали ему все, что знали. В знак признательности за информацию он делал им неплохие подарки.

За короткий срок после побега его банда совершила 23 грабительских налета и использовала оружие, убила в общей сложности 11 человек, в том числе сотрудников органов. Наглость, бесстрашие и популярность в народе Лёньки Пантелеева подрывали авторитет молодой власти, дискредитировали деятельность карательных органов. На поимку распоясавшегося налетчика были брошены все силы милиции и созданного в 1922 году ГПУ, Главного политического управления при НКВД РСФСР.

Облавы следовали за облавами. На некоторых блатхатах и

квартирах по продаже краденого были устроены засады. В ночь на 13 февраля 1923 года Лёнька Пантелеев вместе с Мишкой Корявым завалились на квартиру к одной сводничке Мицкевич на Можайской улице. Но там бандитов уже ждали. Навстречу Лёньке бесстрашно вышел чекист Иван Бусько, за ним еще три бойца. Лёнька моментально сообразил, что это засада, но вытащить браунинг не успел – Буско опередил его. Грянул выстрел. Лёнька упал. Второй выстрел ранил напарника Мишку Корявого. Позднее были схвачены и другие члены банды – всего 17 человек.

Чекисты долго не могли поверить, что им так быстро и без потерь удалось расправиться с главным бандитом Петрограда. Не могли поверить, что Лёньки Пантелеева больше нет. Город мог вздохнуть спокойно. Но чтобы успокоить общественность и прекратить распространение отрицающих его смерть слухов, гроб с телом убитого Леонида Пантёлкина выставили на всеобщее обозрение в морге Обуховской больницы.

Сразу выстроилась многотысячная очередь. Напуганные люди хотели удостовериться, что неуловимый налетчик, гроза нэпманов и буржуев убит. Говорят, что власти даже хоронить его побоялись, якобы отделили голову от туловища, заспиртовали ее в банке и передали студентам юридического факультета Петроградского университета в качестве учебного экспоната. Возможно, она там до сих пор хранится.

Организаторы «идеального убийства»

В 1924 году в Чикаго двое лучших студентов местных университетов Леопольд и Лёб, выходцы из богатых еврейских семей, совершили, по их представлению, «идеальное убийство», в котором их никто не мог обвинить. Это циничное бессмысленное преступление потрясло всю Америку. Обоих приговорили к пожизненному заключению. Эти события заинтересовали кинорежиссера Альфреда Хичкока, и в 1948 году он снял цветной психологический фильм под названием «Веревка». Но в своей версии Хичкок допустил значительные отступления от реальных событий.

Обоих молодых людей считали подающими большие надежды. Они одевались по моде, имели в кармане немалые деньги, могли себе позволить то, о чем их сверстники даже не мечтали. Молодые люди смело выступали на лекциях, умели говорить и доказывать свою правоту. Натан Фройденталь Леопольд, 1904 года рождения, обладал прекрасной памятью, знал пять иностранных языков, мечтал стать орнитологом. Его друг Ричард Альберт Лёб, 1905 года рождения, в свои 19 лет собирался продолжить учебу и поступить в Гарвадский университет. И еще, эти мальчики увлекались философскими идеями Ницше, особенно нравилось им представлять себя «сверхчеловеками», которым дозволено все. Их духовными прототипами были Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон. Они считали, что можно совершить «идеальное убийство». Такое, чтобы никто не придрался.

Похоже, что именно Лёбу первому пришла идея убить человека из своего круга. Они оба стали серьезно подыскивать подходящий объект. Остановились на близком родственнике Лёба, четырнадцатилетнем Роберте Франке, сыне зажиточных родителей. «Идеальное убийство» должно быть таким, убеждали они друг друга, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений, что его могли совершить такие чистые, незапятнанные люди, как они. Леопольд и Лёб должны были быть вне подозрений.

Когда план созрел, молодые люди приступили к его исполнению. Леопольд поселился в чикагской гостинице под именем Луи Мейсона, торговца из Иллинойса. Он взял напрокат под залог в 50 долларов автомобиль и в тот же день открыл счет в банке для перевода денег, которые они собирались потребовать в качестве выкупа за Роберта.

24 мая 1924 года во второй половине дня они на автомобиле подъехали к частной школе, где учился Роберт. Занятия закончились. Леопольд и Лёб пригласили Роберта покататься с ними. Тот согласился, его посадили на место рядом с водителем. Когда они выехали из город, то свернули на пустынную дорогу. Там Лёб неожиданно сзади с силой ударил мальчика по голове монтировкой. Тот свалился. Они перетащили тело на заднее сиденье, заткнули ему рот тряпкой и обернули в старый халат. Затем остановились у осушенного болота, облили лицо Франка соляной кислотой, чтобы его не опознали, и тело засунули в широкую водосливную трубу. Но впопыхах они сделали это так небрежно, что снаружи остались видны ноги. К тому же Леопольд потерял очки, которые не смог найти.

На следующий день они отпечатали на машинке письмо о выкупе за мальчика, назначив цену в 10 тысяч долларов, и по почте отправили родителям Роберта Франка. Машинку молодые люди разбили, ее части разбросали в разных местах, а оставшуюся одежду Роберта увезли в штат Индиана и там закопали. Они решили, что совершили «идеальное убийство», и стали ждать на него отклики.

Р.-А. Лёб и Н.-Ф. Леопольд

Тело обнаружили буквально через пару дней – мимо

проходили рабочие и увидели торчавшие из трубы детские ноги. Прибывшие полицейские тотчас установили личность убитого, известие о пропаже четырнадцатилетнего Роберта Франка уже опубликовали все газеты. Полицейские обыскали всю местность и нашли очки в дорогой оправе. Как выяснилось, такие очки изготовлялись только в одной мастерской Чикаго. Там было сделано всего три заказа. Двое заказчиков носили такие очки, а третьим был… Натан Леопольд. Вскоре нашлись и части разбитой пишущей машинки, на которой было отпечатано письмо. Мальчиков арестовали. Перед очевидными уликами в преступлении сразу сознался Натан Леопольд. Чуть позднее признался и Лёб.

Они подробно рассказали о своем замысле и его исполнении. Известие, что это убийство совершили не отпетые гангстеры, а два воспитанных, лучших студента, представители богатого сословия, вызвало бурю негодования в Чикаго. Перед зданием суда собирались толпы народа. Все требовали электрического стула для обоих. Ни один адвокат не хотел защищать обвиняемых. Только через некоторое время и за немалое вознаграждение их согласился защищать известный адвокат Кларенс Дерроу. Он прекрасно понимал, что обоим грозит смертная казнь. Необходимо было вывести их из-под суда присяжных. И это ему удалось. В своей речи он просил обратить внимание судей на обучение обоих в университете, на увлечение ницшеанскими идеями о «сверхчеловеке», которые сгубили молодые души подающих надежды людей. Его защита произвела впечатление. За убийство обоих приговорили к пожизненному заключению, а за похищение добавили еще 99 лет…

Ричард Лёб погиб в тюрьме, в 1936 году его зарезал сокамерник, который утверждал, что Лёб пытался его изнасиловать. Сокамерника оправдали. Натан Леопольд отсидел 34 года. За примерное поведение его выпустили досрочно. Это был разбитый, больной человек 53 лет. В США он не остался и уехал в Пуэрто-Рико, где работал в одной лаборатории церковного прихода. Скончался он от сердечной недостаточности в 1971 году.

Подкоп под меховой магазин

Это необычное ограбление, совершенное в 1928 году в самом центре Москвы, на углу Большой Дмитровки (в 1920-х годах она называлась улица Эжена Потье, автора Интернационала) и Столешникова переулка, вызвало в обществе различные толки. Высказывали даже сочувствие грабителям. Еще бы, налет организовал не простой уголовник, а интеллигентный человек, которого и преступником назвать язык не поворачивался. Тем не менее, деяние, которое он совершил, на языке юристов называлось – организация банды, совершившей ограбление с использованием подручных средств.

Меховой магазин на Большой Дмитровке

В последние годы НЭПа в столице заметно улучшились условия жизни. В магазинах и лавках появились разнообразные продукты, предлагались дорогие изделия. Но цены на товары роскоши были порой головокружительные. Меховой магазин на углу Большой Дмитровки и Столешникового переулка всегда

считался респектабельным, он относился к числу крупнейших в составе Госторга. За его витринами красовались меха модной черно-бурой лисицы, голубой норки, соболя. Каждая – несколько тысяч рублей. В нем отоваривались именитые артисты Большого театра, жены известных писателей, разных партийных функционеров.

Сын бывшего начальника Московской сыскной полиции Станислав Швабе, потерявший после революции все нажитое, никаких денег не имел. Он иногда задерживался у витрины мехового магазина, понимал, что за стеклом выставлено настоящее богатство, овладев которым он мог бы безбедно прожить вполне приличное время. Но как вынести меха? Разве разбить витрину? По вечерам возле магазина прохаживался сторож, недалеко находилась будка, в которой дежурил милиционер. Сама мысль об ограблении казалась абсурдной. И все же… А если вечером спрятаться среди вывешенных меховых изделий и остаться в магазине на ночь? Идея показалась ему стоящей. Но со временем, изучив все выходы и узнав расписание прихода сотрудников, решил, что лучше и надежнее действовать по-другому…

Пришедшие в понедельник на работу служащие магазина, спустившись в подвал, который считался неприступным, с удивлением обнаружили, что все шкафы взломаны, из них исчезли самые ценные меха. Воры вынесли норковые и песцовые шубы, воротники из черно-бурой лисицы, палантины, меховые шапочки. Всего на сумму двадцать две тысячи рублей. И тут продавцы увидели небольшую дыру в стене. Куда она ведет? Кто ее сделал? О странном ограблении директор тотчас проинформировал сотрудников Московского уголовного розыска.

На место происшествия прибыла бригада сыщиков, которую возглавила женщина, инспектор Екатерина Матвеевна Максимова. В этой должности она находилась уже десять лет, не раз раскрывала самые запутанные дела. Первым делом она спустилась в подвал. Осмотр показал, что дыра в стене – это лаз. Преступники прокопали тоннель либо через улицу, либо из соседнего дома. Человек, наметивший эту операцию, наверняка обладал техническими познаниями. На пути у него были разные стены, городские коммуникации, наконец, фундамент мехового магазина. Какой же был это каторжный труд, сколько дней понадобилось, чтобы прорыть тоннель! Сторож своего места не покидал, милиционер также прохаживался мимо. Невероятное преступление!

Максимова побеседовала с директором, выслушала сотрудников, допросила сторожа и милиционера. Никто ничего

подозрительного не замечал. Кому понадобилось рыть подземный ход? Адская работа. Максимова внимательно осмотрела пролом. Он был очень узкий, человек средней комплекции в него бы не пролез, но человек, который долбил фундамент снаружи, должен был обладать недюжинной силой. Похоже, что преступников было как минимум двое.

Исследовать лаз поручили самому молодому и худенькому оперативнику. Он с трудом протиснулся в него, едва двигался и попал наконец в подземный колодец. Там обнаружил еще один узкий проход. В нем сотрудник нашел несколько бочек, заполненных землей, затем вверху увидел небольшое отверстие. Через него выбрался на поверхность и неожиданно оказался в помещении котельной того же самого дома. Сверху дыра была завалена тряпьем, а рядом высилась куча свежее вывороченной земли. Все свидетельствовало о том, что преступники начинали свою операцию в котельной. Работали по ночам, иначе жильцы заметили бы незнакомых людей.

По указаниям Максимовой все рынки Москвы были взяты под особый контроль. Возле комиссионных магазинов появились нелегальные агенты, которые «спрашивали» меховые изделия. У перекупщиков тоже интересовались меховым товаром, но ничего интересного отыскать не удалось. Было очевидно, что грабители затаились, решили выждать.

Шло время. Оперативники разослали телеграммы в Петроградский уголовный розыск и другие города, в них сообщалось о необходимости повысить внимание к продаже новых дорогих меховых изделий. Одновременно в Москве решили накрыть воровскую малину. На квартиру двух сестер-сводниц, которые устраивали у себя попойки и торговлю краденым, под видом блатных отправились оперативники. Потом всех «гостей» арестовали и отправили в отделение. При проверке выяснилось, что это были мелкие воришки. Но среди задержанных оказался очень худосочный молодой человек по кличке Карпуша, известный в воровской среде. Сыщики обратили внимание на его руки – жилистые, они по локоть были перебинтованы. При обыске в кармане у него нашли большую связку ключей и крупную сумму денег. Несколько тысяч. Откуда у простого вора такая сумма, да еще в кармане? По наблюдению Максимовой, такой вполне мог пролезть в то самое узкое отверстие. И руки у него поранены. Не он ли долбил тайный подземный ход?

Его попросили снять марлевые повязки. Все его пальцы оказались стерты, порезаны, по локоть ссадины. Похоже, он руками разгребал землю. Но беседа с Карпушей ничего не дала. Он изворачивался, уходил от прямых ответов. Его отправили на

медицинскую экспертизу. Врач в своем заключении указал, что порезы и ссадины наносились в разное время. Одним больше двух недель, другие совсем свежие. Они возникли не от ударов, а нанесены, скорее всего, разными мелкими острыми и колющими предметами.

По картотеке Максимова проверила все связи Карпуши. Она хотела выйти на того человека или тех людей, которые организовывали это дело. По ее мнению, парень не был способен на аналитическое мышление, не обладал инженерными познаниями, не могла ему прийти в голову мысль об ограблении мехового магазина через подкоп. Кто-то нанял его и предложил за это деньги. Максимова решила подсадить к Карпуше своего человека. Пусть его прослушает.

Вскоре в камере с Карпушей появился заключенный, у которого заканчивался срок отсидки. Он рассказывал, как выйдет на волю, как встретится с друзьями, как загуляет. У Карпуши потекли слюнки. Ему очень хотелось выйти из Бутырки. Бежать? Об этом не могло быть и речи. Сделать подкоп? Тут одних рук недостаточно. И Карпуша попросил своего сокамерника передать записочку его друзьям. Совсем небольшую. И сказал, как найти адресок. Тот сунул записочку в самое надежное место под стельку своего башмака и вскоре вышел из камеры.

Эта записочка с адресом и именем человека и стала тем самым вещественным доказательством вины Карпуши и его участия в подкопе под меховой магазин, она стала путеводной нитью к расследованию нашумевшего дела. По указанному в ней адресу были тотчас отправлены оперативники. Они взяли дом под наружное наблюдение. И выяснили, что этот адрес не что иное, как настоящая блатхата, где собираются местные уголовники, чтобы отдохнуть и позабавиться с подружками. Причем туда приходили и те самые две «сестреночки», в компании которых застукали Карпушу.

В тот вечер агенты наружного наблюдения донесли, что в блатхате собрались примерно семь парней с подружками. Готовятся к застолью. Максимова дала команду захватить всех. Визит милиционеров в форме был настолько неожиданным, что никто из присутствующих не оказал никакого сопротивления. Все прошло тихо и гладко. При обыске огнестрельного оружия найдено не было. В общей сложности удалось задержать свыше десяти человек. На следующий день начался допрос. Одна девушка показала, что среди ее дружков иногда появлялся некий молодой человек, не из воровского круга. И назвала его адрес.

Оперативники тотчас отправились туда и установили наблюдение. А потом и захватили молодого человека

интеллигентной наружности. При допросе он назвал себя – Станислав Швабе. В Москве тех лет его фамилию хорошо знали. Он был сыном бывшего известного сыщика-полицейского Казимира Швабе, который после Октябрьской революции, прихватив с собой немалые ценности и кое-что из архивов, бежал за границу. Сынок не пожелал присоединиться к отцу, посчитав, что дома тоже можно жить неплохо. Правда, сам он, по его показаниям, нигде не работал, перебивался с воды на квас.

Максимова внимательно слушала показания арестованного, делала вид, что сочувствует ему и верит. «У нас есть данные, что вас не раз видели в “Национале” и пили вы там далеко не квас и воду. Говорите правду, у нас есть другие сведения», – не выдержав, сказала она.

Но Швабе неожиданно замолчал. Максимова его отпустила, предупредив, что только чистосердечное признание позволит уменьшить его срок пребывания в тюрьме. Швабе молчал несколько дней. А потом все же начал говорить. Рассказал, как он, интеллигент, был вынужден связаться с уголовной средой… Но он был для них чужак, белоручка. Тем не менее все же поучаствовал в двух-трех операциях, так появились деньги…

Максимова слушала и не прерывала. Она ждала сообщений от оперативников, которые исследовали нанятую Швабе квартиру. Через несколько дней они доложили, что обнаружили тайник, в котором хранились краденые шубы из мехового магазина на Большой Дмитровке. Приглашенные из магазина продавцы их опознали. Итак, Максимова получила главные улики. Оставалось добиться признания от самого Швабе.

Следует сказать, что тайник оперативники обнаружили не сразу. Первоначальный осмотр квартиры ничего не дал, но Максимова требовала провести более тщательный обыск. Один оперативник, осматривая грязные немытые окна, выходившие в глухой двор, поднялся на подоконник и заметил спускавшиеся вниз веревки. Окно тотчас раскрыли и потянули веревку. На подоконнике появился холщовый мешок. Когда его вскрыли, то обнаружили меховые шубы. За окнами висело несколько таких мешков.

Но Швабе упорствовал и своей вины не признавал. И даже когда Максимова прямо спросила его, не причастен ли он к ограблению мехового магазина на Большой Дмитровке, не он ли нанял Карпушу, Швабе отрицательно покачал головой. Тогда взялись за Карпушу, предъявили ему меха и рассказали, что Швабе во всем признался и все сваливает на него, на Карпушу. И тут началось… Карпуша стал рассказывать, как познакомился со Швабе. Как тот предложил ему дело, как ему пришлось рыть,

копать и долбить землю, стены. А белоручка Швабе ждал наверху меха. Они запихивали шубы в мешки и таскали к Швабе на квартиру. Кражу они совершили, а вот с продажей возникли сложности…

В конце концов и Швабе вынужден был дать признательные показания. Он подробно рассказал, как исследовал магазин, его стены, потолок, пол, все фиксировал. Потом обследовал сам дом и вышел на котельную, откуда, по его подсчетам, можно было начать подкоп. Но это дело не принесло им ожидаемого блага. Реализовать украденные шубы в Москве оказалось сложно, уголовники сбивали цену, рассказывая, что ни один скупщик не возьмет их на реализацию, так как милиция подняла на ноги всю Москву, ищут грабителей. Кое-что они все же продали, поделили деньги. Карпуша решил повеселиться и отправился к знакомым сестрицам. И попался. Посадили обоих. О сроках отбывания наказания архивы молчат.

Человек, ограбивший президента США

В семье эмигрантов из Германии Джона и Матильды Панцарм, избравших для местожительства штат Миннесота рядом с Канадой, было шестеро детей. Самый младший, Карл, родился в 1891 году. Это был сущий разбойник. Его пытались исправить тяжелым физическим трудом на ферме, ему поручали пасти скот, но всякий труд ему был не по нраву. В 11 лет он обокрал дом соседа. Его жестоко избили. В 12 лет его отправили в исправительное заведение. Он не исправился, а возненавидел своих воспитателей и весь род людской. В 14 лет он, по его собственным признаниям, решил стать настоящим грабителем, поджигателем, насильником и убийцей.

Он не мог учиться ни в исправительном заведении, ни в обычной школе, постоянно конфликтовал с учителями. Особенно досаждал он классному руководителю, которого задумал уничтожить. И это было не шуточное намерение. Однажды он принес в класс револьвер. Оружие успели выбить из его рук, а самого Карла выгнали из школы. Его не привлекли к ответственности – подросток, что с него взять. А он не очень-то сожалел о потерянной школе, тайком забрал из дома свои вещи, сел в товарняк и… поехал по стране.

Деньги юноша добывал попрошайничеством и воровством. Грабил церкви и поджигал их. Его ловили, отправляли в тюрьму. Он сбегал. Поймать его было сложно, в то время каждый штат жил по своим законам и не вмешивался в дела другого. Он этим пользовался, нашкодив, постоянно перебирался из одного штата в другой. Крепкого, не по годам сильного парня привлекали к себе бродяги-воры, которые заставляли его красть. Они же мучили парня, насиловали. И он до такой степени ожесточился, что дал себе слова насиловать одних мужиков и убивать их.

В августе 1920 года, когда ему исполнилось 29 лет и за плечами был немалый опыт грабителя, насильника, поджигателя и убийцы, он прибыл на берег Атлантики, в небольшой портовый городок Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Надо было где-то раздобыть денег. Карл стал подыскивать солидный домик. И нашел такой в самом престижном районе на Уитни-авеню. Трехэтажный, в викторианском стиле. Особняк миллионеров, подумал он. Пару дней следил, ждал, не появятся ли хозяева или слуги. Никого. Он предположил, что его владельцы отдыхали где-нибудь на солнечном берегу у океана.

Карл Панцарм

Темной ночью Карл приступил к делу, выдавил на первом этаже стекло и залез в дом. И сразу убедился, что попал туда, куда надо. Ценности были разбросаны по всем комнатам. Он собрал все в сумку, а кроме того, нашел револьвер 45-го калибра. А сколько денег? Их в этом доме, видимо, не считали. Некоторые хранились прямо в банковских пачках! И еще именные облигации. Карл поднес к глазам одну и чуть не вскрикнул от удивления – Уильям Говард Тафт.

Оказывается, он залез в дом 27-го президента США, который правил страной с 1909 по 1913 год и который, как говорили, скоро снова будет выдвигать свою кандидатуру. Но Карла обрадовал не только этот факт. Он ограбил человека, который в 1908 году занимал должность военного министра и которому он, Карл Панцарм, бывший военнослужащий, написал письмо с просьбой не удерживать его жалованье, накопленное им за время службы. Тафт не ответил…

В армию Карл отправился добровольно, скрываясь от полиции. Он приписал себе требуемые два года, назвал себя Джефферсоном Балдуином и в 1908 году надел военную форму. Он продержался без воровства недолго, через четыре месяца

вскрыл армейский склад и вынес обмундирования на 100 долларов. Только вот распродать краденое не сумел – его арестовали и приговорили к трем годам каторги, естественно, уволив из рядов военнослужащих. При этом не выдали причитавшееся ему жалованья. Тогда-то он и написал Уильяму Говарду Тафту. Военный министр его жалобу проигнорировал.

Теперь Карл Панцарм разгуливал по комнатам особняка Тафта и приплясывал. Теперь он отомстил еще одному человеку. Он незаметно покинул дом и отправился в другой штат пировать. Карл частично продал ценности, облигации, и на руках у него образовалась солидная сумма. На имевшиеся деньги он купил себе яхту и назвал ее «Акиста». Она станет его плавучим домом, в котором он будет передвигаться туда, куда захочет. Он опубликовал в газете объявление о наборе юнг для обслуживания яхты. К нему приходили парни, он осматривал их, понравившихся принимал на работу. Они чистили палубу, занимались мотором, готовили ему обед. Он пил с ними. Вернее, спаивал запрещенным в то время алкоголем. В бесчувственном состоянии насиловал, затем подталкивал к борту. Там доставал президентский пистолет Тафта, которым особенно гордился и устраивал «президентскую казнь» – стрелял в затылок, затем тело сбрасывал за борт. Таким способом он убил не менее 10 человек.

Но вскоре его яхта стала вызывать подозрение – там, где она останавливалась, нередко случались грабежи и поджоги. Полицейские наведывались на «Акисту», но, не обнаружив ничего подозрительного, удалялись. В конце концов, история с яхтой кончилась плачевно – находясь в пьяном состоянии, он посадил судно на мель. Сдвинуть его с места он был не в силах. От злости Карл открыл иллюминаторы, вода стала заполнять трюм, он спасся на шлюпке.

Не зная, чем заняться, куда податься, Карл сел на корабль, отправлявшийся в Анголу. Зачем поехал в Африку? Чего искал там? В Анголе Панцарм устроился работать на морской буровой вышке. Но вскоре трудовая деятельность его стала раздражать, хотелось предпринять что-то необычное. Кто-то посоветовал ему отправиться на охоту… за крокодилами – это экстремальное занятие сильно взвинчивает нервы, убийство крокодила дает прилив энергии. Карл договорился с шестью черными конголезцами, что они проведут его в джунгли и покажут место обитания. На нескольких лодках они углубились в заросли. Едва приблизившись к к месту, как Карл, опьяненный предстоящей охотой на крокодилов, почувствовал такой прилив энергии, что не удержался и… застрелил всех шестерых чернокожих. А потом, пытаясь приручить злобных чудищ, стал скармливать им

человеческие останки…

Пропажу шестерых конголезцов заметили. Полиция собиралась допросить приезжего американца, но, узнав о том, что его разыскивают, Панцарм тотчас скрылся в порту, сел там на судно и отправился в Португалию, в Лиссабон, откуда уже на другом корабле вернулся в Штаты. На родине он не изменил свой образ жизни – охотился за молодыми людьми, подпаивал их, насиловал, убивал, затем уезжал в другой штат. Но полиция ряда штатов уже начала масштабную охоту за маньяком-педофилом и убийцей. Его арестовали в 1928 году.

Два года длился процесс. Панцарм откровенно рассказывал о всех своих похождениях, как насиловал, убивал, показывал места, куда сбрасывал или закапывал трупы. Газеты подробно описывали его зверства. Накал страстей в публике был настолько высок, что все требовали для него публичной казни, четвертования… Американский писатель Томас Гаддис предложил маньяку написать автобиографию. Панцарм согласился. Но прочитанное повергло в шок самого писателя. Книга получилось настолько бесчеловечной, злобной, что публиковать ее Гаддис не решился. Она вышла только через 40 лет.

Карла Панцарма приговорили к повешению. Когда 10 июня 1930 года его вели к виселице, он, недовольный затяжкой процедуры, заявил палачу: «Шевелись, ублюдок, за то время, что ты возишься, я убил бы дюжину таких, как ты».

Дюссельдорфский монстр

Поведение отца, алкоголика, насильника, сформировало психику и поведение его сына Петера Кюртена. Семья в десять человек жила скученно, в одной комнате на окраине Мюллькхайма, пригорода Кёльна. Отец, грубый, жестокий человек, на глазах детей насиловал их мать. Затем принялся за дочерей. Отца забрали в тюрьму, а его подросший сын стал поступать таким же образом. Сосед, занимавшийся отловом бродячих собак, научил Петера истязать животных и… совокупляться с ними. В 12 лет он стал садистом, пил кровь убиваемых жертв, испытывал наслаждение, когда причинял боль другому. В 15 лет он уже был вором, насильником, законченным преступником, жаждавшим приступить к главному – убивать намеченные жертвы.

По мнению экспертов-криминалистов, среди садистов-убийц на сексуальной почве в первой половине XX столетия немец Петер Кюртен – самый известный, самый отвратительный и самым образцовый. У него была солидная внешность, средний рост, внимательные глаза и щеточка усов под носом. Полицейским, которые видели его, когда проводили опрос свидетелей на месте преступления, никогда бы в голову не пришло, что этот прилично одетый гражданин, сочувствующий и внимательно слушающий, и есть тот самый преступник, которого они разыскивают, – знаменитый маньяк, серийный убийца, из-за которого мюллькхаймские женщины боялись по вечерам в одиночестве выходить на улицу. Была у него такая особенность – сразу после убийства очередной жертвы прийти на место преступления и послушать, что о нем говорят.

Свое первое убийство Петер совершил в 1900 году, когда ему исполнилось 17 лет. Он напал на несовершеннолетнюю девочку, изнасиловал ее и зарезал. Ее тело так никогда и не было найдено. Его арестовали, но за воровство. Он отсидел два года, вышел и начал искать очередную жертву. Ему нравились молоденькие девушки, ничего не понимая, от страха они не оказывали никакого сопротивления. Он не всегда насиловал, иногда мастурбировал, но всегда убивал. В карманах его длинного плаща был спрятан либо острый нож, либо веревка, либо топорик, либо на крайний случай ножницы.

В 1905 году за изнасилования его приговорили к 7 годам заключения. В тюрьме он проявил признаки душевнобольного, его отправили в психиатрическую лечебницу для выявления отклонений. Особых отклонений у него не обнаружили, во время пребывания в лечебнице Петер для своего удовольствия отравил

парочку заключенных. И опять ему все сошло с рук. На свободу он вышел в 1912 году и уже через год опять совершил злодеяние.

Вечером 25 мая он зашел в небольшую гостиницу. Портье на месте не было. Петер поднялся на второй этаж, открыл дверь в номер. Там спала десятилетняя девочка, дочь владельца гостиницы Кристина Кляйн. Петер не стал противиться искушению, бросился на нее, схватил за горло. Девочка извивалась под ним, пыталась позвать на помощь. Тогда он ножом перерезал ей горло, затем стянул свои штаны… А затем незаметно вышел из гостиницы, сел в пригородный поезд и уехал из Мюлльхайма. Но потом он не выдержал, вернулся, направился к гостинице. Зашел в пивную напротив, заказал кружку пива и стал слушать, что говорили завсегдатаи о случившемся чудовищном преступлении. Найти убийцу полиция не смогла. Подозрение пало на брата хозяина. Петер успокоился, но понял, что Мюлльхайм стал для него тесен.

В 1921 году, выйдя на свободу после очередного воровства, он решил стать добропорядочным бюргером, таким как все. Петер поступил на фабрику, стал членом профсоюза, подобрал невесту. Причем сватался очень «романтично», сказал, что, если она откажет, он ее убьет. Вроде пошутил, но бедная девушка испугалась и согласилась стать его женой. В 1925 году семейная пара переехала на постоянное место жительство в Дюссельдорф. Правда, жили порознь. Каждый снимал номер в дешевых гостиницах. Для провинциала Кюртена большой, красивый город на берегу Рейна представлял массу возможностей. В Дюссельдорфе был хорошо освещенный центр со звеневшими трамваями и плохо освещенные окраины. Полицейские, шуцманы, туда заглядывали редко. Именно окраину Петер выбрал для своих деяний.

В начале февраля 1929 года он вышел на улицу. В темном переулке ему встретилась женщина, возвращавшаяся с работы. Он схватил ее, но она оказала ему отчаянное сопротивление. Петер вытащил нож, несколько раз ударил женщину, кричать уже она не могла и опустилась на землю. Он едва успел снять свои штаны, как его спугнули…

Женщина осталась жива, изнасилования не произошло. В полиции она не смогла точно описать нападавшего. По ее словам, это был среднего роста мужчина, в темном пальто и шляпе, вполне приличного вида. От страха и переживаний она не могла и не хотела его представлять. Дело находилось в стадии расследования, когда 9 февраля того же года было совершено нападение на ребенка. Жертвой насильника оказалась восьмилетняя Роза Охлингер. Оказать сопротивление взрослому

мужчине ребенок не мог. Петер не просто убил, он изрезал девочку и мастурбировал над ней, мастурбировал…

Петер Кюртен – самый известный, самый отвратительный и самым образцовый

Петер всегда действовал по одному и тому же принципу, выискивал одиноких женщин, нападал на них, либо резал ножом, либо бил топориком, в последнее время использовал молоток. Один удар по голове, и недвижимая женщина у его ног, делай с ней что хочешь. Начиная с февраля 1929 года и по ноябрь того же года он совершил 29 нападений. Дюссельдорф стал жить в страхе. Газеты сообщали о появившемся душителе, сексуальном монстре, чудовище в облике человека. Жители рассказывали ужасные кровавые истории. Женщины старались в темное время на улицах

не появляться. Полиция сбилась с ног, но найти преступника не могла. Тысячи опрошенных свидетелей, десятки версий и никакой зацепки. Маньяк нападал на женщин, девушек и девочек, никого не жалел и незаметно исчезал.

Петеру Кюртену везло. Его спасало самообладание. Он никого не боялся, возвращался на место совершенного убийства и либо слушал, что говорили жившие там люди, либо в одиночестве представлял себе истекающую кровью жертву и мастурбировал…

Свое последнее преступление Петер Кюртен совершил в 1930 году. Вечером он напал на молодую женщину, изнасиловал ее и впервые отпустил. Пожалел? В тот же вечер, вернувшись домой, в порыве откровения он рассказал своей жене, что разыскиваемый дюссельдорфский маньяк, душитель, монстр, чудовище – это он, ее муж, Петер Кюртен. Зачем он признался жене? Хотел похвастать или припугнуть? Ничего подобного, оказывается, он заботился о ней. Он хотел сам сдаться полиции, но почему бы не оставить жене на пропитание несколько тысяч марок, которые объявили за его поимку? Он буквально потребовал, чтобы она пошла в полицию и сделала заявление. И женщина пошла и сделала заявление.

Полицейские отказывались верить услышанному. То, что рассказывала в участке фрау Кюртен, не укладывалось ни в какие схемы. Она сама предложила арестовать ее мужа, с которым у нее была встреча у паперти церкви… Она назвала адрес и время! Полицейские, не веря сказанному, вместе с фрау Кюртен отправились на встречу с ее мужем, герром Кюртеном. Все оказалось правдой! Петер Кюртен вышел из церкви и, увидев свою жену в окружении полицейских, протянул руки для наручников…

Насильник сам сдался. Дюссельдорф избавлялся от страха. Газеты перечислили совершенные им преступления – с 1925 по 1930 год не менее 46 нападений, десятки погибших, среди них дети. Тотчас всплыло его тюремное прошлое – воровство, изнасилования и убийства в Мюлльхайме. Как этот сексуальный изувер мог оказаться среди людей, почему его не оставили в психиатрической тюремной клинике? Как могла жить с ним жена?

Полицейским Петер Кюртен охотно рассказал о своем тяжелом детстве, неустроенной юности, поведал страшные подробности своей дальнейшей двойной жизни, ничего не скрывая, рассказал о своих сексуальных переживаниях, которые и сделали его убийцей. Он не боялся смерти и ни о чем не жалел. Говорил четко, выглядел как представитель солидной компании. Врачи, психиатры проверили его состояние и не могли признать его душевно-больным или невменяемым. Он был абсолютно

вменяем, осознавал все свои поступки, но о жертвах не жалел. Его приговорили к отсечению головы через гильотинирование. Приговор был приведен в исполнение 2 июля 1931 года.

Психопат против президента

Сын зажиточных кубанских земледельцев, рослый крепкий казак, Павел Тимофеевич Горгулов, оказавшись в 1921 году за рубежом в эмиграции, не мог найти себе применение. У него было медицинское образование, и он нелегально делал аборты, одновременно писал стихи, романы, выпускал политические прокламации, хотел как-то прославиться. Но русская эмиграция его не воспринимала. Неожиданно ему пришла в голову шальная мысль убивать известных лидеров европейских стран. Начать он решил с президента Франции Поля Думера и приобрел автоматический браунинг…

Для французской полиции этот выходец из революционной России был подозрительным типом. По имевшимся сведениям, он не прижился в Праге, бежал оттуда, перебрался нелегально во Францию, устроился в Париже, занимается подпольной медицинской практикой, никаких разрешающих документов на это не имел. Его высылали в Монако, он возвращался. В эмигрантских кругах его считали баламутом, а не политиком. В полиции не торопились его арестовывать, там обратили внимание на тот факт, что Горгулов хотел попасть в Иностранный легион. Но в легион его не приняли по тем же причинам – подозрительный тип. За ним стали следить, чтобы установить его связи. Познакомившись с его политической писаниной, полицейские сделали вывод, что он не опасен. К тому же оказался женат на швейцарской подданной, которая ждала от него ребенка. Его временно оставили в покое. Никому и в голову не могло прийти, что этот с виду спокойный, могучий человек готовился застрелить президента Франции…

Горгулов родился в 1885 году на Кубани в станице Лабинской в казачьей семье. Окончил в Екатеринодаре военно-фельдшерское училище, затем уехал в Москву, слушал лекции на медицинском факультете Московского университета, участвовал в Первой мировой войне, был ранен. В 1920-х годах боролся против большевиков на Кубани и в Крыму, в 1921 году выехал из России навсегда. Прибыв в Прагу, решил продолжить учебу и окончил, наконец, медицинский факультет Карлова университета. В 1930 году ему вручили так называемый нансеновский паспорт беженца, который выдавала Лига Наций для лиц без гражданства. Первыми его стали получать русские белоэмигранты. Как впоследствии утверждал сам Горгулов, в Праге у него возникло желание убить первого президента Чехословакии Томаша Масарика, но он удержался. Старичок философ, который хорошо знал русский

язык, понравился ему своей добродушной улыбкой. У казака рука не поднялась на него.

В Париже Горгулов вступил в общество молодых русских писателей. Он начал издавать свои произведения из казачьей жизни под псевдонимом Павел Поль Бред. Написаны они были плохим слогом, по сути, безграмотно. Он выплескивал на бумагу сумбурно выраженные мысли о высоком предназначении России, писал, что пусть она дикая, варварская, но ее первобытная одухотворенность сильнее западной разлагающейся цивилизации. Он придумал лозунг: «Фиалка победит машину» – и мечтал о свержении большевистского режима, но критиковал и социализм, и капитализм. Его творения не расходились, денег катастрофически не хватало, он проматывал состояние своей жены.

…6 мая 1932 года в Париже открылась благотворительная книжная ярмарка ветеранов – участников Первой мировой войны. Попасть на нее могли только приглашенные люди по билетам. На торжественную церемонию открытия ожидали президента Франции семидесятипятилетнего Поля Думера, человека уважаемого, у которого четверо сыновей погибли на полях сражений Первой мировой войны. Горгулов понял, что настал его час. Ему достали пригласительный билет на имя писателя-ветерана Поля Бреда. Когда с речью начал выступать Поль Думер, Горгулов приблизился к трибуне. Он незаметно вытащил автоматический браунинг, поднял руку и в упор произвел несколько выстрелов. Президент Франции упал. В толпе возникла паника. Зазвучали свистки полицейских. Горгулова тотчас схватили. Его били нещадно, а он истерически по-русски выкрикивал свой лозунг: «Фиалка победит машину!»

Думера увезли в госпиталь, врачи боролись за его жизнь, но спасти не смогли. Президент Франции умер на следующий день. В прессу поступили сообщения, что во время обыска в доме Горгулова были найдены записи, которые назывались «Мемуары доктора Павла Горгулова, верховного председателя политической партии русских фашистов, который убил президента республики». Полицейские нашли также в его столе газетные вырезки с сообщениями о поездках Думера. Во время допросов Горгулов заявил, что он член созданной им русской фашистской партии, что он мстил Франции, которая не борется против большевиков. Присутствовавшие на процессе представители разных партий и организаций, в том числе члены белой эмиграции и фашисты Муссолини, не признали его своим. Такого преступления они не простили бы своему партийцу. По найденным в доме Горгулова запискам было ясно, что он готовился убить также других

руководителей западноевропейских стран, в том числе рейхспрезидента Германии Пауля фон Гинденбурга.

Некоторые политические деятели Франции посчитали Горгулова советским агентом, который действовал по заданию ОГПУ, другие видели в нем террориста-одиночку, представителя белоэмигрантских кругов. В конце концов после ряда исследований возобладала версия нападения человека-одиночки с неуравновешенной психикой, готового прилюдно совершись сумасбродный поступок.

П.Т. Горгулов на судебном процессе

Три дня продолжался судебный процесс. Горгулов вел себя на нем вызывающе, перебивал свидетелей, экспертов. Он кричал: «Убейте меня, как вы убили мою страну! Вы погибните все во всемирной катастрофе!» Несмотря на медицинское освидетельствование, которое признало Горгулова вменяемым, прокурор назвал его «диким зверем». Присяжные были единогласны – виновен. Его приговорили к смертной казни на гильотине.

14 сентября 1932 года Павла Горгулова вывели из тюрьмы Санте на бульвар Араго, где уже стояла готовая к действию «машина». Он пел «Варшавянку». При судьях, тюремщиках, многочисленной толпе свидетелей палач Анатоль Дейблер отрубил ему голову.

На колесах с револьверами и пулеметами

В американской криминальной истории любовная преступная парочка Бонни Паркер и Клайд Бэрроу занимает особое место. Об их убийственных разбойных нападениях написаны книги, сняты художественные фильмы с лучшими актерами Голливуда. Что же в них так привлекло деятелей искусства? Это были дерзкие грабители и убийцы. При любом случае старались показать себя – вот какие мы бесшабашные, а уж как любим друг друга… Они играли на публику. В Америке публичные люди всегда вызывали повышенный интерес. К тому же поисками парочки занимались не только полицейские, но и лучшие агенты ФБР.

У них не было никаких целей, никаких планов, никаких особых желаний, они совершали дерзкие налеты, ничего досконально не организовывая. От одной ограбленной бензоколонки переезжали к другой. Хорошо, если обходилось без стрельбы. Они готовы были убить любого, кто казался им подозрительным или проявлял к ним пристальное внимание. Они могли неожиданно остановиться у банка, вбежать в него с криком: «Ограбление! Всем лечь на пол! Деньги на стол!» Но самый большой куш, который им достался за два года непрерывных разбойных нападений, составил всего 1401 доллар.

Разъезжала парочка на краденых «фордах». Излюбленная марка V-8, которая выпускалась в Детройте в 1932–1934 годах. Эта машина была оснащена четырехцилиндровым двигателем, который в разных конфигурациях обладал мощностью от 65 до 85 лошадиных сил, цена от 500 до 650 долларов. Такие суммы Бонни и Клайд редко доставали. После краж на бензоколонке, в закусочных, бакалейных лавках – типичных местах их нападений – у них на руках появлялось от силы 50–100 долларов. На них им предстояло жить. Автомобили для передвижения они крали в разных штатах. Понравился симпатичный новенький «форд», Клайд осматривал его и залезал внутрь. Он был хорошим механиком, любил машины и водил их виртуозно. Бонни садилась рядом, и головокружительная гонка с выстрелами, ограблениями, погонями, достойная съемок Голливуда, начиналась. Обоим нравилась такая кочевая, смертельно опасная и веселая жизнь.

Они были под стать друг другу, невысокие, щуплые. Рыжеволосая Бонни вообще карлик, 150 см ростом, весила 36 кг. Клайд чуть побольше. Зато одевались с шиком – модные

костюмы, шляпы, модные блузки, а в руках непременно ствол – ружейный или револьверный. Иногда пулемет. В их машине на заднем сиденье и в багажнике был целый арсенал: револьверы любых калибров и фасонов и патроны к ним, тысячи патронов. «Форд» превращался в мобильную оружейную крепость. Они как сумасшедшие неслись по дорогам разных штатов. Клайду не нужна была карта. Его фотографическая память удерживала названия улиц, перекрестков, разъездов. От полицейских он уходил, используя малоприметные дороги. Он нажимал на газ, а Бонни палила из окна, и они с ветерком уносились к горам, петляли по сложным лабиринтам и выезжали к местам, где все было тихо и спокойно. А полицейские еще, как правило, где-то блуждали…

Бонни родилась в 1910 году в семье каменщика, проживавшего в штате Техас. После смерти отца мать с детьми переехала в пригород Далласа. Жили бедно, зато Бонни преуспевала в учебе, у нее проявилось артистическое дарование. Но характер был неуравновешенный, в 15 лет она влюбилась в одного подозрительного дельца и ушла из школы. Замужество продолжалось всего три года. Она работала официанткой в кафе, но в 1929 году, когда началась Великая экономическая депрессия, кафе закрылось, мужа посадили в тюрьму, средства к существованию кончились.

Через год Бонни познакомилась с Клайдом, также выходцем из штата Техас, и они влюбились. Он был старше ее на год, но уже прошел огонь, воду и медные трубы – с юности занимался кражей автомобилей. Его несколько раз арестовывали, сажали в тюрьму, выпускали. Он снова воровал, скрывался от полиции. Клайд предложил Бонни начать новую, шикарную жизнь – стать настоящими гангстерами, никого не бояться, при случае применять оружие и скрываться бегством. Так началась эпопея безумных похождений жестокой преступной любовной парочки со стрельбой, ограблениями, убийствами и автомобильными гонками.

Эта парочка приковала внимание всей Америки. Оба понимали, что обречены, но не собирались менять стиль жизни. Им нельзя было долго оставаться на одном месте. Полицейские и агенты ФБР двигались по их кровавым следам. Гостиницы, пансионаты становились ловушками. Это вечное бездомное скитание нервировало обоих. В штате Миссури они осели в городке Джеплин, в котором с 1920 года по традиции скрывались гангстеры. Место удобное – рядом горы и ни одной хорошей дороги, зато Клайд быстро нашел нужные проходы. Они сняли трехкомнатную квартиру. К ним примкнул брат Клайда Бэк с

женой и еще один молодой человек по имени Джоунс. Вставали поздно, завтракали, любили фотографироваться, бездельничали, обсуждали планы следующих нападений. Только не учли один фактор – внимательность соседей, которым не понравилось такое поведение новых постояльцев. И машины у них новые, только номера почему-то из Техаса. Ближайший сосед отправился в полицейский участок. Он подозревал, что молодые люди – подпольные торговцы, бутлегеры, занимаются контрабандой запрещенного в те годы алкоголя.

Знаменитые Бонни и Клайд

Полицейские решили устроить облаву. 13 апреля 1933 года две служебные машины отправились к подозрительным постояльцам. Их заметили Клайд и Джоунс. Они тотчас

спрятались в гараже и оттуда открыли беспорядочную стрельбу. Несмотря на все попытки полицейских преградить им путь, они, отстреливаясь, сумели прорваться и умчались в неизвестном направлении. Двое полицейских были убиты. Преследование быстро прекратили – кончились патроны, да и полицейские машины не были такими мощными.

В оставленной квартире обнаружили целый арсенал: оружие всех видов и во множестве фотографии. Теперь полицейские увидели тех, кого разыскивали, – Бонни Паркер и Клайда Берроу, а также их компанию. Примерно они представляли себе и маршрут их поездок. На дорогах были устроены засады. Еще не раз полицейские оказывались буквально на хвосте банды, но те, отстреливаясь, в который раз уходили от погони. В общей сложности Клайд и Бонни убили 15 человек, в том числе несколько полицейских. За их поимку была объявлена награда в 1500 долларов. Газеты требовали уничтожить гангстеров на месте.

В конце апреля 1934 года любовная парочка украла новенький «форд» и на нем помчалась в Луизиану, где проживал один из новых членов банды Генри Метвин. Почти месяц они носились по безлюдным дорогам. Между тем их узнавали. От бензоколонки к бензоколонки к полицейским поступали сообщения о передвижении парочки. Полицейским был дан приказ действовать без пощады к бандитам, если не сдадутся, уничтожить на месте. Отец Метвина рассказал полицейским, с кем связался его сын. Тогда и было решено устроить засаду недалеко от его фермы. Агенты ФБР, местные полицейские и техасские рейнджеры спрятались вдоль дороги. Старый Метвин на грузовичке изображал, будто у него спустило колесо. Клайд клюнул на эту приманку. Он притормозил, спросил у старика, что случилось, и тут раздалась команда: «Сдавайся, Клайд, все кончено!» И сразу раздались выстрелы. Град из пуль осыпал машину. Клайд едва успел нажать на педаль газа, но «форд» проехал только несколько метров и остановился…

К машине подходили с большой осторожностью. Окровавленные Клайд и Бонни не шевелились, они были мертвы. В них попало 80 пуль. Грузовичок старика Метвина отбуксировал разбитый «форд» с телами гангстеров к местной аптеке. Оттуда их привезли в Даллас и выставили на всеобщее обозрение. Отмщение свершилось, судебное расследование не проводилось. Похоронили Бонни и Клайда в разных могилах, так захотели их матери.

Банда «Магический круг»

У него было очень длинное имя – Свен Эмиль Сигвард Нильссон-Турнеман. Он родился в 1908 году в небольшом шведском городке Сало. Невыразительный, болезненный с виду, юноша очень страдал, что среди сверстников не может быть заводилой. Увлекся магией, стал воображать себя чародеем, учился повелевать другими. Позже он основал секту «Магический круг», в которую принимал таких же экзальтированных юношей, которые разделяли его убеждения: в мире добра и зла захват чужой собственности не считается грехом и убийство человека – это не преступление.

Для деятельности секты – она состояла из пяти человек – одних проповедей было недостаточно, требовались деньги. Они написали свой устав, который позволял им добывать средства насильственным путем. Каждый член принимал клятву и давал слово во всем слушаться главу чародея Свена, называвшего себя также по-английски «человек-охотник». Если кто не соглашался с его требованиями, тому угрожала расправа, вплоть до умерщвления. Серьезный устав, таинственность магических ритуалов, всякие заклинания у провинциальных юношей 18–20 лет вызывали чувство собственного превосходства над другими, «непосвященными». Они готовились совершить ритуальное убийство в полночь. Убить человека, возвещал Турнеман, – это значит его физическое состояния перевести в абсолютно духовное, дать ему полную свободу. Но кто первый возьмет на себя роль убийцы? Конечно, вдохновитель, главарь, вожак, чародей, «человек-охотник».

И он показал себя с «геройской» стороны. Поздно вечером 15 ноября 1930 года парни остановили такси, за рулем которого сидел местный житель Свен Эрикссон. Покатались, а когда пришло время расплачиваться, сказали водителю: «Отдай машину, а сам убирайся подобру-поздорову». Тот не согласился. Стал призывать их к порядку, угрожал полицией. Тогда Турнеман вытащил револьвер. И на глазах своих собратьев по вере произвел два выстрела прямо в голову опешившего шофера. Его тело выкинули из машины. Теперь у них было собственное передвижное средство. Для тех времен – целое состояние. Но что с ним делать? Куда ехать? Их сразу заподозрят в краже. Они покатались и бросили такси. Кстати, позднее, когда велось расследование, полиция обнаружила в машине кошелек с 250 кронами. Члены секты, а точнее банды, были настолько ошеломлены всем произошедшим, что забыли обыскать шофера.

Следующее ритуальное убийство запланировали на ноябрь 1933 года. Турнеману было известно, что владелец одного одинокого поместья Аксель Кьелберг проживает в доме один, не считая экономки. У него куча денег. Но как войти к нему в дом? И Турнеман придумал. Двое из его банды переоделись в полицейских, а третий изображал задержанного. В полночь они подошли к дому и нажали кнопку звонка. Открыла экономка. Они попросили срочно вызвать хозяина. Едва на пороге появился хозяин, раздались выстрелы. Бандиты убили Акселя, за одно и его экономку, затем обшарили все комнаты, забрали деньги, ценные вещи. В заключение чародей, глава «Магического круга», совершив заклинания, велел все поместье предать огню…

Но скрыть следы убийства не удалось. Полиция уже двигалась по следу банды. Для тихой, умиротворенной Швеции подобные жестокие преступления были чрезвычайными, общественность требовала отыскать убийц и наказать их самым жестоким образом. Члены банды знали настроение в обществе и на время затаились, вместе не собирались, магические ритуалы не проводили. Только на следующий год они осмелели, собрались вместе и решили убить женщину, о которой говорили, что она богачка, все свои богатства складывает в сумках у себя в каморке.

В полночь на украденной машине они подъехали к ее убогому обиталищу. От выхлопной трубы протянули шланг, вставили его в нижнее окно и принялись газовать. Примерно через полчаса, взломали дверь. В комнате, наполненной угарным газом, они обнаружили еще живую старую женщину и ее загадочные сумки. Не обращая на нее внимания, бандиты принялись потрошить сумки. К своему глубочайшему разочарованию, в них они нашли только лоскутки тряпок, части старой одежды. Возмущенные таким обманом, они подожгли каморку. Полицейские, расследовавшие последствия пожара, предположили, что хозяйка случайно сама подожгла дом и не могла из него выбраться. Дело было приостановлено…

С.-Э.-С. Нильссон-Турнеман

Последнее магическое убийство банда совершила в 1936 году. Турнеман и двое его сообщников отправились в Стокгольм, украли там машину и на ней отправились домой в Сало. По дороге им встретился велосипедист. Это был знакомый им курьер местного банка Эдвард Петерсон. У него была сумка. Само провидение шло им навстречу. Трое бандитов напали на велосипедиста, вырвали у него сумку, а его застрелили. Деньги поделили, разъехались и затаились. Полиция не могла понять, кто бесчинствует в округе Сало, местные или заезжие. Судя по брошенному автомобилю со стокгольмскими номерами, приезжие. Но откуда они знали, что велосипедист – курьер банка? Обратились к местным жителям с просьбой оказать содействие в расследовании, сообщать о любых подозрительных людях и их деяниях.

Раскрытию банды «Магический круг» помог рабочий с фермы, недалеко от которой произошло нападение на велосипедиста. Он пришел в полицию и рассказал, что его знакомый Эрик Недстрем

уговаривал вступить в секту «Магический круг», которую возглавляет Свен Турнеман, вожак, чародей, «человек-охотник». У них своя идеология: убийство – это не преступление. Вполне возможно, что совершенные в округе Сало убийства – дело их рук. Всех пятерых быстро вычислили и взяли. Допрашивали по отдельности. Они охотно рассказывали о ритуальных магических действиях, о своей отчужденности от мира добра и зла, об убийствах, об освобождении духа…

Суд состоялся в том же году. Все население городка Сало готово было разорвать юношей, прикрывавшихся добропорядочной псевдорелигиозной личиной, а на самом деле творивших смертельное зло. Всем четырем членам банды дали пожизненное заключение. Турнеман после освидетельствования его судебными медиками был признан психически нездоровым. Его приговорили к 32 годам лишения свободы. Он провел 32 года в лечебных психиатрических заведениях закрытого типа. И все же вышел на свободу. В 1969 году его выпустили под надзор полиции. Это был совсем другой человек, тихий, спокойный, желавший провести остатки дней в уединении. Он поселился в пригороде Стокгольма, занялся переводами с английского и прожил еще 10 лет.

Преступница, владелица борделя

Официально бордели в нацистской Германии были запрещены. Продажная любовь, как и порнография во всех видах, строго каралась законом. Никаких проституток, никаких гомосексуалистов, половозрелые мужчины и женщины в Третьем рейхе – это чистые арийцы в законном браке. Новый порядок, введенный в стране после 1933 года, установил жесткие нормы поведения и нравственности для всего населения. И тем не менее… В столице Третьего рейха допускалась некая вольность, деятельность отдельных интимных салонов даже поощрялась. Правда, под особой крышей…

Летом 1939 года полицейские управления Берлина получили разосланный по телеграфу циркуляр с грифом «Секретно. Дело имперской важности». В нем говорилось о необходимости в интересах Третьего рейха срочно подобрать из числа приличных проституток двадцать красивых девушек, владеющих иностранными языками, воспитанных в национал-социалистическом духе. Подписи – Рейнхард Гейдрих, руководитель Главного управления имперской безопасности (РСХА), и Вальтер Шелленберг, начальник контрразведки. Где искать проституток со знаниями языков, национал-социалистически воспитанных? Один из полицейских, который изредка пользовался услугами известного в Берлине борделя «Салон Китти», расположенного на улице Гизебрехтштрассе, 11, недалеко от Курфюрстендамм, по секрету предупредил его владелицу фрау Китти Шмидт, что грядут неприятности, нацисты для своей работы забирают лучших девушек.

Фрау Шмидт, которая переводила сбережения в голландский банк, все поняла правильно. Она рассчитала девушек по вызову, сдала помещения и отправилась на вокзал. До границы с Голландией оставалось рукой подать. По вагону прошел одетый в черную форму шафнер и сказал, чтобы пассажиры приготовили документы. Фрау Шмидт не доехала до Голландии, ее высадили на границе. Все эти дни за ней следили сотрудники службы безопасности. Ишь ты, задумала удрать. Захотела увезти накопленные в рейхе деньги и в Амстердаме у евреев открыть свое дело? Не удастся, фрау Шмидт.

Шафнер, негласный агент спецслужб, указал на саквояж. Открыть! В нем обнаружили фальшивый паспорт, кучу денег, фотографии девочек, немецкий шнапс. Контрабанда! На пути в столицу рейха гестаповцы предупредили фрау, чтобы была паинькой, кара грозит ей самая суровая. Упавшую духом

женщину доставили на знакомую всем берлинцам улицу Принц-Альбрехтштрассе, 8, где располагалась Имперская служба безопасности. Привели в подвал, показали, где она будет содержаться. Потом наверх в кабинет начальника отдела контрразведки, к штурмбаннфюреру СС (звание майора) Шелленбергу. Тот начал допрос и сказал, что она государственная преступница, владелица преступного борделя. Присутствовавшие офицеры принялись обзывать ее грязными словами. Изменница, шпионка, воровка, мошенница, контрабандистка, валютчица, а это означало не только лишение всех прав состояния и заключение в тюрьму, ей пригрозили смертной казнью. Гильотина.

С ней не шутили. Привели в помещение и показали «машину смерти», на которой отрубают головы. От такой перспективы фрау Шмидт затошнило, она потеряла сознание. Ее отправили в подвал. Когда она пришла в себя, ее снова привели к Шелленбергу. И снова многочасовой допрос. Все те же обвинения в преступной деятельности. Женщина была полностью сломлена. «Итак, преступница фрау Шмидт, вы можете искупить свою вину, избежать смерти, многолетнего заключения в тюрьме, если будете сотрудничать с нами, – сказал ей Шелленберг. – В этом государстве все под контролем. Согласны совместно вести гешефт?» Женщина, не задумываясь, кивнула. Итак, преступница перед законом и обществом во искупление своей вины перешла в полное подчинение руководству контрразведки.

О веселой жизни ее борделя нацисты знали еще до 1933 года. Берлинцы говорили, что в «Салоне Китти» вино льется рекой, девки на любой вкус, деньгам счету нет. Нацистам, естественно, захотелось приобщиться к ее сладкому денежному гешефту. Но под каким предлогом заставить фрау Шмидт поделиться доходами? Она же была чиста перед законом. Налоги платила исправно. Финансовых претензий никаких. Как к ней придраться? И повод нашелся, она сама дала его – изготовила фальшивый паспорт, решила бежать в Голландию. Вот и попалась с поличным.

Однако замешанной в этой истории фрау Шмидт, как и ее гешефт, оказалась совсем по другой причине. Дело в том, что в голову шефу РСХА Рейнхарду Гейдриху пришла идея. Романтик по натуре, музыкант по образованию, любитель английских и французских шпионских романов, в которых красивые и соблазнительные девушки охмуряли высших иностранных дипломатов, решил также завести разведчиц подобных Мата Хари в столице Германии. С их помощью узнавать, о чем говорят не только высшие чиновные лица Третьего рейха, но и дипломаты

зарубежных стран. Гейдрих вызвал к себе Шелленберга. Рассказал о своей идее. Тот был в восторге и предложил использовать для этой цели известный «Салон Китти». Он внес встречное предложение – подобрать двадцать красивых девушек, подучить, сделать из них суперагентов и посадить дома. В борделе будут альбомы с их фотографиями. Клиенту стоит позвонить по телефону, как девушка тотчас приедет в салон. После постельного сеанса «связи» они будут докладывать о сути разговоров.

Р. Гейдрих

Преступница фрау Шмидт после допросов, многодневного пребывания в подвале и видения гильотины полностью подчинилась новым хозяевам. Она подписала бумагу о неразглашении государственной тайны, обязалась молчать до

самого гроба. Ее салон после капитального ремонта преобразился – кругом сияли зеркала, ковры, хрустальные люстры. Подвал был напичкан подслушивающей аппаратурой. Только вывеска у салона осталась прежней «Salon Kitty». Но с девушками возникла проблема. Шелленберг, ознакомившись с контингентом, подобранным берлинскими полицейскими, пришел в ужас. «Это же простые шлюхи, – грустно докладывал он Гейдриху. – С их знанием иностранных языков, с их манерами ни о какой разведке не может идти речь. У них головы устроены иначе, они могут только ложиться в постель и принимать позу… Для нашего дела нужны другие, но где их взять?» – «Вот это и есть ваша задача, – сказал как отрезал Гейдрих. – Ищите и обучайте».

С началом военных действий против Польши в сентябре 1939 года о борделе мало кто вспоминал. Девушек принялись собирать по всей Германии. Они прошли спецобучение, из них делали немецких Мата Хари. Умницы, красавицы, они умели водить автомобили, стрелять из автоматического оружия, кое-как знали иностранные языки. Их воспитанием некоторое время занималась фрау Шмидт. Девушки сидели по домам и ждали телефонных звонков. За входом в салон установили наружное наблюдение. Проходили дни, недели. Салон изредка посещали мужчины с улицы. Никаких дипломатов, никаких высоких чиновников. Никаких политических высказываний – одни вздохи, крики, пьяные непристойности. Но обиднее всего, что подготовленных девушек, на которых затратили огромные средства, никто не вызывал. О чем докладывать руководству? «Салон Китти» пожирал государственные деньги и не давал никакой отдачи. Вызываемая на ковер преступница фрау Шмидт только разводила руками…

Как позднее в своих воспоминаниях признавался сам Вальтер Шелленберг, вышедший после шести лет отсидки из тюрьмы, затраты на оборудование «Салона Китти», на подготовку девушек ни в коей мере не покрывались крупицами добытой ими информации. В бордель пригласили посла Италии в Германии. Он пил, смеялся, шутил, никаких откровений не последовало. По сути, операция с подслушиванием оказалась полностью провальной.

В 1942 году в здание, в котором располагался бордель, попала бомба. Это был закат салона. Гейдриха убили в том же 1942 году, его сменщика Кальтенбруннера повесили в 1946 году после Нюрнбергского процесса, Шелленберг оказался в тюрьме. В западной части поверженного Берлина хозяйничали американцы, англичане, французы. У них были сигареты, кофе, шоколад. Бывшая преступница фрау Шмидт снова открыла «Салон Китти».

И девушки, как в старые добрые времена, не остались без дела. Полностью искупившая свою вину фрау Шмидт управляла любимым детищем вплоть до 1954 года, до самой своей смерти. Но она не забыла о данной ею клятве службе РСХА – никому ничего не рассказала. Только после ее смерти, когда бразды управления салоном приняла ее дочь, потом ее сын, стали известным некоторые факты из ее биографии времен нацизма.

«Салон Китти» вполне легально действовал до 1994 года. Кстати, в 1976 году известный режиссер Тинто Брасс заинтересовался его историей и снял фильм с таким же названием «Salon Kitty». Особого успеха в Германии он не имел.

Загадочная смерть в Голливуде

Это чудовищное преступление потрясло не только Калифорнию, но и всю Америку. 15 января 1947 года в окрестностях знаменитой «фабрики грез» у дороги в Лос-Анджелес было найдено обнаженное тело молодой женщины, разрубленное надвое. Рот у жертвы был рассечен от уха до уха. При осмотре местности полицейские установили, что убийство и расчленение трупа произошло в другом месте – крови на земле почти не было. Вскоре по отпечаткам пальцев убитой удалось установить ее личность. Это была Элизабет Шорт, 22 лет, известная многим солидным мужчинам в Голливуде.

В газетах появились снимки с места преступления и сенсационные подробности. Сообщалось, что девушка, имевшая прекрасную артистическую внешность, победительница конкурсов красоты, была любовницей многих видных продюсеров Голливуда. И хоть она была не из артистической среды, некоторые продюсеры и режиссеры предрекали ей успешную карьеру. Она хотела сниматься в кино, хотела быть похожей на Аву Гарднер. Последнее время девушка нигде не работала, проживала в разных гостиницах Калифорнии, где встречалась с разными мужчинами.

Желтая пресса смаковала другие подробности. У нее было прозвище Черный Георгин. Многие называли ее просто девушкой по вызову. Опытная проститутка, она, вероятно, работала под прикрытием сутенера. Очевидно, между ними произошла ссора. То ли не поделилась с ним прибылью, то ли шантажировала своей беременностью, но ее жестоко изнасиловали, потом избили до потери сознания, а думая, что мертва, еще живую расчленили.

Но у полиции было другое мнение. В газетах появились абсолютно надуманные истории, которые специально не опровергали. Изучали не только настроение в обществе, но и возможные прямые отклики. Искали человека, который мог бы опровергнуть или подтвердить правоту публикаций. Полицейские знали, что Элизабет Шорт не была проституткой. Она никогда не имела дел с полицией, над ней не совершалось сексуальное насилие и на момент смерти она не была беременна. Патологоанатомы подтвердили, что девушка не вела разгульный образ жизни. Смерть же наступила от сильных ударов по голове. Затем убийца, явно знакомый с анатомией, аккуратно острым ножом разрезал тело, разделил позвоночник, спустил кровь, сложил останки пополам и в таком виде погрузил в автомобиль. Расчленение ему понадобилось для того, чтобы незаметно

вынести тело из помещения и спрятать в багажнике.

В полицию поступали сообщения от многих людей, которые незадолго до 15 января якобы видели Элизабет, но они не находили фактического подтверждения. Все они на поверку оказались ложными. Никаких достоверных свидетельств по этому драматическому случаю полицейские не получили. Они не смогли установить место, где произошло убийство, они не нашли даже куска одежды. Преступник не оставил следов возле тела. Непонятно было, почему он не отвез тело в лес и не сбросил в море, а оставил возле оживленной дороги, где его могли обнаружить. Ответов на эти вопросы найдено не было.

О жизни самой Элизабет полицейские узнали следующее. Она родилась в штате Массачусетс. Ее вместе с четырьмя сестрами воспитывала мать-одиночка. В 19 лет хорошенькая Элизабет отправилась в Лос-Анджелес. Ей хотелось найти отца и установить с ним отношения. Но отношения с отцом не сложились. Она отправилась дальше искать свое счастье во Флориде, устроилась там на работу официанткой. Именно во Флориде она познакомилась с майором ВВС США Мэттью Гордоном-младшим и сообщила всем своим друзьям, что они скоро поженятся. Но свадьба не состоялась. Гордон погиб в авиакатастрофе на летных учениях в Индии.

В 1946 году Элизабет снова вернулась в Калифорнию, где сошлась со своим предыдущим любовником, лейтенантом ВВС Гордоном Фиклингом. Но и с ним опять не заладилось. Она прекратила с ним всякие отношения, жила в разных гостиницах Лос-Анджелеса, снимала квартиры, нигде не оставаясь больше двух недель. Последний раз живой ее видели в фойе гостиницы «Билтмор» 9 января 1947 года. На момент ее смерти у лейтенанта было железное алиби – он находился на территории воинской части.

По этому делу полиция допросила несколько тысяч человек. Подозреваемыми оказались несколько сотен. 60 человек признались в убийстве Элизабет Шорт! После тщательного расследования, однако, со всех них все подозрения сняли. Подавляющее большинство, объявивших себя убийцей, не имели к Шорт никакого отношения. Для чего они себя оговорили? Исключительно из желания прославиться и покрасоваться на страницах газет или просто по собственной глупости.

Элизабет Шорт

И все же в руки полиции попали кое-какие интересные материалы. Погибшая была хорошо известна некоторым видным руководителям голливудских кинокомпаний. Она часто появлялась в ночных клубах и ресторанах. По словам знавших ее, брюнетка Элизабет очень походила на женщину-вамп – загадочная, неприступная, разжигала в мужчине страсть, но к себе близко не подпускала. Одевалась во все черное, отсюда ее прозвище Черный Георгин. Ею увлекся некий Роберт Мэнли, его видели с ней в ресторане в первых числах января, он возил ее на машине, а потом исчез. Но полиция его нашла и допросила. Он признал, что ухаживал за Элизабет, хотел с ней близости, но ничего не вышло, она оказалась неприступной. Тогда он отвез ее в гостиницу 9 января, с той поры ничего о ней не знал. Его проверили на детекторе лжи – парень говорил правду. Позже выяснилась его полная непричастность к убийству.

Вскоре в поле зрения полицейских случайно попал некий

мелкий уголовник, давно служивший осведомителем полиции, который в подпитии хвастался своему закадычному другу, как он соблазнил и убил красотку из Голливуда. Поделился с ним своим опытом умерщвления – перерезал ее пополам, смыл кровь в ванне и затем выкинул по дороге. На поиски подозреваемого, нелегального осведомителя, срочно отправились опытные следователи. Но, увы, их ждало глубокое разочарование. Этот бывший уголовник по имени Эл Моррисон буквально перед приходом следователей сгорел при пожаре в номере одной гостиницы…

Лос-Анджелесской полиции так и не удалось на сто процентов установить, с кем из мужчин (или женщин) Элизабет Шорт была вместе после 9 января 1947 года, кто был ее убийцей. Тайна ее смерти осталась нераскрытой до сегодняшнего дня.

Продавец Эйфелевой башни

Существовавшая с середины XIX века до 1963 года знаменитая американская тюрьма-крепость на острове Алькатрас в заливе Сан-Франциско предназначалась для особо опасных преступников. Бежать с каменистого скалистого острова было практически невозможно – в холодных морских волнах, в бурных течениях беглецы, как правило, погибали. В 1936 году именно в эту особую тюрьму за свои особые махинации угодил один из самых образованных и благородных мошенников XX века Виктор Люстиг, называвший себя графом. А всего у него было 45 псевдонимов.

Он родился в 1890 году в небольшом городке Хостинне Австро-Венгерской монархии (сегодня Чехия), где его отец, уважаемый человек, был мэром. Виктор, не по годам смышленый мальчик, был еще дерзким и бесстрашным. Учение давалось ему легко, он успевал в математике, прекрасно говорил на пяти иностранных языках, рано пристрастился к азартным играм, особенно картежным, при этом научился искусству обмана. В 19 лет Виктор подрался из-за девушки, на левой щеке у него навсегда остался ножевой шрам. В конце концов за разные мелкие правонарушения его посадили в тюрьму. После освобождения прозябать в провинции молодой человек не захотел, его потянуло в дальние страны, ему хотелось опробовать свои «таланты» на денежных людях.

Некоторое время он проучился в Париже в Сорбонне, потом бросил курс и решил приступить к аферам. Его ничего не пугало, выглядел он вполне аристократично – всегда в хорошем костюме, приятной внешности, улыбчивый, воспитанный, одним словом, аристократ. Используя эти внешние достоинства, он стал зарабатывать деньги на трансатлантических судах, курсировавших между Европой и Америкой. Люстиг (по-немецки «веселый»), который выдавал себя за графа, снимал недорогую каюту и все время проводил на верхних палубах, заходил в игровые салоны, где господа из высшего общества крутили рулетку, играли в бридж, покер, выпивали и курили. Виктор подсаживался к ним и через некоторое время становился душой компании. Он был неплохой психолог, умел расположить людей, и те ему доверяли. Таким он оказывал особое внимание, «по секрету» показывал свое изобретение – чудо-аппарат по производству настоящих стодолларовых банкнотов.

Эйфелева башня

Это был металлический ящик с разными ручками и окошечками для цифр. Граф говорил, что вставляемые в него белые листы бумаги размером со стодолларовую купюру через 6–12 часов, в зависимости от обстоятельств, выходят новенькими банкнотами с разными номерами. Машинка, в зависимости от солидности клиента, предлагалась от 5 до 30 тысяч долларов. Продавал он ее перед самым прибытием в конечный порт. И

находились покупатели, которые отдавали за «денежный аппарат» запрашиваемую сумму, запускали его в действие и ждали 6–12 часов. Этого времени Люстигу было достаточно, чтобы сойти с корабля и навсегда исчезнуть из поля зрения надутого покупателя.

Оказавшись в Америке, он отправился в Чикаго, где в 1930-х годах правил бал известный гангстер Аль-Капоне. Люстиг втерся к нему в доверие и уговорил выдать ему кредит на 50 тысяч долларов. Через два месяца он обещал вернуть ему 100 тысяч. Аль-Капоне не очень поверил, но все-таки выдал. Получив деньги, Люстиг положил их на свой счет в Нью-Йорке и занялся другими делами. Ровно через два месяца он снял деньги, проценты положил себе в карман и прибыл в Чикаго. Грустным голосом он поведал гангстеру печальную историю о своей неудаче в сделке. Он говорил, что при этом полностью разорился и возвращал 50 тысяч. Аль-Капоне, который не ожидал такого поступка, был тронут его честностью, сжалился и выдал ему «на жизнь» 5 тысяч долларов.

Люстиг всегда искал новые оригинальные способы добычи и отъема денег. В 1925 году он провернул одну махинацию, которая принесла ему 50 тысяч долларов и прославила на весь мир. Он успешно продал одному бизнесмену… Эйфелеву башню. Из газет мошенник знал, что знаменитый символ Парижа, построенный к Всемирной выставке 1889 года, который весил 7 тысяч тонн, сильно проржавел и нуждается в ремонте. Этого факта было достаточно, чтобы Люстиг разработал целый сценарий.

Вместе с напарником-аферистом Дэном Коллинсом он снял номер в дорогой гостинице «Грийо» и представился важным чиновником министерства почт и телеграфов. Затем на поддельных бланках министерства он разослал коммерсантам, занимающихся скупкой черного металла, письма с предложением принять участие в аукционе по продаже разваливающейся Эйфелевой башни, которую втайне от парижан собирались снести.

В письмах он указал, что этот аукцион закрытый, что на него допускаются только доверенные лица. Люстиг был умным и изобретательным человеком. Коммерсанты клюнули и собрались… Люстиг выбрал наиболее подходящего предпринимателя Андре Пуазона, с которым провел доверительные переговоры и сказал, что хотел бы представить ему единоличное право приобретения Эйфелевой башни на слом. Только за эту услугу надо дать высоким чинам в министерстве некоторые комиссионные… Тот намек понял.

«Аукцион» прошел успешно. Башня перешла в собственность

Анри Пуазона, а Люстиг и его подельник, получив запрошенные за сделку 50 тысяч долларов, тотчас уехали из Парижа. На следующий день «обладатель» Эйфелевой башни отправился к своей собственности, но, поговорив со служащими башни и позвонив в министерство почт и телеграфов, понял, что его крупно надули. Однако начинать компанию по поимке графа Люстига не стал, не хотел в кругу своих знакомых предпринимателей прослыть глупцом.

В том же году, окрыленный удачей, Люстиг попробовал еще раз продать символ Парижа. Вся операция походила на предыдущую. Только на этот раз один из коммерсантов, которому доверительно была предложена вся сделка, не сплоховал, а позвонил в полицию. Люстиг успел сбежать и скрылся в Америке. За разные мошеннические проделки его около 50 раз арестовывала полиция, но за недостатком улик всегда выпускали. У него был богатый послужной список, и когда в 1935 году его схватили за очередную аферу с банком, то решили серьезно наказать. Присяжные признали его виновным, ему присудили 20 лет тюрьмы и отправили в Сан-Франциско, оттуда через пролив на остров Алькатрас. Эта тюрьма стала его последним пристанищем. Он отсидел 12 лет и в 1947 году умер в тюремной больнице от пневмонии.

Бойня в День святого Валентина

В 1920 году Чикаго, второй после Нью-Йорка финансовый центр Америки, приобрел международную славу города гангстеров. В нем действовали сотни банд. Наиболее известную возглавлял итальянский «торговец мебелью» Аль-Капоне (Альфонс Капоне), который во времена «сухого закона» в США занимался бутлегерством – подпольной торговлей спиртным, контролировал также игорный бизнес и сутенерство. В 1929 году 14 февраля, в День святого Валентина, в гараже на улице Норт-Кларк люди Аль-Капоне расправились со своими конкурентами, расстреляли семь членов банды Багса (Клопа) Морана. Расследование этого нашумевшего преступления привело страну в ужас – торговцы запрещенным алкоголем оказались сильнее полицейских.

Борьба бандитов за лидерство на рынке нелегального алкоголя в Соединенных Штатах в начале 1920-х годов была ожесточенной. Введенный в то время «сухой закон», запрещавший изготовление, транспортировку и продажу спиртных напитков, был крайне непопулярен среди населения. Еще бы, у американцев отняли национальный напиток – виски, который стоил намного дешевле завозимого импорта. Сложилась парадоксальная ситуация: «сухой закон» был введен, но виски в стране производилось, транспортировалось и продавалось. Правда, нелегально. По официальным данным, население крупных городов почти на 80 процентов было обеспечено местным виски. Гангстерские группировки, занимавшиеся поставкой запрещенного товара, баснословно обогащались. «Сухой закон» вместо пользы нанес ущерб экономике страны и нравственному состоянию общества, государственные служащие и полицейские подкупались, и преступники оставались безнаказанными.

Гангстеры чувствовали себя хозяевами в своих районах Чикаго. Они открыто встречались в ресторанах, борделях с другими бандитами, устраивали разборки. Желая вытеснить с рынка Морана, банда которого состояла преимущественно из представителей немецко-ирландского происхождения, итальянец Аль-Капоне вместе с земляками-сообщниками разработал целый сценарий. Все должно было выглядеть как обычная полицейская операция.

Аль-Капоне

Итальянцы предложили людям Морана, состоявшим в группе Багса, по сходной цене партию контрабандного виски. Те купились на дешевизну. Встречу назначили на 14 февраля в подпольном складе-гараже. Первыми на встречу прибыли люди Морана. Осмотрелись, ничего подозрительного не обнаружили. Сам Моран, зная коварство Аль-Капоне, решил не торопиться, и это спасло ему жизнь. Неожиданно к складу подкатила полицейская машина. Из нее выскочили двое полицейских и ворвались в гараж. Наставив пистолеты, они приказали семерым членам банды Морана встать к стенке. Те повиновались стражам закона. Следом в гараже появились двое гражданских. Они вытащили из-под пальто свои пистолеты-пулеметы и открыли шквальный огонь. Стоявшие у стены попадали. Затем «полицейские» вывели со склада двух своих подельников с поднятыми руками. Со стороны все выглядело как полицейская облава. Мужчины сели в угнанную ими заранее полицейскую машину и скрылись.

Услышав звуки выстрелов, шум отъезжавшей машины, к гаражу стали осторожно приближаться местные жители. Никто ничего не понимал. Люди говорили, что видели полицейских, стражи порядка обнаружили в гараже склад бандитов, одних они расстреляли, а двоих взяли с собой. Говорили также, что в расстреле участвовали гангстеры Аль-Капоне. Двоих видели и опознали. Прибывший вскоре наряд настоящих полицейских во главе с сержантом Свини попытался установить, кто были подъехавшие «полицейские», кто расстрелял семерых человек. Один из расстрелянных, подававший еще признаки жизни, член банды Багса, мог говорить, но людей Аль-Капоне он не назвал. Он так и умер, не сдав ни своих, ни чужих.

Появившиеся на следующий день в прессе фотографии кровавого расстрела, вызвали крайне негативную реакцию в обществе. Полицию обвиняли во всех грехах, раздавались требования довести расследование до конца, установить преступников, сурово наказать их. Однако сыщикам удалось установить только, что в бойне приняли участие гангстеры двух крупнейших группировок, Морана и Аль-Капоне, но ни одному из главарей предъявить обвинения не смогли – ни Моран, ни Аль-Капоне в расстреле не участвовали, у каждого было железное алиби. По найденным гильзам, их было около 70 штук, установили лишь тип оружия. Люди Капоне использовали два пистолета-пулемета фирмы «Томпсона» 45-го калибра. В одном автомате магазин содержал 20 патронов, в другом – 50. И это все.

Но Моран не остался в долгу. За убийство своих друзей он поклялся отомстить. И вскоре двое приближенных людей Аль-Капоне, участников расстрела, были найдены мертвыми. Полиция снова занялась расследованием, и снова никаких результатов. До суда это преступление так и не дошло.

Тридцатилетний здоровяк со шрамом на левой щеке, Аль-Капоне, старший сын супружеской пары иммигрантов из Неаполя, бывший вышибала в ресторане, мог праздновать победу. Хотя Моран остался в живых, но он уже не хозяйничал в Чикаго, все лавры и деньги достались итальянцу, его «семье», которая в то время насчитывала около тысячи бойцов.

После бойни в День святого Валентина парни не сидели без дела. Они обложили данью новые рестораны, кафе, подпольные бордели. Это был настоящий рэкет. Это слово ввел в оборот сам Аль-Капоне. Его парни за одну неделю обхода «точек» приносили ему около 300 тысяч долларов, но как легализовать эту сумму? Аль-Капоне поступил очень мудро. Он создал в Чикаго и за его пределами сеть прачечных. Цена стирки белья была очень невысокой. И жители пошли стирать. Налоговая служба не могла

точно установить количество клиентов, поэтому Аль-Капоне в графу «доходы» указывал необходимую сумму. Так появилось выражение «отмывать деньги». С того времени в США принято стирать не дома в стиральной машине, а в прачечной, что дешево и удобно.

И все же судебные органы добралась до главного мафиози Чикаго. В июле 1931 года его арестовали-таки… за неуплату налогов. На процессе было сказано, что в период мафиозного правления Аль-Капоне с 1924 по 1929 год в одном Чикаго было застрелено свыше 500 бандитов. В разборках между собой гангстеры использовали пистолеты, военные пулеметы, ручные гранаты и другие взрывные устройства. Жители города чуть не оказались на осадном положении.

Суд приговорил Аль-Капоне к 11 годам тюремного заключения. Его последним местопребыванием стала знаменитая тюрьма Алькатрас на каменистом острове недалеко от Сан-Франциско. После семи лет пребывания в ее застенках бывший грозный итальянский мафиози стал больным, разбитым человеком. Он скончался 24 января 1947 года от остановки сердца.

Великий растворитель

Джон Джордж Хэй, родившийся в 1909 году в Стэнфорде, рос послушным мальчиком. Он боялся отца, религиозного деспота, мать, следившую за благовоспитанностью сына. В семье порядки были сектантские, малейшее отклонение от правил влекло за собой многочасовое чтение молитв. Джон на фортепиано исполнял псалмы, слушал нравоучения отца, огородившего их дом высоким забором – мальчик не должен был соприкасаться с греховным миром. А мальчик мечтал избавиться от жуткого надзора родителей, в его голове зрели сцены насилия, убийства. Он начал с соседской кошки – повесил ее и наблюдал за мучениями животного.

Воспитанный прилежный юноша обучался в английской Королевской гимназии в Уэйкфилде, был певчим в местном соборе. Он хорошо усвоил религиозный и светский этикет, был предупредителен со взрослыми, вежливо раскланивался с дамами, ни в чем не перечил. И одевался в строгий черный костюм, белую сорочку, белые перчатки. Окружающие были им очень довольны, они считали, что он станет хорошим священнослужителем. Но этот улыбчивый и скромный пай-мальчик задумывал такие экзекуции с людьми, что если бы о них узнали родители, то не задумываясь отправили бы своего благовоспитанного отпрыска в геенну огненную.

В 1934 году неожиданно для всех Джон женился на фотомодели Беатрис Хаммер. Но брак не сложился. Бетти, так ее звали коллеги, вскоре заметила, что ее муж несколько странный человек, любит приврать и склонен к насилию. Жить с таким она не захотела. Джон между тем искал способы заработать деньги. У него появилась своя философия – отобрать деньги у тех, у кого их слишком много. Богатые должны делиться с бедными – так завещал Всевышний. Но сам Джон давно не верил ни в Бога, ни в черта, еще в детстве уверовав, что это все выдумки сумасшедшего отца и такой же матушки.

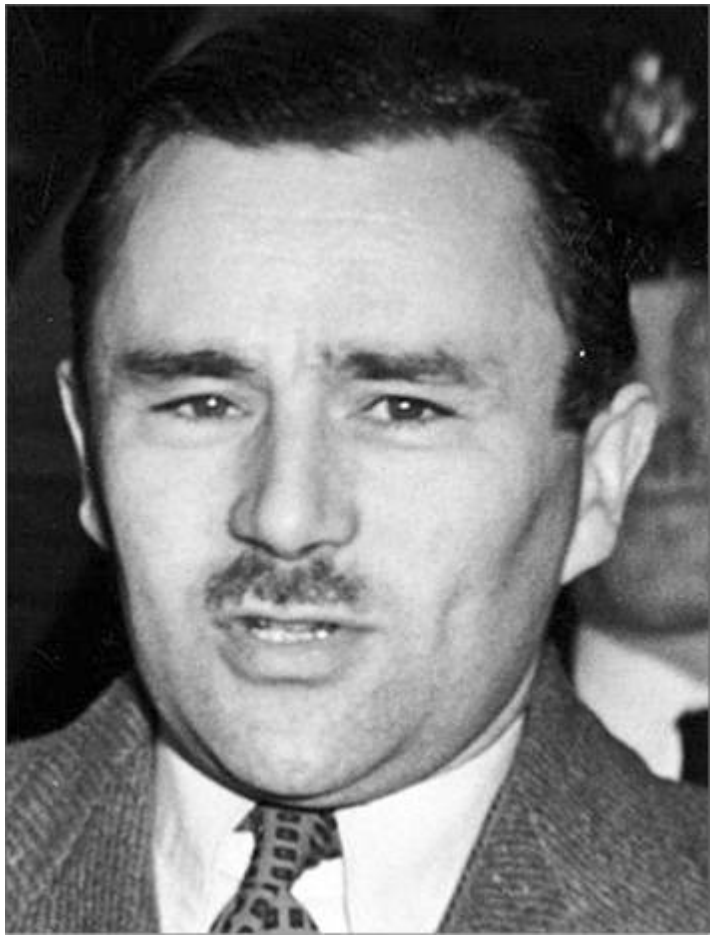
В том же 1934 году его впервые осудили на 15 месяцев тюрьмы. Он обвинялся в подделке договора на куплю автомашины «альфа-ромео», которую незаконно присвоил, взяв напрокат. В 1936 году он занялся химией, решил красить ткани и прочие бытовые вещи. Но обращение с опасными химикатами, в том числе с серной кислотой, ему не понравилось. И хотя он приобрел некоторый опыт красильщика и химика, через несколько месяцев контору закрыл, прибыли она не приносила. В 1937 году он снова создал финансовое предприятие по выдаче

кредитов на различные оригинальные изобретения. И рассылал по почте состряпанные им фальшивые ценные бумаги. В том же году «финансиста» арестовали за подлог и обман клиентов и приговорили к пяти годам тюрьмы. Находясь в заключении, он думал о том, чем будет заниматься, когда окажется на свободе…

На свободу он вышел перед началом Второй мировой войны. В армию из-за судимости не забирали, он этим воспользовался и в годы войны торговал нелегальным американским бензином, контрабандными сигаретами, дамскими чулками. После войны, когда с контрабандой стали бороться, вернулся к идее серной кислоты. Его первой жертвой стал его знакомый – молодой человек по фамилии МакСоун. Он привлек Джона Хэйя своей обеспеченностью и новенькой машиной «форд». К тому же его родители владели немалым земельным участком. Джон пригласил МакСоуна к себе на квартиру по улице Глочестер-роуд, 79 в Лондоне и там неожиданно ударил его по голове. Бездыханное тело он опустил в бак с кислотой. Оставалось ждать полного растворения. Родителям МакСоуна он сказал, что их сын скрывается от армии, поэтому искать его не стоит. Они поверили и поплатились за это. Джон Хэй убил обоих, а тела растворил в том же баке. Затем по подложной доверенности продал их земельный участок и взял себе новенький «форд».

Примерно так же он действовал и дальше. В 1947 году Хэй прочитал в газете объявление о продаже земельного участка, владельцем которого был мистер Хендерсон. Джон явился по указанному в объявлении адресу и высказал пожелание приобрести участок. Во время переговоров он хладнокровно убил мистера Хендерсона и его жену. От тел избавился проверенным способом. Найти исчезнувших людей не было никакой возможности. Полиция, куда поступали заявления о пропаже людей, никак не могла напасть на их след. Нет тел – нет убийства.

И все же Хэй не смог и далее бесследно творить свое злодеяние. В 1949 году он снял номер в одной гостинице, в которой проживала пожилая леди, вдова Олив Дюран-Дикон. Он представился ей инженером-изобретателем. Она восхитилась молодым человеком. Оказывается, ее заинтересовало одно американское новшество – искусственные ногти для дам. Вот если бы наладить их массовое производство и продавать… Джон Хэй тотчас поддержал идею и сказал, что у него есть своя химическая фабрика, она пока в запустении, но там можно наладить производство ногтей, он химик и разберется в этом вопросе.



Дж. Хэй – великий растворитель

Пожилая леди выказала интерес познакомиться с фабрикой. Джон посадил ее в свой автомобиль и повез за город. Он привел ее в заброшенный сарай, который никак не походил на фабрику. Когда они вошли в него, он вытащил револьвер и выстрелил даме в затылок. Потом опустил тело в чан с кислотой. Но оставлять так не рискнул. Сколько же ей надо растворяться? Он с трудом выкатил чан из сарая и выплеснул его содержимое на землю.

О пропаже Олив Дюран-Дикон в полицию заявила ее подруга. При этом она указала на изобретателя Джона Хэя, проживавшего в одном отеле с Олив. Полиции Джон Хэй сказал, что не знает, где она и что с ней. Он подтвердил, что договаривался с ней поехать на свою фабрику, где собирался наладить новое производство, но дама почему-то не пришла. На всякий случай Джона арестовали и посадили в камеру предварительного заключения. Полицейские вместе с экспертами отправились на

фабрику изобретателя.

Они обнаружили разлитую возле сарая серную кислоту, останки костей, части вставной челюсти и пулю. Этих улик было вполне достаточно, чтобы предъявить Джону Джорджу Хэйю обвинение в убийстве шестидесятидевятилетней Олив Дюран-Дикон. Судебный процесс над преступником начался 18 июля 1949 года. В общей сложности суду были предъявлены свидетельства об убийстве 9 человек. Газеты писали о великом растворителе, человеке без сердца, которого следовало самого растворить в серной кислоте…

Защищал Джона Хэйя известный адвокат Дэвид Максуолл Файф, будущий министр иностранных дел Великобритании. Он пытался спасти жизнь обвиняемому и утверждал, что Джон Хэй в момент убийства страдал галлюцинациями, в этот момент становился душевнобольным и потому не несет ответственности за свои злодеяния. Но Хэй был признан вменяемым, а также жестоким, кровожадным и бесчеловечным существом. Великого растворителя приговорили к казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 10 августа 1949 года.

Черная вдова из Лудена

Осенью 1947 года на юго-западе Франции, в небольшом городке Лудене, произошло печальное событие, на которое обратили внимание многие юристы Европы. Местные жители обвиняли некую Мари Беснар в том, что она отравила своего мужа и таким образом стала единоличной владелицей поместья. Без малого 14 лет длился судебный процесс. На основании данных экспертиз судьи стали подозревать мадам Беснар в отравлении еще 12 своих родственников. К раскрытию этого чудовищного преступления были привлечены лучшие токсикологи и патологоанатомы Франции. Мари Беснар прозвали Черной вдовой из Лудена, ее считали величайшей отравительницей XX века. Однако стопроцентных доказательств виновности этой женщины судьи так и не нашли.

Слух об отравлении Леона Беснара, мужа Мари, начал распространяться в Лудене сразу после его смерти, с конца октября 1947 года. Распространяла их жена начальника почты Лудена мадам Пинту. Она не любила Мари Беснар. Ей показалось, что эта хладнокровная и себе на уме женщина как-то слишком быстро разбогатела. И вообще новоиспеченная вдова не очень-то опечалилась от потери супруга, покупала себе красивые вещи, в том числе автомобиль, и выглядела со всех сторон подозрительно: недолго носила траур, бегающие глаза прятала за очками, соседей к себе не приглашала, держала у себя в домработниках пленного немца и сожительствовала с ним. Уж не с немчурой ли вместе проворачивала она свои черные умерщвления?..

Муж Мари заболел в 20-х числах октября 1947 года, а 25 октября его не стало. Два врача, Галлуа и Шованель, которых вызвали, оказались бессильны против непонятной болезни желудка. А ведь здоровый был мужик. Почему провинциальные врачи не смогли установить диагноз отравления? У мадам Пинту на этот счет имелись свои доказательства. Якобы перед самой смертью Леон сказал пришедшей его навестить мадам Пинту, что жена потчевала его каким-то зельем. Сживала со свету. Но в полицию заявление поступило не от мадам Пинту, рассказывавшей всем жителям Лудена эту историю, а от землевладельца Огюста Массипа, которому все услышанное от мадам Пинту показалось очень подозрительным…

Эти сведения к производству принял начинающий следственный судья города Пуатье Пьер Роже, которому в то время исполнилось 25 лет. Он решил поговорить с жителями

Лудена. Но стоило полицейским появиться в городке, как все от них стали шарахаться. Многие жители отказывались отвечать на вопросы. Они утверждал, что никто из них ничего подобного не слышал. И даже сама мадам Пинту официально заявила, что все это наговор, ничего подобного от Леона Беснара она не слышала и никогда не подозревала Мари Беснар в смерти мужа.

Тогда полицейские стали допрашивать тех людей, которые согласились кое-что рассказать. И что же они услышали? Оказывается, с мая 1947 года у землевладельца Леона Беснара появился двадцатилетний военнопленный немец Диц и стал трудиться на семейство. С этого времени Леон стал говорить, что в своем доме он уже не хозяин, что всем заправляет его жена и помогает ей в этом молодой немец. Вот и повод к устранению Леона. Но для обвинения Мари Беснар в отравлении своего мужа требовались более весомые улики, а их не было.

Через полтора года неожиданно умерла ее мать, восьмидесятисемилетняя женщина, которая проживала вместе с Мари и не ладила с ней. Занимавшийся расследованием этого бытового случая инспектор Ноке решил побеседовать с мадам Пинту. И тут неожиданно мадам рассказала-таки инспектору всю правду. Тогда она просто испугалась полицейских. Теперь поняла, что нужно установить истину. А истина в том, что Леон говорил ей, что съел суп, приготовленный Мари. После этого у него начались рвота и страшные боли в желудке.

После такого заявления полиция решила провести эксгумацию тела умершего Леона Беснара. Гроб выкопали из земли, вырезали желудок и части тела, уложили их в стеклянные сосуды и направили на экспертизу токсикологам в Марсель. Через некоторое время оттуда пришло заключение: на один килограмм тела умершего приходилось 39 миллиграммов мышьяка. Это количество могло рассматриваться как доказательство отравления.

Теперь полиция приняла решение срочно эксгумировать тело умершей матери Мари. С ней была произведена такая же операция, и токсикологи из Марселя сообщили, что они выявили в теле покойной уже 58 миллиграммов мышьяка на один килограмм веса тела. Доказательства отравления были налицо. В результате 21 июля 1949 года к дому Мари Беснар прибыли полицейские с ордером на арест. Землевладелица обвинялась в отравлении своего мужа и матери. Ее посадили в тюрьму, а немца допросили. Он все отрицал. Его на время оставили в покое, чем он и воспользовался – собрал свои вещи и сбежал в Западную Германию.

Мари Беснар со своим адвокатом

Между тем судья Роже устанавливал все новые и новые факты отравлений, которые уходили в далекое прошлое. Так он выяснил, что Мари, в девичестве Девайо, впервые вышла замуж за своего двоюродного брата Огюста в 1927 году, когда ей исполнилось 23 года. Молодожены переехали в поместье мужа. И оказывается, в том же году супруг Мари неожиданно скончался, как постановили врачи, от туберкулеза, хотя он никогда не болел. Этот факт послужил поводом к новой эксгумации. Через 20 с лишним лет из земли извлекли гроб с останками Огюста. И снова части его останков были отправлены на экспертизу. Из Марселя поступил ошеломляющий анализ: на один килограмм веса покойного было обнаружено 60 миллиграммов мышьяка!

Новые факты отравлений посыпались как из рога изобилия. Мари второй раз вышла замуж в 1929 году за Леона. Он владел обширным домом, держал москательную лавку, имел дом на

природе. Мари была очень покладистой женой. Более того, несмотря на вражду Леона со своими родственниками, она стала опекуншей двоюродной бабушки Леона, и та перед кончиной – она умерла в 1938 году – назвала ее своей наследницей. Новая токсикологическая экспертиза показала: у умершей бабушки 35 миллиграммов мышьяка на один килограмм веса. Через два года умерла бабушка Леона, от которой Леон немало унаследовал. Но после эксгумации старушки экспертиза не проводилась, так как ее останки полностью разложились.

Настойчивый в расследовании этих подозрительных мышьяковых отравлений судья Роже отдал распоряжение об эксгумации трупа отца Мари, который скончался в 1940 году. Причиной его смерти врачи считали апоплексический удар. Но накануне его смерти Мари не было в доме. Тем не менее после эксгумации останков и после проведенной экспертизы токсикологи установили наличие мышьяка в объеме 30 миллиграммов на один килограмм веса тела. Из земли подняли еще одного родственника Беснаров – отца Леона, свекра Мари, который скончался в том же 1940 году. Супруги унаследовали от него свыше 225 тысяч франков. И на этот раз анализ останков показал – 38 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела. Однако и на этот раз Мари не было рядом с умиравшим. Как быть? Верны ли данные токсикологов?

Следователи не отступали, они решили проверить тело матери Леона, свекрови Мари, которая скончалась в возрасте 66 лет в 1941 году, как установили врачи, от воспаления легких. Очередная эксгумация состоялась, и что она выявила? В останках умершей токсикологи нашли 60 миллиграммов мышьяка на килограмм веса покойной. Отравлена? Безусловно. После ее смерти супруги получили в наследство свыше четверти миллиона франков. Далее еще одна странная смерть: через год неожиданно покончила с собой – повесилась – сорокапятилетняя сестра Леона, Люси. Эта смерть навела судью Роже на мысль: а не был ли сам супруг Леона в сговоре с Мари? Не вдвоем ли они старались избавиться от своих зажиточных родственников. А потом… А потом настала очередь самого Леона?

Между тем эксгумации дальнейших родственников и близких семьи Беснар продолжались. И почти все анализы давали похожий результат – чрезмерное количество мышьяка на вес тела. Отравление было налицо. Но тут возникал вопрос: а где Мари брала мышьяк в таком количестве? Этих фактов у следствия не было. К тому же Мари утверждала, что невиновна и никогда и нигде она не брала мышьяк. Она никогда и никому не желала смерти. А доктора, как и токсикологи, могли ошибиться, ведь

прошло столько лет…

Процесс по делу Мари Беснар начался 20 февраля 1952 года во Дворце юстиции города Пуатье. Из опросов свидетелей рождался образ злонамеренной убийцы, желавшей обрести имущество и ценности своих и мужа родственников. Но достаточных доказательств этого у суда не было, кроме частей тел эксгумированных, представленных в виде вещественных доказательств. И вот в зале суда прозвучала первая сенсация – выдающиеся токсикологи не стали утверждать, что наличие обнаруженного объема мышьяка в останках эксгумированных могло послужить прямым доказательством их отравления. Мышьяк в трупах был зафиксирован, но это вовсе не означало, что он попал внутрь живых вместе с пищей.

Во время судебного разбирательства со стороны защиты критике подверглись сами токсикологи и проведенные ими экспертизы. Суд был вынужден назначить новых экспертов и потребовал провести новые исследования. Этот судебный процесс тянулся с 1954 по 1961 год! Между самими токсикологами, адвокатами и прокурорами разразилась настоящая битва за доказательства. Что считать доказательством, а что нет? Действительно ли научные исследования достигли такого уровня, что можно безапелляционно заявлять об отравлении, а не о естественном биологическом разложении под воздействием дождевой воды и микробов и последующем накоплении останками мышьяка, находящегося в земле? Уже никто не слушал Мари Беснар, ненужными стали свидетели. Токсикологи и адвокаты никак не могли установить истину.

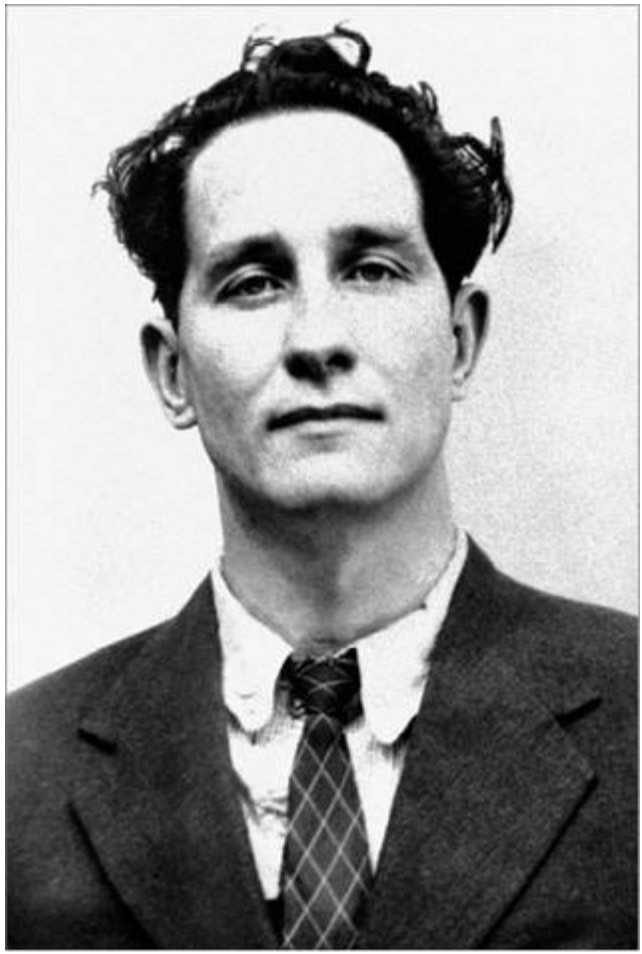
Этот многолетний изматывающий нервы судебный процесс, точнее, поединок доказательств между медицинскими экспертами и юристами закончился безрезультатно. За недостаточностью улик 12 декабря 1961 года суд оправдал Мари Беснар по обвинению в отравлении 12 человек. Она вышла на свободу постаревшей женщиной. О дальнейшей ее судьбе ничего не сообщалось.

Стоп королевскому почтовому

В истории Великобритании 8 августа 1963 года – печально памятная дата, в этот день произошло крупнейшее ограбление королевского почтового поезда, шедшего из Глазго в Лондон. Преступники разработали хитроумную операцию и без единого выстрела сумели захватить 2,6 миллиона фунтов стерлингов (примерно 60 миллионов долларов). В ограблении участвовало 15 человек, и длилось оно примерно двадцать – тридцать минут. Налетчиков искали буквально все сыщики Скотленд-Ярда. И нашли. Всех до единого. Всех осудили на длительные сроки. Правда, одному удалось бежать. Он прожил припеваючи в Бразилии 31 год. Став больным и старым, вернулся сам.

Идея ограбления почтового поезда принадлежит владельцу лондонского антикварного магазина Брюсу Рейнольдсу, человеку не бедному, прекрасно выглядевшему, но большому любителю организации разных незаконных операций. Сам он в них не участвовал, только давал подробную наводку, а после удачно осуществленного ограбления или налета получал свой процент. Взять его с поличным полицейские не могли, у него всегда было безупречное алиби. Он попадался исключительно за мелкие махинации. Однажды сокамерник, который имел отношение к государственной банковской службе, рассказал ему, что в определенные дни из Глазго в Лондон отправляется королевский почтовый. В нем есть вагон, в котором перевозят обветшавшие купюры. Их должны уничтожать в Лондоне. Номера купюр никто не записывал. Но главное, почтовый не охранялся. Сопровождавшие служащие были уверены, что с ними ничего не случится и везли деньги в сумках, уложенных в ящики. Оружия при себе они не имели.

Рейнольдс сразу сообразил какая это ценнейшая информация. Напасть на почтовый и забрать всю банковскую выручку, да об этом можно только мечтать. После освобождения он внимательно изучил движение поездов по ветке Глазго – Лондон. Не раз выезжал на железнодорожные пути, смотрел, как движутся поезда, на их внешний вид, где расставлены семафоры, побывал на вокзалах обоих городов. Задача представлялась ему чрезвычайно интересной. Рейнольдс понимал, что одному с таким масштабным делом не справиться. Но его знакомые по криминальному бизнесу не хотели ничего слышать об ограблении королевской почты. Это было слишком опасно, на ноги поднимут всю полицию. А вдруг почтовики все-таки вооружены и начнется перестрелка?..



Ронни Биггс

И все же Рейнольдс нашел людей, которые согласились сыграть ва-банк. Это были его близкие друзья, люди не бедные, владельцы разных небольших лавок, клубов, салонов, которые, как и он, жаждали поучаствовать в большом «интересном деле». Назовем их имена: Чарльз Вильсон, Рональд Эдвардс, Дуглас Гуди и Ронни Биггс. Все вместе стали разрабатывать план. Но для проведения операции нужны были еще люди и немало денег. И сплотившиеся друзья по новому криминальному предприятию решили организовать вначале налет на инкассаторов аэропорта. Эта операция должна была стать генеральной репетицией. И надо признать, она им удалась. Они определили время прибытия инкассаторов, путь их продвижения по зданию и выход из лифта. Налетчики рассчитывали на внезапность и быстроту.

Налетчики, моментально натянув черные маски, возле лифта в толпе людей сумели выхватить сумку с деньгами и выскочить с ней из дверей аэропорта. Стрелять в них не решились, опасались попасть в пассажиров. Нападавшие сели в две украденные машины и умчались в сторону Лондона. По горячим следам это преступление раскрыть не удалось. Теперь у компании были деньги, они могли купить себе надлежащий транспорт, в том числе фургон, который закамуфлировали под почтовый, купили у железнодорожных путей пустовавшую ферму. К предстоящей операции им удалось привлечь еще несколько бывших уголовников, которые должны были выполнять подручные операции. Все роли были четко распределены.

План нападения заключался в следующем. Едва из Глазго отправлялся королевский почтовый, тотчас звонил наводчик. На безлюдном участке путей одна группа вывешивала на семафор желтый сигнал, затем его меняли на красный. Телефонные кабели обрезались. Поезд останавливался. Группа нападения разделялась надвое – одна захватывала команду локомотива и отгоняла состав на запасной путь, другая группа с ходу нападала на почтовый вагон. Связывали почтарей, вынимали из ящиков сумки и грузили их в свой почтовый фургон. Затем все уезжали по направлению к заброшенной ферме. Там они делили деньги, уничтожали следы пребывания и разъезжались по своим тайным местам. И в дальнейшем никакой связи друг с другом.

Операция прошла строго по намеченному плану. Машинист заметив желтый сигнал, затормозил. Когда появился красный – остановился, послал кочегара узнать, в чем дело. В этот момент произошло нападение. Одновременно к почтовому вагону подъехал «почтовый» фургон. Почтовых служащих, не ожидавших налета, связали, быстро перебросили сумки с деньгами в почтовый фургон. И все разъехались. Бандиты сказали, что за всеми следит их оставшийся напарник, который при первой попытке вызвать полицию начнет стрелять. Ошеломленные машинист, сотрудники почтовой службы еще полчаса ничего не предпринимали. В конце концов машинист и почтовики преодолели страх и связались со своими государственными учреждениями и со Скотленд-Ярдом.

Сообщение об ограблении королевского почтового прозвучало в новостных выпусках как гром среди ясного неба. Украдена была баснословная сумма 2,6 миллиона фунта стерлингов. Полиция обращалась ко всем гражданам с просьбой сообщать все, что известно о случившемся ограблении. Для поимки преступников была объявлена награда в 200 тысяч фунтов стерлингов. Такая высокая сумма объяснялась

намерением вызвать у нападавших, которые получили гораздо меньше, желание заложить своих же и получить сразу 200 тысяч. Но никто ничего не заявлял.

Первые следы нахождения налетчиков полиция обнаружила на заброшенной ферме. Там оставались тарелки, бутылки, всякие хозяйственные мелочи, на них были обнаружены отпечатки пальцев. Таким образом у полиции появились доказательства о причастности к ограблению ряда лиц, ранее совершавших противоправные деяния. В картотеке Скотленд-Ярда были найдены их фотографии, установлены фамилии и биографии.

По телевидению стали показывать фотографии разыскиваемых лиц. Полиция прошлась по их адресам, опрашивала родственников и соседей. Первым захватили шофера «почтового» фургона. Он признался в ограблении, но никого из своих подельников не назвал. В его сумке лежало 56 тысяч фунтов. Следом задержали еще ряд мелких преступников, совершавших вспомогательные операции. Они выдали себя сами: поселились в богатых отелях, купили дорогие автомашины. Все схваченные признались в содеянном, но своих сотоварищей не выдали. К сентябрю 1963 года около 10 человек из банды сидели за решеткой и ждали суда. На воле оставалась главная пятерка. Они уехали за границу, изменили имена, пустились во все тяжкие, гуляли, пили, покупали дорогие вещи. Но полиция ждала их возвращения.

К октябрю 1963 года за решеткой оказались почти все члены организованного преступного нападения на королевскую почту, кроме Рейнольдса, Эдвардса и еще одного подельника, Уайта. На суде присяжные признали виновными всех заключенных под стражу. Главные исполнители получили по 30 лет, остальные по 20, 15 и т. д., в зависимости от тяжести совершенного. Но в августе 1964 года из тюрьмы сбежал Чарли Вильсон, а 9 июля 1965 года на свободе оказался Биггс. Уайта вскоре задержали, а в сентябре 1966 года полиции добровольно сдался Эдвардс. Отыскался и сбежавший Вильсон. Только в 1968 году был захвачен идеолог и организатор всего ограбления Рейнольдс.

Все участники, кроме Биггса, сидели в тюрьме, высказывали сожаление о содеянном и просили о снисхождении. Биггс оказался хитрее всех или удачливее. Уехал сначала в Испанию, затем махнул в Австралию, сделал себе пластическую операцию и обосновался в Бразилии. Там он женился, у него родился сын, он заведовал баром. По законам Бразилии правоохранительные органы не имели права выдать Великобритании преступника, осевшего в стране пребывания, женившегося и имевшего ребенка. Биггс жил в Рио-де-Жанейро, никого не боялся, писал книги о

своем участии в великом ограблении королевского почтового, снимался в рекламных роликах… Но в 1999 году он принял решение вылететь на родину и сдаться властям. Надоела чужбина, потянуло домой. В 2001 году семидесятиоднолетний Биггс, уже больной, спецрейсом был доставлен в Лондон. Ему был устроен неплохой прием, он оказался героем светской хроники. Конечно, старого налетчика препроводили в тюрьму, где он оставался в одиночестве, так как все его сотоварищи по бизнесу давно вышли на свободу. Но в 2009 году из соображений гуманности Биггса выпустили на свободу.

Погребенная заживо

В 1968 году в списке 10 наиболее опасных преступников, разыскиваемых в Соединенных Штатах, появилась парочка Гари Стивен Крист и его подруга Рут Айзман Шиер, которые в штате Джорджия организовали похищение двадцатилетней Барбары Джейн Мэкл, дочки миллионера Роберта Мэкла. Но намеченный парочкой хитроумный план с самого начала оказался на грани провала. Правда, преступники сумели получить требуемый выкуп – 500 тысяч долларов, только скрыться от полиции им не удалось.

У известного во Флориде миллионера, строительного магната Роберта Мэкла было двое детей – двадцатидвухлетний сын Роберт и двадцатилетняя дочь Барбара Джейн. Симпатичные интеллигентные дети. Сын жил с родителями, а младшая дочь училась далеко от дома в старейшем частном Университете Эмори в городе Атланте, штат Джорджия. Накануне Рождества 1968 года Барбара, как и многие студенты, заболела гонконгским гриппом. Начавшиеся каникулы могли быть испорчены. Правда, Барбара быстро пошла на поправку и перебралась в отель «Роудевей Инн», куда 23 декабря прибыла ее мать мисис Джейн Мэкл. Дочь чувствовала себя вполне прилично, и наутро вместе с матерью они собирались вылететь во Флориду, чтобы всей семьей встретить Рождество дома. К отъезду было все готово, чемоданы стояли у входа.

Неожиданно поздно ночью в дверь номера кто-то постучал. К двери подошла мисис Мэкл и спросила: «Кто там?» Мужской голос ответил, что это полиция, просит открыть, произошла дорожная авария, в которую попал молодой человек, который уверяет, что он является другом Барбары Джейн Мэкл. У него машина белый «форд». Не может ли Барбара подтвердить его показания?

Мисис Мэкл знала, что у Барбары завелся приятель из студенческой среды, молодой человек, который действительно имел белый «форд», накануне днем он возил их по городу. Обеспокоенная случившимся, мисис Мэкл открыла дверь. Все, что произошло дальше, напоминало фильм ужасов. Ворвавшийся в номер грузный мужчина грубо прижал к стенке мисис Мэкл и зажал ей рот тряпкой, пропитанной, очевидно, хлороформом. Мисис Мэкл потеряла создание. Ей связали руки и ноги. Вошедший в номер еще один человек вытащил из постели спавшую Барбару. Ей ткнули в бок пистолетом и приказали молчать. В одном халате девушку тихо вывели на улицу и посадили в машину. Гостиница спала мертвым сном.

Барбара Джейн Мэкл, погребенная заживо

Утром, пришедшая в себя мисис Мэкл, освободила ноги от повязок и спустилась вниз. В гостинице никого не было. Она с трудом выбралась на улицу, кое-как открыла дверцу припаркованной машины, втиснулась в нее, включила зажигание и лбом нажала на сигнал. Ревущие гудки подняли на ноги весь персонал. Прибежавшие служащие освободили от пут мисис Мэкл, и она рассказала о ночном нападении и похищении дочери. Прибывшие вскоре полицейские еще раз внимательно выслушали ее показания. Мисис Мэкл запомнила грузного молодого мужчину в кожаной куртке и кепке, в правой руке он держал пистолет. У второго нападавшего она заметила на голове только лыжную шапочку. Рост ее дочери – 175 сантиметров, темные волосы, стройная, вес около 60 килограмов, была одета в ночной халат. Мисис Мэкл показала фотографии дочери. Кроме этого она

ничего не смогла сообщить.

К поиску девушки подключились не только полицейские штата Джорджия, но и сотрудники Федерального бюро расследований. В известность тотчас был поставлен отец Барбары мистер Мэкл. Он потребовал, чтобы дело не предавали огласке, обязательно выслушали требования похитителей и пошли им навстречу. Он готов заплатить любую сумму. Главное – спасти дочь, вызволить ее невредимой из рук похитителей.

Вскоре в доме мистера Мэкла раздался звонок. Незнакомый голос сообщил, что за освобождение дочери требуется уплатить 500 тысяч долларов. Точные сведения находятся в письме, которое спрятано под камнем в саду мистера Мэкла. Трубку повесили. В саду под валуном действительно лежало письмо. В нем похитители назвали место, куда следует доставить чемодан с деньгами, купюрами по 20 долларов.

Это была непростая задача для служащих банка, куда обратился мистер Мэкл, – собрать пачки денег по 20 долларов, переписать их номера и серии. Тем не менее все было сделано так, как того требовали похитители, – деньги чемодан с деньгами оставили в припаркованной у безлюдной набережной машине «вольво».

Но первая передача денег сорвалась. Проезжавший случайно мимо набережной полицейский патруль спугнул парочку – мужчину и, очевидно, женщину в лыжной шапочке. При виде полиции они бросили свою машину, в ней чемодан и убежали в разные стороны. В чемодане оказались пачки купюр по 20 долларов. Полицейские тотчас установили, кому они принадлежали. Деньги вернули в семью. Раздосадованный Мэкл вынужден был снова устанавливать связь с похитителями, извиняться перед ними и просить провести операцию снова.

Между тем полицейские установили, что владельцем автомобиля «вольво» был двадцатитрехлетний женатый Джордж Дикон, технический сотрудник Массачусетского университета. Им удалось также выяснить, что на самом деле под именем Дикона скрывался беглый заключенный Гари Стивен Крист. Далее полицейские узнали, что он познакомился с двадцатишестилетней научной сотрудницей Института моря Рут Айзман Шиер, переселенной еврейкой, родившейся в Гондурасе. Эта парочка подозревалась теперь в похищении Барбары Джейн.

Все полицейские патрули на вокзалах, улицах и портах в Майами были предупреждены и имели на руках фотографии разыскиваемых людей. Вскоре в дом Мэкла поступило сообщение, что похитители назначили новое место для передачи денег и просят немедленно привезти чемодан. На этот раз Роберт Мэкл,

не поставив в известность полицию, сам повез деньги и оставил чемоданчик в условленном месте. Как ему сообщили, вскоре чемоданчик забрали. Но звонков о местонахождении дочери Барбары не было. Семья не находила себе места. Полиция не могла сообщить ничего утешительного.

Вскоре в полицию позвонил мужчина и предложил начать поиски в пустынном Лэйк-Беркли, недалеко от Майами, там, возможно, преступники спрятали Барбару. Свыше 100 сыщиков тотчас отправились прочесывать местность. Никаких следов присутствия человека они не обнаружили. И только под вечер, когда уже стемнело, натолкнулись на свежий холмик, из которого торчали две трубки. Из-под земли доносились какие-то стуки. Они разрыли холмик и наткнулись на длинный ящик с крышкой. Когда подняли ее, то внутри обнаружили лежавшую Барбару. Она была в том же халатике и со страхом смотрела на людей. Она пролежала в этом подземном хранилище свыше трех суток, все время поисков похитителей…

У нее не было сил двигаться, к автомашине ее несли на руках, но, главное, Барбара Джейн Мэкл была жива и, в принципе, здорова. После шока ей требовалось лечение и отдых. Врачи никаких заболеваний и отклонений в ее психике не обнаружили. Она мужественно перенесла все испытания, пела песни и верила, что ее спасут. Одновременно продолжалась операция по поимке главных подозреваемых – Гари Криста и Рут Айзман. Первого засекли, когда он купил моторную лодку и расплатился за нее двадцатидолларовыми купюрами. Его поймали, а вот его напарницу разыскивали свыше двух месяцев. Наконец, и ее схватили.

Итог судебного процесса, который привлек большое внимание общественности и прессы: Гари Стивена Криста приговорили к пожизненному заключению, но отсидел он только 10 лет. Когда его выпустили, он занялся контрабандой наркотиков, и его снова посадили. Рут Айзман получила семь лет. Через четыре года ее помиловали и выслали в Гондурас. О своем непростом подземном испытании Барбара Джейн Мэкл написала книгу. Впоследствии ее историю экранизировали.

«Фантомасы» против инкассаторов

Можно только удивляться изобретательности и дерзости двух братьев Вячеслава и Владимира Толстопятовых, организовавших в Ростове-на-Дону банду и создавших оружие собственной конструкции. Четверо молодых людей в черных масках-балахонах, за что их прозвали «фантомасами», нападали исключительно на государственные учреждения. Парни действовали нагло, первыми открывали стрельбу и вместе с добычей исчезали. В течение почти пяти лет, с 1968 по 1973 год, город жил в страхе и напряженном ожидании, поймают их или не поймают. Кто сильнее, милиция или бандиты?

Для советских правоохранительных органов 1960–1970-х годов появление сплоченной бандитской группировки, отлично вооруженной, с отработанной тактикой нападения и ухода с места преступления, явилось полной неожиданностью. Действия «фантомасов» показали неподготовленность милиции, ее отсталую техническую оснащенность, слабость разыскной деятельности. В те годы высшие государственные чины громогласно заявляли, что в стране с бандитизмом покончено, что для него нет ни материальной, ни идеологической почвы. Это была чистой воды демагогия. Бандитизм в стране существовал и наносил ущерб как материальный, так и идеологический. Уголовная среда жила, действовала и питала народ своим жаргоном.

Банда Толстопятовых основательно готовилась к налетам. Братья разработали свои оригинальные приемы. Сначала они практиковались. Делали это очень просто: звонили по телефону-автомату и сообщали милиции о грабеже. Затем, оставаясь на месте, наблюдали, как скоро прибудут оперативники, как они проводят свою работу. Все свое оружие они изготавливали сами: пистолеты, автоматы, револьверы, круглые пули к ним калибра 7,9 мм, делали даже собственные гранаты и бронежилеты. У них была своя хорошо замаскированная лаборатория по изготовлению оружия. Позднее в Ростове говорили, что эти расторопные мозговитые молодчики способны сами собрать вертолет.

Оружие, изготовленное бандой братьев Толстопятовых

Заводилой и организатором всей банды был младший Толстопятов, Вячеслав, 1940 года рождения. С детских лет он увлекался черчением и конструированием. Одно время работал в тире, метко стрелял, прекрасно водил автомашину, изучал оружие в системе ДОСААФ, опыт слесаря приобрел, когда трудился на вертолетном заводе. Нелегально приобрести огнестрельное оружие в те времена было очень рискованным мероприятием, поэтому парни принялись изготовлять его сами. Именно Вячеслав стал создателем нового вида огнестрельного автоматического оружия, которого у милиционеров еще не было. Именно он разрабатывал планы нападения на кассиров государственных учреждений, где должна была производиться выдача заработной платы. Именно он предлагал для дела использовать похищенные автомобили. Именно он первым разрядил свой автоматический семизарядный пистолет, стреляя по безоружным людям.

О его детстве и школьных годах стараются не вспоминать. Отец Толстопятов был милиционером, погиб в первые дни Великой Отечественной войны. Старший Владимир, 1929 года рождения, тоже воевал… но позднее согласился на участие в банде. Вячеслав был способным учеником, его тянуло к технике, только вот беда, влекла его к себе и преступная среда. В 19 лет он

изготовил фальшивую купюру достоинством 25 рублей и подсунул ее шоферу такси. Тот сразу смекнул, что это «ксива», и отвез парня в отделение. Вячеслав получил четыре года. За время тюремной отсидки сблизился с уголовником Сергеем Самасюком, с которым договорился, что, выйдя на свободу, создадут свою команду и начнут прочесывать государственные учреждения.

Первое ограбление оказалось неудачным. На дело пошли втроем – Вячеслав Толстопятов, Самасюк и примкнувший к ним друг детства Владимир Горшков. Старший Владимир Толстопятов осуществлял общее руководство операцией. Парни рассчитывали напасть на кассиршу у здания областной конторы Госбанка, вырвать у нее сумку с деньгами, сесть в машину и уехать. Они знали время выхода кассирши и маршрут ее движения. Днем 7 октября 1968 года троица приготовилась захватить служебный автомобиль Ростовского часового завода, которым управлял Дзерон Арутюнов. Остановили машину, сели. Но шофер неожиданно оказал им сопротивление, сумел вырваться и убежать. Это был прокол. Пришлось операцию отложить.

Второе похожее нападение уже у другой областной конторы Госбанка тоже сорвалось – водитель автомашины, в которой, по их предположениям, находилась сумка с деньгами, поехал по другому маршруту…

Испытывая досаду, они отправились в область, и в поселке Мирном ворвались в продуктовый магазин. На лицах у них были черные маски, в руках пистолеты-автоматы. Они сразу стали стрелять в потолок, публика, в основном женщины и дети, разбежалась. Парни бросились к кассе, но, увы, там было всего 526 рублей. Основную сумму продавцы успели спрятать. Парни выскочили на улицу, побежали к своей машине, но тут за ними погнался один пенсионер. В руках он держал какую-то трубу. Ситуация становилась опасной. И младший Толстопятов хладнокровно расстрелял старика.

Бандиты действовали днем и никого не боялись. 25 ноября 1968 года Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков остановили легковой автомобиль, который принадлежал ростовскому радиотехникуму, водителя скрутили. Подъехали к Октябрьскому отделению Госбанка. На этот раз им повезло. Они сидели в машине и ждали выхода кассира. Едва из дверей появилась женщина с сумкой, как с автоматом в руках к ней подбежал Самасюк, выстрелил в воздух и вырвал у ошарашенной женщины сумку. Он вернулся к машине, и они спокойно покинули место преступления. Но в сумке оказалось всего 2700 рублей. Не очень-то большой улов.

В Ростове уже заговорили о действовавшей дерзкой,

вооруженной автоматами банде, которая никого не боится и днем нападает на инкассаторов. Всполошилась милиция, начались опросы свидетелей, составлялись портреты нападавших, собирались стреляные гильзы, которые привели в изумление специалистов стрелкового оружия. Парни явно были свои, ростовские, они хорошо ориентировались в городе. 29 декабря того же года в продовольственный магазин на улице Мечникова в масках, с оружием в руках вошли двое: Горшков и Самасюк. Вячеслав оставался в дверях. За рулем краденой машины сидел Владимир Толстопятов. Угрожая автоматом, Самасюк бросился к кассе и забрал всю выручку – 1498 рублей. Затем все трое спокойно вышли на улицу и сели в автомобиль…

Нападения на кассиров предприятий, инкассаторов, несмотря на активность милиции, у которой уже действовал оперативный штаб, насчитывавший около 100 сотрудников, продолжались. Одни ограбления удавались, другие не совсем. Не удалась попытка отобрать заработную плату работников Химзавода имени Октябрьской революции, хотя нападение готовили скрупулезно. Вячеслав сам приходил на завод, пытался «устроиться» на работу, читал объявления на стендах, узнавал дни, когда привозили заработную плату, рассматривал кассирш, наблюдал за машиной, привозившей деньги из банка. И все же нападение сорвалось. Сумку с деньгами несла не кассирша, а охранник. Не помогли и выстрелы в землю. Охранник с сумкой побежал внутрь завода, затем вытащил свой наган и направил его в сторону нападавших. Теперь уже парням пришлось уносить ноги. Они неслись к своей машине, а сзади раздавались выстрелы. Одна пуля попала Горшкову в спину. На захваченном по пути грузовике они едва скрылись от погони…

Понимая, что в городе началась облава, они решили залечь на дно. Перерыв растянулся на полтора года. В этот период банда не предпринимала никаких активных действий. Горшков залечивал спину, а Самасюка в это время за какое-то незначительное преступление отправили за колючую проволоку. Наконец в августе 1971 года они вновь собрались вместе и приступили к разработке новой операции. Определили объект – строительную организацию УНР-112, установили день выплаты денег работникам, выследили путь кассира. 25 августа, когда кассир и двое сопровождавших ее мужчин поднимались по лестнице к кассе, их встретили вооруженные люди в масках. Вячеслав выстрелил в воздух и вырвал сумку. Вместе с Горшковым выбежал на улицу. Там они сели в машину и вместе с Самасюком скрылись.

На этот раз их навар составил 17 тысяч рублей. 16 декабря

«фантомасы» совершили налет на инкассатора у сберкассы на улице Пушкинской и захватили сумку с 20 тысячами рублей. Однако не обошлось без перестрелки. Охранники открыли огонь, снова ранили Горшкова, на этот раз в руку. Налетчики застрелили инкассатора и скрылись с места преступления. В общей сложности с октября 1968 по июнь 1973 года «фантомасы» совершили 14 вооруженных нападений, двоих граждан убили, троих ранили. Общая сумма награбленного за все это время составила около 150 тысяч рублей.

Свое очередное ограбление, оказавшееся последним, они готовили с мая 1973 года. Нацелились на кассу проектного института «Южгипроводхоз». И снова Вячеслав Толстопятов «устраивался» на работу, ходил по этажам учреждения, читал объявления, искал кассу, узнавал о днях выплаты– 7-го и 22-го каждого месяца. По его расчетам, сумма должна была составить свыше 200 тысяч рублей. В напарники Вячеслав взял своего знакомого, рабочего овощного магазина Черненко, на грузовом мотороллере тот развозил овощи по торговым точкам.

Итак, 7 июня в здание вошли Горшков и Самасюк и поднялись на второй этаж. Они стали у кассы ждать кассира. Толстопятов-младший ожидал их на выходе. План был прежний: выхватить сумку и бежать, затем отдать ее Черненко, который доставил бы деньги в условленное место. Но кассир пришла не одна, ее окружала группа сотрудников. Деньги несли мужчины в рюкзаке. Едва кассирша стала отпирать дверь, как Самасюк вырвал рюкзак у мужчины. Вместе с Горшковым, угрожая оружием, они бросились к лестнице. Но сотрудники не растерялись и побежали за ними. Внизу их попытался остановить грузчик Мартовицкий, Вячеслав застрелил в него. На звуки выстрелов прибежал сержант милиции Руссов. Поняв, что это ограбление, он вытащил пистолет и открыл стрельбу. Пули попали в Горшкова и Самасюка. Их, истекающих кровью, подхватил на краденом «Москвиче» Вячеслав Толстопятов. Но уйти от погони, к которой подключились другие милиционеры, он уже не смог. Их догнали и задержали. Горшков был в агонии, Самасюк скончался, Вячеслав Толстопятов сдался.

Почти год в областном суде Ростова слушалось дело «фантомасов». И только 1 июля 1974 года налетчикам был вынесен приговор. Трое участников банды: Вячеслав Толстопятов, его старший брат Владимир и Владимир Горшков – были приговорены к высшей мере наказания. Все их кассационные жалобы были отклонены. Приговор был приведен в исполнение 6 марта 1975 года.

Изобретательный кидала

Среди американских мошенников начала XX века уроженец Чикаго Джозеф Уэйл занимает особое «почетное» место. Все его аферы – это хорошо разыгранные спектакли с участием нанятых «артистов». В начале своей карьеры он заработал большие деньги, стал владельцем многих миллионов, но потом все спустил. И начал опасную игру с нуля. До конца своих дней – умер Уэйл в 101 год – оставался мошенником, жить честно, никого не кинув, просто не мог. Его «сделка» по продаже земли с залежами нефти была проведена столь виртуозно и занимательно, что в Голливуде сняли на эту тему фильм под названием «Афера» с участием знаменитых актеров.

В нем была смесь двух кровей: французской – от матери и немецкой – от отца. Он родился в 1875 году, после школы долго не знал, чем заняться. Уэйл любил читать, собирал свою библиотеку, хорошо знал историю. В начале своей карьеры он работал в одном салуне официантом. Потом занимался розничной торговлей, развозил по домам патентованные средства, сам изготавливал лекарства и продавал их. Правда, одно и то же снадобье против глистов он продавал и против насморка. Он жаждал заняться чем-то таким, чтобы заработать очень большие деньги.

«Займись мошенничеством, – подсказала ему одна проститутка. – Внешность у тебя респектабельная, одеваешься элегантно, никто не заподозрит в тебе афериста». Она дала ему почитать испанский плутовской роман «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения», изданный в 1544 году в Бургосе. В нем рассказывалось о юноше, который в борьбе с нищетой и голодом невольно стал плутом. Католическая церковь внесла эту книгу в индекс запрещенных. Судьба этого молодого человека так поразила Уэйла, что он поблагодарил проститутку, давшую ценный совет, а некоторые оригинальные проделки испанского плута претворил в жизнь.

Среди его любимых и опробованных надувательств была сценка, которую он разыгрывал со своим компаньоном по «бизнесу» Фредом Бакминстером. Кстати, этого компаньона Уэйл приобрел по пути в полицию. Фред был профессиональным полицейским, и однажды он арестовал Уэйла. Когда Фред вел его в участок, Уэйл поинтересовался его заработком. Тот пожаловался на нехватку денег. Тогда Уэйл предложил ему три тысячи долларов в месяц, и Фред не устоял…

Элегантно одетый Джозеф в дневное время заходил в бар с

маленькой собачкой, на ее груди висели разные медали. Он заказывал выпивку и хвастался перед барменом своей собачкой Момо, своим сокровищем, который якобы на разных выставках завоевывало самые ценные призы. Потом из кармана он доставал золотые часы и хлопал себя по лбу. «О боже! Мне пора в банк, там решается мое дело. Как же я забыл, с собакой меня туда не пустят… Любезный, – он просительно смотрел на бармена, – не возьмете ли вы моего Момо посторожить на время, я сам привяжу его к вешалке. Вот вам за это десять долларов. – Уэйл доставал бумажник. – Через час я вернусь. Присматривайте за моим сокровищем, оно дорого стоит».

Уэйл уходил, а через полчаса в тот же бар заглядывал прилично одетый Фред Бакминстер. Он заказывал выпивку и, обратив внимание на привязанную собачку, восклицал: «Вот это да! Вылитая моя Джолли. У меня была точно такая собачка, любимица всей семьи, особенно к ней привязалась моя жена. Но потом, – сокрушенно вздыхал он, – собачка попала под машину, ее не стало. Да и жена вскоре умерла. Знаете, она завещала мне найти точно такую же, как Джолли. Слушайте, уважаемый, продайте ее мне, а? Я дам вам за нее пятьдесят долларов?» – Фред вынимал набитый купюрами бумажник.

Бармен отрицательно мотал головой: «Это не моя собака. У нее есть хозяин, и он придет за ней через полчаса».

«Но послушайте, – не унимался Фред, – я дам вам за нее сто долларов. Я не могу уйти из бара без этой собачки. Это в память о моей жене».

Бармен начинал колебаться. Сумма за песика предлагалась весьма приличная. Кто откажется от таких денег! Тогда Фред вынимал из портмоне золотую визитку и говорил, что если хозяин захочет продать собаку, то он возьмет ее за 250, даже за 300 долларов. Триста долларов! «Вот мой телефон! В залог я оставляю вам тридцать долларов». – С этими словами, оставив на стойке три бумажки, он уходил.

Бармен на собаке заработал уже 10 долларов. И если продаст ее за 200, то заработает еще минимум 100. Через полчаса в баре появлялся расстроенный Уэйл. Он горестно вздыхал, подходил к стойке и чуть не плакал: «Я разорен, мой бизнес прогорел, представляете? В кармане только пара долларов на выпивку. Не знаю, как жить дальше».

Дж. Уэйл

«Это не беда, – начинал успокаивать его бармен. – Продайте собаку. Я куплю ее у вас… скажем, за пятьдесят долларов».

«Нет-нет, я не могу, расстаться с Момо…»

«Но вам же нужны деньги. Продайте мне собаку за сто долларов».

«Нет, нет».

«Тогда двести».

Уэйл долго сокрушался, а потом все-таки соглашался: «Делать нечего. Я вижу Момо окажется в хороших руках, а у меня хоть на первое время будут деньги».

Бармен подсчитывал выгоду – 100 долларов ни за что, тоже неплохо, и он вручал Уэйлу 200. Тот с большим сожалением расставался со своим Момо и уходил. Удовлетворенный бармен начинал звонить по телефону, напечатанному в оставленной Фредом золотой визитке. Телефон на другом конце провода, естественно, молчал… Так за 40 уплаченных долларов, плюс выпивка мошенники на двоих получали 200. Чистый навар – 160

долларов за собаку, которую они подобрали на улице.

Эту жульническую операцию Уэйл и Фред проделывали в разных частях Чикаго множество раз. За неделю «зарабатывали» от трех до пяти тысяч долларов. Торговый «материал» брали с пригородной фермы, куда свозили бездомных псов. Собак выбирали помельче, платили небольшие деньги служащим, чтобы те привели «материал» в предпродажный вид. Песиков стригли, мыли, повязывали бантики. После этих манипуляций они выглядели как благовоспитанные и породистые.

Заработав капитал, Уэйл стал играть на бирже, торговать недвижимостью, приобретать отели. Он владел миллионами и… разорялся, начинал все с нуля. Привычка к красивой жизни у него оставалась всегда. Одевался он у лучших портных, имел пристрастие к желтому цвету – желтый шелковый платочек, галстук в тон ему и желтые штиблеты. С тростью в руке, котелком на голове Уэйл имел вид преуспевающего джентльмена с нью-йоркской Уолл-стрит.

В 1927 году в начале экономического кризиса, когда многие фирмы распродавались, в «Чикаго трибюн» он увидел объявление, которое его очень заинтересовало. Национальный торговый банк «Мюнси» сообщал своим клиентам, что переезжает в новое место. Уэйл разыскал владельца здания и заключил с ним сделку, что берет офис в аренду. Уже на следующий день в прежнем помещении банка, который еще не снял свою вывеску, появились люди Уэйла – «клерки», «секретарши». Застучали пишущие машинки, зазвенели телефоны, начались «денежные» переговоры. У входа появились двое полицейских – «ряженые». Национальный банк продолжал работу. В это же время «замуправляющего» банка Фред Бакминстер обрабатывал одного канадского бизнесмена. Он хотел продать ему участок «нефтяной» земли за четверть ее стоимости. Почему? Потому что Национальный банк, который является ее собственником… на днях переезжает и дешево распродает свои активы. Но оплата только наличными – выгодно всем, не надо платить налоги. Канадец согласился и в сопровождении Бакминстера на черном «кадиллаке» прибыл в «банк». Он увидел в вестибюле типичную банковскую суету – звенели телефоны, велись деловые переговоры, бегали «клерки», «секретарши» стучали на машинках. Канадец ждал приема. Наконец его привели в кабинет, где усталый «управляющий» – Уэйл в костюме с неизменным желтым платком и желтым галстуком – едва взглянул на вошедшего.

«Да, я продаю нефтяные участки, вот подтверждающие документы, – сказал Уэйл. – Цена небольшая, потому что нефть не моя специальность. Поэтому продаю за… 400 тысяч». Канадец

тотчас согласился. Ему предстояло еще отдать заместителю комиссионные в 100 тысяч долларов, но эти затраты скоро окупятся, когда он начнет качать нефть…

Жулики получали 500 тысяч долларов наличными, а канадец, забрав фальшивые бумаги, уезжал с уверенностью, что провернул выгодную сделку. В тот же момент всем «служащим» банка и «полицейским» вручались гонорары, и все вмиг сматывались. Помещения банка пустели, двери запирались…

Говорят, что Уэйлу удалось нагреть самого Бенито Муссолини. Он приехал в Италию и представился как американский инженер по шахтному оборудованию. На встрече с диктатором он предложил ему купить недорого права на разработку угольных шахт в штате Колорадо и предъявил бумаги. Итальянский диктатор согласился. Уэйл подписал с ним договор и получил 2 миллиона долларов наличными. Так он кинул могущественнейшего диктатора…

Конечно, за свои махинации Уэйл не раз сидел в тюрьме, но за примерное поведение досрочно выходил на волю. Его верный помощник Фред Бакминстер тоже не избежал наказания и сел надолго. Бывшему полицейскому многое припомнили. Под конец своей жизни изобретательный мошенник, которого прозвали Желтый Кидала, уже не мог заниматься подобными проделками. Он постарел, сидел в инвалидной коляске и умер в одиночестве, в нищете. Но даже в последние минуты не изменил себе – был в костюме с желтым платком, в тон ему галстуком и тростью в руке.

Выкуп за гроб с телом Чарли Чаплина

Последние годы своей жизни выдающийся американский и английский киноактер, сценарист и режиссер Чарли Чаплин, автор и продюсер комедийных и драматических фильмов о похождениях бродяжки Чарли, провел на берегу Женевского озера в небольшом уютном городке Веве. Он скончался на самое Рождество 25 декабря 1977 года в возрасте 88 лет и был похоронен на местном кладбище при англиканской церкви. И вдруг через два месяца мир облетела тревожная весть – совершено святотатство, гроб с телом великого актера выкрали. Бандиты требуют за него баснословный выкуп. Полиция Швейцарии ищет преступников.

Так о швейцарском городке Веве, его достопримечательностях узнал весь мир. Стало известно также, что Чаплин выбрал этот городок для своего пребывания не случайно – тихий, уютный, зеленый, далекий от центров шумной цивилизации, он привлекал своей природой и богатой историей. В нем издавна производились прекрасные вина, готовили знаменитый шоколад «Нестле», в картинных галереях были выставлены работы знаменитых художников, музеи, в том числе единственный в мире Музей питания, привлекали удивительной экспозицией. На отдых в Веве с давних времен съезжались представители высшего общества Европы и России. В городе жил и творил швейцарский архитектор Ле Корбюзье, а ранее русский писатель Николай Гоголь работал над «Мертвыми душами». На местном кладбище нашли упокоение польский писатель, лауреат Нобелевской премии Генрик Сенкевич, американский писатель Грэм Грин. Чаплин хотел, чтобы его похоронили именно в этом городе, покой которого, казалось, ничто не могло нарушить.

Утром 2 марта 1978 года смотритель кладбища совершал ежедневный обход. Еще издали, не дойдя до места захоронения Чаплина, он увидел кучу свежевыкопанной земли. Он подбежал к холмику и, к своему ужасу, увидел разрытую могилу. Она была пуста. Тяжелый свинцовый саркофаг с телом знаменитого актера исчез. Невероятно! О пропаже он тотчас известил местную полицию. Прибывшие сотрудники криминальной полиции оцепили место и приступили к поискам следов. В газеты поступило сообщение о пропаже гроба с телом Чаплина. Никаких деталей не сообщалось. Детективы тотчас связались с вдовой Чаплина Уни О'Нил, чтобы узнать, не собирались ли

родственники великого комика совершить перезахоронение. Вдова была в шоке от услышанного. Никто из родственников не собирался перезахоранивать тело Чаплина. Оставалось предположить, что это совершено с целью вымогательства выкупа. Полицейские оказались правы.

Могилы Чарли Чаплина (справа) и его супруги

Вечером того же дня в доме Уни О'Нил раздался звонок. Незнакомый мужчина, назвавшийся неким Кохой, сказал, что знает, где находится саркофаг с телом ее мужа и готов оказать услугу, но за это потребовал 600 тысяч швейцарских франков. Уна сообщила полиции о звонке вымогателя. Ее попросили продолжить вести с ними переговоры и пообещали прислать сотрудника с подслушивающей и записывающей аппаратурой, который проинструктирует, как вести разговор с преступником дальше.

Уна О'Нил, дочь известного американского драматурга Юджина О'Нила, была пятой женой знаменитого актера. Она познакомилась с ним на съемках фильма «Призрак и действительность» в 1942 году, когда ей едва исполнилось 17 лет, а знаменитому мэтру было 52 года. Она влюбилась в Чаплина и захотела выйти за него замуж. Сенсационная новость обошла все газеты мира. Ее отец был категорически против, он требовал

возвращения дочери в Штаты и, когда она отказалась, перестал с ней общаться. Но брак оказался на редкость удачным. Уна заявила репортерам, что карьеру актрисы она завершает и хочет посвятить себя полностью семье. Она родила Чаплину троих сыновей и пять дочерей. Последняя дочка появилась на свет в 1961 году, когда великому комику исполнилось уже 72 года…

Следующий телефонный звонок Уни от того же Кохи последовал буквально на следующий день. Она услышала все то же предложение о выкупе гроба за 600 тысяч швейцарских франков… Голос требовал не связываться с полицией, в противном случае… Телефонную трубку тотчас положили. Эти утомительные, выматывающие душу переговоры продолжались ровно месяц. Полиция насчитала 26 звонков. И каждый раз технические специалисты старались зафиксировать исходную точку, их интересовало место, оттуда они производились. Похоже, звонили из телефонной будки. Но вымогатели были осторожны, каждый раз они звонили из нового места и очень быстро завершали разговор.

И все же бандиты допустили ошибку. На 27-й звонок и чуть затянувшийся разговор приборы показали – швейцарский город Лозанна, телефонная будка номер… Этого было достаточно. Полицейские были наготове, и захватить преступников не составило особого труда. Ошеломленные внезапным появлением полиции у телефонной будки, двое парней не оказали никакого сопротивления.

Вымогателями оказались двадцатичетырехлетний безработный автослесарь Роман Вардас, поляк по происхождению, и тридцативосьмилетний автомеханик Ганчо Ганев, болгарский эмигрант. На допросах они признались, что идея выкопать гроб с телом Чарли Чаплина пришла им после того, как узнали из газет о краже гроба с телом миланского богача Сальваторе Матарессы и требовании за него выкупа. Идея показалась им стоящей. Они отправились на кладбище Веве и изучили могилу Чаплина. Место уединенное, тихое, никто не помешает. Они решили гроб не выкапывать, а, наоборот, закопать поглубже и сверху засыпать землей. Затем по телефону сообщить вдове о краже, получить выкуп и потом открыть тайну. Но ночью, когда они уже заметно углубились, началась гроза, дождь лил как из ведра. В яму натекло много воды. Свинцовый гроб они едва сдвинули с места. Что делать? Им пришлось вытащить его на поверхность. С большими усилиями, проклиная все на свете, они протащили его через всю территорию кладбища и погрузили в свой автофургон, перевезли на пшеничное поле недалеко от деревеньки Новилль. Там и закопали. Вымогатели в точности указали новое место

перезахоронения Чаплина. В конце концов свинцовый саркофаг выкопали, отвезли в Веве, но погребли в другом месте кладбища и сверху закрыли почти двухметровой бетонной плитой. Теперь можно было быть уверенными, что никто не отважится потревожить покой великого актера.

Злоумышленники получили сравнительно небольшие сроки: Вардас – 4,5 года тюрьмы, Ганев – 1,5 года условно. Вердикт суда гласил: «За нарушение покоя усопших и попытку вымогательства». На временной могиле Чаплина на пшеничном поле его владелец фермер из деревеньки Новилль поставил деревянный резной крест с изображением тросточки…

Операция «Паутина»

В Москве, на Тверской улице, 14, расположен продовольственный красавец гастроном «Елисеевский», знаменитый на всю страну. Он открылся в январе 1901 года. Тогда же за богатый интерьер и широкий ассортимент товаров получил название «Продуктовый дворец». В советское время его называли «храмом дефицита». В 1972 году его директором был назначен Юрий Константинович Соколов. При нем «Елисеевский» не потерял своей марки, снабжался не хуже, чем в былые годы. Но в 1982 году директора «храма дефицита» арестовали… за хищения в особо крупных размерах, за взятки его приговорили к высшей мере наказания.

Это необычное уголовное дело государственной важности, названное «Паутина», можно классифицировать как коррупционно-политическое. Его раскрытием и последовавшими за этим арестами высокопоставленных чиновников занимались не представители Министерства внутренних дел, а чекисты, сотрудники Комитета государственной безопасности. О начавшемся процессе докладывали непосредственно руководителю КГБ Юрию Владимировичу Андропову, возглавлявшему эту организацию 15 лет. Он хорошо знал о многих вопиющих нарушениях социалистической законности, о взятках высших государственных и партийных деятелей.

Одряхлевший Генсек ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в 1982 году уже не управлял страной. На смену ему мог прийти его приближенный всемогущий министр внутренних дел Николай Щелоков, имевший высокие звания генерала армии, доктора экономических наук, Героя Социалистического Труда. Место Брежнева мог занять также и первый секретарь МГК КПСС, член Политбюро Виктор Гришин. Их требовалось нейтрализовать.

Буквально за десять дней до смерти Брежнева, который скончался 10 ноября 1982 года, был арестован директор «Елисеевского» Соколов и его заместители. Это был сигнал к началу большой чистки. Он означал, что эпоха Брежнева закончилась, приближенные к нему и запятнавшие себя люди быстро потеряют свои посты. Так и случилось. Андропова вскоре избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, все нити руководства страной он сосредоточил в своих руках. По агентурным данным, полученным им еще в период работы в КГБ, министр МВД Щелоков был самым коррумпированным человеком не только в правоохранительной системе, но и в государстве. На него, его родственников и близких друзей оформлялись десятки квартир,

для него и его окружения строились многоэтажные дачи, создавались специальные закрытые магазины, приобретались автомашины, в том числе импортные, в виде подарков передавались бриллиантовые украшения, слитки золота. Все траты осуществлялись за государственный счет. Общий масштаб нанесенного ущерба достигал огромной по тем временам суммы – около миллиона рублей.

Интерьер Елисеевского гастронома

Но это не все. Дефицитные продовольственные товары Щелокову и его близким доставляли прямо из «храма дефицита», из «Елисеевского». Там же отоваривались московские партийные руководители, директора крупных предприятий, генералы, некоторые выдающиеся артисты, художники, музыканты. В закрытых кабинетах магазина передавались конверты с деньгами в обмен на пакеты с дефицитными продуктами. Требовалось раскрыть механику масштабной коррупции.

Едва Соколов выехал за границу, как в «Елисеевском» произошло короткое замыкание. Свет восстанавливали «электрики» из КГБ. Вмонтированные ими секретные аппараты аудио– и видеозаписи, миниатюрные аппараты для прослушивания телефонных переговоров позволили собрать огромный компрометирующий материал. Выяснилось, что причастными к этому преступлению оказались также важные

чиновники московского руководства, среди них – начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома Николай Трегубов, он же близкий друг Щелокова, председатель мосгорисполкома Владимир Промыслов, первый секретарь Московского горкома партии, член Политбюро Виктор Гришин. С Соколовым поддерживали связи дочка Брежнева, Галина, ее муж Чурбанов, он же заместитель Щелокова.

Но арестованный Соколов не признавал себя виновным, никаких имен не называл. Очевидно, ждал помощи от своих покровителей, в том числе от Гришина, Щелокова, Чурбанова. Требовалось его разговорить. С этой целью в начале декабре 1982 года за злоупотребления служебным положением был снят с должности министра МВД Щелоков. На его место назначили Виталия Федорчука, работавшего ранее в КГБ. Щелокова лишили всех званий и наград, исключили из партии. Впереди были арест и суд. 13 декабря 1982 года Щелоков покончил с собой. Итак, одно из главных препятствий на пути операции «Паутина» было устранено. Виктор Гришин не стал вмешиваться, он сам был дискредитирован и молчал, опасаясь отставки.

Расправиться в этих условиях с Соколовым, другими арестованными директорами столичных магазинов, работниками торговли, обвиняемыми во взятках в особо крупных размерах, не предстояло большого труда. Под следствие попали тысячи должностных лиц. Нанесенный ими ущерб исчислялся свыше 3 миллионов рублей, сумма взяток превышала 1,5 миллиона. Арестованным были предъявлены вещественные доказательства их вины. Соколов наконец понял, что новые властители хотят от него признания и тогда наказание не будет слишком суровым, он же участник Великой Отечественной войны, имел награды. Бывший директор «Елисеевского» стал рассказывать о схемах получения продовольственного дефицита и его продажи. Излишки товаров получались обычным способом «усушки-утряски», когда хорошие товары списывались в гниль или в более низкий сорт, а также разного рода приписками на уменьшение веса, объема. Но главное, Соколов начал называть новые имена, в том числе из всемогущих органов. Это оказалось для него роковым.

Процесс длился два года. Оставлять такого «знающего» человека в живым даже за решеткой было слишком опасно. В газетах сообщалось о найденных на дачах высоких деятелей «торговой мафии» десятках тысяч рублей, облигациях, ценных ювелирных украшениях, дорогой зарубежной технике, публиковались письма трудящихся, требовавших наказания взяточников по всей строгости закона. На закрытом заседании

Верховного Суда СССР Соколов был приговорен к высшей мере наказания. Приговор он встретил спокойно. Писать прошение о помиловании отказался. Он понимал, что оказался жертвенной «пешкой» в условиях смены власти одного Генсека другим.

14 декабря 1984 года приговор был приведен в исполнение. Соколов был единственным казненным человеком в операции «Паутина», все остальные отделались лишением свободы от 11 до 14 лет. Пришедший после скончавшегося в феврале 1984 года Андропова новый Генсек Черненко, по сути, свернул всю работу правоохранительных органов по дальнейшему расследованию скандального дела. Операция «Паутина» тихо завершилась.

Электрический стул для маньяка

О своем бывшем друге, ставшем жесточайшим насильником и убийцей, автор нескольких книг по криминальной истории Америки Энн Рул писала следующее: «Это был симпатичный, образованный молодой человек. Я не могла себе представить, что он окажется маньяком. Его внимательный взгляд и улыбка вызывали доверие». Этот образованный и вызывавший доверие молодой человек колесил по штатам США, находил красивых девушек, насиловал их, убивал, а трупы развозил по разным местам. Полицейские долго не могли напасть на его след. Попался он чисто случайно.

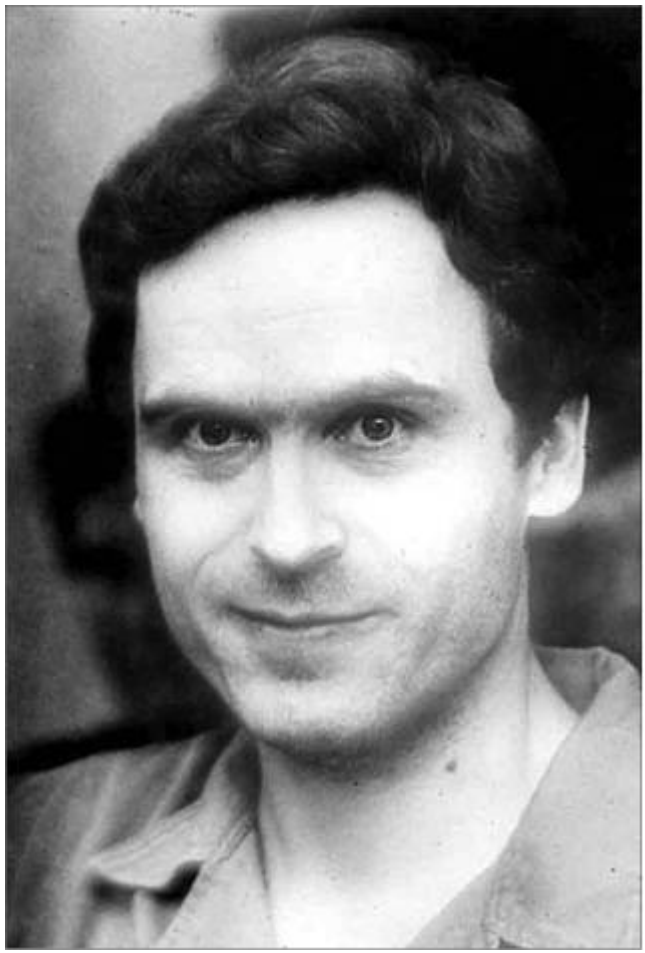
С юных лет Тэд, так звали Теодора Роберта Банди близко его знавшие, был застенчивым и неуклюжим парнем. Он стеснялся девушек, не знал, как себя с ними вести, о чем разговаривать. Позднее свой интерес к женскому полу он удовлетворял рассматриванием порнографических журналов. Особенно ему нравились сцены, в которых мужчины выступали в роли насильника, безоговорочного хозяина, а женщины были их жертвами, исполняли роль сексуальных рабынь. Позднее девушки, которые имели интимные связи с Тэдом, отмечали его страсть к жестокому сексу, к насилию в постели, ко всяким извращенным трюкам…

В детстве и юности у Тэда было нормальное окружение. Он был типичным американским школьником, прилежно учился, выступал за школу по легкой атлетике, в выходные подстригал газоны. Его мать, Луиза Коуэлл, родилась в благопристойной и уважаемой семье. Она воспитывала сына одна, с отцом Тэда, ветераном Второй мировой войны, рано разошлась. Поселившись недалеко от Сиэтла, Луиза вышла замуж за повара военного госпиталя, человека спокойного, любившего детей и старавшегося заменить Тэду отца.

Энн Рул отмечала, что в начальной биографии у Теодора Банди не было никаких оснований для соскальзывания на криминальный путь. Все превращение происходило в его голове, заполненной картинками из непристойных журналов, поощрявших садистские наклонности. Именно поэтому на девушек он стал смотреть как на свои жертвы. Свою истинную сущность жестокого насильника и убийцы он артистично прикрывал улыбкой и приятным общением.

Он освоил безупречный способ знакомства. Действовал в естественной обстановке днем на улице. Загипсовав себе правую руку, на остановке автобуса он походил к блондинке, брюнетке,

шатенке и, улыбнувшись и представившись, просил помочь ему донести до машины небольшой чемоданчик, обещая подвезти. Девушки не завались вопросом, почему молодой человек не просит помощи у парней. Симпатичный, улыбчивый… Они почти никогда ему не отказывали. По пути к машине он, представившись ученым, шутил, завоевывал расположение. И девушки сами садились в его машину…



Т.-Р. Банди

Но ехал он не по указанному ими адресу, а в нужном ему направлении. И когда девушка проявляла беспокойство, он моментально «больной» рукой накидывал ей на шею нейлоновый чулок, затягивал его и ждал, когда случайная попутчица потеряет сознание…

Считается, что первой его жертвой стала двадцатиоднолетняя

Линда Энн Хилли, студентка юридического университета в Сиэтле. Последний раз ее видели в университете 31 января 1974 года. Спустя год на восточной лесной окраине города, среди вороха опавших листьев, нашли ее труп. Преподаватели университета недоумевали, кто мог так жестоко поступить с Линдой. Полиция не сумела отыскать преступника, слишком много времени прошло с момента убийства.

Через несколько месяцев там же были обнаружены еще три женских трупа. Все жертвы были студентками. 12 марта того же года студентка Донна Мэнсон ушла на концерт и не вернулась, 17 апреля восемнадцатилетняя Сьюзен Ренкорт отправилась в кинотеатр и домой не пришла, 6 мая исчезли Роберта Парке, Бренда Болл, 16 июня – Джорджина Хокинс. Всем им было от 18 до 22 лет. Тела их долгое время не были найдены.

…После школы Тэд поступил в университет Сиэтла, осваивал профессию юриста. Но ему недоставало усидчивости, серьезного отношения к предметам. В 1967 году, когда ему исполнилося 21 год, он неожиданно бросил учебу, уехал в Калифорнию, стал изучать китайский язык в Стэнфордском университете. Но китайский у него не пошел… В 1969 году он перебрался в Филадельфию, продолжил занятия по юриспруденции, увлекся психологией. Эти переезды из одного конца страны в другой произвели на него большое впечатление. Он понял, что на этих просторах можно легко избавиться от любого трупа. Его никто никогда не найдет.

В 1971 году Банди устроился консультантом в центре помощи жертвам насилия в Сиэтле. Вместе с ним на «горячей линии» работала Энн Рул. Банди подготовил научный труд о насильниках и их жертвах. В нем он писал: «Многие насильники выдают себя за больных людей. Это обман. Насильники убеждены в том, что они сильнее, поэтому безнаказанно могут навязать свою волю слабым». Энн Рул была с ним согласна.

В августе 1974 года, после того, как в Сиэтле прокатилась волна насилий и убийств девушек, Тэд Банди ушел из реабилитационного центра. Он уехал в штат Юта. Там устроился в университетскую юридическую школу. Серийные убийства начались и там. 2 октября на работу не пришла семнадцатилетняя официантка, она исчезла. 16 октября ушла из дома и пропала семнадцатилетняя Мелисса Смит. Спустя несколько дней в придорожной канаве был обнаружен ее обнаженный труп. 8 ноября исчезла Деби Кент, тоже 17 лет. Во всех случаях на шее убитых полицейские находили нейлоновый чулок, с помощью которого их душили. С этого момента убийца получил прозвище Нейлоновый Чулок.

Одной из жертв насильника, двадцатилетней Кэрол Даронч, удалось спастись, она на полном ходу выпрыгнула из его машины. Она была первой, кто дал его подробное описание: мужчина 28–30 лет, приятной актерской наружности, с черными волосами, по виду нисколько не похож на насильника и серийного убийцу. Его внешние данные, способ убийства – нейлоновый чулок, который стал особой приметой, попали в картотеку. Однако полученное описание полицейским помогло мало. Тэд Банди уехал в штат Колорадо и с января по апрель 1975 году убил там четырех женщин.

Банди попался случайно – сержант дорожной полиции подъехал к машине, в которой кто-то спал. Водитель показался ему подозрительным. Полицейский попросил его открыть багажник. В нем обнаружил лыжную маску, ледоруб, наручники и нейлоновые чулки. Женские нейлоновые чулки? Зачем они мужчине? Банди был арестован, его препроводили в участок. Там приступили к допросам. Наручники, ледоруб и нейлоновый чулок еще ничего не доказывали. Юрист Банди хорошо знал законы. Но когда полицейские стали проверять его личность по картотеке, то схватились за голову – этот человек подозревался в серии убийств в штате Юта, похоже, это его прозвали Нейлоновый Чулок. Убийства таким образом были отмечены еще в Сиэтле. Затем он оставил свои следы в других штатах, в том числе Колорадо.

Готовился судебный процесс. Банди тоже готовился к нему. Он попросил привести его в библиотеку для ознакомления со справочными материалами. Когда его привели туда, он попытался бежать, выпрыгнул со второго этажа. Его поймали, посадили в одиночную камеру, и он снова стал искать способ бежать. И нашел – через вентиляционную камеру, но для этого надо было подпилить решетку и основательно похудеть. Банди потерял в весе почти 14 килограммов. Затем он подпилил решетку вентиляционной камеры и буквально ввинтился в ее отверстие…

Оказавшись на свободе, Банди буквально озверел. Он уехал во Флориду. Там в городе Талахассе в одноэтажном женском студенческом общежитии он устроил кровавое побоище: за одну ночь 15 января 1977 года убил двух девушек, еще двух избил и покалечил. С места преступления он уехал на угнанной машине. Последней его жертвой стала восьмилетняя Кимберли Линч, которую он похитил из школы и садистки убил, а тело подбросил в свинарник. 15 февраля 1978 года полицейские остановили машину, находившуюся в угоне. В ней сидел Теодор Банди. Они узнали этого молодого человека по приятной внешности и доверчивой улыбке. В багажнике его машины были обнаружены женские нейлоновые чулки….

Судили Теодора Роберта Банди в городе Гэйнсвилле, штат Флорида. Процесс вызвал огромный интерес во всей стране. Преступником-маньяком оказался высокообразованный профессиональный юрист, проявивший страшные садистские наклонности, и никто из его коллег-юристов этого не заметил. Банди стал помогать следствию, он подробно рассказывал о своих злодеяниях. Всего от его рук погибло 36 девушек и детей. Его показания и «опыт» изучался прокурорами и судьями. Разбирательство затянулось на несколько лет. И тем не менее в адрес красавчика Банди приходили жалостливые письма от сердобольных женщин, готовых его простить, вызволить из тюрьмы, готовых выйти за него замуж… Он на самом деле женился на одной из них, которая даже родила ему дочь… Но от приговора на электрическом стуле новоиспеченного супруга это не спасло. 24 января 1989 года в семь часов утра палач включил рубильник.

Сексуальный изувер

Известие о поимке в Ростове-на-Дону в 1990 году страшного изувера, монстра, серийного убийцы на сексуальной почве Андрея Романовича Чикатило вызвало повышенный профессиональный интерес не только у работников правоохранительных органов, но и у психиатров. Как мог спокойный в быту семейный человек с высшим образованием скрывать свою вторую сущность патологического маньяка? Он был несчастливо женат? Нет. По его словам, любил жену, детей. А вот на поиск жертв его тянула какая-то внутренняя сила. Он жаждал «разгрузиться». Ученые из западных стран предлагали многие тысячи долларов, чтобы после казни преступника выкупить его мозг. Он нужен был им для исследования феномена этого сексуального отклонения.

Его хотели видеть миллионы людей. Каков он по внешности? Похож на жуткую обезьяну? На зубастого крокодила? Что за уникальный серийный убийца, предавший страшным казням десятки детей, девушек, поедавший их половые органы. Общий список убитых им зашкаливает за 60 человек. Как мог появиться такой невообразимый урод в СССР? Разве здравомыслящий, вполне нормальный человек, способный отвечать за свои поступки, каким представили его медики, дошел бы до такого звероподобного состояния?

Милиция вынуждена была взять в оцепление здание Ростовского областного суда, где 14 апреля 1992 года перед судьями предстал высокий, заурядной внешности, очень скромный человек, вовсе не урод. Но как он себя вел? Чикатило изображал сумасшествие, кричал, оскорблял судей, обнажал свои половые органы, говорил, что он беременный, что ему надо кормить детей. Он нес несусветную чушь, проявил себя истериком, пытаясь таким образом защитить себя. Не удалось. Проводившаяся трижды судебно-медицинская экспертиза доказала его полную вменяемость. Правда, в этом есть одна судебная тонкость. Если бы его признали не совсем психически здоровым (а он таковым и был), то его пришлось бы освободить от наказания и лечить. А этого как раз правоохранительным органам и общественности вовсе не хотелось.

Позже он пришел в себя. Понял, где находится и что от него хотят, стал отвечать на вопросы по существу, рассказывал подробности о своем несчастном детстве, о совершенных им диких насилиях. Говорил, что страдал в детстве от чрезмерной застенчивости. Девушки ему нравились, а дотронуться до них

боялся. Не знал, как с ними заговорить. Эта патология развивалась постепенно, он плохо контролировал себя, чрезмерно концентрировался на невидимой никому сексуальной стороне жизни. Его раздражали и приводили в повышенное возбуждение юные тела девочек и мальчиков. Он видел их одетыми, а представлял голыми, его непреодолимо тянуло к ним. Страдая от сексуальной неудовлетворенности, он кидал в портфель нож, веревку и уходил на поиски жертвы…

Как выяснили в дальнейшем психологи, на его характер и развитие его личности оказали влияние тяжелая жизнь в семье, сильные переживания в юности. Он рано узнал, что ушедший на фронт и оказавшийся в плену отец был изменником Родины. Он видел насилие над матерью немцев, пришедших в Сумскую область Украины, где они жили. Он видел много жуткого в юности, но много подобного в юности видели и его сверстники. Однако они не стали маньяками. Так что это вопрос не только наследственности, но и накопления позитивных качеств человека, умения ими дорожить и правильно распоряжаться. А позитивного в его скрытном характере было мало, постепенно оно замещалось звериным инстинктом.

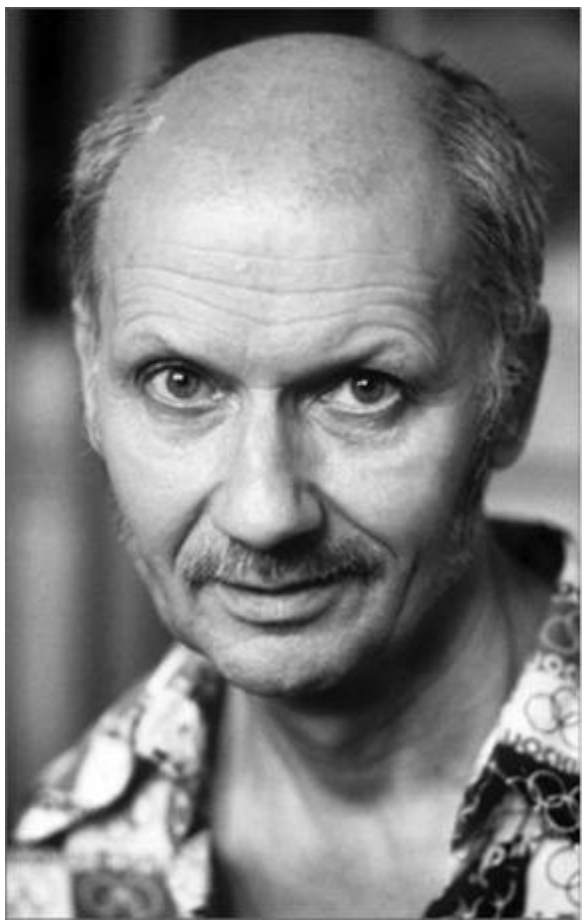
Он родился в 1936 году. В 1946 году, когда был голод, на улицу не выходил, боялся, что его поймают и съедят. Так его запугали. После окончания школы он пытался поступить в МГУ, но не прошел по конкурсу, служил в армии, затем окончил училище связи, работал по специальности. В 1964 году женился и поступил на филологический факультет Ростовского-на-Дону университета. Закончил еще педагогический институт по курсу марксизма-ленинизма, стал работать преподавателем русского языка в Новошахтинске, а в 1978 году переехал в город Шахты Ростовской области и в том же году совершил свое первое преступление: заманил жвачкой девятилетнюю девочку к себе в мазанку, совершил над ней жестокое насилие, исколол ножом, задушил, а тело выбросил.

Это событие подняло на ноги буквально всех жителей. Убийцу искали по всему городу. Следователи проверяли чуть ли не каждого мужчину. Чикатило не показался им подозрительным и способным на убийство. Взяли другого, некоего Кравченко, который отсидел ранее 10 лет за изнасилование. Его приговорили к высшей мере наказания.

Чикатило, знавший обо всех этих событиях, затаился. Три года он терпел. Потом не выдержал и уговорил семнадцатилетнюю проститутку пойти с ним в лесополосу. Там он над ней надругался и убил. Через год он убил двенадцатилетнею девочку. Схема была похожа: знакомство на автовокзале, на станции

электричек, обещание дать одинокому ребенку конфеты, какой-либо подарок, чтобы тот добровольно пошел с ним в рядом расположенную лесополосу. В 1982 году он совершил семь убийств детей в возрасте от 9 до 16 лет. Причем каждое сопровождалось дикими извращениями – он колол жертвам глаза, чтобы не видеть их взгляда, отрезал гениталии, душил веревкой, снова колол ножом…

В 1984 году Чикатило убил уже 15 человек, всего число его жертв превысило тридцать. И в тот же год он поступил на работу в ростовское предприятие по энергоавтоматике. Его часто направляли в командировки. Он с удовольствием уезжал из дома, это позволяло ему маневрировать: везде он находил время, чтобы завести очередную жертву, девочку или мальчика, в лесополосу.



А.Р. Чикатило

Милиция всюду разыскивала преступника. Его задерживали и

отпускали – кровь не соответствовала той группе спермы, которую обнаруживали на теле жертв. В 1985 году он переехал с семьей в Новочеркасск, стал работать инженером. К поимке серийного убийцы подключились, наконец, московские следователи. Искали упорно, отмечая общий почерк– убитых находили в лесополосах, рядом с ростовской областной железной дорогой. Это были деяния явно одного человека. Искать его следовало в местных электричках. Переодетые молодые сотрудницы милиции, изображая жриц любви, которых сопровождали переодетые милиционеры, участвовали в его поимке, но убийца был неуловим. Он продолжал зверствовать вплоть до 1990 года.

За время его розысков милиция опросила свыше 200 тысяч подозреваемых лиц, попутно было раскрыто свыше тысячи различных преступлений. Но Чикатило не попадался. Его последней жертвой оказалась двадцатидвухлетняя проститутка, которую он убил 6 ноября 1990 года недалеко от станции Донлесхоз. Когда он вышел из леса, его остановил патруль проверить документы. На грибника в измазанной одежде, каким он себя представил, не был охож, но задерживать повода не нашлось. Фамилию Чикатило и адрес записали и отпустили. Через несколько дней, когда милиционеры обнаружили в лесополосе тело убитой девушки, тотчас вспомнили о Чикатило. Его следовало проверить. Милиционеры устроили за ним слежку. И увидели, как этот пожилой человек отправлялся на автовокзалы, на железнодорожную станцию и знакомился там с одинокими девочками и мальчиками. Его арестовали 20 ноября.

Чикатило обвинили в 53 убийствах. Больше доказать не смогли, хотя по многим показателям он был убийцей более 60 человек, просто среди них оказались лица без оседлого образа жизни. Его приговорили к смертной казни. Он писал многочисленные жалобы, просьбы о помиловании, но все его прошения были отклонены. 14 февраля 1994 года Чикатило расстреляли в Новочеркасской тюрьме.

Как арабы немецкий банк взяли

Немецкий универсальный банк «Коммерцбанк», основанный в 1870 году, по величине своих активов считается крупнейшим в Европе. Большинство попыток его ограбления заканчивались провалом. И все же однажды грабители сумели подобрать к нему «ключи». Это произошло летом 1995 года в Берлине, в районе Целендорф. Несколько арабов вместе с молодым немцем тайно взломали подвальное хранилище отделения банка и вынесли оттуда 15 миллионов марок! По подготовке и технике исполнения этот налет не имеет аналогов в мировой криминальной истории.

В небольшой пивнушке в районе Целендорфа к молодому крепкому немцу подсели два араба. Выпили, разговорились. Немец оказался безработным. Ему предложили временное участие на небольшой частной стройке и предупредили, что вкалывать придется по 15 часов, без оформления, но оплата неплохая, за неделю до тысячи марок. Большие деньги. Только никому об этом ни слова. На работу привозят и увозят. Парень согласился. Его посадили в «форд», завязали глаза, куда-то повезли. Потом пересадили в «фольксваген-фургон», снова кружили по городу. Наконец остановились. Повязку сняли, машина стояла в закрытом гараже.

Ему показали инструмент – лом и лопату, сказали, что придется вгрызаться в землю, сначала вниз, потом рыть тоннель. Его напарниками будут братья-арабы. И главное – никому ни слова, иначе… Арабы взяли в руки ломы, немец поднял лопату. Работа оказалась изнурительной, они копали землю, грузили в мешки, кто-то вывозил их из гаража, ворота в который все время оставались закрытыми. Шла неделя, вторая, третья. Когда готов был глубокий шурф и несколько метров горизонтальной штольни, арабы немного разговорились. Так немец узнал, что прибыли они оба в Берлин из Дамаска, столицы Сирии. У себя на родине обучались военному делу – взрывать, стрелять, бороться врукопашную. В Германии торговали автомобилями. Потом встретились с новым хозяином, он предложил им выкопать тоннель.

«А зачем ему этот тоннель?» – впервые поинтересовался немец.

Братья переглянулись, поговорили между собой по-арабски. Потом еще раз взяли с немца слово молчать. Их наняли, чтобы прорыть многометровый тоннель в коммерческий банк. Сперва они войдут в городскую канализацию, оттуда до банка метров

сто. Пробьют стену подвального хранилища, очистят ячейки и так же по подземному ходу вернутся в гараж, из которого все с деньгами разъедутся в разные стороны. Немец остолбенел. Участвовать в ограблении банка он никак не собирался. Он всегда уважал закон и порядок, а тут такое… Арабы заметили перемену в его настроении.

«Ты можешь отказаться, у тебя есть время. Мы тебе заплатим, и ты уходи. Но если откроешь рот, – оба вытащили из-за пазухи револьверы, – мы тебе его закроем. Навсегда».

У немца наступил тяжелый период. Он не мог поделиться своими тяжелыми думами со своей подругой, которой приносил деньги, видел ее радостное лицо, слышал разговоры о том, что теперь они смогут жить вместе, поменяют старую мебель, купят машину. И немец остался на стройке.

Внезапно им пришлось остановить работу – наткнулись на бетонную стену. Такую ломом не прошибешь, только отбойными молотками. А вдруг наверху их услышат или земля просядет? Это был большой риск. Ночью провели осмотр сверху. Оказалось, что наткнулись на канализационный люк. Что делать? Рано утром выгнали «фольксваген-фургон», наехали на люк и стали якобы менять колесо. Один из арабов прополз к люку, снял с него крышку. Внизу он обнаружил кирпичный подземный ход, от которого уходила металлическая труба диаметром всего 60 сантиметров. По трубе текла зловонная жидкость – канализация. Но эта труба направлялась в сторону банка! Они прорыли тоннель вокруг люка и поползли в зловонной трубе… Им понадобились новые инструменты: более яркая подсветка, дрели, вентиляционные шланги, резиновая экипировка, противогазы, режущие металл пилы. Им предстояло ползти в этой жуткой трубе 100 метров туда и обратно!

Наверху их все же услышали. Владелица модного салона, который располагался рядом с отделением «Коммерцбанка» почувствовала в полу какую-то странную вибрацию. Она вышла на улицу – вокруг никаких строительных работ не велось. Вернулась – пол гудел. Она позвонила на метеостанцию. Там ответили, что никакого землетрясения нет и не предвидится, посоветовали обратиться в полицию. Она набрала номер местного участка. Рассказала о трясении пола, полицейский предложил пригласить врачей для освидетельствования ее психического состояния… Женщина возмутилась, но тут вибрация внезапно прекратилась, и она успокоилась.

Кадр из художественного фильма, посвященному берлинскому ограблению

Тайна странной вибрации раскрылась через несколько дней, когда пошли проливные дожди и брусчатка перед самым входом в модный салон «поехала» и просела. На целый метр. На место происшествия прибыли чиновники из местной управы, пожарные, полицейские, строительные рабочие. Место провала оцепили. В толпе любопытных трое молодых парней, один немец и двое арабов, с напряжением ждали дальнейших действий. Строители убрали брусчатку, насыпали песок и снова все уложили. Полный порядок. Молодые люди облегченно вздохнули и отправились в гараж на работу.

Ползание в стометровой зловонной трубе с мешками, наполненными землей, подорвало их силы, парни похудели, еле двигались. Неведомый шеф пожалел «строителей», выдал им премию и предложил пару недель отдохнуть, а потом пообещал помощников.

Когда до банка оставалось метров двадцать, арабы стали готовить немца к новой роли. «Ты будешь у нас переводчиком», – сказали они ему. Увидев недоуменный взгляд немца, объяснили: «Ты с нашими друзьями нападешь на банк сверху, возьмешь заложников. Мы внизу очистим ячейки, дадим вам сигнал к отступлению и все вместе уползем в гараж, где поделим деньги и разъедемся».

Немец остолбенел во второй раз. Теперь он понял, что его хотят оставить без куска от большого пирога. Арабы заберут деньги, уползут, а для прикрытия оставят его вместе с заложниками. Полиция схватит его одного! Что было делать? Не

заявлять же в полицию? Тоннель приближался к банку. Для проверки верности выбранного направления они снизу вбивали тонкий металлический стержень, отыскивали его наверху, спускались вниз и продолжали работу.

Вскоре тоннель уперся в стену банка. Час нападения приближался. Из 170-метрового тоннеля убрали все шланги, инструменты. Неведомый хозяин снова разрешил сделать перерыв и выдал премию.

Наконец он появился в гараже. Неведомый хозяин назвал свое непонятное имя и распределил роли. План такой: парни в камуфляжной черной одежде с черными масками на лицах, с оружием в руках, на фургоне подъезжают к банку, мотор не выключают, врываются, кричат, надевают заложникам мешки на голову, приковывают их наручниками и забирают все деньги, какие найдут. Внизу другая группа чистит подземные сейфы. Верхняя группа ведет переговоры с полицией. Когда им привезут еще несколько миллионов, их нужно будет спустить вниз, откуда их вынесут по тоннелю. Затем по сигналу все сверху также через тоннель уходят. Полицейские будут ждать их наверху. Они побоятся брать банк штурмом – жертвы никому не нужны. Сбить с толку должен будет оставленный наверху фургон с включенным мотором. Времени достаточно, чтобы в гараже поделить добычу и всем разъехаться. Навсегда.

Нападение было назначено на утро 28 июня. Все происходило примерно так, как намечал хозяин. Они ворвались в банк, уложили всех заложников на пол – их было 16 человек, привели директора и через него записками вели переговоры с полицией, которая тут же выставила оцепление вокруг банка. Нападавшие потребовали привезти им 2 миллиона марок. Иначе они убьют одного заложника. Им привезли. Полицейский в одних плавках принес директору мешки с деньгами. Потом потребовали еще 3 миллиона. Иначе пристрелят двух заложников. Им снова привезли. Время перевалило за полдень. Потом нападавшие потребовали 12 миллионов и автомобиль с включенным двигателем. Иначе взорвут помещение… Полицейские подумали и пообещали привезти деньги к 17 часам.

В это время грабители внизу выносили мешки с деньгами и ценностями, полицейские же наверху разрабатывали сценарий нападения на банк и освобождения заложников. Люди были главное. Переговоры продолжались до темноты. Потом внезапно из банка перестали поступать какие-либо сигналы. Полицейские выждали еще некоторое время, а потом решили штурмом взять помещение. Они ворвались в зал, но, кроме заложников с мешками на головах, там никого не было. И, только спустившись

в подвальное хранилище, они обнаружили вскрытые ячейки, пробитую в стене дыру и уходивший в темноту тоннель…

Со временем нашли всех исполнителей. Слишком много оставили они следов в помещении банка, в гараже, в машинах, в тоннеле. Берлинские полицейские знали свое дело. Захватили даже мнимого хозяина. Как выяснилось, каждый участник ограбления «заработал» от 30 до 100 тысяч марок. Всем участникам ограбления дали по 15 лет. Однако на свободе остался, как предположили полицейские, главный организатор всей операции, его мозговой центр. У него остались и все мешки с миллионами.

«Благородный» рецидивист

Известный в криминальной среде России Сергей Александрович Мадуев, он же Али Филани, Сергей Шпак, Червонец, а по рождению Али Арбиевич, считался «благородным» налетчиком. Он мог вызвать «скорую» тому, кого внезапно ограбил, не забирал последние деньги у нуждавшимся. С таксистами рассчитывался только червонцами. Но за его «благородными» поступками скрывался обычный расчет – создать о себе славу особого разбойника, вроде английского Робин Гуда. На самом деле это был циничный уголовник, убийца, которого даже свои называли «беспредельщиком».

Несчастливое детство, отсутствие нормальных родителей сформировали его уличный, шпанистый характер и дальнейшую жесткую философию вора. Его отец был ссыльный чеченец, оказавшийся в Северном Казахстане, куда отправляли на поселение репрессированных Сталиным горцев, а мать – кореянка. Отца несколько раз судили за разные провинности, мать занималась спекуляцией. Отец не интересовался ни детьми, ни женой и в 1962 году оставил свою семью, мать в очередной раз оказалась за решеткой. Шестилетнего Али вместе с малолетними сестрами отправили в детский дом. Среди сверстников маленький Али выделялся своей живостью, правда, он не стеснялся залезать в чужие карманы. Да, внешне это был симпатичный малыш, но внутри звереныш.

Когда он бежал из детдома и куда, теперь уже никто не вспомнит. С матерью жить он не захотел. Оказавшись на улице, четырнадцатилетний Али примкнул к парням, которые занимались торговлей анашой, мелким грабежом. Его использовали как наводчика. Он искал барыг, скупщиков краденого, узнавал, где чем можно поживиться. Свой первый срок – 6 лет лишения свободы – Али схлопотал в 1974 году, его восемнадцатилетнего осудили за групповой грабеж. Так началась новая тюремная жизнь, в которой его воспитателем была криминальная среда.

На свободе Али пробыл недолго, всего год, связался с какой-то шайкой, участвовал в налете и убил человека. Снова суд, который определил наказание в 15 лет лишения свободы, снова камера, снова зона и снова знакомые лица уголовников. Говорят, что на зоне он держался в стороне от общего клана, «строил» из себя «барина», требовал себе какие-то особые условия. С воли дошли сведения, что он обчистил своих же, забрал «общак» ташкентских и тбилисских воров. Они приговорили его к смерти.

А Али никого не боялся. И когда на него напали сразу 12 уголовников, сумел от них отбиться.

С.А. Мадуев, он же «Червонец»

Его выпустили в 1987 году по амнистии в честь 70-летия Октябрьской революции, только жить ему определили исключительно в Талды-Кургане Алма-Атинской области. Он бежал. На воле Червонец, так его стали тогда величать, сколотил банду, которая специализировалась на грабежах подпольных миллионеров. Это было очень разумно. Ограбленные в милицию, как правило, не обращались, опасаясь расследования и срока за неправедно нажитое имущество.

В 1989 году Червонец познакомился с Романом Чернышевым, который был близок ему по духу и на несколько лет стал его напарником. Вместе они ездили по разным городам, в том числе в Новосибирск, Астрахань, Грозный, не брезговали посещать небольшие областные поселения и везде совершали налеты. Мадуев любил «наведываться» к хозяевам днем, когда все были дома. Хозяева под дулом пистолета могли указать, где лежат

деньги. Затем бандиты покидали места преступлений.

В городке Каменске-Шахтинском Ростовской области Мадуев и его подельник Чернышев забрались в дом обеспеченного человека Шалумова. Вся семья, на беду, оказалась в сборе. Мадуев потребовал у хозяина открыть багажник автомашины. Тот открыл. Из него они вытащили 92 тысячи рублей. Шалумов не выдержал, бросился на бандитов, и его убили ножом. Попытавшуюся оказать сопротивление жену Шалумова задушил Чернышев. Деньги взяли, но от злости, что после себя им пришлось оставить «мокруху», подожгли дом. В нем сгорел младший сын Шалумовых.

Из Ростова бандиты рванули в Ленинград. Там по наводке они нашли квартиру подпольной предпринимательницы, которая торговала золотом, ее звали Роза Юрих. Они пришли к женщине днем, когда дома были люди. Но Юрих отказалась показывать, где лежат деньги. Тогда бандиты выстрелили в нее, забрали 134 тысячи и спокойно удалились. В общей сложности за два года они совершили свыше 60 разбойных нападений и несколько убийств.

Оперативники все же вышли на след Мадуева. Это произошло в Ташкенте 8 февраля 1990 года. Червонца окружили и потребовали сдаться. Но не тут-то было. Между милиционерами и Мадуевым с Чернышевым завязалась перестрелка. Чернышева убили, а Мадуева успели обезвредить. Его отправили в Ленинград, где проводилось следствие. И тут случилось совершенно неожиданное. Его дело вела следователь прокуратуры Наталья Воронцова. Он сумел разжалобить ее рассказами о тяжелом детстве, убеждал, что грабил только богатых, как английский Робин Гуд. Женщина ему поверила, пожалела, стала испытывать к нему чувства. Он же уговорил ее принести ему в камеру наган, так как собирался бежать. Обещал никого не убивать, а на свободе исправиться. И снова следователь прокуратуры поверила ему, принесла наган и прочие необходимые для побега вещи.

Утром 9 мая 1991 года Мадуева собирались отправить в Москву. Когда из камеры его повели в следственный изолятор, он вытащил наган, выстрелил вверх и велел конвоирам встать к стенке. Захватив в заложники одного из офицеров, Мадуев направился к выходу. Но поднятые по тревоге сотрудники перекрыли все выходы. Мадуев выстрелил, ранил одного конвоира, потом наган дал осечку, он был вынужден сдаться.

Дело приняло скверный оборот. Стали выяснять, кто мог принести в камеру Мадуеву наган. Сначала Мадуев и Воронцова все отрицали. Но потом Мадуев поступил подло – сдал свою «любовь», следователя прокуратуры. В 1992 году ее приговорили

к семи годам лишения свободы. (После отбытия срока наказания она уехала на Украину.) В 1994 году Мадуев снова предпринял попытку бегства, но выскочить из камеры ему помешали. Теперь ему вполне определенно грозила высшая мера наказания.

Дело Мадуева снова рассматривалось в 1995 году уже в Санкт-Петербурге. На суде он вел себя спокойно, говорил, что во всем виновато его беспутное детство, им никто не занимался и что теперь он готов искупить свою вину трудом, просил сохранить ему жизнь. Его признали виновным по 25 эпизодам, связанным с разбоями, грабежами, убийствами, покушениями на убийство, и приговорили к высшей мере наказания. В общей сложности он заслужил три высших наказания. Во время процесса зал судебного заседания охраняли восемь солдат охраны с автоматами и собаками. Приговор зачитывали три дня.

Однако Мадуева не расстреляли – подоспел мораторий на смертную казнь. Его отправили в Оренбургскую область, где он содержался в местной колонии. Там же в декабре 2000 года он умер от диабета и сердечной недостаточности. Его преступная жизнь и «любовь» к следователю прокуратуры послужили материалом для создания художественного фильма «Тюремный романс» с Александром Абдуловым и Мариной Неёловой в главных ролях, который вышел на экраны в 1993 году.

Ограбление XXI века

Грабители в Европе особые, они любят маскироваться. Эта уловка позволяет им выполнить задуманное. Вечером 21 февраля 2006 года Колин Диксон, управляющий денежного хранилища, расположенного в Тонбридже, небольшом городке графства Кент на юго-востоке Великобритании, возвращался на своей «ниссан-альмере» домой. Полицейского он заметил издалека. Тот приказал ему остановиться. Законопослушный Диксон остановился, протянул документы. Его попросили пройти в автофургон «форд-транзит». В нем находились еще двое полицейских. Когда он сел, ему тотчас одели наручники и со словами: «Это ограбление, делай дальше, что мы тебе скажем, и не поднимай шум, иначе…» – к виску приставили ствол.

Так началась напряженная эпопея с заложниками, с ограблением денежного хранилища, известного как английский депозитарий общества «Секьюритас Кэш Менеджмент», с поиском преступников, розыском огромной суммы денег и долгим судебным процессом. Диксона не повезли сразу в депозитарий. Грабители знали, как на него воздействовать. Диксона повезли на ферму, где его связали и допросили. Затем «полицейские» отправились к нему домой, где ждали его жена и восьмилетний сын. «Полицейские» позвонили. Вышедшей женщине они сказали, что ее муж попал в тяжелую автоаварию, ей срочно вместе с сыном надо проехать на опознание. Испуганная женщина взяла сына и поспешно двинулась за полицейскими. Они сели в автофургон, и их привезли на ферму. Там обоих привели к связанному мужу и отцу…

К депозитарию связанных Колина, его супругу и сына везли в том же автофургоне. За ним следовали отобранная у Диксона «ниссан-альмера» и «вольво». «Полицейские» переоделись в черные свитера, на лица натянули черные шапочки с прорезями для глаз, в руки взяли автоматы и гранаты. Теперь они выглядели как настоящие грабители. Шестеро молодых крепких мужчин вышли из машин. Двери депозитария никогда бы перед ними не раскрылись, если бы не знакомый служащим голос управляющего Диксона, в ребра которому с обеих сторон уперлись стволы. Все остальное происходило как в типичном фильме-боевике. Бандиты ворвались в зал, всех разом положили на пол. Сотрудников вместе с охранниками оказалось 14 человек. Их связали, а потом затащили в огромные сейфы, бросили там и заперли снаружи.

Работа предстояла тяжелая, наличных денег кругом было видимо-невидимо. Шестеро спортивных парней бегали как

заведенные. Они доверху забили свой фургончик металлическими контейнерами и мешками, но все забрать не смогли. Приказав служащим не предпринимать никаких действий, если хотят остаться в живых, все кругом якобы заминировано, грабители покинули депозитарий. Часы показывали три часа ночи уже 22 февраля.

Только под утро кто-то из служащих сумел освободиться от пут. Он, хоть и опасался якобы разложенных кругом гранат, все же выбрался в зал, отыскал ключи от сейфов, отпер двери и освободил остальных, в том числе семью Диксона. Прибывшие после тревожного сообщения об ограблении депозитария полицейские графства Кент, попросили все подробно рассказать, описать преступников, марки автомобилей, нахождение фермы и указать примерное количество вывезенных денег.

Поиск преступников велся по горячим следам. Утром по телевидению уже показывали брошенные автофургон с пустыми мешками и контейнерами, оставленные машины Диксона и «вольво». Общая сумма вывезенных денег была неслыханной – 53 миллиона фунтов стерлингов (около 100 миллионов долларов). В депозитарии оставалось еще 153 миллиона фунтов стерлингов. Вывезти их грабители не смогли физически. Все деньги принадлежали Банку Англии. Такого в криминальной истории Великобритании еще не было. Журналисты тотчас окрестили все произошедшие «ограблением XXI века». Кто мог совершить его, какие хитроумные профессионалы?

В это трудно поверить, но операцию ограбления депозитария вместе со своими подельниками осуществил не профессионал грабитель, а известный в Британии профессиональный спортсмен, боец по борьбе без правил двадцатишестилетний Ли Мюррей, которого не раз показывали по телевидению, на которого болельщики возлагали большие надежды. Почему? Зачем? В чем он нуждался? Эти вопросы задавались уже потом, после поимки четырех членов банды, после ареста еще восьми людей, в той или иной степени причастных к этому преступлению, когда все они сидели в зале суда и… не желали давать признательные показания.

Ли Мюррей «Молния»

Надо отдать должное оперативной работе сотрудников Скотленд-Ярда. Детективы действовали грамотно. Прежде всего изучили записи камер видеонаблюдения. Вся картина ограбления предстала им как на ладони. Руководил действиями грабителей человек спортивного телосложения, было видно, как он подгонял всех. Детективам стало ясно, что к ограблению был причастен человек, который знал о работе депозитария, о хранившихся в нем деньгах. Этого человека они вычислили быстро – им оказался сотрудник службы собственной безопасности. Оставленные преступниками следы в самом депозитарии, на ферме, в том числе полицейская форма, маски, брошенные машины, автофургон позволили за короткий срок установить причастность еще двух участников ограбления: владельца фермы и человека, изготовившего тончайшие пластиковые маски. Это была женщина, Мишель Хогг, профессиональный гример. Хогг согласилась сотрудничать со следствием.

Между тем круг подозреваемых сужался. Четырех грабителей арестовали буквально одного за другим. Тогда же удалось выяснить имя главного организатора операции – им оказался известный в стране спортсмен Ли Мюррей, полное имя – Ли

Ламарни Ибрахим Мюррей, прозванный Молнией. Для публики это был шок. Как могло такое случиться? Почему популярный человек пошел на преступление? Но Мюррея уже не было в Великобритании. Как установили следователи, вместе со своим другом Полем Алленом, также активным участником нападения, он скрылся в Марокко, где принял марокканское подданство. Очевидно, вместе с ним туда отправилась и большая часть похищенных денег. Детективы отыскали только треть, около 20 миллионов фунтов стерлингов.

Судебный процесс по «ограблению XXI века» начался в Лондоне 27 июня 2007 года и длился с перерывами до 2010 года. На скамье подсудимых в общей сложности оказалось около 15 человек. Четверо из них, участники ограбления, по степени тяжести содеянного были осуждены на 20, 15 и 10 лет лишения свободы. Но на этом судебное расследование не закончилось. Британские власти хотели видеть за решеткой главного организатора, Ли Мюррея.

Сделать этого, однако, так и не удалось. Между Великобританией и Марокко не существует договора об экстрадиции преступников. Тем не менее по заявлению британских судебных властей Мюррей и Пол Аллен в 2010 году были арестованы и отправлены в марокканскую тюрьму. Со временем Пола Аллена, у которого не было гражданства Марокко, удалось вернуть. В настоящее время он отбывает срок в британской тюрьме.

А Ли Мюррей? Как он, спортсмен, мог опуститься на уровень преступника? В процессе следствия выяснилось, что Мюррей с детства был связан с криминальной средой. Он враждовал со своим отцом, выходцем из Марокко, нередко брался за нож, вместе с Алленом принимал наркотики и торговал ими. Потом Мюррей приобщился к спорту. В 2000 году он женился и посвятил себя боевым искусствам, во многих схватках выходил победителем. Но прежняя криминальная среда его не отпускала. Знакомство с охранником депозитария в Тонбридже подсказало идею ограбления. Примерно полгода ушло на разработку операции. Он разбогател, находится пока на свободе, но все его «друзья», участники «ограбления XXI века», были схвачены, осуждены и отбывают свои сроки. Какая судьба ждет находящегося в марокканской тюрьме Мюррея, пока неизвестно. Известно, что живется ему там очень неплохо.